

ПЕРМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

**ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА
И ОБРАЗОВАНИЕ:
ТЕНДЕНЦИИ И ИННОВАЦИИ**

**Сборник конкурсных
научно-исследовательских
работ студентов**

Пермь 2023

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПЕРМСКИЙ ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ФИНАНСОВ
НАУЧНО-КОНСУЛЬТАЦИОННЫЙ ЦЕНТР «PARADIGMA»
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ИЖ-ЛОГОС»
УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ИННОВАЦИИ

**Сборник
конкурсных научно-исследовательских
работ студентов**

Пермь 2023

УДК 801.8+37

ББК 80+74

Ф54

Филологическая наука и образование: тенденции и инновации [Электронный ресурс]: сборник конкурсных научно-исследовательских работ студентов / под ред. профессора С. В. Шустовой; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2023. – 4,48 Мб; 310 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/filologicheskaya-nauka-i-obrazovanie.pdf>. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-7944-3977-9

В предлагаемом сборнике конкурсных научно-исследовательских работ студентов представлены материалы, освещающие современные тенденции в лингвистике, переводоведении, лингвокультурологии, теории дискурса и лингводидактике. Издание адресовано аспирантам, магистрантам, студентам, а также всем, кто интересуется проблемами филологии и лингводидактики.

УДК 801.8+37

ББК 80+74

*Издается по решению ученого совета
факультета современных иностранных языков и литератур
Пермского государственного национального исследовательского университета*

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

Шустова С. В., доктор филологических наук, профессор,
Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь;
Зеленина Т. И., доктор филологических наук, профессор,
Удмуртский государственный университет, г. Ижевск;
Файзилова Г. В., доктор филологических наук, профессор,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань

РЕЦЕНЗЕНТЫ

Боднарук Е. В., доктор филологических наук, профессор, Северный (Арктический)
федеральный университет имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск;
Кошкарлова Н. Н., доктор филологических наук, профессор,
Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

ISBN 978-5-7944-3977-9

© ПГНИУ, 2023

УДК 81'42

Анастасия Дмитриевна Ефимовских

факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА В РАССКАЗЕ Х.Э. ПАЧЕКО «LA FIESTA BRAVA»

В настоящей статье анализируются функционально-стилистические особенности художественного дискурса в рассказе Х.Э. Пачеко «La fiesta brava». Под дискурсом понимается совокупность вербальных высказываний, социально устойчивых и культурно обозначенных традиций, сформулированных в результате социального взаимодействия и коммуникативных практик. Использование стилистических приемов и различных форм эмоционального синтаксиса привлекают читательское внимание, воздействуют на читателя и способствуют его погружению в художественный мир произведения. Цель исследования – выявить функционально-стилистические особенности рассказа. Сделан вывод о наличии повествовательной рамки, интертекстуальности, исторических событий и персоналий, а также об использовании смешанного повествования в рассказе Х.Э. Пачеко.

Ключевые слова: дискурс, художественный дискурс, повествование в рамке, интертекстуальность, поток сознания, смешанное повествование.

Введение

К изучению дискурса обращались многие ученые, и актуальность его изучения сохраняется и сегодня. С. Харрис является одним из первых, кто употребил термин «дискурс» в статье «Анализ дискурса», опубликованной в 1952 г. [Гуо Хуиян 2017: 483]. Под дискурсом понимается совокупность вербальных высказываний, социально устойчивых и культурно обозначенных традиций, сформулированных в результате социального взаимодействия и коммуникативных практик.

Основная часть

В настоящей статье мы обратимся к исследованию художественного дискурса. Н.С. Олизько выделяет следующие отличительные особенности художественного дискурса: «сближение элитарной и массовой культур, активное смешение художественных языков, стилей и жанров, цитатность, игровое начало, акцентированная поливариантность и толерантность, обеспечивающая суверенность «другого», активизирующая творческий потенциал адресата как со-творца и актуализирующая процессы самоорганизации произведения» [Олизько 2011: 165]. Именно использование стилистических приемов и различных форм эмоционального синтаксиса привлекают читательское внимание, воздействуют на читателя и способствуют его погружению в художественный мир произведения.

Таким образом, цель настоящего исследования – определить функционально-стилистические особенности художественного дискурса в рассказе Х.Э. Пачеко «La fiesta brava» (1972), которые помогают автору как взаимодействовать с читателем, так и воздействовать на него (см. также [Химинец, Чагина 2019; Чагина 2019, 2020, 2021]).

Заметим, что для писателя Х.Э. Пачеко характерна заинтересованность темами, связанными с историей. Он размышлял о времени и конце существования. Его работам свойственно глубокое развитие темы о человеке и его жизни. Рассказ «La fiesta brava» входит в сборник «El principio del placer».

Главным героем произведения является мистер Келлер, американец, участник войны во Вьетнаме, который, живя в Мексике, открывает для себя тайны доиспанской культуры. Рассказ представляет собой повествование в рамке, то есть повествование, которое находится внутри другого повествования. Об этом свидетельствует наличие вводной части рассказа в виде объявления, которое похоже на небольшой фрагмент газеты, и ещё одной истории, описывающей читателю все события целиком.

Повествовательная рамка позволяет поднимать вопросы или возражения по поводу содержащейся в ней истории, а также связывает воедино несколько сюжетов. Этот прием помогает автору предоставить читателю свою собственную интерпретацию текста. Читатель сам сможет выявить точки соприкосновения между собственным пониманием текста и картиной мира автора. Например, Х.Э. Пачеко заканчивает свой рассказ следующими словами:

«El capitán Keller ya no alcanzó a escuchar el grito que se perdió en la boca del túnel. Andrés Quintana se apresuró a subir las escaleras en busca de aire libre. No pudo ni siquiera abrir la boca cuando lo capturaron los tres hombres que estaban al acecho».

Представляется, что через указанный фрагмент текста автор переплетает события, случившиеся с первым героем – рассказчиком мистером Келлером – и вторым героем – рассказчиком Андресом, о котором мы узнаем после представленной вначале истории. Позднее мы также узнаем, что именно Андрес и был автором написанной истории. Конец рассказа можно было бы интерпретировать не только смертью Келлера, который был принесен в жертву, но и будто бы намеком на то, что и самого автора рассказа о бывшем военном ждет та же участь после того, как его схватили трое мужчин.

Опираясь на повествование в рамке, можно заключить, что написанная Андресом история – вымысел. Получается, что перед нами – вымысел внутри другого вымысла, где один действует как «достоверная реальность», в то время как другой текст определяется как «вымысел». Тем не менее, пространство двух историй переплетается, пересекается, а грань между ними размывается: *«en seguida pensó: ese cuento no es mío, / otro lo ha escrito, / acabo de leerlo en alguna parte. / O tal vez no»*. Автор не уверен в том, что рассказ является его собственностью, откуда он знает эту историю. Подтверждение этому обнаруживаются и позднее:

«Ya todo se ha escrito. Cada cuento sale de otro cuento».

Именно это и доказывает наличие внутренней интертекстуальности в рассказе Х.Э. Пачеко.

Внешняя интертекстуальность проявляется через отсылки к известным личностям и событиям. Так, рассказ «La noche boca arriba» упомянутый в работе Х.Э. Пачеко, является отсылкой к действительно существующему произведению Хулио Кортасара. Также в тексте упоминается рассказ Х.Л. Борхеса «Los funerales de la Mamá Grande» и др.

Повествовательная форма тоже обладает рядом значимых особенностей. Для начала стоит отметить, что история состоит из трех частей, причем II и III части будут разделены на сегменты. I и III части представляют собой рассказ об исчезновении Андреса Кинтаны, мексиканского писателя; II же фрагмент повествует историю, написанную Андресом Кинтаной, об американском туристе, который исчезает в Мексике. С одной стороны, все три части независимы; с другой – они тесно связаны и дополняют друг друга.

Представляется необходимым рассмотреть хронотоп рассказа и определить, в какой эпохе в истории Мексики разворачивается действие. Отсылка к месту и времени действия обнаруживается уже в заглавии рассказа «La fiesta brava». Название может ни о чем не говорить русскоязычному читателю, однако оно является отсылкой к серии со-

бытий, имеющих непосредственное отношение к социальной и политической жизни Мексики. *La fiesta brava* в переводе с испанского языка на русский означает *бравый праздник* или *праздник храбрых*.

Существует еще одно значение – коррида. Первая коррида или бой быков была проведена в Мексике 19 августа 1529 г. в честь падения Теночтитлана, за восемь лет до окончательной победы Э. Кортеса. Упоминание Теночтитлана также присутствует в рассказе, что снова подчёркивает значимость той эпохи в произведении:

«aquí está casi todo lo que sobrevivió a la destrucción de México-Tenochtitlan, la gran ciudad enterrada bajo el mismo suelo que, señoras y señores, pisan ustedes».

Можно заметить, что упоминание происходит через двойное название города. М. Бахтин в одной из своих работ отметил, что «...Время сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым, пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [Бахтин 1975: 235].

Использование такого двойного названия непосредственно связано с пространственно-временной организацией текста, именно таким образом автор через двойное название города объединяет временное пространство настоящего (современного автору Мехико) и прошлого (Теночтитлана доиспанской культуры).

Другой значимой отсылкой к культуре ацтеков является упоминание образа Коатликуэ:

«la imagen implacable de Coatlicue, madre de todas las deidades, del sol, la luna y las estrellas, diosa que crea la vida en este planeta y recibe a los muertos en su cuerpo».

Известно, что она представлялась у ацтеков как богиня земли и плодородия, как богиня смерти, ведь земля способна поглощать всё живое. Ей также был посвящен отдельный храм, что говорит о значимости богини в религии ацтеков. В рассказе Келлер буквально очарован ею, и она вызывает более сильный отклик в его душе по сравнению с другими экспонатами музея.

Еще одной особенностью рассказа Х.Э. Пачеко «La fiesta brava» является стилистическое своеобразие внутреннего рассказа. Автор прибегает к использованию такого приёма, как «поток сознания». Писатель намеренно отказывается от традиционного повествования, с привычными читателю пунктуацией и структурированием речи, чтобы окунуть читателя в ход мыслей героя, обнажить его внутренний мир.

В рассказе при использовании такого приема доминируют «изменяемые чувства, полифония мироздания, мгновения ускользающей жизни» [Пигулевский 2002].

Использование такого приема, как «внутренний монолог», также можно встретить в рассказе. В повествовании внутренний монолог выполняет роль передачи невысказанных мыслей и чувств читателю. Например:

«Me traje a su terreno. / Va a demostrarme su poder. / Él ha cambiado. / Yo también. / Ninguno de los dos es lo que quisiera haber sido».

Рассматривая линию событий, можно выяснить, что присутствует несколько повествователей: есть «всезнающий» повествователь и есть герои, которые берут на себя функцию повествователя, когда рассказ ведётся от первого лица. Другими словами, повествование в рассказе ведётся то от первого лица, когда герои сами рассказывают свою историю:

*«Sea como fuere, Andrés le decía a Hilda por las noches, mi vocación era escribir y de un modo o de otro la estoy cumpliendo! Además **no quiero competir con los escritorzuelos mexicanos inflados por la publicidad; noveluchas como las que ahora tanto elogian los seudocríticos que padecemos, yo podría hacerlas de a diez por año, ¿verdad?»**; то от третьего, когда рассказ ведёт невидимый всезнающий повествователь: «**Estaba en Praga cuando sobrevino la invasión soviética de 1968. Lo último que supieron Hilda y Andrés fue que había emigrado a Washington y trabajaba para la OEA**».*

В рассказе также есть повествование от второго лица. Уникальность использования повествования с введением второго лица заключается в том, что автор через рассказчика дает возможность читателю почувствовать себя одним из персонажей, тем самым смешивая вымысел и реальность.

Стоит отметить, что подобный приём в литературе встречается довольно редко, т.к. считается тяжеловесным. Например: *«usted, capitán Keller, siente la paz del deber cumplido».*

Таким образом, можно наглядно увидеть, как Х.Э.Пачеко взаимодействует с читателем.

Заключение

После анализа рассказа Х.Э. Пачеко «La fiesta brava» на основе выделенных в статье функционально-стилистических особенностей художественного дискурса был сделан вывод о том, что в истории Х.Э. Пачеко раскрывается богатая культурная история Мексики доко-

лониальной эпохи; автор прибегает к использованию таких художественных и повествовательных приёмов, как «поток сознания» и внутренний монолог.

При анализе рассказа было выявлено наличие повествовательной рамки – рассказа в рассказе, а также использование смешанного повествования: рассказ ведётся от третьего и первого лица, а также от второго лица, что считается довольно редким явлением. Кроме того, рассказ Х.Э. Пачеко интертекстуален и наполнен отсылками как к другим произведениям, так и к важным историческим событиям и персоналиям, что подчеркивает личностную заинтересованность автора в истории Мексики.

Список литературы

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.

Олизько Н.С. Художественный дискурс как полилог автора, читателя и текста // Филология. Искусствоведение. 2011. № 60. С. 164–166.

Пигулевский В.О. Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму / научное издание. Ростов-на-Дону: Фолиант, 2002. 418 с.

Хуян Г. Особенности дискурса художественного произведения // Молодой ученый. 2017. № 20 (154). С. 483–486.

Химинец Е.М., Чагина А.П. Противопоставление национальных вариантов испанского языка и его сохранение в переводе романа М. Пуига «Крашенные губки» // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 4. С. 50–55.

Чагина А.П. Авторские сноски в системе романа Мануэля Пуига «Поцелуй женщины-паука» // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 1. С. 104–107.

Чагина А.П., Проскурнин Б.М. Образ Хеди Ламарр как сюжетобразующий фактор романа Мануэля Пуига // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 3. С. 94–101.

Чагина А.П. «Проклятие» языка в романе М. Пуига «Maldicion eterna a quien lea estas paginas» // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 83–88.

Pacheco J.M. Fiesta brava URL: <https://narrativabreve.com/2018/09/cuento-fiesta-brava-pacheco.html> (дата обращения: 13.01.2023).

УДК 81'42

Анастасия Юрьевна Каракулова

факультет современных иностранных языков и литератур,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,

г. Пермь, Россия

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ИСПАНИИ

На мировой арене в последнее время значительно возрастает роль России как самой большой и обладающей огромным потенциалом развития страны. В публицистике западноевропейских стран, в частности в Испании, преобладают материалы, направленные против российского президента и политики России. В статье рассматриваются три категории, которые находятся в центре внимания зарубежных журналистов: «Президент России и его деятельность», «Политическая система России», «Представление о деятельности России за рубежом». В статье рассмотрены языковые средства, с помощью которых представлены данные категории в испанских онлайн-газетах. Цель данной статьи – выявление языковых средств, обладающих манипулятивным потенциалом и используемых испанскими СМИ для создания образа России.

Ключевые слова: дискурс, публицистический дискурс, метафора, фразеологические единицы, политика, манипулятивные средства.

Введение

Термин «дискурс» является многозначным и имеет множество определений. Приведем одно из них: это «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, экстралингвистические факторы – знания о мире, мнения, установки, цели адресанта, необходимые для понимания текста» [Белянин 2009: 193]. Речевая деятельность, обозначаемая словом «дискурс», может касаться любой сферы жизни общества: экономики, политики, религии, любой другой области.

Выделяют множество видов дискурса: религиозный, политический, публицистический, экономический, рекламный и т.д. Что касается публицистического дискурса, он связан с жизнью общества, социальными событиями, поэтому является наиболее ярким, динамичным и открытым. Г.Н. Немец рассматривает данный вид дискурса

как методологический конструкт, который направлен на «сбор, обработку и распространение социальных знаний в обществе» [Немец 2010: 90].

Основная часть

Исследователи указывают на расширение влияния официальных цифровых СМИ, которые в настоящее время «играют важную роль в формировании имиджа государств и их международного политического авторитета, а также в укреплении взаимных дипломатических отношений между правительствами в эпоху глобализации» («ODMs play an important role in shaping the image of States and their international political authority, as well as in strengthening mutual diplomatic relations between governments in the era of globalization. ») [Ramírez, Gegelova, Grabelnikov 2021: 48]. Кроме того, правительства управляют своим имиджем через высказывания влиятельных национальных деятелей, политических и общественных лидеров.

Исследуя публицистический дискурс, невозможно обойти стороной вопрос о манипулятивном потенциале языковых средств, с помощью которых представители власти могут оказывать влияние на мнение общественности. Ю.Ю. Суханов отмечает, что целью политического дискурса является «удержание и завоевание власти» [Суханов 2017: 147].

Рассматривая роль средств художественной выразительности в данном виде дискурса, Т.С. Гусейнова указывает на ту роль, которую играют в нем фразеологические единицы. Журналисты «... могут формировать эмоциональный и оценочный настрой в обществе и подвигать большие массы читателей ... посредством языковых знаков ... Одними из таких знаков являются ... фразеологические единицы» [Гусейнова 2018: 63]. Статьи, в которых преобладает использование фразеологических единиц, в сознании читателя вызывают определенный ассоциативный ряд, вызывающий эмоции и отклик.

Согласно Ж.Р. Сладкевич, публицистический дискурс насыщен различными средствами выразительности: аллегориями, сравнениями, эпитетами, литотой, однако метафора является наиболее доступным способом передать субъективное мнение или оценку, при этом, не вызывая излишней когнитивной нагрузки у реципиента. Будучи «вездесущим признаком языка», метафора применяется журналистами, чтобы создать в сознании читателей яркий и легкий для восприятия образ [Сладкевич 2012: 334].

Исследователь подчеркивает манипулятивную функцию метафоры, так как основной задачей автора является убеждение адресата в своей правоте. Однако не только фразеологизмы могут быть средством воздействия на сознание человека. К ним относятся также «метафора, метонимия, эвфемизм, расширение и ограничение смысла, изменение смысла и транспозиция» («...la metáfora, la metonimia, el eufemismo, la ampliación y la restricción de significado, la alteración de significado y la transposición...») [Алимова 2014: 14].

К.В. Кучеренко отмечает особую роль, которую имеют «слова-стереотипы, слова-символы и слова-слоганы» в испанском политическом дискурсе. Это наиболее значимые единицы в сфере манипуляции общественным сознанием. К ним можно отнести следующие примеры: «España», «territorio», «país» и др. Примером слов-слоганов является лозунг Народной партии Испании: «España va bien – (с нами) Испания идет верным курсом». Слова-символы представлены словами «estado» – государство, «nación» – нация, «pueblo» – народ [Кучеренко 2012: 256–258].

А.С. Олейников и В.А. Славина подчеркивают роль стереотипов как манипулятивного средства в публицистическом дискурсе, поскольку именно благодаря стереотипам определен образ в сознании читателя не только формируется, но и подчеркивается и укрепляется. Так, например, наиболее известными стереотипами о России являются слова «медведь», «матрешка», «балалайка» [Славина, Олейников 2018: 449].

Следует отметить большое внимание, которое уделяется в современном мире России международной прессой. Наша страна является крупной мировой державой, действия которой на мировой арене вызывают массу критики, споров, дебатов. Исследование образа России в публицистическом дискурсе Испании было осуществлено на материале статей испанской прессы, опубликованных в период с 5.02.2021 г. по 14.10.2021 г.

В качестве источников были использованы национальные испанские онлайн-газеты «El País» и «El Mundo». В ходе целенаправленной выборки были выявлены три наиболее распространенных в испанской прессе категории: президент России и его деятельность, политическая структура России и деятельность России за рубежом.

Рассмотрим категорию «президент России и его деятельность». Иностранные журналисты утверждают, что с приходом к власти Владимира Путина политические должности стали занимать его друзья детства и хорошие знакомые, прошедшие проверку на верность: *Las*

normas del club de millonarios de Putin: obediencia al líder y abstinencia política – Правила клуба миллионеров Путина: подчинение лидеру и политическое воздержание (здесь и далее перевод наш – А.Ю.). При описании Владимира Путина журналист использует такую лексику: «*colaboradores leales*» («верные» соратники), «*las normas*» («правила»), «*obediencia*» («послушание, подчинение») и «*abstinencia*» («воздержание, умеренность»).

Отмечается ирония по отношению к политической системе России: *Los oligarcas, magnates y poderosos que manejan la economía de Rusia se saben la lección...* – Олигархи, магнаты и влиятельные лица, управляющие экономикой России, усвоили урок... Выражение «*se saben la lección*» («усвоили урок») создает образ прилежных учеников, сидящих за партой и усваивающих правила поведения: не перечить главному лицу страны. Автор статьи играет на антонимии, чтобы подчеркнуть роль президента в стране: *Fue el despojo de una clase oligárquica y la creación de otra casta. – Это было разрушение олигархического класса и создание другой касты.*

Определенный образ в сознании испанских читателей создает также упоминание о профессиональной деятельности президента России до того, как он занял этот пост. Испанский публицист упоминает о том, что Владимир Путин является «*бывшим агентом КГБ*» – «*...antiguo agente del KGB...*», что объясняет его желание окружить себя «*верными соратниками*».

Текст статьи содержит выражение «*у ha ido entregando a personas de su círculo ... un gran pedazo de pastel de las concesiones públicas*» («*он отдавал людям из своего окружения ... большой кусок пирога с общественными льготами*»). Выражение «*урвать свой кусок пирога*» несет отрицательную коннотацию, т.к. человек, урвавший кусок пирога, пойдет на все, чтобы добиться своего. Люди, получившие этот «*кусочек пирога*», «*un gran pedazo de pastel*», названы «*людьми Путина*», «*los hombres de Putin*». Такая метафора наделяет образ президента негативными чертами: создается впечатление своего рода мафии, правящей страной.

В статье содержится характеристика государственной власти России: «*...el Gobierno en la sombra...*» – «*теневое правительство*», что вызывает ассоциации с секретной группой людей, обманывающих простой народ и ворующих их деньги. Слово «*la sombra*» («*тень*») дает понять, что в российской политике не всё прозрачно. В статье мы видим, как представляют российских чиновников: «*“sirvientes ricos” de Putin*» («*богатые слуги Путина*»).

Статья «*Rancias maniobras de Putin*» рассматривает методы, которые, по мнению журналистов, использует президент для управления страной. Заголовок статьи привлекает внимание читателя: «*Затхлые манёвры Путина*». С помощью соединения эпитета «*rancias*» («*затхлые, несвежие*») и лексически окрашенного слова «*maniobras*» («*маневры*») испанские СМИ показывают, что методы президента уже устарели, а желание сохранить власть сохранилось.

Владимира Путина представляют «*методичным политиком*» – «*un político metódico*», который использует «*неортодоксальные меры*» – «*medidas cuando menos heterodoxas*», а иногда прибегает к «*произвольным и авторитарным*» методам – «*arbitrarias y autoritarias*». В сознании испанского читателя формируется образ авторитарного правителя, которому нельзя перечить. Кроме того, испанский журналист заявляет, что сотрудники полиции, прокуратура и другие работники госслужбы получают «*неожиданные дополнительные выплаты*» – «*una inesperada paga extra*».

Прилагательное «*inesperada*» («*неожиданные*») имеет ироничную коннотацию. Это подтверждается в следующем высказывании: пенсионеры получают выплаты с «*явно предвыборным ароматом*» – «*con aroma inequívocamente preelectoral*». Причем получают выплаты «*две большие группы, которые могут иметь решающее значение*» – «*dos grandes grupos que pueden ser decisivos*», а именно сотрудники правоохранительных органов и пенсионеры. Иными словами, вознаграждают только тех, кто может значительно повлиять на ход выборов.

Таким образом, представление о деятельности нашего президента в России и за рубежом довольно двойственное, хотя негативные характеристики преобладают. Это «*методичный*» правитель, которому нельзя и слова поперек сказать, в противном случае – голова с плеч. В своем окружении он видит только проверенных временем людей – «*люди Путина*», но даже они не могут вмешиваться в политику без его ведома. Создается такой образ преимущественно с помощью метафор и эпитетов, обладающих максимальным манипулятивным эффектом.

Рассмотрим следующую категорию – «*политическая система России*».

Обратимся к статье из газеты “El Mundo” “*España cuestiona que Rusia sea una democracia tras comparar al opositor Alexei Navalny con los independentistas en España*” – “*Испания поставила под сомнение демократию России после сравнения оппозиционера Алексея Навального со сторонниками независимости в Испании*”.

В подзаголовке статьи мы видим ответ министра иностранных дел Испании своему русскому коллеге: «*En España no hay presos políticos. Hay políticos presos.*» – «В Испании нет политических заключенных, есть заключенные политики». Такая игра слов является одним из сильных средств манипуляции общественным сознанием.

Испания рассматривает Россию как страну с неполноправной демократией, а Россия, в свою очередь, не считает Евросоюз «надежным партнером» – «*un socio fiable*». Согласно статье, визит Жозепа Борреля, испанского политика, в Россию происходил «на фоне разногласий по поводу ареста и осуждения Навального, а также арестов тысяч протестующих» – «*...en medio de la polémica por el arresto y condena de Navalny y la detención de miles de manifestantes*».

Следующая статья из газеты El Mundo посвящена выборам новых членов Государственной Думы в России, поэтому статья косвенно касается также президента России: «*Comunistas al alza y partidos "títere" en unas elecciones rusas que no prometen cambios*» – «Коммунисты на подъеме и «партии-марионетки» на выборах в России, которые не обещают никаких изменений». Символичное слово «марионетки», «títere» подчеркивает, что на российских выборах об альтернативных выборах не может быть и речи.

Метафора «*comunistas al alza*» («коммунисты на подъеме») создает впечатление о коммунистах, которые априори стали бы победителями на выборах. Более того, испанский журналист Хавьер Колас при описании партии коммунистов употребляет метафору «*vive un momento dulce*» («живет сладким моментом»), т.е. довольствуется своим положением. Метафора сопоставима с русским фразеологизмом «как сыр в масле кататься».

В испанских СМИ утверждают, что выборы – «увекочивание» российского президента – «*la "eternización" de Putin*». В статье утверждается, что президент стремится провести на высшем посту власти «более четверти века» – «*más de un cuarto de siglo*». Испанские журналисты провокационно заявляют: «...россияне **должны** осознавать, что альтернативы нет.» – «...los rusos **deben** asumir que no hay alternativa posible». Модальные глаголы, в том числе глагол «deber», также являются одним из способов манипуляции.

Рассмотрев эту категорию политики, можно смело утверждать, что политический образ России в Испании является далеко не привлекательным. Российская Федерация, с точки зрения Испании, представляет собой государство, которое не достигло определенного уровня развития, что, безусловно, негативно влияет на статус России на между-

народной арене. Несмотря на свою отсталость в развитии Россия, тем не менее, вмешивается во внутреннюю политику других стран. Журналисты довольно иронично описывают политическую структуру России, намекая на «вечного» президента и отсутствие демократии в стране. Сформировать такой образ помогают широко используемые метафоры и стилистически окрашенные слова.

Последняя рассматриваемая категория – «представление о деятельности России за рубежом». Провокационный заголовок статьи «*Rusia, el vecino difícil*» из газеты El País дает понять отношение стран-соседей к России. Фраза создает образ проблемного соседа, с которым сложно жить рядом. Далее следует введение в статью, в котором употреблено сравнение: «*las repúblicas soviéticas perdidas*» – «*потерянные советские республики*». Россия считает их своим «задним двором» – «*su patio trasero*», поскольку они всегда находятся в распоряжении России, несмотря на их суверенитет.

Автор статьи рассказывает о своем путешествии от Северной Кореи до Норвегии, чтобы узнать у жителей этих стран, «*что значит иметь самую большую страну в мире в качестве соседа*» – «*qué significa tener como vecino al país más grande del mundo*». Другие страны представляют Россию как огромную страну с богатейшими ресурсами. Это подтверждает употребленный автором эпитет: «*interminable frontera de Rusia*» – «*бесконечная граница России*».

Согласно автору статьи, Кремль продолжает высказывать неодобрение по отношению к бывшим советским республикам: «*el Kremlin sigue proyectando sombras sobre las antiguas repúblicas soviéticas* – «*Кремль продолжает бросать тень на бывшие советские республики*». Фразеологизм «*бросать тень*», т.е. очернять кого-либо, неодобрительно высказываться, показывает, что Россия продолжает оказывать давление на страны, которые уже около 30 лет не находятся в ее власти.

Рассмотрим пример из одной из статей испанской газеты «El Mundo»: «*”Un desequilibrado bueno para Rusia”: Putin ordenó a sus espías que ayudasen a Trump a ganar*» – «*Нарушенное равновесие в Штатах идет на благо России*»: Путин приказал своим шпионам помочь Трампу победить» представляет утвердившееся за рубежом мнение о том, что Россия вмешивается во внутреннюю политику других государств.

Единицы, выражающие полярно противоположные ситуации, содержащиеся в названии статьи, привлекают внимание читателя: дословно читаем «хорошее нарушение равновесия для России». Акцент

сделан на том, что Путин «лично» (*«personalmente»*) санкционировал секретную шпионскую операцию по поддержке Трампа, которого назвали ««импульсивным, психически неуравновешенным человеком, страдающим комплексом неполноценности» – «...un individuo impulsivo, mentalmente inestable y desequilibrado que padece un complejo de inferioridad...», что косвенно влияет на образ оказывающего ему поддержку Владимира Путина.

Статья повествует о том, что Кремль предвидел «социальный взрыв», который может случиться после победы республиканцев. Метафора «социальный взрыв» – «*explosión social*» указывает на неприятные события, которые способны подорвать стабильность в Соединенных Штатах. Кроме того, испанские СМИ заявляют, что у Кремля был «компромат» – «...*kompromat*...» на будущего президента страны, а отчет, в котором содержится этот компромат, «похож на настоящий» – «...*parece verdadero*...», по мнению «независимых экспертов» – «*expertos independientes*».

В статье представлена «резонансная информация» от третьих лиц, которые якобы знают наверняка. Слово «компромат» содержит яркую коннотацию, поэтому вызывает значительно более яркую реакцию у читателей, чем «информация» или «материал». Компрометирующий материал был собран во время поездок Трампа в Россию, но «непристойные подробности» этих визитов не разглашаются.

Автор использует выражение «*detalles escabrosos*», что в разных контекстах можно перевести как «жуткие», «зловещие» или «скабрёзные подробности». Журналист указывает на использование «резонансной информации»: «*Британская газета «Гардиан» имела доступ к документам, которые, несомненно, являются кремлевскими, которые представляют собой серьезную и необычную утечку...*» – «*El diario británico 'The Guardian' ha tenido acceso a lo que segura son documentos del Kremlin, lo que supondría una grave e inusual filtración...*»).

Безусловно, в этом состоит намерение журналиста манипулировать сознанием читателя, а использованное вводное слово «*segura*» («несомненно») убеждает в достоверности информации.

Следующая часть статьи имеет краткий подзаголовок: «Цель: способствовать «социальным волнениям в США.» – «*Objeto contribuir a la agitación social en EEUU*». Журналисты провокационно заявляют: в планах России – нарушить спокойствие в США.

Заключение

Таким образом, публицистический дискурс занимает значимое место в обществе. С помощью различных языковых средств источники массовой информации влияют на мнение общественности, двигают массы людей и манипулируют сознанием читателей. Анализ статей испанской прессы позволяет сделать вывод о том, что образ России, формируемый в сознании испанских читателей, не является положительным.

Россия – это большая страна с огромными ресурсами и возможностями, однако она вмешивается в дела других стран и ищет компрометирующий материал на их лидеров. Кроме того, имидж страны в данном аспекте характеризуют исходя из образа Владимира Путина. Наиболее частотными средствами формирования образа России являются метафоры, эпитеты, стилистически окрашенные слова, резонансная информация.

Список литературы

Алимова Р.Р. Метафора в речи испанских политиков (на материале испанского газетно-публицистического дискурса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2017. Т. 17. № 4. С. 395–397.

Бизюков Н.В. Публицистический дискурс как система средств языковой манипуляции // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2010. № 3. С. 167–172.

Гусейнова Т.С. Явление фразеологической трансформации в публицистическом дискурсе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том 10. № 6–2. С. 62–68.

Кучеренко К.В. Манипулятивное воздействие в испанском политическом дискурсе: слова-стереотипы, слова-символы и слова-слоганы // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 5 (26) С. 255–259.

Alíмова R. Neología semántica en el discurso periodístico español // Iberoamerican Notes. 2014. № 2 (4). С. 9–15.

Ramírez Y.B., Gegelova N.S., Grabelnikov A.A. A Study of the Reflection of Current Russian-Cuban Relationship in the Content on the Online News of the Cuban News Agency Prensa Latina // International Journal of Media and Information Literacy. 2021. № 6 (1). С. 46–56.

УДК 81'42

Арина Алексеевна Загрышева

факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ДИСКУРСА В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ВИДЕОРОЛИКОВ YOUTUBE-КАНАЛА BBC NEWS MUNDO)

В статье изучаются аудиовизуальные ресурсы как средство популяризации науки. Цель работы – проанализировать и сопоставить 2 видеоролика канала BBC NEWS MUNDO. Было раскрыто понятие «научно-популярный дискурс», определены его особенности в аудиовизуальном тексте. Сделано заключение, что в научно-популярном дискурсе реализуются две функции: сообщения и воздействия. Это обусловлено особой сферой деятельности, в которой реализуется дискурс.

Ключевые слова: дискурс, научно-популярный дискурс, аудиовизуальный текст, научно-популярный стиль, BBC News Mundo.

Введение

В век компьютерных технологий наиболее популярными способами донесения информации до слушателя стали видео- и аудиоресурсы. Информация, которая раньше была только на бумажных носителях, сейчас стала доступна каждому пользователю в электронном формате, и на просторах интернета можно найти видеоролик на любую интересующую тему. Развитие телекоммуникационных технологий способствовало популяризации науки, так как знания стали более доступны. Цель настоящего исследования – рассмотреть особенности функционирования научно-популярного дискурса в аудиовизуальном тексте.

Основная часть

К термину «дискурс» обращаются во многих областях знания, но именно в лингвистике это понятие стало применяться в качестве самостоятельной категории. Впервые в лингвистический оборот его ввел ученый из Бельгии Э. Бюиссанс в работе «Язык и дискурс». Он представил «дискурс» в форме механизма перевода языка как знаковой системы в живую речь. В целом же в лингвистике вплоть до 1960-х гг.

понятие *дискурс* использовалось как синоним текста и речи [Русакова 2007: 6]. Для дискурса характерны связь текста и коммуникативной ситуации, в которой он появился, и связь между адресатом и адресантом. Так, в рамках настоящего исследования дискурс понимается, как сложное коммуникативное явление, направленное на социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей.

Необходимость изложения сложных тем в ясной, простой и понятной форме неспециалистам требует применения специальных методов и инструментов для передачи научной информации, и именно в таких ситуациях используется научно-популярный дискурс [Кожина 2006: 382]. Главной особенностью научно-популярного дискурса является сознательное содействие участников коммуникации социально значимому действию, которое изначально носит диалогический характер, обусловлено и вызвано к жизни экстралингвистическими факторами, то есть совокупностью обстоятельств, в которых живет коммуникатор (личный опыт, социальные нормы, культурное доминирование и т.д.). Это процесс активного участия в языке [Егорова 2009: 44]. Из этого следует, что научно-популярный дискурс можно рассматривать как подвид научного или как самостоятельный вид дискурса, допускающий включение в свой состав элементов других видов.

Аудиовизуальный текст за счет своей комплексной составляющей характеризуется более сильным коммуникативным эффектом, что связано с широким спектром средств донесения информации до реципиента. Выявляют следующие особенности аудиовизуального текста: поликодовость; возможность использования различных ответвлений кодов воздействия для усиления эффекта; важность концентрации как на вербальной составляющей текста, так и на невербальной; более сильный коммуникативный эффект аудиовизуального текста в отличие от обычного текста [Gambier 2016: 48; см. также Химинец, Чагина 2019; Чагина 2019, 2020, 2021].

В ходе исследования были рассмотрены и проанализированы два научно-популярных видеоролика «*Qué es la teoría de cuerdas y cómo puede resolver los dilemas de la física para entender el universo*» и «*3 teorías que desafían al Big Bang*». Начнём анализ видеоролика «*Qué es la teoría de cuerdas y cómo puede resolver los dilemas de la física para entender el universo*» с докладчика. Спикер одет в повседневную одежду, что не отвлекает слушателя от восприятия информации, так же, как и фон. Докладчик говорит четко и уверенно, делая смысловые паузы. Мягкая жестикауляция спикера улучшает восприятие темы видеороли-

ка. Наряду с интонацией спикер также активно использует мимику, придавая эмоциональный окрас сказанному.

Видеоролик начинается с краткого описания научной ситуации на сегодняшний день: *«La física moderna se encuentra en una encrucijada, universo, todavía falta una teoría simple que explique cómo funcionan todas las cosas»* (00:01), – которое говорит о том, что нет единой теории, объясняющей функционирование вселенной. Такое введение сразу обозначает центральную проблему видеоролика, а также ставит реципиента в состояние неопределённости, подталкивает к размышлениям о функционировании вселенной. Несмотря на это, в видеоролике отсутствует краткий план того, о чем будет сказано, который позволил бы слушателю быстрее понять, о чем далее будет идти речь, и ориентироваться в теме. Во время изложения спикер использует местоимение «мы», что позволяет ему сблизиться со слушателем: *«Vámonos por partes»*, *«deberíamos poder diseñar un experimento...»*, *«Eso genera lo que nosotros observamos cómo gravedad...»*, *«Así que tenemos por un lado una teoría...»*. Также местоимение «мы» используется как способ вовлечь реципиента в материал и тему ролика. Спикер обращается к зрителю через вопросы, для того чтобы заинтересовать слушателя, стимулировать его интерес, а также подтолкнуть к самостоятельным размышлениям: *«¿Pero si las dos cosas son ciertas, deberíamos poder diseñar un experimento o un modelo que incorpore las dos ¿no?»*, *«¿Pero qué hay dentro de los electrones?»*.

Важную роль играет использование императива. Формы глаголов в повелительном наклонении воздействуют на реципиента, призывают и подталкивают его к определённому действию: *«Imagínatelo como una malla o una cama elástica...»*, *«Vámonos por partes»*. Несмотря на все вышесказанное, в видеоролике трижды используются формулы без объяснения их значения, что затрудняет понимание, так как неспециалист видит эти формулы впервые и не знает их значения. Кроме того, в конце видео не было общего заключения, которое подводило бы слушателя к выводам.

Перейдем к анализу видеоролика *«3 teorías que desafían al Big Bang»*.

В первую очередь анализ видео следует начать с докладчика и его манеры речи, использования жестов, мимики и эмоций. В видеороликах можно заметить, как при объяснении темы рассказчик плавно жестикулирует, направляя ладони в сторону слушателя. Это говорит о его открытости и искренности, что подсознательно поможет слушателю доверять рассказчику.

В начале видео автор быстро вводит слушателя в суть ролика, вкратце рассказывая о теме и истории вопроса, а затем сопровождает это понятными видеоматериалами. Следом ставится общая цель ролика, как для спикера, так и для слушателя – изучение сути теорий Большого взрыва и теорий-противников, таких как теория вечной инфляции, теория большого отскока и теория конформной циклической космологии. В начале ролика также представлен краткий графический план (01:10), сопровождающийся фразой «*En este video te contamos cuáles son esas «fallas» de la teoría del Big Bang, y tres de las teorías que compiten por quedarse con el trono*». Графическое сопровождение позволяет лучше понять, о чем далее пойдет речь. Иллюстрационный материал присутствует вставками во всем ролике (10 схематичных рисунков с использованием компьютерной графики/ 1 изображение), сменяя видеоизображение спикера, что также способствует лучшему пониманию и усвоению информации.

Во время доклада рассказчик добавляет ссылки на авторитетные мнения, спикер обращается к формуле Эйнштейна (00:19), но не заостряет на них внимание, чтобы не нагружать слушателя лишней информацией и не затруднять восприятие для неспециалиста. Описывая одну из теорий, докладчик также упоминает имя физика Роджера Пенроуза (05:20). Также происходит сближение со слушателем через повествования от первого лица во множественном числе: «*todo lo que conocemos...*», «*Pero primero repasemos lo que nos enseñaron...*», «*lo que hoy conocemos...*», «*nuestro universo...*».

В видеоролике используются метафоры, например «*el universo dejó de ser una sopa opaca y caliente y la radiación comenzó a propagarse en todas las direcciones...*» (02:27). Когда уже имеющиеся средства научного языка не позволяют спикеру объяснить явление, он прибегает к метафоре. При этом для обмена новой информацией метафора является «проводником» общения. Автор образно выражает свою мысль, подвергает ее когнитивной и чувственной оценке [Алексеева 1999: 13]. Важной характеристикой научного стиля в данном ролике является доказательность изложения, потому что именно она способствует активизации логического мышления реципиента. Обратим внимание, что в научно-популярном дискурсе реализуется не одна языковая функция – передача сообщения (коммуникативно-информативная), а две – функция сообщения и функция воздействия, что определяется особой сферой общения, деятельности, в которой этот дискурс реализуется, – сферой популяризации науки.

Для сравнения анализируемых видеороликов выделим схожие черты, а затем – отличия. Так, оба видеоролика включают в себя: использова-

ние как узкоспециальных, так и общеупотребимых терминов; нейтральную обстановку и внешний вид докладчика, не отвлекающие внимание от доклада; использование жестикюляции и мимики, которые помогают в усвоении материала и создании доверительной и комфортной атмосферы, способствуют установлению контакта между спикером и реципиентом; использование стилистических приёмов, таких как метафора, сравнение, эпитеты и др.; использование наглядных вставок в видеоролике, которые представлены схемами, изображениями и фотографиями; опора на авторитетные мнения для доказательства научности рассматриваемых теорий; использование фактологической информации.

В анализируемых видеороликах был выявлен ряд различий: в начале первого проанализированного видеоролика не было ни схематично показано, ни озвучено примерного краткого плана. Данный план присутствовал во втором видеоролике и помогал понять структуру изучаемого вопроса; в первом видеоролике отсутствовала поставленная цель, которая бы позволила реципиенту понимать содержание будущего сообщения, тогда как такая цель была обозначена во втором ролике; в первом ролике использовались обширные научные формулы, которые неизвестны неспециалисту и усложняют восприятие информации; в финале второго ролика был подведен общий вывод и поставлен вопрос, что помогает реципиенту сделать собственные выводы.

Заключение

Сравнение показывает, что, несмотря на схожесть видеороликов и на одинаковый стиль подачи информации, отсутствие нескольких элементов может значительно осложнить восприятие информации для неспециалиста. Любой дискурс характеризуется определенными целями, которые должны быть достигнуты путем конкретных коммуникативных стратегий и тактик. Целью научно-популярного дискурса можно назвать популяризацию научных знаний, научных исследований и их результатов среди широкой публики. В связи с этим для успешной популяризации науки требуется специальная работа с научным текстом и его адаптивное к языку, доступному для обычных слушателей-неспециалистов, установление с ними контакта. Спикер должен подбирать и использовать такие средства преподнесения информации, которые будут соответствовать опыту адресата, в том числе и речевому. Для научно-популярного стиля важно максимально уходить от сложного и специфично-научного материала, но при этом излишне не упрощать предоставляемую читателю информацию, иначе это может привести к ее искажению и неверному пониманию и толкованию.

Аудиовизуальный текст имеет большее воздействие на слушателя, по сравнению с обычным текстом. Важно не только предоставить слушателю информацию о научных открытиях в определенной области, но и сделать этот процесс интересным и занимательным, визуализировать его, при этом стилистические средства используются в качестве приемов популяризации с целью достижения доступности, иллюстративности изложения, а также пояснения сложной научной информации.

Список литературы

Алексеева Л.М. Метафорическое терминопорождение и функции терминов в тексте: дис. ... д. филол. н. М., 1999. 357 с.

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.

Бюиссанс Э. Абстрактное и конкретное в лингвистических фактах: речь – дискурс – язык // Политическая семиотика – Политическая наука. 2016. № 3. С. 209–216.

Егорова Л.А. К вопросу об определении понятия «Научно-популярный дискурс» // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2009. № 1. С. 42–46.

Кожина М.Н. Функциональный стиль (функциональная разновидность языка, функциональный тип речи) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. 382 с.

Русакова О.Ф. Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса // Антиномии. 2007. № 7. С. 5–34.

Химинец Е.М., Чагина А.П. Противопоставление национальных вариантов испанского языка и его сохранение в переводе романа М. Пуига «Крашенные губки» // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 4. С. 50–55.

Чагина А.П. Авторские сноски в системе романа Мануэля Пуига «Поцелуй женщины-паука» // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 1. С. 104–107.

Чагина А.П., Проскурнин Б.М. Образ Хеди Ламарр как сюжетобразующий фактор романа Мануэля Пуига // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 3. С. 94–101.

Чагина А.П. «Проклятие» языка в романе М. Пуига «Maldicion eterna a quien lea estas paginas» // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 83–88.

Gambier Y. The position of audiovisual translation studies. The Routledge handbook of translations studies. Eds. C. Millán, F. Bartrina. London, Routledge Publ., 2013. P. 45–59.

Список источников

Видеоролик BBC Mundo «3 teorías que desafían al Big Bang»

URL: <https://youtu.be/ZkQj6xbNUVA>

Видеоролик BBC Mundo «Qué es la teoría de cuerdas y cómo puede resolver los dilemas de la física para entender el universo»

URL: <https://www.youtube.com/watch?v=e4JN5SNWm2g&t=11s>

УДК 811.133.1

Анастасия Рафисовна Валеева

факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

**АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «EMOCIÓN»
НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ В.СИМОН
«APRENDER A PRACTICAR MINDFULNESS»**

Семантика представляет собой раздел лингвистики, который интегрирует языковые знаки, значения слов, а также устанавливает соответствующие параллели между языковыми единицами и явлениями окружающей действительности. Функциональный подход семантики к изучению смысловых значений единиц не теряет своей актуальности в современной лингвистической науке. Семантика анализирует смысловые значения языковых единиц различных уровней. Инструментом семантики является семантическое поле, в котором встроены реалии. Семантическое поле представляет собой совокупность языковых единиц, объединённых семантическим признаком. Единицы поля связаны системными семантическими отношениями. Значение ничем не лимитируется: оно многогранно и затрагивает особенности и реалии окружающей действительности того или иного этноса. Моделирование поля не только помогает изобразить смыслы, но и проанализировать их как фрагмент действительности, что может быть в дальнейшем применено в переводе. В данной статье проанализировано семантическое поле «etoción».

Ключевые слова: семантика, значение, семантическое поле, семантический анализ, ядро, периферия, эмоция.

Введение

Семантика представляет собой раздел лингвистики, который интегрирует языковые знаки, значения слов, а также устанавливает соответствующие параллели между языковыми единицами и явлениями окружающей действительности. В области интересов семантики находятся языковые единицы разных уровней (от морфемы и выше), в связи с этим семантика тесно взаимосвязана с морфологией, лексикологией и синтаксисом [Петунина, Билялова 2022: 276].

По выражению У.Л. Чейф, семантика, ссылаясь на семантические свойства слов, составляющих субстанцию, описывает общие значения грамматических категорий, членов предложения и синтаксических конструкций, а также семантические эффекты по причине изменения порядка слов в предложении и т.д. [Чейф 2019: 225].

С. Ордоньес считает, что семантика превалирует над обширной областью изучения семиотики (теории знаков), семиологии (теории общения) и лингвистики [Gutiérrez Ordóñez 1992: 5]. Таким образом, данное направление в языкознании актуально, имеет обширную сферу применения и носит междисциплинарный характер.

Основная часть

Одной из центральных сторон языкового знака является значение. Согласно концепции Л.С. Выготского, значение – это не только единство мышления и речи, но и единство общения и обобщения, коммуникации и мышления [Выготский 1934: 23]. Значение – это именно то, что связывает между собой всю систему языка. Представления о предметах окружающего мира, свое отношение к ним, ассоциации, возникающие по поводу этих предметов, люди передают в значениях слов [Боброва 2012: 41–42].

Функциональный подход семантики к изучению смысловых значений единиц не теряет своей актуальности в современной лингвистической науке (см. например, [Меньшакова 2020, 2022; Меньшакова, Валеева 2022]). Терминологический аппарат семантики немислим без такого ключевого, интегрирующего множество аспектов, понятия как семантическое поле. Ю.С. Маслов трактует семантическое поле как «...множество слов, точнее – их значений, связанных с одним и тем же фрагментом действительности» [Маслов 1987: 96].

Согласно концепции О.С. Ахмановой, семантическое поле представляет собой совокупность содержательных единиц, покрывающую конкретную область человеческого опыта [Ахманова 2008: 334]. Базовым компонентом семантического поля является сема, которая несёт в себе общий семантический признак для каждого составного элемента данного поля, связанного парадигматическими отношениями.

В структуре семантического поля традиционно выделяются ядро и периферия. Ядро выражает более общее значение [Абрамов 1992: 37]. Расстояние близкое к ядру включает лексические единицы, которые обладают интегральным с ядром значением. В свою очередь, периферия являет собой зону взаимного наложения и взаимодействия полей: она состоит из языковых единиц, которые объединены в микрополя на

основании наиболее конкретной семы [Якимов 2011: 598]. Периферия поля есть нечто иное, чем лексические единицы с концептуальным обусловленным значением [Денисенко 2002: 45]. В зависимости от удалённости слов от ядра мы можем выделить ближнюю и дальнюю периферии. На уровне периферии находятся микрополя, которые могут одновременно входить в другое семантическое поле. Таким образом, семантическое поле динамично.

В качестве материала для исследования мы взяли книгу В. Симон «Aprender a practicar Mindfulness». Висенте Симон родом из Валенсии. Он врач, психиатр и профессор психофизиологии. Данная книга представляет собой простое и понятное руководство по обучению практике осознанности и развитию этого навыка, которым мы все обладаем на подсознательном уровне. Автор убеждён в том, что, практикуя медитацию, мы изменим свой разум, обретем равновесие и создадим условия, необходимые для успокоения ума, ясного видения окружающей нас реальности и решения проблем, которые раньше мы были неспособны решить [Mindfulnessvicentesimon: эл. ресурс]. Ключевым концептом является эмоция. Ниже мы проведём анализ семантического поля «emoción» на базе одной из глав данной книги, схема которого представлена в Приложении 1.

Ядром нашего семантического поля является *emoción*. В словаре Королевской Академии испанского языка *emoción* характеризуется как «*alteración del ánimo intensa y pasajera, agradable o penosa, que va acompañada de cierta conmoción somática*» (Сильный импульс; приятное или болезненное настроение, сопровождающееся определенным соматическим шоком) [DRAE: эл. ресурс].

В. Симон рассматривает эмоцию как что-то полезное и необходимое человеку (независимо от того, какая эмоция), поэтому к ближней периферии, в первую очередь, мы отнесли *el antídoto (Medio preventivo para evitar o paliar algo no conveniente)*. Профилактическое средство, позволяющее избежать или смягчить негативные последствия [DRAE: эл. ресурс]. Эмоции являются нашим союзником в решении проблем, поэтому на данной периферии мы поместили такие элементы как *una ayuda, un aliado* и *resolver problemas*. Далее, на ближней периферии расположены такие блоки как *el sistema nervioso* и *el mundo interior*.

Внутренний мир человека и нервная система тесно связаны между собой: если они находятся в единстве, то здесь мы говорим о равновесии (*el equilibrio*). Эмоция – это фундамент внутреннего мира, его механизм и источник энергии. Об этом говорят элементы *el mecanismo, el estímulo, la fuente de energía* и *el aspecto fundamental de toda la vida humana*. Со-

гласно В. Симон, мы используем словосочетание «нервная система» в контексте психического состояния, когда оно в подвешенном состоянии. Поэтому блок *el sistema nervioso* мы дополнили элементами *el sufrimiento psíquico* и *la emoción dolorosa*. *El equilibrio* (равновесие) позволяет нам сделать жизнь полноценной, о чём говорит элемент *vivir con acierto y plenitud*.

Также, надо отметить, что эмоции помогают управлять энергией (*manejar la energía*) через осознание (*la conciencia de la emoción*), принятие (*la aceptación*), сострадание (*la autocompasión*) и понимание их природы. Кроме того, В. Симон отмечает, что эмоции спонтанны (*la manera espontánea*), но при этом возможно противостояние между осознанной или осмысленной и автоматической эмоцией (*automático VS reflexivo*).

Нам подвластны эмоции. Согласно идеям В. Симон, один из сильнейших рычагов воздействия на эмоциональное состояние кроется в умении медитировать. Поэтому в зону ближней периферии мы добавили ядро *meditación*. На дальней периферии мы обозначили 7 шагов, которые помогут достичь успеха в медитации:

1) *darnos cariño* → *encontrar un fuente de amor* – мы должны проявлять заботу к себе через источник любви. Это могут быть наши близкие люди: друзья, семья;

2) *aceptar la experiencia* → *permitir la emoción, expresar con libertad* – чтобы дать волю своим эмоциям, мы должны их принять, а также принять факт случившегося;

3) *pararse* → *hacer una pausa, detener el proceso* – во избежание необратимых последствий, порой необходимо остановиться, выдохнуть и только потом действовать;

4) *actuar o no* – нам следует предпринимать шаги, исходя из обстоятельств. В зависимости от этого мы будем понимать, действовать нам или нет;

5) *respirar hondo* → *serenarse, llevar la atención a la respiración y al cuerpo* – мы должны контролировать наше дыхание: глубоко дышать. Также нужно уделять внимание своему телу, тем самым успокаивать сознание;

6) *tomar conciencia* → *dar un nombre* – чтобы осознать эмоцию, что мы испытываем, можно дать эмоции название: радость, грусть, ненависть, злость и т.д.;

7) *soltar la emoción* → *dejarse ir, no perderse en la emoción* – наконец, совладать с эмоцией возможно: нужно ее отпустить и не теряться в ней.

Таким образом, медитация гарантирует нам успех в управлении эмоциями и сводит процесс переживания к минимуму. Следовательно, эмоция – это одно из ключевых понятий нашего внутреннего мира и нервной системы, которое отвечает за наше состояние. Эмоции делают нашу жизнь полной и красочной, поэтому мы не должны избегать их. Безусловно, большинство из них активируются автоматически, однако данный процесс можно сделать осознанным. Именно через медитацию мы способны управлять эмоциями.

На рисунке представлена модель семантического поля.

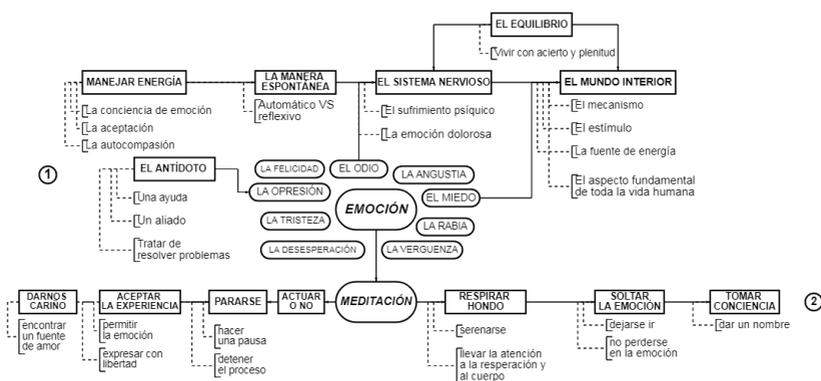

Рис. Модель семантического поля

Заключение

Исходя из вышесказанного, мы можем заключить, что семантическое поле представляет собой совокупность языковых единиц, объединённых семантическим признаком. Единицы поля связаны системными семантическими отношениями. Значение ничем не лимитируется: оно многогранно и затрагивает особенности и реалии окружающей действительности того или иного этноса.

Семантическое поле – психологически реально, и отражает структурную организацию окружающего мира, вербализованную посредством языка, что успешно применимо в процессе перевода. Моделирование семантического поля не только помогает переводчику глубоко освоить исходный текст, но и выявляет реалии, дополнительные импликации, благодаря чему переводчик способен «прочувствовать» исходный текст.

Проникая в смысл текста оригинала, переводчик создаёт основу для его успешной интерпретации в тексте перевода и действительно может передать содержащееся в исходном тексте знание.

Следовательно, моделирование семантического поля на этапе предпереводческого анализа научно-популярного текста будет способствовать созданию наиболее репрезентативного текста его перевода.

Список литературы

Абрамов В.П. Синтагматика семантического поля. Ростов-на-Дону: Изд-во «Ростовский университет», 1992. 112 с.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал, УРПС, 2008. 576 с.

Билялова А.А., Петунина А.Р. Семантика языка и семантика речи // *Global Scientific Potential. Language theory*. 2022. № 10. С. 276–279.

Боброва С.В. От семантики слова к семантике текста. М., 2012. 118 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М., Л., 1934. 322 с.

Денисенко В.Н. Семантическое поле как функция // *Филологические науки*. 2002. № 4. С. 44–52.

Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1987. 272 с.

Меньшакова Н.Н. Фразеологические сравнения в испанском, русском и английском языках // *Евразийский гуманитарный журнал*. 2020. № 3. С. 38–44.

Меньшакова Н.Н., Валеева А.Р. Апеллятивная функция паремий: совет и предупреждение // *Евразийский гуманитарный журнал*. 2022. № 3. С. 30–35.

Меньшакова Н.Н. «Свой – чужой» в паремийном пространстве романа «Дон Кихот» Сервантеса // *Миграционная лингвистика*. 2022а. № 4. С. 4–14.

Чейф У.Л. Значение и структура языка. М.: Эдиториал УРСС, 2019. 424 с.

Якимов П.А. Структура и признаки семантического поля. Оренбург: Изд-во «Оренбургский университет», 2011. С. 597–599.

Ordoñez S.G. Introducción semántica funcional. España, Asturias, 1992. 11 p.

Simón V. Aprender a practicar mindfulness. España, Valencia: Epublibre, 2011. 159 p.

Simón V. Inicio. URL: <https://www.mindfulnessvicentesimon.com/> (дата обращения: 23.02.2023).

УДК 811.133.1;81'42

Яна Алексеевна Фомичева

факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

**ПОЛИТКОРРЕКТНЫЕ ЭВФЕМИЗМЫ
В СЕМАНТИЧЕСКОМ МОДУЛЕ «ПРИЧИНА МИГРАЦИИ»
НА МАТЕРИАЛЕ ОТЧЕТА ЗА 2020 Г. МЕЖДУНАРОДНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ПО МИГРАЦИИ**

Актуальность обусловлена необходимостью изучения политкорректных эвфемизмов в разных сферах дискурсивной деятельности общества. Использование эвфемизмов отличается особой интенсивностью. Эвфемизмы широко распространяются в сферах языкового отражения общественно-политических событий, становятся важным орудием смягчения представления событий, способных вызвать тревогу, опасения и даже общественный протест. Эвфемистические наименования употребляются в случаях, когда говорящему кажется то или иное слово (сочетание слов) грубым, неприличным, способным причинить боль собеседнику. Материалом для исследования послужил отчет Международной организации по миграции за 2020 г. Данный отчет составляется на основе статей социальных работников в сфере миграции, социологии, политологии и др.

Ключевые слова: политический дискурс, политкорректность, эвфемизмы, политкорректные эвфемизмы, миграция, французский язык.

Введение

Миграция – сложный глобальный процесс, являющийся неотъемлемой частью объективной реальности и затрагивающий почти все сферы жизни. «Миграционные процессы обуславливают языковые контакты и трансфер. При этом данные аспекты выступают ведущими, поскольку в их рамках изучаются языковая динамика, интерференция языковых структур, обмен дискурсивными традициями» [Шустова, Красноборова 2020: 108; см. также Арекеева, Шустова 2023; Буженинов, Палийчук и др. 2022; Олешковская, Шустова 2022, 2022а; Шустова, Файзиева, Ошева 2017; Шустова, Андросова и др. 2022; Шустова 2022].

Все чаще используются эвфемизмы с целью смягчения реального положения дел в обществе. Эвфемистические наименования употребляются в случаях, когда говорящему кажется то или иное слово (сочетание слов) грубым, неприличным, способным причинить боль собеседнику. Материалом для исследования послужил отчет Международной организации по миграции за 2020 г. [Сайт МОМ]. Данный отчет составляется на основе статей социальных работников в сфере миграции, социологии, политологии и др.

Основная часть

Проявление политической корректности чаще всего встречается именно на лексическом уровне. В этой связи актуальным считаем разработку словарей эвфемизмов (см., например, [Метельская, Рябичкина 2014; Рябичкина, Лебедева 2013; Рябичкина 2010]), но данный аспект относим к перспективам исследования.

Основным средством реализации изучаемого явления на данном языковом уровне являются эвфемизмы. Е.П. Сеничкина определяет эвфемизмы как слова, которые «заменяют прямые обозначения в сфере социальных отношений, являясь попыткой уменьшить социальную напряженность» [Сеничкина 2008: 3].

«Эвфемизм – непрямое, смягченное выражение вместо резкого или нарушающего нормы приличия. Прагматическая установка эвфемизмов заключается в том, чтобы смягчить, завуалировать связанные с некоторыми словами неприятные ассоциации. Эвфемизмы являются одним из средств реализации политкорректности на лексическом уровне и входят в ее вербальную составляющую» [Рубина 2011: 35]. «Эвфемизмы являются распространенным инструментом манипуляции общественным сознанием. Их лингвистическая природа такова, что они отвлекают внимание реципиента от запретного понятия, являются эмоционально нейтральными обозначениями нежелательных явлений [Оналбаева, Орынханова 2020:251].

А.А. Авдюшкина и А.С. Солодилова отмечают, что эвфемизмы – это слова, при помощи которых отрицательный коннотат слова может быть завуалирован, что может помочь избежать коммуникативного конфликта [Авдюшкина, Солодилова 2022: 50]. Рассмотрим эвфемизмы семантического модуля «причина миграции» в контексте употребления.

Политкорректные эвфемизмы в семантическом модуле «ПРИЧИНА МИГРАЦИИ».

«*L'instabilité et la violence qui font de l'Afghanistan une importante source de réfugiés depuis plus de 30 ans perdurent: avec 2,7 millions de réfugiés, l'Afghanistan arrive au deuxième rang des principaux pays d'origine dans le monde*» [МОН]. В Афганистане продолжают **нестабильность** и насилие, в силу которых он является крупным источником беженцев на протяжении более 30 лет, а также занимает второе место в мире, будучи страной происхождения 2,7 млн беженцев (Перевод – наш).

Instabilité – manque de stabilité, d'équilibre; caractère de ce qui a tendance à changer continuellement; caractère de quelqu'un sujet à des variations continues de comportement; caractère d'un système physique ou chimique en équilibre instable, d'un composé instable [Larousse]; défaut, manque de stabilité; caractère, état de ce qui n'est pas stable; aptitude à subir des transformations, des altérations plus ou moins spontanées; caractère de ce qui ne reste pas ferme en place et qui tend à bouger, à se déplacer [La langue française]; état de ce qui est instable; caractère de ce qui change de place; caractère de ce qui est sujet à changer [Le Robert]. Во всех словарях реализуется одинаковое значение нестабильности, постоянного изменения. В анализируемом контексте значение лексемы остается прежним.

«*Contrairement à l'Afrique de l'Ouest, où les facteurs environnementaux et économiques déterminent dans une large mesure la migration intrarégionale, les conflits et l'instabilité en Afrique centrale contribuent plus fortement aux mouvements vers les pays voisins*» [МОН]. В отличие от Западной Африки, где экологические и экономические факторы являются важными стимулами внутрирегиональной миграции, в Центральной Африке более важную роль в перемещении в соседние страны играют **конфликты и нестабильность** (Перевод – наш).

«*Par exemple, la République arabe syrienne connaît un taux d'émigration supérieur à celui de la plupart des autres pays en raison des déplacements dus au conflit de longue durée*» [МОН]. Например, в Сирийской Арабской Республике уровень эмиграции выше, чем в большинстве других стран из-за перемещения, вызванного длительным **конфликтом** (Перевод – наш).

Un conflit – lutte armée, combat entre deux ou plusieurs puissances qui se disputent un droit; violente opposition de sentiments, d'opinions, d'intérêts [Larousse]; action d'en venir aux mains, combat; forte opposition, divergence profonde, différend grave, vif désaccord [La langue française] guerre ou contestation entre États; rencontre d'éléments, de sentiments contraires, qui s'opposent [Le Robert]. В словарях реализованные значения совпадают с контекстом.

Instabilité – manque de stabilité, d'équilibre; caractère de ce qui a tendance à changer continuellement; caractère de quelqu'un sujet à des variations continues de comportement; caractère d'un système physique ou chimique en équilibre instable, d'un composé instable [Larousse]; défaut, manque de stabilité; caractère, état de ce qui n'est pas stable; aptitude à subir des transformations, des altérations plus ou moins spontanées; caractère de ce qui ne reste pas ferme en place et qui tend à bouger, à se déplacer [La langue française]; état de ce qui est instable; caractère de ce qui change de place; caractère de ce qui est sujet à changer [Le Robert]. Во всех словарях реализуется одинаковое значение нестабильности, постоянного изменения. В анализируемом контексте значение лексемы остается прежним.

*«Malgré la guerre et la **crise humanitaire** en cours au Yémen, la route migratoire menant de la Corne de l'Afrique à ce pays via la mer Rouge et le golfe d'Aden est restée très fréquentée en 2018. Cette même année, on sait que 156 personnes se sont noyées lors de cette traversée»* [MOM]. Несмотря на продолжающуюся войну и **гуманитарный кризис** в Йемене, в 2018 году маршрут миграции в страну из Африканского Рога через Красное море и Аденский залив продолжал активно использоваться. Известно, что в 2018 году на этом переходе утонули 156 человек (Перевод – наш).

Un crise – brusque accès, forte manifestation d'un sentiment, d'un état d'esprit; enthousiasme soudain pour une action, brusque mouvement d'ardeur; moment très difficile dans la vie de quelqu'un, d'un groupe, dans le déroulement d'une activité, etc.; période, situation marquée par un trouble profond; grave pénurie de quelque chose [Larousse]; ensemble des phénomènes pathologiques se manifestant de façon brusque et intense, mais pendant une période limitée, et laissant prévoir un changement généralement décisif, en bien ou en mal, dans l'évolution d'une maladie; manifestation brusque et intense, de durée limitée (d'un état ou d'un comportement), pouvant entraîner des conséquences néfastes [La langue française]; manifestation soudaine et violente (d'émotions); phase grave dans une évolution (événements, idées) [Le Robert]. В словаре Larousse реализуются семы – трудные моменты, сильное проявление чувств. В контексте реализуется значение бурного события, которое может привести к серьезным последствиям. Данное значение представлено словарями La langue française и Le Robert.

*«Les facteurs socioéconomiques et liés à l'**insécurité** dans les pays d'origine, outre les meilleures possibilités d'emploi et de salaire dans les pays de destination, comptent parmi les facteurs associés à la migration*

irrégulière et au trafic illicite de migrants» [МОН]. Социально-экономические факторы и **отсутствие безопасности** в странах происхождения, в дополнение к более высоким зарплатам и возможностям трудоустройства в странах назначения, фигурируют среди факторов, связанных с нелегальной миграцией и незаконным провозом мигрантов (Перевод – наш).

«La violence, l'insécurité, la pauvreté et le regroupement familial restent d'importants facteurs de la migration au départ de l'Amérique centrale» [МОН]. Важными движущими силами миграции из Центральной Америки остаются насилие и **отсутствие безопасности**, бедность и воссоединение семьи (Перевод – наш).

Insécurité – état d'un lieu qui n'est pas sûr, qui est soumis à la délinquance ou à la criminalité; sentiment de vivre dans un environnement physique ou social favorisant les atteintes aux personnes et aux biens; état de quelque chose qui est instable, précaire [Larousse]; manque de sécurité; inquiétude provoquée par l'éventualité d'un danger [La langue française]; manque de sécurité [Le Robert]. Во всех словарях данная лексическая единица означает «отсутствие безопасности». В контекстах лексема не меняет своего значения.

Проанализировав данные примеры, можно сделать вывод, что главными причинами миграции являются нестабильность, конфликты, гуманитарный кризис и отсутствие безопасности. Все эти политкорректные выражения заменяют слова-табу: *pauvreté* (бедность), *guerre* (война), *faim* (голод), *maladie* (болезнь).

Заключение

Эвфемизмы используются при освещении информации из политической сферы общества. Употребление части эвфемизмов продиктовано существующими нормами политкорректности, а также стремлением завуалировать неприятные явления в обществе.

Список литературы

Авдюшкина А.А., Солодилова А.С. Понятие эвфемизма. Эвфемизм как средство выражения гендерной вежливости // Научный альманах. 2022. № 11–4(97). С. 50–52

Арекеева Ю.Е., Шустова С.В. Моделирование ассоциативно-вербального поля категории «Свой» // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 1. С. 33–42.

Буженинов А.Э., Палийчук Д.А., Текнеджян Л.В., Шустова С.В. Категоризация и концептуализация: межсистемные отношения. Пермь: АНО ДПО «Пермский институт экономики и финансов», 2022. 176 с.

Метельская Е.В., Рябичкина Г.В. Основные направления в исследовании уголовного жаргона (на материале зоонимов английского и русского языков) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 2. С. 45–50.

Олешковская У.А., Шустова С.В. Функции инаугурационного обращения // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 3. С. 10–15.

Олешковская У.А., Шустова С.В. Каузативность и перформативность в дипломатическом дискурсе // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022а. № 7. С. 72–83.

Оналбаева А.Т., Орынханова Г.А. Особенности образования и функционирования эвфемизмов в современном русском языке // Гуманитаризация инженерного образования: методологические основы и практика. материалы Международной научно-практической конференции. Тюмень: ГИУ, 2020. С. 249–254.

Сайт MOM. URL: <https://www.iom.int/> (дата обращения: январь 2023).

Рубина Н.Б. «Эвфемизм» и «политическая корректность» в современном английском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2011. № 4. С. 35–41.

Рябичкина Г.В. История русской просторечной лексикографии постреволюционного периода. Монография. Астрахань: Изд. Сорокин Р.В., 2010. 153 с.

Рябичкина Г.В., Лебедева И.В. Чужое в толковых словарях нестандартной лексики // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3(37). С. 272–279.

Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

Шустова С.В., Файзиева Г.В., Ошева Е.А. Прагматический потенциал бенефактивной ситуации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 179–182.

Шустова С.В., Красноборова Л.А. Концепт "родители-мигранты" в языковом сознании носителей русского языка (на материале свободного ассоциативного эксперимента) // Язык и культура. 2020. № 51. С. 106–118.

Шустова С.В., Андросова С.В., Олешковская У.А., Ли И., Палийчук Д.А., Чжан Ц. Дискурсивные практики: жанровые и фонетические аспекты. Пермь: АНО ДПО «Пермский институт экономики и финансов», 2022. 176 с.

Шустова С.В., Зубарева Е.О. Концептуальное поле «Миграция»: опыт лингвистического моделирования. М.: ЛЕНАНД, 2022. 176 с.

Шустова С.В. Концептосфера миграции в немецком миграционном дискурсе: анализ корпусных данных // Миграционная лингвистика. 2022. № 4. С. 50–62.

Larousse. Dictionnaire français en ligne. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue> (дата обращения: январь 2023).

Le Robert. URL: <https://www.lerobert.com/> (дата обращения: январь 2023).

УДК 81'42

Арина Владимировна Коперт

факультет иностранных языков, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, Россия,
г. Астана, Республика Казахстан

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИСКУРСИВНОГО МАРКЕРА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА RIGHT В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ЕДИНСТВЕ

В процессе функционирования языка возникли особые служебные единицы, которые в дальнейшем оформились во вспомогательную систему, способствующую развитию коммуникативного процесса. Данные единицы оказываются чрезвычайно важными в речевой коммуникации и изучаются в современной лексикографии. В статье рассматриваются определения таких терминов как «дискурс», «дискурсивные маркеры», рассматриваются прагматические функции лексического дискурсивного маркера right в диалогическом единстве. Базой исследования служат корпуса и словари английского языка (LCC, CamD, MWD, ColD). Данный дискурсивный маркер выполняет множество функций в разговорной речи: предположения, уточнения времени, уточнения места, уточнения об объекте говорения, подтверждения, согласия, отступления, ругательства. Обучение правильному употреблению дискурсивных маркеров на уроках английского языка позволит соблюдать принцип дискурсивности на уроках английского языка.

Ключевые слова: язык, коммуникация, дискурс, текст, дискурсивные маркеры, диалог, языковые единицы.

Введение

В процессе функционирования языка возникли особые служебные единицы, которые в дальнейшем оформились во вспомогательную систему, способствующую развитию коммуникативного процесса. Данные единицы оказываются чрезвычайно важными в речевой коммуникации и изучаются в современной лексикографии (см., например, [Рябичкина 2008, 2008а, 2010]).

История изучения дискурсивных маркеров насчитывает более полувека. Ещё в 1976 г. американский лингвист Р. Лангакер писал о некоторых «загадочных частицах» как об элементах, которые «рассыпа-

ны по тексту как соль и перец для придания ему вкуса и аромата», «для создания особого языкового и стилистического эффекта» (simply salt-and-peppered through a text to give it flavor; to make it sound like so-and-so language or so-and-so style within that language) Р. Лангакер был одним из первых в зарубежной лингвистике, кто отметил, что для понимания сущности подобных единиц необходимо выйти за пределы предложения, на уровень текста и дискурса [Путина 2021: 53].

Лингвистический энциклопедический словарь даёт следующее определение данному термину: дискур́с (от франц. discours – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах).

Дискурс – это речь, «погружённая в жизнь». Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно [ЛЭС]. Преимущественно лингвисты обращали своё внимание на единицы выражения и другие явления (жесты, мимику, просодию и т. д.), которые способствуют коммуникативному воздействию, но не дескриптивно пропозициональному содержанию высказываний [Шустова 2020: 12].

Для описания подобных феноменов было предложен термин «дискурсивный маркер». Д. Шиффрин предлагает дефиницию понятия «дискурсивные маркеры» с позиций функционального подхода: дискурсивные маркеры – это выражения, которые на разных уровнях анализируют о границах дискурсивных единиц, объединяют между собой дискурсивные единицы и тем самым способствуют связной форме / конструкции в дискурсе [там же: 14].

Дискурсивные маркеры не образуют самостоятельный разряд языковых единиц; этот класс не обозначен чёткими границами и объединяет единицы, которые относятся к разным частям речи. Они не имеют денотатов в традиционном представлении, их изучение может быть реализовано лишь через функционирование. Они могут занимать разные позиции в высказывании: инициальные, финальные, могут встраиваться в высказывание [Журавлева, Шустова и др. 2018; Путина, Шустова 2019: 113; Шустова, Царенко 2018, 2019; Шустова, Костыря и др. 2022; Царенко, Шустова 2018].

Основная часть

В связи с тем, что разговорный английский язык очень богат дискурсивными маркерами, которые в свою очередь имеют самые разные значения, мы обращаемся к исследованию дискурсивных маркеров в диалогическом единстве. Рассмотрим функциональный потенциал дискурсивного маркера *right*.

Частотность *right* составляет 344745 вхождений в Leipzig Corpora Collection. Анализ лексикографических и иных лингвистических источников позволяет причислить *right* к следующим разрядам: глаголу [MWD, CamD]; существительному [MWD, CamD]; прилагательному [MWD]; наречию [MWD, CamD]; дискурсивному маркеру.

В лексикографических источниках были выявлены значения дискурсивного маркера *right*: correct or true [CamD, MWD, ColD]; on or towards the side of your body that is to the east when you are facing north [CamD, MWD]; suitable or best in a particular situation [CamD, MWD, ColD]; fair or morally acceptable [CamD, MWD]; used for emphasizing when something is bad [CamD]; exactly in a place or time [CamD]; used at the beginning of a sentence to get someone's attention or to show you have understood someone [CamD]; used in the UK as part of the title of some politicians and Christian officials [CamD]; something that the law allows you to do [CamD, MWD]; morally correct behaviour [CamD, MWD, ColD]; to put something back in a vertical position, or to return to a vertical position [CamD, MWD, ColD]; to do something good to make an unfair situation seem better [CamD, MWD, ColD]; immediately [CamD, MWD]; all the way [CamD, MWD].

В лексикографических источниках выявлен следующий синонимический ряд *right*: *correct, true, genuine, accurate, just, good, fair, moral, rectify, settle, fix, correct, turn up the right way again, stand upright again, set upright again, turn back over* [ColD].

Антонимами *right* являются: *wrong, mistaken, illegal, false, uncertain, fake, incorrect, questionable, unlawful, inaccurate, illicit, invalid, fraudulent, counterfeit, erroneous, inexact, untruthful, incorrectly, inaccurately, wrongly, injustice, evil, impropriety, immorality, dishonour, badness, top-ple, make crooked* [Col].

Наиболее частотными являются следующие сочетания с *right*: *right now, in the right, the right thing, on the right, right away, have the right, to the right, do the right thing, be right, right on, right to vote, right side, the right thing to do, right hand, not right, right wing, have a right to, the right side of, The right, all right, right about, do right, the right things, right people, what is right, just right, right off, on the right side of, right with, get right, up right, on the right track, right amount.*

Прагматические функции дискурсивного маркера *right* были выделены на основании анализа контекстов с данным элементом из диалогов англоязычных корпусов. Всего было отобрано и проанализировано 300 контекстов с маркером *right* и установлено, что дискурсивный маркер *right* актуализирует следующие прагматические функции:

1. Предположение:

That's pretty magically, right?

We don't like Boomers here, right?

You plan ahead, right?

Fulton wouldn't be a Raider without some baggage, right?

But if there's one thing Eddie's good at, it's making friends, right?

No one likes a soggy bottom, right?

Shame on me, right?

Must be nice, right? [LCC]

2. Уточнение времени:

We're hiring predominately in our warehouse right now.

So, it's a roller coaster right now.

"Everybody's yard is decorated right now," she said.

This team really stinks right now.

"The numbers are extremely low right now," Rouse said.

Chalmers maintained his innocence right to the end.

What Brooke really needs right now is a clean slate.

Prepare your flower beds by adding compost or fertilizer right now.

Throwing Tagovailoa out there right away wouldn't be wise for anyone.

He didn't dive in right away, however. [LCC]

3. Уточнение места:

It's shining brightly right here.

How could Goku's oldest rival not make the list right?

He told me, 'We had 'em right where we wanted 'em!

The lone goal he did allow zipped right past his ear.

He waved right past me.

That's a babyface move right there.

I dropped right in between Bill and Melinda Gates. [LCC]

4. Уточнение об объекте говорения:

Sullivan and O'Brien are both accomplished adventurers in their own right.

Vaping isn't worse than smoking, but it's pretty gross in its own right.

Impressive in their own right, the achievements combine to create some chart history.

United may want to diversify their strike force, but Plea is certainly talented in his own right. [LCC]

5. Подтверждение:

Can't deny facts, right!

You're right, I have never heard of Crucible before.

Pretty awesome right!

That's right, Don stifle debate. [LCC]

6. Согласие:

All right, Cecilia, thank you so much this morning. [LCC]

7. Уступка:

All right, I didn't know that. [LCC]

Заключение

Проанализировав функциональный потенциал лексического дискурсивного маркера *right*, мы установили, что он демонстрирует изоморфичные функции в аспекте актуализации функционально-прагматического потенциала.

Также анализ показал, что для него характерны восемь прагматических функций: *предположения, уточнения времени, уточнения места, уточнения об объекте говорения, подтверждения, согласия, отступления, ругательства.*

Список литературы

Журавлева Е.Р., Шустова С.В. Функциональный потенциал немецкого дискурсивного маркера *also* // Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве. Материалы II Международной научно-практической конференции. 4–5 октября 2018 г. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2018. С. 66–72.

Путина О.Н. Функционирование дискурсивных маркеров в диалогическом единстве *вопрос-ответ*: коммуникативно-прагматический подход. Пермь: АНО ДПО «Пермский институт экономики и финансов» 2021. 228 с.

Путина О.Н., Шустова С.В. Функциональный потенциал дискурсивных маркера *ну* и *well* в русском и английском языках (корпусное исследование) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Т. 5. № 1. С. 112–122.

Рябичкина Г.В. Систематизация помет в субстандартных словарях (социолексикографический аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1-2(1). С. 116–118.

Рябичкина Г.В. Типы дефиниций в «Большом словаре русского жаргона» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008а. № 59. С. 179–182.

Рябичкина Г.В. История русской просторечной лексикографии постреволюционного периода. Монография. Астрахань: Изд. Сорокин Р.В., 2010. 153 с.

Шустова С.В., Журавлева Е.Р., Путина О.Н., Исаева Е.В. Дискурсивные маркеры: прагмалингвистический и прагмалинغو-дидактический аспекты. Пермь: АНО ДПО «Пермский институт экономики и финансов» 2020. 180 с.

Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html> (дата обращения: 2022).

Шустова С.В., Царенко Н.М. Дидактико-психологические, лингвистические и методические основы коммуникативно-когнитивного направления // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4(71). С. 175–176.

Шустова С.В., Царенко Н.М. Прагматический потенциал дискурсивных маркеров // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Т. 5. № 4. С. 163–170.

Шустова С.В., Костыря А.В., Афанасьева А.А. Дискурс, текст, функциональные структуры. Пермь: АНО ДПО «Пермский институт экономики и финансов», 2021. 184 с.

Царенко Н.М., Шустова С.В. Дискурсивные маркеры: прагмалинغو-дидактический подход. Пермь: АНО ДПО «Пермский институт экономики и финансов», 2018. 148 с.

Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 2022).

Leipzig Corpora Collection / Deutscher Wortschatz. URL: <http://wortschatz.uni-leipzig.de/en> (дата обращения: 2022).

Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения: 2022).

Reverso Context. Контекстный словарь. URL: <https://context.reverso.net> (дата обращения: 2022).

УДК 811.133.1

Роман Евгеньевич Сёмкин

факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

КОНЦЕПТЫ МИР И PAIX В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ МЕДИАТЕКСТЕ: ОПЫТ КОРПУСНОГО АНАЛИЗА

Статья посвящена сопоставительному анализу репрезентации значений концептов МИР и PAIX в русских и французских медиатекстах. Актуальность исследования обусловлена тем, что осмысление концептов и наполнение их новыми значениями в контексте эскалации локальных и глобальных конфликтов важны как никогда, особенно на фоне роста объёмов информации и коммуникации. Корпусное исследование позволило выявить различия в русской и французской языковой картине мира.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, медиатекст, корпус, мир, paix.

Введение

На сегодняшний день всё больше людей прямо или косвенно оказываются вовлечёнными в сферу коммуникации. Средства массовой информации настолько глубоко интегрированы в жизнь современного человека, что избежать их влияния просто невозможно, и с каждым годом оно только усиливается. С другой стороны, наши представления о мире тоже не статичны. Более того, эти сведения, опыт и переживания не только меняются под воздействием окружающей среды, но и становятся неотъемлемой частью этой самой среды. По мере нарастания нестабильности в обществе изучение самого понятия «мир» становится всё более релевантным. Актуальность исследования обусловлена тем, что осмысление концепта МИР и наполнение его новыми значениями в контексте эскалации локальных и глобальных конфликтов важны как никогда, особенно на фоне роста объёмов информации и коммуникации (см., например [Шалгина 2017, 2020, 2020а, 2022; Шалгина, Плюсина 2018]). Цель работы состояла в том, чтобы определить особенности реализации концептов МИР и PAIX в средствах массовой информации и сопоставить их. В ходе выполнения работы были по-

ставлены и решены следующие задачи: анализ ключевых понятий; классификация концептов МИР и PAIX в соответствии с выбранным подходом, объяснение их структуры; лексикографическое представление данных концептов; этимологический анализ лексем МИР и PAIX; сопоставление лексикографического портрета концептов с результатами корпусного исследования.

Материалом исследования послужили словарные статьи русских толковых словарей: Ожегова [6], Ушакова [8], Даля [7], и французских словарей: LAROUSSE [10], ROBERT [11], Dictionnaire de l'Académie française [9], а также словарь корпусного типа Trésor de la Langue Française informatisé; этимологический словарь Фасмера, статьи концептуария Ю.С. Степанова МИР (Община) и МИР (Ментальные миры). Базу исследования составили контексты из Национального корпуса русского языка – газетного подкорпуса [1]; общее количество контекстов составило: 71 144 текста 97 882 примера; корпус Leipzig Corpora Collection [4]; лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета (французский базовый смешанный подкорпус); общее количество контекстов составило: 28 713 примеров; российские и французские СМИ: газеты «Ведомости» – ведущее деловое издание России, еженедельник «Коммерсант», французская пресса: ежедневные газеты Le Monde [3] и La Libération [5].

Основная часть

Временной промежуток материалов составил пять лет: с 2017 по 2022 год. Нами было отобрано 65 русских и 90 французских контекстов для примеров, выполнен перевод и даны пояснения. Из многообразия методов изучения концепта мы остановились на лингвокультурном подходе Ю.С. Степанова и для дальнейшего рассмотрения концептов МИР и PAIX взяли за основу его идею многослойной структуры [2]. Было осуществлено лексикографическое представление данных концептов: на основе статей из толковых словарей мы выделили основные и второстепенные значения единиц МИР и PAIX. Поскольку в русском языке слова мир (место) и мир (состояние) – омонимы, было принято решение разделить их на МИР1 и МИР2 соответственно. Курсивом отмечены те значения, реализацию которых мы нашли в медиатексте.

– МИР1: *вселенная; планета; отдельная область жизни; люди (население)*

– МИР2: *согласие; отсутствие вражды, ссоры, войны; тишина; покой; спокойствие*

Анализируя словарные статьи французской лексики PAIX, мы обнаружили, что каждое значение носит определённый оттенок, вследствие чего нами было выделено 5 тематических «уровней». Это наблюдение определило весь последующий ход исследования: PAIX общий (*absence d'agitation, de bruit, calme, repos; éloignement de l'agitation*); PAIX внутренний, т.е. покой (*état de quelqu'un qui jouit du calme intérieur*); PAIX межличностный / социально-политический (*état d'un groupe, de personnes, rapports entre personnes, absence de luttes sociales, de troubles sociaux...*); PAIX государственный / национальный (*situation d'une nation, d'un État*); PAIX межгосударственный / межнациональный (*état de pays, de nations, état résultant d'une concertation entre des pays...*).

В русских медиатекстах не удалось обнаружить репрезентацию всех значений концепта МИР. Так, исторические значения (сельская община; общество; сходка) не нашли отражения в текстах СМИ. Однако те примеры, что были найдены, могут говорить о различиях в русской и французской языковых картинах мира.

Таблица 1

Источник	Пример
[Ярослав Шимов. Колония Олдфартсвилль. Как уходит XX век // Новая газета, 2018.09.09]	С одной стороны, западный мир провозглашает торжество индивидуализма и прав [...]
[В МИД России оценили намерение США признать Голаны израильскими // Московский комсомолец, 2019.03.23]	[...] отношений между Израилем и арабским миром .

В контекстах Таблицы 1 прослеживается оппозиционное разделение по принципу *свой / чужой*: «западный мир», «Израиль и мусульманский мир». Вероятно, это связано с тем, что само понятие «мир» в русской картине мира с древних времён воспринималось как место, где живут «наши» [2], а, следовательно, всё, что лежит вне этого пространства, обладает другими законами, порой чуждыми нам. Учитывая политическую природу данных медиатекстов, есть основания говорить о том, что в этих материалах дифференциация происходит не только на географическом или культурном, но и на идеологическом уровне.

В русских медиатекстах (Таблица 2), в отличие от французских, также представлен и второй слой концепта МИР – значения, существующие для отдельных социальных групп, а не всех носителей языка и культуры [2]. В основном, это имена собственные: например, планетная система «МИР» или орбитальная станция «Мир». При этом

данные значения занимают далеко не последнее место в нашей картине мира (в настоящее время). То есть благодаря своему широкому охвату и доступности для всех слоёв населения, медиатекст наделяет пассивный признак концепта активными свойствами, будь то исторические или новые значения, актуальные только в данный момент. Иными словами, второстепенное содержание концепта становится релевантным для большего количества людей в тот период, когда само понятие (и явление, за ним стоящее) актуально и освещается в СМИ.

Таблица 2

Источник	Пример	Значение
[Кого сегодня берут в космонавты // Парламентская газета, 2021.04.12]	[...] орбиту базового блока орбитальной станции « Мир » (СССР)	орбитальная станция
[Банк России начинает реформу платежного рынка // Ведомости, 2021.08.24]	[...] расплатиться картой российской платежной системы « Мир », провести платеж через Систему быстрых [...]	платёжная система

Таблица 3

Источник	Оригинал (фр.)	Перевод (рус.)	Контекст	Оттенок
Libération, 2017.09.03	[...] des congrès pour relancer le processus de la paix au Proche-Orient.	[...] конгрессы для возобновления процесса по достижению мира на Ближнем Востоке.	Борьба с терроризмом на Ближнем Востоке	межгосударственный / международный
Libération, 2022.02.04	«un cadre autonome de sanctions à l'encontre des personnes responsables de la menace de la paix , de la sécurité ou de la stabilité du Mali [...]	«автономные рамки санкций против лиц, ответственных за угрозу миру , безопасности или стабильности Мали [...]	Западные санкции против Мали	государственный / национальный

В Таблице 3 представлены некоторые примеры реализации концепта PAIX во французском медиатексте. В целом они отражают актуальность миротворчества по мере появления новых очагов нестабильности, а также их освещения в СМИ. Тематически концепт PAIX очень

широко представлен в новостях из стран Африки и Ближнего Востока – основных источниках мигрантов. Такое повышенное внимание обусловлено тем, что военные конфликты увеличивают поток миграции, а значит, мир и благополучие в этих регионах напрямую влияет на мир и благополучие в самой Франции.

Таблица 4

Источник	Оригинал (фр.)	Перевод (рус.)	Контекст
(www.lefigaro.fr, collected on 09/10/2020)	La paix sociale est menacée au royaume de Norvège.	Социальный мир в Королевстве Норвегия находится под угрозой.	Забастовка работников углеводородного сектора в Норвегии
Le Monde, 2021.11.17	[...] une école plus juste, dont la prospérité de la France et sa paix civile dépendent largement.	[...] более справедливой школы, от которой во многом зависит процветание Франции и её гражданский мир .	Предложения сделать систему школьного образования более справедливой [по отношению к учащимся]

На наш взгляд, примеры из Таблицы 4 особенно ярко иллюстрируют всё многообразие значений французского PAIX. Это понятия «социальный мир» (paix sociale) и «гражданский мир» (paix civile). Мы считаем, что в первом случае речь идёт о согласии, мирном сосуществовании разных социальных слоёв, а мир гражданский имеет правовую окраску. Например, менее справедливая система образования во Франции вряд ли расколет общество, но как минимум послужит причиной роста уровня преступности. Следует отметить, что понятие «социального мира» не встретилось нам в русских медиатекстах. Это может говорить о наличии различных оттенков даже в рамках одного значения во французской языковой картине мира (в данном случае – PAIX социально-политического характера).

Заключение

В результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам относительно взаимодействия медиатекста с концептосферой. Прежде всего, медиатекст имеет двусторонний характер: с одной стороны, он, будучи полем для реализации концептов, вбирает в себя идеи автора, его взгляды, опыт и переживания, то есть отражает концептосферу и картину мира отдельного человека или группы людей. С другой стороны, медиатекст, особенно политический, формирует картину мира

у своей аудитории через призму идеологии автора. Ещё одно влияние медиатекста на концептосферу заключается в том, что он активизирует пассивный признак концепта, наделяя второстепенные значения большей актуальностью. Сопоставляя русскую и французскую картины мира, мы убедились в том, что французская картина мира представлена большим количеством смысловых оттенков. Исследование русских медиатекстов доказало, что из-за совмещения двух значений концепт МИР не обладает таким же многообразием, однако имеет более развитую структуру за счёт наличия активного и пассивного признаков.

Список литературы

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: ноябрь – декабрь 2022).

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.

Le Monde. URL: <https://www.lemonde.fr/> (дата обращения: ноябрь – декабрь 2022).

Leipzig Corpora Collection. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/en?corpusId=fra_news_2019 (дата обращения: ноябрь – декабрь 2022).

Libération. URL: <https://www.liberation.fr/> (дата обращения: ноябрь – декабрь 2022).

Словари

Словарь русского языка С.И. Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=14511> (дата обращения: 21.10.2022).

Толковый словарь живаго великорусского языка Даля. URL: <https://slovardalja.net/> (дата обращения: 21.10.2022).

Толковый словарь Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 21.10.2022).

Шалгина Е.А. Семантическое поле концепта «Charite / Милосердие» // Миграционная лингвистика. 2017. № 2. С. 50–58.

Шалгина Е.А., Плюснина Е.М., Киселева О.Б. Семантическое поле «Милосердие» в русском и французском языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 4. С. 52–56.

Шалгина Е.А. Религиозный компонент значения в содержании концепта «Charite» // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2(81). С. 468–471.

Шалгина Е.А. Фрейм-анализ концепта «Милосердие» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020а. Т. 6. № 1. С. 186–199.

Шалгина Е.А. Неологизмы тематической группы «иммиграция»: опыт корпусного анализа // Миграционная лингвистика. 2022. № 4. С. 40–49.

Dictionnaire de l'Académie française. URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A9P0093> (дата обращения: 21.10.2022).

Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/paix/57298> (дата обращения: 21.10.2022).

Le Robert. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/definition/paix> (дата обращения: 21.10.2022).

УДК 81'27

Фэй Хаоюй

филологический факультет,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,

г. Пермь, Россия

НАИВНОЕ ПОНЯТИЕ «УНИВЕРСИТЕТ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Русская и китайская языковые культуры имеют каждая свои специфические черты, однако можно выделить и определенную общность. Исследование структуры понятий через ассоциации является одним из способов выяснить уникальность и универсальность каждой лингвокультуры. Объект настоящего исследования – ассоциации на стимул «университет», а предмет – тематическая структура ассоциаций. В статье представлены результаты ассоциативного эксперимента, проведенного с китайскими студентами, обучающимися в ПГНИУ.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, языковое сознание, китайцы, эксперимент.

Введение

Русская и китайская языковые культуры имеют каждая свои специфические черты, однако можно выделить и определенную общность. Исследование структуры понятий через ассоциации является одним из способов выяснить уникальность и универсальность каждой лингвокультуры. Объект настоящего исследования – ассоциации на стимул «университет», а предмет – тематическая структура ассоциаций. Цель работы – сконструировать понятие «университет», представленное в языковом сознании китайских студентов. Для достижения данной цели требуется решить следующие задачи: 1) обобщить существующие подходы к изучению структуры понятий на основе ассоциаций; 2) провести ассоциативный эксперимент с китайскими студентами, обучающимися в ПГНИУ; 3) проанализировать полученные ассоциации, распределить их по тематическим группам; 4) выделить ядерные и периферийные части структуры понятия «университет» в языковом сознании китайских студентов. В настоящем исследовании использовались метод свободного ассоциативного эксперимента, методы семантического и количественного анализа.

Основная часть

Язык и сознание находятся в неразрывных отношениях, основывая органическое, но в то же время противоречивое единство. Язык и сознание взаимодействуют и определяют друг друга. Сознание возникает и существует вместе с языком, т.к. идеальное отражение действительности проявляется во внешней материальной форме (см., например, [Выготский 1982; Лурия 1979; Стернин 2002] и др.). В сознании существуют некоторые понятия, которые, в свою очередь, могут обладать национальной спецификой. Национальная специфика понятий проявляется в наличии различий в сходных понятиях в разных национальных культурах, а также в наличии уникальных понятий, характерных только для одной культуры. В то же время, как справедливо замечает В.И. Карасик, «полное отсутствие понятия в той или иной лингвокультуре является очень редким явлением, более редким, чем отсутствие выражения одного слова для определенного понятия» [Карасик 2004: 152]. Наиболее ярко национальная специфика понятий проявляется в наличии неэквивалентных понятий в национальных концептосферах. Эквивалентные понятия могут быть идентифицированы через неэквивалентные единицы языка. Неэквивалентная единица всегда является индикатором наличия некоторой уникальности, национальной идентичности концепции в сознании людей.

В рамках настоящей работы рассмотрим наивное понятие «университет»: как оно представлено в языковом сознании китайских студентов. В рамках настоящего исследования был собран следующий экспериментальный материал: 184 ассоциации, полученные от 20 информантов – китайских студентов, обучающихся в ПГНИУ. Выборка сбалансирована по фактору гендер (10 мужчин и 10 женщин). Факторы возраст и место проживания нивелированы, т.к. все студенты из возрастной группы от 20 до 26 лет, все проживают на территории Перми. При проведении свободного ассоциативного эксперимента в письменной форме информантам предлагалось написать 10 слов (словосочетаний), которые первыми возникают у них в голове, когда они слышат слово УНИВЕРСИТЕТ. Некоторые респонденты написали менее 10 слов/словосочетаний, поэтому общее количество полученных реакций – 184.

Полученные от информантов ассоциации были распределены по 6 тематическим группам (в скобках указано количество вошедших в тематическую группу языковых единиц): САМОРЕАЛИЗАЦИЯ (56), УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС (47), ЭМОЦИИ (27), СОВЕТЫ (26), ОТНОШЕНИЯ (22), ИНОЕ (6).

Самое большое количество слов/словосочетаний (56 единиц) вошло в тематическую группу САМОРЕАЛИЗАЦИЯ. В этой группе представлены цели студентов, которые учатся в университете для самореализации: общий рост, жизненный опыт и планирование жизненного пути, изменение их мировоззрения и отношения, исправление своих недостатков и развитие собственных преимуществ, изучение различных аспектов знаний, развитие моральных качеств, расширение собственного кругозора. Они позволяют учебе и работе сочетаться, хотя жить независимо и накапливать опыт, а также совершенствовать навыки решения проблем. Видно, что у большинства людей есть четкие цели, что пока они учатся в университет, хотят улучшить свои способности и изменить себя через университетскую среду.

По количеству вошедших реакций второе место занимает тематическая группа УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС, в которой насчитывается 47 единиц. Из названия тематической группы следует, что у студентов есть профессиональный учебный процесс, дополнительные знания, интересные научно-исследовательские проекты и академические ресурсы в процессе обучения. В случае жесткой конкуренции предстоит еще много работы. Видно, что процесс обучения для одних студентов сложный, а для других – легкий. В конце концов, это стало опытом непрерывного роста. Богатые ресурсы университета могут улучшить учебу.

В общей сложности выявлено 27 реакций в тематической группе ЭМОЦИИ. Видно, что информанты не всегда сталкиваются с хорошими вещами в университете, они бывают сбиты с толку, разочарованы и беспомощны в трудностях, но все они усердно работают и терпят неудачу. Некоторые респонденты отмечали теплую, творческую атмосферу, открытых и жизнерадостных студентов, радость, свободу.

В тематическую группу СОВЕТЫ вошло 26 ассоциаций. Это предложения опытных людей для тех, кто вот-вот поступит в университет: независимое развитие и мышление, не боящиеся обогатить свою жизнь, сохранить оптимистичный настрой и улучшить свое художественное пространство. Во всех словосочетаниях используется глагол повелительного наклонения, например, *Воспользуйся этой возможностью, Выбери свой собственный путь* и др.

Тематическая группа ОТНОШЕНИЯ представлена 22 единицами. Информанты ценят межличностные отношения в университете, в том числе находят любовь, заводят друзей, накапливают жизненный опыт, развивают коммуникативные навыки и надеются испытать командную осведомленность в коллективе, однако при сравнении данных эта тематическая группа относительно невелика по сравнению с другими

группами. Это, на наш взгляд, может указывать на то, что большинство китайских студентов не ценят общение в университете. В тематическую группу ИНОЕ вошли 6 единиц, которые невозможно было распределить по выделенным ранее тематическим группам. Это такие единицы, как *мои родители хотят, чтобы я поступил в этот университет, отсрочка от армии, более высокая платформа разработки, множество задач, школьные знания не используются при подборе персонала в компанию.*

Заключение

В работе рассматривается структура понятия «университет» в языковом сознании китайских студентов в возрасте от 20 до 26 лет. Это исследование затрагивает практические аспекты современного общества. В нем анализируется интерпретация различных взглядов китайских студентов, классифицируются и обобщаются ассоциации студентов. Можно отметить, что девочки уделяют больше внимания межличностным отношениям и советам, чем мальчики. САМОРЕАЛИЗАЦИИ, УЧЕБНОМУ ПРОЦЕССУ, ЭМОЦИЯМ, ОБЩЕНИЮ мальчики уделяют больше внимания, чем девочки. В перспективе данного исследования планируется увеличение количества информантов – будут опрошены русские и туркменские студенты. В результате будут освещены как общие, так и различные аспекты понятия «университет», нашедшие отражение в языковом сознании китайских, русских и туркменских студентов.

Список литературы

- Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. / гл. ред. А.В. Запорожец. М.: Педагогика. 1982–1984. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии / под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. 1982. 488 с.
- Карасик В.И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня. 2004. № 2004. С. 130–159.
- Лурия А.Р. Язык и сознание / под ред. Е.Д. Хомской. М: Изд-во «Московский университет», 1979. 320 с.
- Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку: сб. науч. тр., посвященных Е.С. Кубряковой. М.; Воронеж: Изд-во «Воронежский государственный университет», 2002. С. 44–51.

УДК 811.161.1:811.111

Дарья Яковлевна Оглезнева

факультет современных иностранных языков и литератур,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,

г. Пермь, Россия

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ» И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Понятие концепта появилось лишь в XX веке, но за это время оно стало одним из ключевых в когнитивной лингвистике. Актуальность темы обуславливается тем, что концепт позволяет рассмотреть слово в аспекте культуры, выявить взаимосвязь языка и мышления. Особый интерес в исследовании вызывают лакуны, не имеющие эквивалентов в иностранном языке и концепты высокой категории, то есть относящиеся к духовности. Это концепт «HAPPINESS» / «СЧАСТЬЕ». Счастье является категорией этики, одной из вечных тем в искусстве. У каждой культуры – свои ценности, которые отражены в языке, следовательно, и подобные концепты в различных лингвокультурах репрезентируются по-разному. Новизна работы заключается в том, что мы исследовали репрезентирующие единицы концепта «HAPPINESS» / «СЧАСТЬЕ» в сознании современных носителей языков.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, фрейм, гештальт, образ.

Введение

Несмотря на то, что это понятие концепта считается общепринятым и утвердившимся, его содержание варьируется, каждый трактует его по-разному. Концепт – это мыслительная категория, ментальная единица высокой степени абстрактности, неуловимая и ненаблюдаемая. Вследствие этого концепт предоставляет обширное поле для толкования.

Вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниним, считаем, что концепт – дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества, несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом пред-

мете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету. Концепт содержит ценностные знания о мире, а в его структуре отображены функционально значимые признаки для определённой культуры [Попова, Стернин 2007: 24].

З.Д. Попова и И.А. Стернин говорят о некоторых особенностях концепта: не все концепты имеют языковые эквиваленты, не все вербализированы; многие концепты также имеют эмпирический характер, они не духовны (например, нога голова, вода, и т.д.); несмотря на тесную связь с национальной спецификой, далеко не все концепты имеют этнокультурную составляющую; не каждый концепт имеет ценностную составляющую; концепт – единица мышления, а не памяти, так как он обеспечивает мыслительный процесс; называть концепт «мыслительным лексиконом» – ошибка, так как концепт – единица концептосферы, то есть сознания [Попова, Стернин 2007].

Основная часть

Язык, культура и этнос – неразрывно связанные между собой понятия, которые и образуют личность, ведь это связь духовного, физического и социального. Культура передается как свод ценностей, норм и значений, а язык – инструмент культуры. Поэтому особенность концепта – его лингвокультурная отмеченность.

Национальная специфика концепта проявляется в существовании различий одного концепта в разных культурах. Концепты отражают национальный характер, при этом возможны уникальные концепты, характерные для определенной культуры. Однако В.И. Карасик пишет, что полное отсутствие концепта в определенной лингвокультуре бывает крайне редко [Карасик 2002].

В лингвокультурологической трактовке концепт психологизируется, отождествляется с прототипом. Особый интерес представляют концепты, не имеющие эквивалента (например, исконно русские концепты «лукавство», «разгул», «умиление» для представителей других лингвокультур). Однако из-за различной концептуализации действительности, истории народа даже один определенный концепт может по-разному выражаться. Внимание также уделяется абстрактным понятиям (любовь, счастье, долг, честь и т.д.), ведь они наиболее ярко показывают разницу этнокультур.

Основополагающим понятием в когнитивной лингвистике является понятие концептосферы, которое впервые вводит Д.С. Лихачев. Он дает ей следующее определение: «совокупность концептов нации, она

образована всеми потенциями концептов носителей языка» [Лихачев 1993: 5].

Концептосфера – упорядоченная система концептов народа, информационная база мышления. Концептосфера народа шире семантической сферы. И чем богаче культура народа, тем обширнее его концептосфера. Концептосфера имеет упорядоченный характер, все концепты, входящие в ее состав, имеют определенный признак, по которому они и вступают в системные отношения [там же].

Еще с начала когнитивных исследований было известно о неоднородности концепта. Однако невозможно выявить четкую структуру, концепт – понятие динамичное. С.Г. Воркачев выделяет образную составляющую, понятийную и значимостную – этимологические, ассоциативные характеристики [Воркачев 2001], М.В. Никитин различает понятие, образ, прагматический и когнитивный импликационалы. На основе этих исследований можно выделить 3 основных структурных элемента концепта – образ, информационное содержание и интерпретационное поле [Никитин 2007].

Образ – это базовый слой, который представляет собой чувственное понятие. Информационное содержание – это набор наиболее характерных признаков, минимум отличительных характеристик. Интерпретационное поле – совокупность предикатов, интерпретирующих основные концептуальные признаки, представляя собой выводное знание.

Интерпретационное поле неоднородно, в нем выделяются несколько зон: оценочная, энциклопедическая, утилитарная, регулятивная, социально-культурная и паремиологическая. В структуре концепта также выделяется ядро (наиболее характерный признак концепта), предьядерная зона (ближайшие по значению признаки) и периферия (признаки, имеющие отдаленные связи) (прил. 2). С.Г. Воркачев делит концепты на концепты высшего уровня (совесть, честь, любовь, счастье, долг) и на обычные концепты [Воркачев 2004: 44].

Мы же в своей работе вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниним будем делить концепты по основаниям, которые отражают «когнитивную реальность», а именно на представления, схемы, понятия, фреймы, сценарии и гештальты.

Концепты могут классифицироваться по разным признакам: по принадлежности (групповые / индивидуальные), по абстрактности (абстрактные / конкретные), по принадлежности к определенным группам (универсальные / национальные), по характеру наблюдаемости (вербализованные / невербализованные). В зависимости от целей лингвокогнитивного анализа подбираются классификация и методы исследова-

ния. Концепт изучается в рамках трех наук: психолингвистика, лингвокультурология и когнитивная лингвистика. В статье понятие концепта мы рассматриваем в рамках лингвокультурологии, которая изучает языковые формы с точки зрения того, как они отражают и концептуализируют объективную реальность в языке через призму культурных особенностей.

Этапы лингвокультурологического описания концепта: построение номинативного поля концепта «HAPPINESS» в английской лингвокультуре; анализ и описание языковых средств; когнитивная интерпретация полученных результатов – выявление признаков, образующих концепт как ментальную единицу; моделирование и описание концепта; проведение всех вышеупомянутых этапов исследования с концептом «СЧАСТЬЕ» в русской лингвокультуре.

В качестве метода исследования был выбран ассоциативный эксперимент. В эксперименте с описанием концепта в английской лингвокультуре приняли участие 40 информантов возрастной категории 16–55 лет. Испытуемыми выступили 20 человек, которые являются носителями английского языка и 20 носителей русского языка. Участникам эксперимента озвучивалась инструкция: «Вы участвуете в лингвокультурологическом эксперименте. Подберите, пожалуйста, 10 ассоциаций к слову «счастье», 10 слов, которые приходят на ум в первую очередь».

Ядерную зону концепта составляют такие понятия, как «*love*», «*friend*», «*family*».

В предъядерную зону входят наиболее близкие по значению понятия, такие как «*joy*», «*smile*», «*food*», «*freedom*», «*travel*» и др.

Периферийную зону составляют понятия «*pizza*», «*campfire*», «*honesty*», «*learning*» и т.д.

Такой же ассоциативный эксперимент был и проведен с носителями русского языка. Перед информантами так же стояла задача дать 10 ассоциаций к слову «счастье».

Участников эксперимента было 21 человек в возрасте от 20 до 55 лет. В результате было получено 207 реакций: 18 человек – по 10 реакций, 3 человека – по 9 реакций. В результате было сформировано семантическое поле концепта «СЧАСТЬЕ».

Образное представление, как и в английском языке, составляет 100 %. Все представленные слова имеют эмоциональный, чувственный оттенок и метафорическое осмысление. Ядерную зону концепта составляют такие понятия, как «*любовь*», «*здоровье*», «*друзья*» и др. В предъядерную зону входят наиболее близкие по значению понятия,

такие как «семья», «улыбка», «деньги», «смех», «радость» и др. Периферийную зону составляют понятия «лето», «досуг», «принятие себя», «баланс» и т.д.

Важной группой ответов является категория «фрейм». Результаты ответов группы русскоговорящих информантов показывают, что для представителей русской лингвокультуры важны детали и образы.

Заключение

Исследование показало, что эмоциональный концепт «СЧАСТЬЕ» в русском языке имеет доминирующее образное представление, базируется на чувствах и ощущениях так же, как «HAPPINESS» и у представителей английской лингвокультуры.

Однако есть различия: в русском языке было представлено больше единиц о внутреннем комфорте и балансе человека, о его становлении как личности («уверенность в себе», «баланс»), в то время как в английском языке наиболее обширная группа – удовольствие и радость; в отдельные категории в русском языке были выделены единицы, репрезентирующие материальное благополучие человека и спокойствие. Всё это взаимосвязано и может свидетельствовать об общих тенденциях, что необходимо народу.

Для представителей русской лингвокультуры «счастье» не имеет определенного конкретного выражения, оно тесно связано с моментами и ситуациями из жизни участников эксперимента, поэтому в ходе эксперимента у информантов возникали конкретные образы.

Несмотря на обозначенную задачу, что необходимо привести слова, ассоциирующиеся со словом «счастье», участники пренебрегали этим правилом, давая ответы в виде фреймов («встреча с родными после долгой разлуки», «любимая песня в общественном транспорте», «летний вечер» и т.д.).

При этом видны различия между основными семантическими признаками, выделенными в идиомах, фразеологизмах, высказываниях и в результатах ассоциативного эксперимента в рамках обоих языков. Здесь важную роль играет фактор, что выражения относятся к XVII–XX вв., а анкетирование проходили живые носители языка.

Основной особенностью является тот факт, что слова-ассоциаты, данные носителями имеют эмоциональную основу, а идиомы / фразеологизмы / высказывания являются результатом осмысления и показывают отношение к счастью, действия, необходимые для достижения счастья.

Список литературы

Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004, 236 с.

Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия «Литература и язык». 2001. Т. 60. № 6. С. 47–58.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 379 с.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия. лит. и яз. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие. 2-е изд., доп. и испр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 819 с.

Подвигина Н.Б. Понятие концепта и концептосферы. Воронеж: Научный Вестник Воронежского ГАСУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 3 (3). С. 97–108. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kontsept-a-i-kontseptosfery/viewer> (дата обращения: 17.09.2022).

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография // Изд.2., перераб. и доп., Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.

Титова Ю.В. Структура концепта и методы его описания // Вестник УлГТУ. 2010. № 4. С. 16–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-kontsept-a-i-metody-ego-opisaniya/viewer> (дата обращения: 02.10.2022).

Laurence S., Margolis E. Concepts and Cognitive Science // Concepts: Core Readings, Cambridge. MIT Press, 1999. P. 3–81, URL: <https://philpapers.org/archive/LAUCAC-3.pdf> (дата обращения: 05.11.2022).

Smith B. Beyond Concepts: Ontology as Reality Representation / A. C. Varzi, L. Vieu // Formal Ontology in Information Systems (FOIS), 2004, P. 1–12, URL: <http://ontology.buffalo.edu/bfo/BeyondConcepts.pdf> (дата обращения: 31.10.2022).

Vita in lingua: К юбилею профессора С.Г. Воркачева: [сборник статей] / отв. ред. В.И. Карасик. Краснодар: Атриум, 2007. 256 с.

УДК 811.161.1'27

Анастасия Алексеевна Зимоглядова

филологический факультет,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,

г. Пермь, Россия

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ УСТНЫХ ТЕКСТОВ «О СЕБЕ»

В статье представлены предварительные результаты эксперимента, испытуемыми в котором стали студенты Пермского колледжа предпринимательства и сервиса. Актуальность работы обусловлена интересом к исследованию семантической структуры устного текста на заданную тему и зависимости этой структуры от социальных параметров говорящих.

Ключевые слова: семантическая структура текста, текст, устный текст, социолингвистика.

Введение

Настоящее исследование посвящено моделированию семантической структуры устного спонтанного текста «О себе». Само понятие «устный текст» трактуется по-разному в зависимости от того, с какой позиции данный термин рассматривается определенной наукой. С точки зрения общего языкознания, «речевая деятельность» – это существующие исключительно в неразрывном единстве процессы говорения и понимания (см. подробнее [Шаклеин 2012]).

С точки зрения психолингвистики, «устный текст» – это речеобразование, которое впоследствии будет рассмотрено на уровне восприятия и формирования речи в системе языка (см. подробнее [Бабкина, Семенова: 2013]). Еще более узкое ответвление в лингвистике – коллоквиалистика – рассматривает устный текст как объект, называемый обычно разговорной речью или обиходной речью, его можно определить как субъязык, обслуживающий сферу обиходно-разговорного общения. Основываясь на определениях, приведенных выше, можно выделить основные характеристики устного текста. Во-первых, спонтанность, неподготовленность в момент порождения речи. Во-вторых, отдельным пунктом можно выделить такие особенности, как неподготовленность и эмоциональность.

Основная часть

В данной работе за основу берется подход к моделированию семантической структуры текста (см. подробнее: [Павлова, Ерофеева 2015; Павлова 2015, 2016, 2017, 2018, 2018а]), исследуются спонтанные монологи, где информанты рассказывают о себе. При семантическом анализе и распределении лексических единиц учитывались не только семантический признак, но и синтаксический. Так, например, в словосочетании *моя мама* слово *мама* относится к микротемам ЧЕЛОВЕК и СЕМЬЯ, а слово *моя* – к микротемам Я, ЧЕЛОВЕК и СЕМЬЯ, т.к. речь идет именно о моей маме.

Материалом настоящего исследования стали 16 устных спонтанных текстов «О себе», сбалансированные по факторам «гендер», «возраст» и «образование». Весь массив текстов обрабатывается методом графо-семантического анализа в ИС “Семограф” (см. подробнее в [Белоусов, Зелянская, Баранов 2012]), а полученная семантическая структура текста визуализируется при помощи платформы SciVi.

Однако в настоящей статье будет представлен анализ только 4 текстов, поскольку сбор и обработка материала все еще продолжаются. Информантами рассматриваемых 4 текстов стали студенты Пермского колледжа предпринимательства и сервиса: две девушки и двое юношей в возрасте 16 лет. Среднее время звучания – 3 мин. 5 сек., среднее количество слов в тексте – 395.

В процессе анализа языкового материала нами были выделены следующие микротемы (после каждой микротемы указано количество вошедших в нее единиц): Я (213), СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (32), ЧЕЛОВЕК (247), СЕМЬЯ (100), ДРУЗЬЯ (24), ПОЛ/ВОЗРАСТ (32), КОЛИЧЕСТВО (25), КАЧЕСТВО (60), КОММУНИКАЦИЯ (117), СУЩЕСТВОВАНИЕ (45), АКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ (24), ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ (72), ВРЕМЯ (167), ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (170), ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА (106), МЕСТО (47), ИМЯ СОБСТВЕННОЕ (33) и ХОББИ/УВЛЕЧЕНИЯ (241). При выделении микротем мы опирались на словари [Большой толковый словарь русских глаголов 2007; Большой толковый словарь русских существительных 2005], а также на сам материал исследования.

На этапе выявления отношений между микротемами были отсечены слабые связи (сила связи менее 0,2). Таким образом, остались микротемы ЧЕЛОВЕК, УВЛЕЧЕНИЯ/ХОББИ, Я, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ВРЕМЯ, КОММУНИКАЦИЯ, СЕМЬЯ, ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ, КАЧЕСТВО и МЕСТО. Самыми объемными по количеству вошедших в них единиц стали микротемы ЧЕЛОВЕК,

УВЛЕЧЕНИЯ/ХОББИ, Я, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ВРЕМЯ. Можно предположить, что для подростков важно рассказать, с какими людьми они проводят время, чем увлекаются, о чем думают и мечтают.

В результате обработки нами был получен неориентированный граф, демонстрирующий объем и связи микротем в устных текстах “О себе” (см. рисунок).

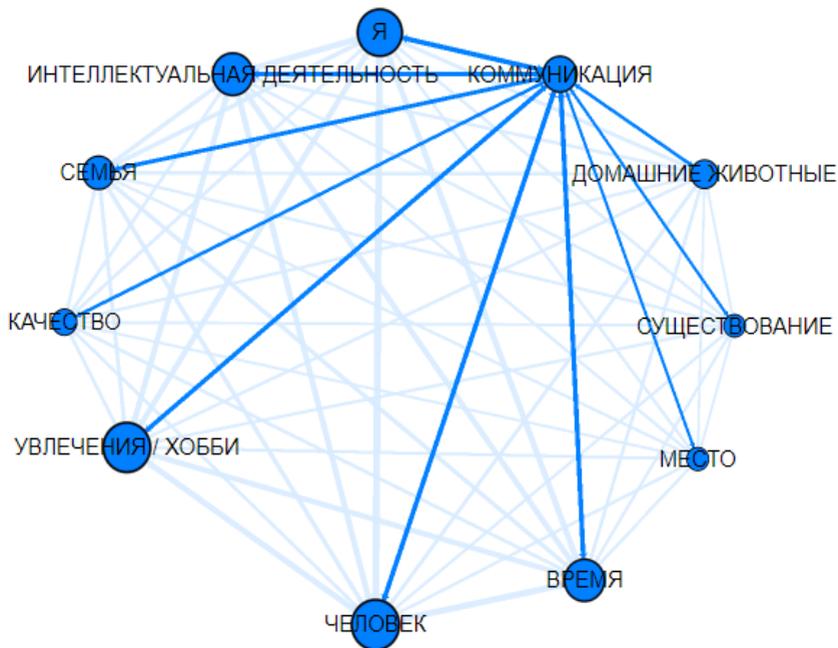

Рис. Семантическая структура устных текстов “О себе”

Из рисунка видно, что сильную связь образуют между собой самые объемные микротемы, например, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ и УВЛЕЧЕНИЯ/ХОББИ. Так, можно предположить, что девушки и юноши в возрасте 16 лет отдают предпочтение таким занятиям, которые расширяют их кругозор, совершенствуют, развивают творческое начало и эмпатию. Микротема КОММУНИКАЦИЯ связана со всеми ключевыми микротемами анализируемых текстов, что говорит о важности взаимодействия подростка с окружающим миром.

Заключение

В дальнейшем планируется увеличение объема анализируемого материала. Будут выделены тенденции влияния факторов «гендер» и «возраст» на семантическую структуру устного спонтанного текста.

Список литературы

Бабкина Е.С., Семенова И.В. Основы психолингвистики и социолингвистики: учебно-методические материалы [электронный ресурс].

Белоусов К.И., Зелянская Н.Л., Баранов Д.А. Концептуально гипертекстовая модель управления контентом в ИС «Семограф» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 11. С. 56–61.

Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 2007. 576 с.

Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 2005. 864 с.

Павлова Д.С., Ерофеева Е.В. Семантическая структура устного спонтанного текста: теоретические и методологические подходы к исследованию // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 1(29). С. 5–17.

Павлова Д.С. Влияние социальных параметров говорящих на семантическую структуру устного текста // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы III Всероссийской научной конференции. Пермский государственный национальный исследовательский университет. 2015а. С. 87–92.

Павлова Д.С. Методы исследования семантической структуры устного спонтанного текста // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 5-1. С. 213–229.

Павлова Д.С. Вариативность семантической структуры текста в зависимости от образования и пола говорящих // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 3. С. 121–125.

Павлова Д.С. Влияние пола и образования говорящих на семантическую структуру устного спонтанного текста // Социо- и психолингвистические исследования. 2018. № 6. С. 75–82.

Павлова Д.С. Семантическая структура устного спонтанного текста: социолингвистическое варьирование. Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2018а. 148 с.

Шаклеин В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации. М.: Флинта. 2012. С. 14–16.

УДК 811.133.1

Екатерина Евгеньевна Сусметова

факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

**СТРАТЕГИИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ
«ПРОВОКАЦИЯ-ЗАЩИТА» В ХОДЕ ТЕЛЕДЕБАТОВ
Э. МАКРОНА И М. ЛЕ ПЕН В 2022 Г.**

Статья посвящена анализу речевых стратегий Э. Макрона и М. Ле Пен, реализовавшихся в ходе предвыборных теледебатов во Франции в 2022 г. Анализ показал несоответствие стратегий двух кандидатов: если М. Ле Пен использует преимущественно стратегии провокационного обвинения и тактики на повышение своего имиджа, то Э. Макрон применяет стратегию защиты и критичность мышления, прибегая к статистическим данным в своей аргументации.

Ключевые слова: политический медиадискурс, предвыборные дебаты, речевые стратегии, провокация, аргументация

Введение

Для современного медиаполитического дискурса провокация является эффективным инструментом убеждения через дестабилизирующее воздействие, оказываемое на политического соперника. Эффективность влияния такого речевого поведения на сознание оппонента зависит от спланированных стратегий речевого воздействия. Развитие диалога в нужном направлении обеспечивается за счёт интеллектуальных и эмоциональных процессов собеседника. Такого рода коммуникация обретает «ранг стратегии» [Иссерс 2009: 92]. Это в полной мере можно проследить в ходе трехчасовых предвыборных дебатов между участниками второго тура последних президентских выборов во Франции – Э. Макроном и М. Ле Пен, которые состоялись 21 апреля 2022 г. Несмотря на более спокойный, по мнению многих, тон полемики, по сравнению с 2017 г., когда те же кандидаты были намного агрессивнее, исследование речевого поведения участников дебатов 2022 г. с лингвопрагматической точки зрения дает материал для выявления разных стратегий воздействия на соперника, в том числе в ситуации «провокация-защита».

Основная часть

В данной статье мы рассмотрим реализацию одной из стратегий речевого воздействия – стратегию провокации – и проанализируем способы словесной защиты. «Современная энциклопедия» дает следующее определение понятию «провокация»: «(от латинского *provocatio* – вызов), подстрекательство, побуждение отдельных лиц, групп, организаций и т.д. к действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые последствия» [Современная энциклопедия 2000].

В «Толковом словаре русского языка» провокация определяется как «преднамеренное поведение, подстрекательство кого-нибудь к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия» [Ожегов, Шведова 1997].

Таким образом, мы можем выделить основные признаки понятия провокации: осознанность, преднамеренность поведения и создание негативных последствий для собеседника.

Со стороны адресата, на которого целенаправленно воздействует оппонент, мы можем прогнозировать дальнейшие тактики поведения: согласие либо отклонение предложенной модели поведения. Адресат может выбрать стратегию защиты, под которой понимается «совокупность бессознательных процессов психических, обеспечивающих охрану психики и личности от опасных негативных и деструктивных действий внутриспсихических и внешних импульсов» [Головин 1998].

Рассмотрим стратегии речевого поведения в ситуации «провокация-защита», реализуемые в речи М. Ле Пен и Э. Макрона в ходе теледебатов 2022 г. В начале встречи кандидаты в президенты выступают со вступительным словом, в котором излагают свое видение будущего Франции. Стоит учитывать, что это заранее подготовленная монологическая часть дебатов, где, тем не менее, в косвенной форме уже прослеживается стратегия провокации соперника.

М. Ле Пен начинает самопрезентацию со слов: «*J'en étais à dire que le plus grand atout de la France, c'est son peuple. Un peuple volontaire, un peuple solidaire, un peuple créatif*». Эти слова напрямую адресованы электорату, который политик называет главной ценностью (*atout*) страны. Однако эти оценочные суждения выделяются на общем фоне речи политика, где в целом М. Ле Пен отделяет себя от французского народа, дистанцируя себя: «*notre peuple, je le connais bien*», «*les millions de compatriotes*», «*la France et les Français*», «*une inquiétude auprès des Français*» и т.д.

В продолжении самопрезентации М. Ле Пен выбрала тактику негативной оценки действий своего оппонента, которая могла бы дискредитировать политику Макрона: *«Ça fait des années que je vais à sa rencontre et je suis obligée d'être témoin que depuis cinq ans, je l'ai vu souffrir, je l'ai vu s'inquiéter, s'inquiéter d'un déclassement, d'une sorte de précarité qu'il ressent généralisée et puis je l'ai vu s'inquiéter aussi de l'avenir et douter. Je voudrais lui dire qu'un autre choix est possible fondé sur le respect, fondé sur le bon sens»*.

С одной стороны, М. Ле Пен борется за власть с политиком, у которого уже есть опыт управления страной, есть реальные достижения, с другой стороны, именно этот опыт может негативно сказаться на предвыборной позиции Э. Макрона. Уже в самом начале теледебатов М. Ле Пен не упускает возможности косвенно заявить о профессиональной неудаче оппонента (*«je suis obligée d'être témoin que depuis cinq ans, je l'ai vu souffrir (le peuple), je l'ai vu s'inquiéter»*), а далее усилить свой имидж в глазах избирателей контрастным противопоставлением: *«un autre choix est possible fondé sur le respect, fondé sur le bon sens»*.

Свое представление М. Ле Пен завершает словами, нацеленными на создание ещё более положительного образа, некоего идеала, используя при этом будущее время изъявительного наклонения: *«je serai la présidente de la concorde restaurée entre les Français. Je serai la présidente de la justice. Je serai la présidente de la fraternité nationale. Je serai la présidente de la paix civile. La fraternité nationale»*. Это перечисление сопровождается многократным повторением *«je serai la présidente de...»* не только для воздействия на сознание народа, но и для самоутверждения.

Таким образом, уже здесь, в первые минуты теледебатов, мы видим явные признаки речевой агрессии со стороны М. Ле Пен, направленные на дискредитацию оппонента и усиление своего имиджа, что можно расценивать как манипулятивное воздействие.

Во время самопрезентации, однако, Э. Макрон не отвечает на провокационные заявления М. Ле Пен. В дальнейшем Макрон ещё не раз укажет на своё подчеркнуто корректное отношение к своей политической сопернице: *«Merci beaucoup, d'abord je vous remercie Mme le Pen pour l'échange que nous avons eu»*, *«Merci à vous»*. Что касается защиты в ответ на обвинения его в непрофессионализме, то Э. Макрон выбирает тактику рациональной аргументации, указывая на то, что на время его первого президентского срока пришлось беспрецедентные вызовы, связанные с пандемией (*«Nous avons tous ensemble traversé, vous venez*

de le rappeler madame, une période si difficile, des crises sans précédent, une pandémie comme nous n'en avons pas connue depuis un siècle») и военным конфликтом в Украине («Et aujourd'hui le retour de la guerre sur le sol européen. Et donc d'évidence nous parlons d'une époque où les peurs, les inquiétudes sont là. Et donc j'ai traversé à la tête de notre pays par la confiance donnée pendant cette période en essayant de prendre les bonnes décisions et je veux continuer de le faire parce que je crois d'abord que nous devons et pouvons rendre notre pays plus indépendant et plus fort»).

Таким образом, Э. Макрону приходится оправдываться перед оппонентом в своих действиях, объяснять свою позицию, упоминать успехи, чтобы не позволить М. Ле Пен дискредитировать его позицию как слабого президента.

В основной части теледебатов выявляются разнообразные способы взаимной провокации: тактика запроса информации, тактика требования и возмущения, тактика отрицательной оценки действий, тактика обвинения. Так, отвечая на вопрос об инфляции, М. Ле Пен иронично отвечает прямым обвинением Э. Макрона и его государственного аппарата: *«D'abord, je suis obligée là encore d'être le porte-parole des Français parce que, M. Macron, je vous ai entendu avec votre gouvernement vous réjouir d'avoir augmenté le pouvoir d'achat des Français».*

Такую тактику можно отнести к эмоционально дестабилизирующей, к «обвинению чужими устами» [Иссерс 2009]. Обвинение в данном случае носит гипотетический, косвенный характер и заключается в информировании оппонента о негативной оценке его действий третьими лицами.

Далее М. Ле Пен переходит к прямому обвинению: *«Alors vous avez fait des choix, le choix de mettre en place la taxe carbone qui a aggravé le prix de l'essence. Vous avez fait le choix de baisser des aides qui étaient essentielles pour un certain nombre de nos compatriotes»*, и, играя на повышение своего имиджа, добавляет: *«Et moi je veux véritablement faire du pouvoir d'achat la priorité de mon prochain quinquennat si les Français me font confiance»*. Данный тип провокации, который призван умалить заслуги действующего президента, рассчитан также на усиление собственной позиции в роли будущего лидера государства.

Против такого обвинения Э. Макрон вновь занимает оборонительную позицию, поясняя ситуацию и ссылаясь на третьи лица, что позволяет действующему президенту снять с себя часть ответственности

за сложившуюся ситуацию: *«D'abord Mme Le Pen a raison de dire que les chiffres, en effet, qui ne sont pas les miens, qui sont ceux des organismes indépendants, de l'INSEE ou autres établissent très bien que sous ce quinquennat le pouvoir d'achat, en particulier de tous les Français, ... a augmenté»*.

Следующий прием в защитной тактике Э. Макрона – признание реального положения вещей и предложение выхода из сложившейся ситуации: *«Alors d'abord ce que nous avons fait, ce que j'assume et ce que je veux maintenir c'est face au prix de l'énergie, telle que Madame Le Pen l'a décrit, le bouclier»*, а также *«Alors c'est une reconnaissance du travail bien fait pour les cinq années qui viennent de s'écouler. Je vous en remercie. Mais la meilleure façon de gagner du pouvoir d'achat c'est de lutter contre le chômage...»* При этом Э. Макрон в своих ответах часто ссылается на мнение своего оппонента, чтобы показать существенную разницу между ними: *«telle que Madame Le Pen l'a décrit»*, *«c'est la différence avec vous»*, *«je prends note des positions de Madame Le Pen»*, *«ce que dit Mme Le Pen est vrai mais»*. Все речевые тактики, которые использует Э. Макрон, это, согласно О.Л. Михалевой [Михалева 2009], стратегии на повышение: тактика презентации, тактика отвода критики и тактика самооправдания.

Во второй трети теледебатов уровень эмоциональной вовлечённости кандидатов в обсуждение своих взглядов на политику растёт, реплики становятся более эмоциональными: с упрощенной грамматической структурой, эмоционально маркированными лексическими единицами, частым перебиванием оппонента, возражениями, с использованием императивных форм и эмоциональной интонацией.

Так, одним из показательных с точки зрения речевой манипуляции высказываний Э. Макрона, произнесённых в ходе обсуждения экономики в ковидный период, является следующее: *«Mais «le quoi qu'il en coûte», Madame Le Pen, vous avez voté contre. Vous auriez fait quoi?... Qu'est-ce que vous auriez fait pendant la crise covid?»*. Данная реплика сопровождается драматической паузой для создания ощущения ещё большей напряжённости, что напрямую влияет на эмоциональный фон кандидатов. Такого рода тактики нацелены на эмоциональную дестабилизацию оппонента, даже если были сказаны ненамеренно, так как обращаются к подсознанию собеседника, к первичным инстинктам – страху.

Э. Макрон неоднократно прибегает к такого рода провоцирующим речевым воздействиям. Например, используя глагольный императив, что создаёт впечатление более фамильярного общения: *«Parce que*

comme les gens ne pouvaient pas travailler on n'a pas prélevé leurs cotisations, figurez-vous»; прибегая к тактике запроса информации: «Dans les chiffres constatés ou prévus?», «On en sort aujourd'hui. Comme je le dis, dans votre programme il n'y pas le mot de chômage. Pourquoi?», «Expliquez-moi ce que vous auriez fait autrement Mme Le Pen. Expliquez ce que vous auriez fait», «Mais arrêtez ça. On parle de vies derrière. Mais la vie de nos commerçants, de nos artisans, c'est ça la dette covid. Vous avez voté contre, expliquez-moi quels centimes?» и т.п.

В ответ на провокационные заявления М. Ле Пен будущий президент дает отрицательную оценку ее действиям: *«La deuxième chose vous proposez une alliance avec la Russie dans vos priorités. C'est toujours dans votre programme, c'est étonnant»* и указывает на ее беспомощность в видении будущего страны: *«Vous n'avez répondu à aucune de mes remarques mais c'est normal parce que je pense que vous n'avez pas de réponse», «Donc je dis juste que votre programme n'a ni queue ni tête à cet égard».* В последнем случае используется фамильярное выражение *ne pas avoir ni queue ni tête*, что усиливает оценочность высказывания и эффект театральности.

Кроме того, Э. Макрон часто прибегает к приему иронии: *«Je vous remercie de le rappeler», «Mais si ce n'est plus l'Union européenne, vous sortez de l'Union européenne Mme Le Pen. Non, mais pardon de vous le dire. On peut décider de ripoliner tout seul la façade mais c'est une copropriété... Ça ne s'appelle plus la copropriété, ça s'appelle comme j'ai décidé parce que je m'appelle Mme Le Pen».*

Тактика обращение к прошлому опыту также часто наблюдается в речи Э. Макрона. Обычно её используют для поддержания своего авторитета, ссылаясь на опыт, чтобы возвысить себя в глазах окружающих. У Э. Макрона данная тактика становится средством противостояния, прерывающим линию провокации соперницы: *«D'abord quand j'étais ministre de l'Économie et des Finances, je ne peux pas vous laisser dire ce que vous avez dit. Je me suis occupé de la restructuration du secteur nucléaire qui était en train de s'effondrer».* При этом реже можно встретить в речи Э. Макрона тактику отрицания: *«Je ne l'ai pas remplacé»* или согласия на продолжение дискуссии: *«Et vous avez tout à fait raison».*

Интересно заметить, что в дебатах 2022 г. М. Ле Пен вновь, как и во время предвыборных дебатов пятилетней давности, прибегает к саркастической ремарке: *«M. Macron, ne me donnez pas de leçons»*, которая звучит явно двусмысленно: как просьба не учить её, так и как отсылка к семейному положению президента, жена которого

является его бывшей школьной учительницей. На такого рода провокационное замечание Э.Макрон спокойно отвечает: «*Je ne vous donne pas de leçons. Je connais le numéro par cœur, ne me le faites Mme Le Pen*», подчеркивая, что такой ход перестал производить ожидаемый эффект.

В следующем примере мы можем увидеть случай использования тактики выведывания информации как ещё один способ стратегии провокации – М. Ле Пен настойчиво приводит факты якобы непоследовательности во внешней политике Э. Макрона, который тот с той же настойчивостью парирует:

Ле Пен: *Nous allons y venir, Monsieur Macron. Nous allons y venir. La Crimée n'a pas dû vous poser énormément de problèmes non plus puisque vous avez reçu M. Poutine en grandes pompes à Versailles.*

Макрон: *Je l'ai reçu comme un chef d'État.*

Ле Пен: *Vous l'avez reçu.*

Макрон: *Comme un chef d'État, pas comme un banquier.*

Ле Пен: *Vous l'avez reçu en 2017.*

Макрон: *Madame Le Pen...*

Ле Пен: *En 2017, vous avez reçu M. Poutine à Brégançon sur votre lieu de vacances.*

В следующих примерах можно встретить ещё одну стратегию конфронтации, где Э. Макрон иронично подытоживает.:

Макрон: *Vous avez le temps industriel, Mme le Pen.*

Ле Пен: *Oui.*

Макрон: *Ne vous en déplaît* (согласно электронному словарю Le Robert, «*déplaît c'est que cela ne vous fâche pas. Ironique*»).

Участники дебатов часто выбирают такой способ защиты, как купирование, то есть прерывание собеседника [Федотова, Го 2022]. Наряду с тактикой объяснения данный прием используется в качестве тактики прекращения провокаций, иногда с открытой иронией. Приведём примеры таких реплик каждого кандидата:

Ле Пен: «*C'est faux*», «*Je ne peux pas vous laisser dire*», «*Pardon? Est-ce que je peux terminer une phrase, s'il vous plaît, M. Macron*», «*Ne me coupez pas*» и др.

Макрон: «*Non mais arrêtez!*», «*Non mais vous rigolez ou quoi?*», «*Non, vous dites n'importe quoi*», «*Je ne dis pas le contraire*» и др.

Заключение

В целом с небольшим варьированием в речевом поведении обоих кандидатов наблюдаются одни и те же тактики провоцирующего рече-

вого поведения: тактики обвинения, запроса информации, уточняющие тактики, реализующие стратегии на повышение или на понижение. Часто присутствуют приемы иронии и сарказма.

Однако если Э.Макрон во время теледебатов очень уверен в себе, демонстрирует оптимизм, в своей аргументации использует статистику, М. Ле Пен делает ставку не столько на цифры, сколько на трансляцию основных ценностей и идей крайне правых. Неслучайно 56 % опрошенных французов считают, что победителем дебатов стал Э. Макрон.

В перспективе исследование реализации речевых стратегий «провокация – защита» может привести к выявлению типологии базовых сценарных планов в речевом поведении участников коммуникации, что может способствовать обнаружению наиболее эффективных способов воздействия на оппонента в ситуации политических дебатов.

Список литературы

Головин С.Ю. Словарь практического психолога. М.: АСТ, Харвест, 1998. 975 с.

Иссере О.С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2(18). С. 92-104.

Михалева О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 1997. URL: <http://ozhegov.info/slovar/> (дата обращения 06.01.2023).

Современная энциклопедия. 2000. URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/modern/index.htm> (дата обращения: 06.01.2023).

Федотова Н.Л., Го Ц. Речевая агрессия и тактики противодействия в общественно-политических интервью (на материале радиопрограмм «Эха Москвы») // Политическая лингвистика. 2022. № 1(91). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/recheyaya-agressiya-i-taktiki-protivodeystviya-v-obschestvenno-politicheskikh-intervyu-na-materiale-radioprogramm-eha-moskvy> (дата обращения: 06.01.2023).

Dictionnaire Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/atout/6154> (дата обращения: 06.01.2023).

Dictionnaire Le Robert. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/definition/> (дата обращения: 06.01.2023).

УДК 81'42

Даниил Александрович Делендик

факультет современных иностранных языков и литератур,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,

г. Пермь, Россия

ВИДЫ ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ АНАЛИТИЧЕСКОМ ОБЗОРЕ ВАЛЮТНЫХ РЫНКОВ

Исследование нацелено на изучение аксиологичности как одной из основных жанровых характеристик аналитического обзора валютного рынка, оказывающего существенное влияние на понимание общественностью экономических процессов. Предметом рассмотрения являются виды оценки и средства ее выражения в англоязычных обзорах. В них выявлено преобладание рационалистической оценки, включая такие ее разряды, как нормативная, утилитарная, телеологическая.

Ключевые слова: категория оценки, жанр аналитического обзора, валютный рынок, виды оценки, средства репрезентации категории оценки, рационалистическая оценка.

Введение

Актуальность обращения к вопросу о специфике репрезентации категории оценки в языке и речи обусловлена ее фундаментальным характером и связанностью с процессами познания. В силу этого данная категория является одной из основных в исследованиях типологии дискурса, осуществляемых с когнитивнолингвистических и лингвопрагматических позиций. Закономерности формирования аксиопространства выявляются, например, в таких видах дискурса, как кинокритика [Жаркова 2021], педагогический [Авакова, Багиян 2020], официально-деловой [Исаева 2021], искусствоведческий [Хомякова 2020; Шутёмова 2022], дипломатический [Седина, Пронькина 2018]. Наше исследование нацелено на изучение средств репрезентации категории оценки в англоязычных аналитических обзорах валютного рынка, которые выполняют функции информирования общественности о тенденциях в экономике и их экспертной оценки, что определяет ведущую роль аксиологичности в системе свойств данного жанра.

Основная часть

Оценка обладает сложной структурой, именуемой модальной рамкой, в которой традиционно выделяют три основных компонента – субъект оценки, объект оценки и оценочный предикат [Баженова 2003; Вольф 1985]. Субъект оценки – это личность, выражающая отношение к любому предмету, явлению, процессу, что становится аксиологическим фокусом. Суть оценки заключена в её предикате, который фиксирует положение оцениваемого объекта на общеоценочной шкале «хорошо» – «плохо» или в диапазоне частнооценочных оппозиций, например: «высокий» – «низкий», «полезный» – «бесполезный», «прекрасный» – «безобразный», «нравственный» – «безнравственный». Любая реализация оценочных смыслов предполагает эксплицированное или имплицированное наличие трех перечисленных компонентов.

Отметим, что в аксиолингвистических исследованиях продолжает оставаться открытым вопрос о классификации видов оценки. При этом она получает всё большую детализацию. Так, Н.Д. Арутюнова полагает целесообразным учитывать следующие оценочные смыслы: сенсорно-вкусовые; психологические: 1) интеллектуальные, 2) эмоциональные; эстетические; этические; утилитарные (полезный, вредный); нормативные (нормальный); телеологические (эффективный, удачный) [Арутюнова 1988]. Последние три группы представляют собой разновидности рационалистической оценки, связанной с практической деятельностью человека и актуальной при рассмотрении аналитических обзоров финансовой сферы.

Материалом исследования послужили 100 текстов обозначенного жанра, размещенные на сайтах аналитических агентств. Данные статьи могут содержать как фундаментальный анализ корреляций в пределах некоторой пары крупных валют (евро, доллар, фунты стерлингов), так и значительно более краткий технический анализ.

Фундаментальный анализ включает в себя оценку экономической ситуации в странах, чьи валюты сопоставляются в паре, с целью вероятностного прогнозирования дальнейшего движения их курса. Как правило, структура такого текста организуется по принципу дедукции. В них сначала рассматривается общая экономическая ситуация, затем более конкретные экономические показатели, источниками которых являются события экономического календаря: планы центральных банков, опубликование экономических результатов и результатов опросов общественного мнения. В отличие от данных текстов, обзоры, результирующие технический анализ валютного рынка, содержат лаконичное описание графика валютного курса и прогностическую

оценку его дальнейшего изменения. Таким образом, если объектом оценки в фундаментальном анализе становятся различные аспекты текущей экономической ситуации, в том числе динамика валютного курса, то в техническом анализе – только непосредственные колебания курса валют.

В отношении субъекта оценки, репрезентируемой в аналитических обзорах валютного рынка, необходимо отметить, что они создаются специалистами в области финансов, поэтому такая оценка является экспертной. Профессиональные аналитики владеют специальным знанием и соответствующей системой понятий, могут выявить возникающие закономерности и связать их с исторической ретроспективой, что становится фундаментом формируемой ими оценки и может быть продемонстрировано на следующем примере: *Although last year was a success in a string of equally successful years, the past few months can be viewed as a "technical correction" over the long run because the dollar is falling unfairly from a fundamental standpoint* [FxCo].

В приведённом фрагменте содержится несколько оценочных позиций: *last year was a success in a string of equally successful years, the dollar is falling unfairly from a fundamental standpoint*. В них даётся положительная оценка экономической ситуации за период нескольких предшествующих лет (телеологическая оценка), которая противопоставляется текущему состоянию, сопровождаемому ослаблением доллара. Данная тенденция оценивается экспертами как негативная, несправедливая (*is falling unfairly*) и не соответствующая фундаментальным установкам (нормативная оценка). Однако наблюдаемое падение курса доллара трактуется как факт несущественный (*a "technical correction"*) в длительной перспективе, лишённый важности, бесполезный для принятия решений (утилитарная оценка). Таким образом, аксиопространство всего контекста характеризуется биполярностью, т. е. сопряженностью положительной и отрицательной оценки рыночных процессов.

Преобладающей в рассмотренных текстах является оценка роста, падения, ускорения или замедления изменения экономических показателей и интерпретация экономических событий. Оценка изменения экономического параметра реализуется с помощью таких лексических единиц, как *fall, rise, drop, rally, decline, jump, accelerate, decelerate, slow down, soar, pull back, downward trajectory*, которые используются для указания направления движения. Его скорость также получает репрезентацию, например посредством высокочастотных наречий *sharply, gradually, dramatically (gradually increasing, drop sharply, weaken*

dramatically) и соответствующих прилагательных (*sharp rise, gradual decrease, dramatic fall*): *The expression of a decent downtrend in the United States Consumer Price Index (CPI) for the past few months has weakened the US Dollar dramatically* [FxStreet].

Особый акцент в аналитических обзорах делается на характеристике ситуаций, в которых показатели достигают исторически максимального или минимального уровня. Для репрезентации такой оценки колебания валют используются прилагательные в форме превосходной степени сравнения, а также устойчивые обороты (*the worst cost of living crisis in a generation, near four-decade highs, the fastest pace of monetary tightening in the history of the central bank, the lowest level since September 2021*).

Необходимо отметить, что со стилистической точки зрения основным средством репрезентации оценки в аналитических обзорах валютного рынка являются эпитеты. В их функции выступают прилагательные, обладающие оценочной семантикой: *downbeat, strong, dreadful, aggressive, stern, solid, firm, spectacular, tough*. Наиболее разнообразны и частотны эпитеты в оценке событий и ситуаций.

He and the opposition are currently engaged in a heated argument and are unable to reach a consensus on how to raise the debt ceiling [FxCo].

The major currency pair might display wider ticks and heavy volume after the explosion of the squeezed volatility [FxStreet].

There is room for an extended recovery above 1.09 and towards the 1.10 resistance, as a more moderate global economic background and the tough policy stance of the European Central Bank (ECB) benefit the single European currency [DailyForex].

Распространённой в аналитических обзорах является оценка важности событий и аспектов экономической ситуации, что объективируется посредством таких прилагательных, как *important, influential, significant*, и однокоренных с ними существительных: *The pound's ability to hold above or in this range as week's end approaches could be an important clue for any near term attempt at its recent highs. The dollar might increase even more, although we were aware of the reports' low level of significance* [FxCo]. Обращает на себя внимание также использование в аналитических обзорах метафоры *catalyst* при оценке особой важности некоторого показателя или события.

The next key catalyst for the pair will be the upcoming UK inflation data scheduled for Wednesday [DailyForex].

Another catalyst was the rising worries of a recession as tech giants announced major layoffs [DailyForex].

Эту функцию выполняет и наречие *keenly*, актуализирующее семантику глаголов, обозначающих пристальное изучение данных:

*Also, the Durable Goods Orders data **will be keenly watched**, which is seen at 2.5% vs. 2.1% in the prior release [FxStreet].*

*Apart from that, investors **will keenly focus** on the headlines related to the interest rate decision by the European Central Bank (ECB), which is scheduled for next week [FxStreet].*

Кроме того, важность того или иного аспекта экономической ситуации эксплицируется с помощью конструкций, включающих глагол *note* и его дериваты: *it is worth noting, it is notable that, take note of* (в форме императива). При создании обзоров аналитики опираются на прогнозы изменения экономических показателей, что репрезентируется посредством лексики, в значении которой содержится сема «ожидание»: *expectation, expect, anticipate, project, surprise*. Предположения могут отличаться от реальности или совпадать с ней. Их сопоставление также сопровождается оценочной интерпретацией прогнозов:

*The rate was **in line with the initial estimate** published on January 6 [DailyFx].*

*The fourth-quarter GDP data, which came in at 2.9 % q/q, **exceeded expectations** [FxCo].*

*The greenback was boosted by a blitzing retail sales increase of 3.0 % in January which **outstripped the 2.0 % anticipated** and the prior reading of – 1.1% was revised up to – 0.9 % [DailyFx].*

Интересно отметить, что для вербализации указанного сопоставления в аналитических отчетах создаются оценочные составные прилагательные, содержащие одну из приведенных выше лексем со значением «ожидание», например *double-over-expected, better-than-projected, better-than-expected*:

*The report on long-term goods orders showed **double-over-expected** growth of 5.6 % [FxCo].*

***Better-than-projected** release of the United States Gross Domestic Product (GDP) and stronger forward demand for Durable Goods provided strength to S&P500 [FxStreet].*

*The release of the **lower-than-anticipated** GDP numbers for the fourth quarter of CY2022 will escalate recession fears [FxStreet].*

*Friday's **weaker-than-expected** ISM data [DailyFx].*

Заключение

Таким образом, классификация объектов оценочной интерпретации в аналитических обзорах валютных рынков включает:

- 1) экономические параметры и их изменения,
- 2) экономические события, экономическую ситуацию и её отдельные аспекты,
- 3) важность того или иного фактора для конечного прогноза,
- 4) сопоставление ожиданий и реального положения дел.

В целом в аналитических обзорах преобладает рационалистическая оценка. Так, при сопоставлении прогнозов с реальностью реализуется нормативная оценка. Важность осмысляется с позиций применимости для принятия решений, что соотносится с разрядом улититарных оценок. Наконец, характеристика экономических параметров, событий, экономической ситуации и аспектов может принадлежать ко всем трем группам рационалистических оценок, включая телеологическую.

Список литературы

Авакова М.Л., Багиян А.Ю. Языковые средства реализации категории оценки в англоязычном педагогическом интернет-дискурсе // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 350–352.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

Баженова Е.А. Категория оценки // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. 2003. 696 с.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.

Жаркова Е.А. Позитивная и негативная оценка в текстах киноаннотаций // Ученые записки Ульяновского государственного университета. Актуальные проблемы теории языка и лингводидактики. 2021. С. 94–97.

Исаева М.В. Способы выражения оценки в официальных документах на английском языке // Сборник научных статей XXX Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 26–27 апреля 2021 года. Чебоксары: Изд-во «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», 2021. С. 252–260.

Седина И.В., Пронькина В.М. Способы передачи оценочной лексики в переводе текстов дипломатических документов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1-2 (79). С. 363–365.

Хомякова Е.Г. Лингвистический анализ оценки в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Общество. Среда. Развитие. 2020. № 4. С. 3–7.

Шутёмова Н.В. Виды экспертной оценки в англоязычном искусствоведческом дискурсе о творчестве И. Наховой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14. № 3. С. 56–68.

Список использованных источников

DailyForex – <https://www.dailyforex.com> (дата обращения: 27.01.2023).

DailyFx – <https://www.dailyfx.com> (дата обращения: 19.01.2023).

FxCo – <https://www.fx.co/en> (дата обращения: 27.01.2023).

FxStreet – <https://www.fxstreet.com> (дата обращения: 27.01.2023).

УДК 811.111

София Ильинична Минеева

факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОЛОГИИ ДЕТСКОЙ МИГРАЦИИ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ

В статье описаны семантические особенности терминологии детской миграции в русском и английском языках. В современном постиндустриальном обществе, в котором ключевую роль играет информация, активизируются процессы медиации знания между специалистами предметных сфер. Одним из средств такой медиации является терминографическая деятельность. Терминологические словари фиксируют структурные и семантические изменения специальной лексики, что представляется актуальным для выявления особенностей терминологии разных языков и предметных областей. Отобраны ключевые термины, отражающие проблемы прав детей-мигрантов. Проведен анализ дефиниций данных терминов с применением компонентного анализа в специальных словарях двух языков. Представлен количественный и сравнительный анализ частотности ядерных и периферийных сем, а также сем с положительной и отрицательной оценкой в двух языках.

Ключевые слова: терминология, дефиниция, специальный словарь, компонентный анализ, ядерные и периферийные семы, количественный анализ.

Введение

В современном постиндустриальном обществе, в котором ключевую роль играет информация, активизируются процессы медиации знания между специалистами предметных сфер. Одним из средств такой медиации является терминографическая деятельность. Терминологические (специальные) словари фиксируют структурные и семантические изменения специальной лексики, что представляется актуальным для выявления особенностей терминологии разных языков и предметных областей.

Особую актуальность представляет изучение терминологии *миграционного права* – «отрасли права, посредством которой государства регулируют отдельные аспекты миграции на международном уровне» [Воронина 2015: 16].

Так, в современном глобализованном обществе усиливаются миграционные процессы, отражаясь на наиболее уязвимой социальной группе – детях, что вызывает необходимость тщательного изучения терминологии детской миграции с целью соблюдения прав данной группы.

Основная часть

В настоящем исследовании предпринята попытка выявления семантических особенностей терминологии детской миграции на материале русского и английского языков в сравнительном аспекте. Источниками материала исследования послужили отраслевые словари миграционного права, изданные в период глобализации на русском языке [Справочник по терминологии в области миграции 2011; Толковый словарь терминов по миграционной политике 2016; Миграция: словарь основных терминов 2007 и др.] и английском языке [Glossary on Migration 2019; UNHCR Master Glossary of Terms 2001; Nolo's Free Dictionary of Law Terms and Legal Definitions 2022 и др.].

Теоретико-методологические аспекты работы связаны, прежде всего, с определением таких понятий, как специальный словарь, терминология, дефиниция. Так, специальный словарь содержит специальную лексику – совокупность слов и словосочетаний, обозначающих понятия специальной области знания, подразделяющихся на термины и профессионализмы [Кожемякина 2006: 217].

К словарям данного типа предъявляются такие требования, как «наличие всей необходимой информации о специальных лексических единицах; отсутствие ненужных сведений, увеличивающих объем словаря и затрудняющих поиск нужной информации; унификация композиции и ссылочного аппарата однотипных словарей для облегчения пользователям перехода от одного словаря к другому» [Гринева-Гриневич 2009: 61].

Основным компонентом специальных словарей является терминология или терминосистема. Рассуждая о разграничении данных понятий, терминоведы подчеркивают, что это «разные совокупности терминов» [Лейчик 2001: 54–55]. Это означает, что «в терминологии термины приобретают свою собственную терминологическую семантику, в то время как в терминосистеме, они имеют и другие признаки: си-

стемность, точность, однозначность и стилистическую нейтральность» [Лейчик 2001: 54–55].

В данном исследовании акцент ставится на изучении семантических особенностей специальной лексики, а не на ее упорядочивание и систематизацию. В этой связи применяем понятие терминология, а не терминосистема.

Кроме непосредственно терминологии, важнейшей составляющей специальных словарей является дефиниция, которая представляет собой логическую операцию:

1) раскрывающую содержание имени посредством описания существенных и отличительных признаков предметов или явлений, обозначаемых данным именем (денотата имени);

2) эксплицирующую значение термина; включает в себя две части: дефиниендум – определяемое имя и дефиниенс – определяющее выражение, раскрывающее смысл определяемого имени либо устанавливающего значение термина» [Грицанов 1998: 209].

В основе методики исследования лежат следующие методы. Метод контент-анализа необходим для изучения предметной сферы миграционного права и выделения ключевых терминов детской миграции. Контекстуальный анализ проводится с целью выделения контекстов, в которых встречаются термины, отражающие понятие детской миграции. С помощью компонентного анализа из дефиниций понятий, относящихся к детской миграции, выделяются «семы – мельчайшие компоненты смысла» [Попова, Стернин 2011], а также проводится их количественный анализ для выявления семантических особенностей терминологии детской миграции в русскоязычных и англоязычных словарях. Количественный анализ проводится на основе выделения ядерных и периферийных сем. Выделяют «основные, ядерные семы, определяющие значение данного слова, и менее важные, неосновные, периферийные, отражающие второстепенные признаки денотата» [Попова, Стернин 2011: 67].

Анализ справочных источников о детской миграции позволил выяснить основные причины, почему дети мигрируют из родных стран. К ним относятся: *economic push factors* (факторы экономического толчка); *education* (образование); *gender and culture* (гендер и культура); *personal push factors* (личные факторы); *emergencies* (чрезвычайные ситуации) [Glind, Kou 2013: 30-32].

На основе данной экстралингвистической информации для анализа из специальных словарей отобрано 11 ключевых терминов и их дефиниций детской миграции, отражающих актуальные проблемы данной

социальной группы, на русском языке: *ребенок, несопровождаемые несовершеннолетние, жертва торговли людьми, опекун, похищение, усыновление (принятие), уязвимые группы, эксплуатация детей, юс сангуинис, юс соли, худшие формы детского труда* и аналогичных понятий на английском языке: *minor (child), unaccompanied children, victim of trafficking in human beings, guardian, kidnapping, intercountry adoption, vulnerable group, child exploitation, jus sanguinis, jus soli, worst forms of child labour*.

Следующим этапом исследования является проведение компонентного анализа дефиниций, суть которого в выделении сем и «описание значений как упорядоченной совокупности сем» [Стернин, Саломатина 2011: 150]. Под семой понимают «компонент значения, отражающий отличительный признак денотата слова (предмета, явления, процесса)» [Стернин, Саломатина 2011: 150].

Рассмотрим пример компонентного анализа дефиниции термина в словаре миграционного права. Для этого обратимся к дефиниции термина *ребенок*: «каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее (ст. 1 Конвенции ООН о правах ребенка, 1989 г.)» [Поздоровкина 2011: 110]. Проведем компонентный анализ данной дефиниции, в результате которого выделим следующие семы: «человек», «несовершеннолетний», «ссылка на конвенцию ООН о правах ребенка», «относящийся к этому человеку», «не является 18-ти летним».

Для определения ядерных и периферийных сем обратимся к подходу, сформулированному Т.Г. Скребцовой: «Едва ли разумно рассматривать лингвистику как категорию с четко очерченными границами – скорее, более уместным будет прототипический подход, предполагающий наличие центральных (явно выраженных) случаев и менее типичной периферии» [Скребцова 2011: 25].

Таким образом, были изучены дефиниции данных выше терминов в заявленных выше словарях. Семы, которые встретились во всех лексикографических источниках, считаем ядерными, остальные семы – периферийными.

Так, ядерными семами термина *ребенок* являются «человек» и «несовершеннолетний», так как именно эти две семы были представлены в дефинициях большинства словарей. Сема «ссылка на конвенцию ООН о правах ребенка» является периферийной. Таким же образом проведен компонентный анализ других отобранных из специальных русскоязычных словарей терминов, относящихся к детской ми-

грации. В результате данного анализа выделили семы из дефиниций терминов и, сравнив их с дефинициями из других словарей, распределили данные семы на ядерные и периферийные.

Рассмотрим пример анализа терминологии в англоязычных словарях. Обратимся, например, к дефиниции термина *victim of trafficking in human beings* (жертва торговли людьми): «*any natural person subject to trafficking in human beings, regardless of whether the perpetrator is identified, apprehended, prosecuted or convicted*» (любое физическое лицо, являющееся объектом торговли людьми, независимо от того, установлен ли виновный, задержан, привлечен к судебной ответственности или осужден) (перевод наш) [Glossary on Migration 2019: 227].

Проведем компонентный анализ данной дефиниции, в результате которого выделим такие семы, как: «*any natural person*» (индивид), «*subject to trafficking in human beings*» (пострадал от продажи людей), «*regardless of the perpetrator is identified*» (личность нарушителя), «*apprehended*» (задержан), «*prosecuted or convicted*» (понес наказание).

Далее, проведем анализ сем, разделив их на ядерные и периферийные. Сравним дефиниции изучаемых терминов в других представленных выше словарях. Для термина *victim of trafficking in human beings* (жертва торговли людьми) ядерными семами стали: «*any natural person*» (индивид), «*subject to trafficking in human beings*» (пострадал от продажи людей). Остальные семы дефиниции данного термина являются периферийными: «*regardless of the perpetrator is identified*» (личность нарушителя), «*apprehended*» (задержан), «*prosecuted or convicted*» (понес наказание). Такой анализ проведен с остальными выбранными терминами.

На следующем этапе проводится анализ семантических компонентов на наличие положительной или отрицательной оценок. Для выявления оценочности сем выделяют четыре компонента в системе значения категории оценки: оценивающий субъект, оцениваемый объект, основание оценки и ее характер [Арутюнова 1988: 76].

Последнее показывает положительное или отрицательное мнение субъекта по отношению к оцениваемому объекту, согласующийся с местом объекта на шкале позитивных или негативных оценок.

Всего ядерных сем на русском языке выделено 28. Из всех ядерных сем на русском языке лишь одна из них носит положительную оценку («*окультуривание*»), а пять носят – отрицательную («*пострадал*», «*продажа людей*», «*с возможными опасностями*», «*угнетение*», «*причинять вред*»). Проверим по словарю определение понятия «окультуривание», обратившись к однокоренному слову «культура» в том же

словаре: «совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей» [Ожегов, Шведова 1949-1992]. Понятие «*окультурирование*» несет положительную оценку, за счет семы «достижений». Периферийных сем насчитано 49. Отрицательную оценку несут 23 семы, положительную – 3.

Всего ядерных сем на английском языке выделено 31. Из всех ядерных сем две несут положительную оценку («*safety*», «*morals of children*»), а 9 – отрицательную («*subject to trafficking in human beings*», «*the crime*», «*seizing and taking away a person*», «*fraud*», «*to harm the health*» и т.д.). Периферийных сем на английском языке насчитано 61. Из них всего одна сема носит положительную оценку («*social development*»).

Обратимся к понятию «*development*» в словаре: «the gradual growth of something so that it becomes more advanced, stronger, etc.» (постепенный рост, чтобы стать более совершенным) [Oxford Learner's Dictionaries 2022]. Так, сема «*social development*» несет положительную оценку. Отрицательную оценку содержит 31 сема, например, «*separated from both parents*», «*violence*», «*social disadvantage*», «*economic hardship*» и т.д.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что сем на английском языке в обеих группах больше (31 ядерная сема и 61 периферийная), чем сем на русском языке (28 ядерных сем и 49 периферийных). Англоязычные дефиниции более детализированные и подробные, чем русскоязычные.

Сравнивая семы на основе их положительной или отрицательной окраски, выявили, что ядерные семы несут меньше оценочности, в периферийных семмах она проявилась сильнее. Кроме того, содержится большее количество сем с отрицательным значением, чем с положительным.

Положительные семы, в основном связаны со здоровьем ребенка: «*сохранность*» – «*safety*», «*честь ребенка*» – «*morals of children*». Ряд сем с отрицательной оценкой связан с эксплуатацией детей (5 сем на русском и 11 сем на английском): «*принуждение*», «*финансовое использование*», «*использование ребенка*», «*другая эксплуатация ребенка*», «*создание и сбыт наркотиков*», «*for use in armed conflict*», «*for illicit drug production and trafficking*», «*economic exploitation*» и т.д. Итак, мы сравнили выделенные семы на русском и на английском языках, основываясь на их частотности, характеристике как ядерных или периферийных сем, наличии положительной и отрицательной оценки.

Список литературы

Аругюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

Бродовская Е.В. Толковый словарь терминов по миграционной политике М.: Erasmus+ Programme of the European Union. 2016.

Воронина Н.А. Международное право и миграционное законодательство стран СНГ. Монография. М.: Изд-во ИД ГУУ, 2015. 303 с.

Гринев-Гриневиц С.В. Введение в терминографию: как просто и легко составить словарь. Учебное пособие. Изд. 3-е, доп. М: Книжный дом «Либроком», 2009. 224 с.

Грицанов А.А. Новейший философский словарь. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. 896 с.

Кожемякина В.А. Словарь социолингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.

Лейчик В.М. Проблема системности в отечественном терминоведении // Научно-техническая терминология (научно-реф. сборник). М., 2001. Вып. 2. С. 54–55.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/94562> (дата обращения: 29.11.2022).

Поздоровкина О.М. Справочник по терминологии в области миграции // Международная организация по миграции. 2011. 166 с. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/handbook_on_migration_terminology.pdf (дата обращения: 2022).

Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания). Изд. 2., М., 2011. URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Teoreticheskie_problemy_jazykoznanija/Leksicheskaya_sistema_vazika.pdf (дата обращения: 2022).

Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.

Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: Истоки, 2011. 150 с.

Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов: Учеб. пособие. М.: Издательство РГСУ; Академический Проект, 2007. 472 с.

Glossary on Migration, International Organization for Migration. Switzerland. 2019. 248 p.

Nolo's Free Dictionary of Law Terms and Legal Definitions. URL: <https://www.nolo.com/dictionary> (дата обращения: 24.11.2022).

UNHCR Master Glossary of Terms. URL: <https://www.unhcr.org/glossary/> (дата обращения: 24.11.2022).

Van de Glind H., Kou A. Migrant Children in Child Labour. A vulnerable group in need of attention // International Organisation of Migration, Children on the Move. 2013. P. 27–43.

УДК 81'37

Дарья Денисовна Третьякова

факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

ИНКОРПОРАЦИЯ В СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛА

Развитие языка в сфере лексики и словообразования всегда протекает активнее по сравнению с другими сферами языковой системы. Слово является фиксатором преобразований, которые наблюдаются на современном этапе развития общества. В современном мире появляется всё больше и больше предметов и понятий, которые требуют номинации. Настоящая статья посвящена глаголам с инкорпорированным актантом-инструментом, обозначающим предметное орудие. Также, рассматривается вопрос экономии языковых средств на примере функционирования глаголов в русском языке. Языковая экономия выступает как главный и необходимый фактор естественного функционирования языка. Языковая экономия более ярко проявляется на лексическом уровне языка, которому свойственно диалектическое противоречие – быть одновременно консервативным и подвижным.

Ключевые слова: русский язык, глагол, инкорпорированный актант, контекстная семантика, словообразование, функциональный потенциал, семантический потенциал.

Введение

Развитие языка в сфере лексики и словообразования всегда протекало активнее по сравнению с другими сферами языковой системы. Слово является фиксатором преобразований, которые наблюдаются на современном этапе развития общества. В современном мире появляется всё больше и больше предметов и понятий, которые требуют номинации.

Рост объема и скорости прохождения информационного потока по каналам языковой связи приводит к возникновению языковой экономии, возрастанию экспрессивности общения, ослаблению кодификационных запретов и средств речевого контроля, что отражается в деривационных процессах русского языка. А также это способствует

активизации процессов аббревиации, увеличению числа словообразовательных моделей и их типов [Возбранная 2013: 28–29].

Основная часть

Языковая экономия выступает как главный и необходимый фактор естественного функционирования языка. Языковая экономия более ярко проявляется на лексическом уровне языка, которому свойственно диалектическое противоречие – быть одновременно консервативным и подвижным.

Явление языковой экономии встречается не только в русском языке, но в других, например, в английском и немецком языках. Принцип языковой экономии универсален и является одной из главных причин изменений во всех языках, проявляет себя на разных уровнях языковой системы и на каждом уровне имеет собственную специфику, но результат проявления этого принципа одинаковый [Головач 2011: 138]. Образование отсубстантивных глаголов связано с «инкорпорацией». В словаре лингвистических терминов инкорпорация рассматривается как продуктивный способ образования слова (или особого рода синтагматической единицы) путем сочетания примыкающих друг к другу корней, совокупность которых оформляется служебными элементами [Ахманова 2004: 177].

В Большом энциклопедическом словаре дается следующее определение инкорпорации: «инкорпорация – способ синтаксической связи компонентов словосочетания (частичная И.) или всех членов предложения (полная И.), при котором компоненты соединяются в единое целое без формальных показателей у каждого из них» [Скорик 2000: 193]. В словаре лингвистических терминов под редакцией Т.В. Жеребило под инкорпорацией понимается вставление в слово ряда морфем (например, именных морфем в глагольный комплекс), характерное для полисинтетических языков [Жеребило 2010: 120].

Можно отметить, что определения термина «инкорпорация» в словарях значительно отличаются друг от друга, что говорит о различных подходах к явлению инкорпорации и о расхождениях в терминологии, связанной с этим понятием.

Н.Л. Дорош считает, что номинативные ряды глагола представляют собой определенную совокупность образующих форм, отношения которых с производным глаголом определяются за счет включения в их состав единиц непосредственно производящих, а значение мотивирующего существительного, как правило, входит в значение глагольного деривата [Дорош 2018: 233]. Причины возникновения субстантивиро-

ванных слов – опущение существительных у определяемых прилагательных, что приводит к переходу функции обозначения предмета на обозначавшее его признак прилагательное, которое с течением времени и становится постоянным наименованием предмета. Несомненно, появление субстантиватов в языке обусловлены и социальными факторами, что связано с действием закона экономии речевых средств [Кудина 2019: 83-84; см. также [Буженинов, Палийчук и др. 2022; Шустова, Нагзибекова 2022; Шустова Третьякова 2022, 2022а, 2022б, 2022в; Pesina, Pulekha 2023].

Н.А. Соломка рассматривает функционально-семантические особенности словообразовательных аффиксов, с помощью которых формируется семантика глагола, непосредственно или опосредованно мотивированная именем существительным.

В ходе исследования Н.А. Соломка разделила языковой материал на две группы: первая группа – глаголы, обладающие морфемной структурой МО-СУФ-ТЬ, вторая – глаголы с морфемной структурой ПРЕФ-МО-СУФ-ТЬ, где ПРЕФ – префикс, МО – мотивирующая основа, СУФ – суффикс. Глаголы первой группы с любыми суффиксами (исключение – суффикс -ну-) передают значение процесса и конкретизируются, присоединяясь к производящей основе. А семантика глаголов второй группы включает, кроме значения суффиксальной морфемы, значение префикса [Соломка 2019: 32-33].

Анализ словарей и корпусных данных способствовал выделению ряда групп глаголов. В статье рассматривается группа глаголов с инкорпорированным актантом-инструментом, в которую входит подгруппа глаголов с инкорпорированным актантом-средством действия, обозначающим предметное орудие.

К данной группе относятся следующие глаголы: барабанить, отбарабанить – «стучать, говорить или читать громко, быстро, отрывисто и невыразительно, служить в армии» (барабан – «музыкальный инструмент в форме цилиндра, основания которого обтянуты кожей») (ДА)

Я на границе отбарабанил 10 лет. (BC)¹

"Слушаю как дождь барабанит в окна. Есть свое очарование в том что живешь как Карлсон на чердаке, и окна эти – мансардные 😊 ветер гуляет по крыше, и ты такая в постельке тепленькой. Дите накормленное, все снят, даже собака. Это все прекрасно, но есть одно но, время пять утра, а сна меж тем ни в одном глазу. (БД)

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация сохранены.

Мужчина **барабанил** пальцами по столу и внимательно смотрел на девушку, словно что – то прикидывая в голове. (БД)

В дверь снова кто-то **забарабанил**. Ванька поплёлся открывать. (БД)

Напротив, тот ттец, который читает торопливо, – постепенно крадет сначала многие слоги, потом слова и даже речения, так что у него правильности чтения уже не бывает никогда, ибо он не читает, а как бы **отбарабанивает** языком своим что-то неопределенное, в котором слышится какой-либо излюбленный звук, напр., е, е, е, или о, о, о, который он гудит и тогда, когда не разберет то или другое слово. (БД)

Дверь открывается внутрь, мы начнем **барабанить** и кричать. [Ярмолинец В. А. «Приключение с гринкартой. Детективные записки русского репортера». 2009. НКРЯ]

Я на границе **отбарабанил** 10 лет, теперь хочу служить поближе к дому. (ВС)

разбарабанить – «набрать вес, поправиться» (барабан – «живот, желудок») (ДА)

Если мы будем столько есть, то нас точно **разбарабаним**. (БД)

гвоздить, погвоздить – «стрелять, обстреливать; не давать покоя, тревожить (о мысли, намерении и т.п.)» (гвоздь – «заострённый стержень, обычно железный, со шляпкой на тупом конце») (ДА)

Сейчас наши начнут **гвоздить** по деревне, туда духи вошли. (ВС)

Английские корабли вкатили прямо в бухту — и давай **гвоздить** французов [Новиков-Прибой А. С. «Цусима». 1932-1935. НКРЯ].

фитилить, зафитилить – «ударить» (фитиль – «приспособление для взрывания снарядов (воен.); высокий, худой, часто слабый, изможденный человек») (ДА)

Зафитилили его кирпичом, он слов не понимает. (ВС)

"Ну, и мне его не пуд надо". Заплатил ей за выручку двадцатку-керенку, а на другой день покрасовался на свою достижение и **зафитилил** в околосок, а оттуда прямо домой. (БД)

Когда мне был всего годик, **зафитилила** я ему молочной бутылкой по лбу. Да так, что стеклянная бутылка разлетелась в мелкий пух. (БД)

отоваривать, отоварить – «бить, ударить; выдать или получить товар (во исполнение какого н. обязательства)» (товар – «продукт труда, имеющий стоимость и распределяющийся в обществе путём обмена, купли-продажи») (ДА)

Давай отсюда побыстрей, если не хочешь, чтобы тебя **отоварили** как следует. (ВС)

*Регулярно объявлять: на все денег не хватит. Можем **отоварить** лишь частично. Записывать это в бюджет. [Лившиц. «Не ври, не бойся, не трясина (2003)» // «Известия». 08.07.2003. НКРЯ]*

фонареть, офонареть – «устать, отупеть, удивиться, остолбенеть» (фонарь – «обычно мн. глаза; любой синяк, нарыв, чирей и т. п.; безделица, ерунда») (DA)

*Мы все **офонорели** совсем, он снова не получил майора. (BC)*

*Катя **офонарела**. Значит, Нелли – это дочь Ии Леопольдовны? Ничего себе! И родила в 48! А сама Нелли явно старше 25... (БД)*

*Увидев это, я даже в шутку поругал директора за излишнюю лояльность и внимание, сказав: ""Вы что там наверху совсем **офонарели** что ли?!", ну потому что так не бывает. (БД)*

шурупить, зашурупить – «понимать» (шуруп – «винт широкий, с острыми витками») (DA)

*Ты **шурупишь** в чём тут дело? (BC)*

*Бегайте, пока бежишь 2 часа ловишь много инсайтов, мозг под кислородом **шурупит** х2. (БД)*

*В Инстаграм я показывала каждый свой день, каждую практику, которую мне приходилось отрабатывать не на 100, а на 200% Мозг, руки, рот **шурупили** огого как! (БД)*

винтить, свинтить – «убегать, уходить» (винт – «крепёжная деталь стержень со спиральной нарезкой») (DA)

*Они **свинтили** уже по домам. (BC)*

*Она **свинтила** и вернулась через полчаса сияющая: – Не надо никуда уезжать! (БД)*

*Компания состояла из нескольких мальчиков и одной девочки. мальчики очень быстро **свинтили** в лес, а с девочкой мы остались одни и начали общаться о том, о сём. (БД)*

жбанить, жабанить – «пьянствовать» (жбан – «деревянный сосуд, кувшин с крышкой для напитков или воды») (DA)

*Ну и что там делать в деревне? – А, **жбанить** с утра до вечера. (BC)*

бычковать, забычковать – «выкуривать часть сигареты для дальнейшего использования» (бычок – «то же, что окурок») (DA)

*Я **забычковал** на завтра пару окурков. (BC)*

штопать, заштопать – «делать операцию, зашивать рану, поймать» (штопка – «толстые нитки для такой починки») (DA)

*После аварии его быстро **заштопали**, сейчас выздоравливает. (BC)*

*Их **заштопали** на месте, воровали машины. (BC)*

*А время – оно не лечит. Оно не **заитопывает** раны, оно просто закрывает их сверху марлевой повязкой новых впечатлений, новых ощущений, жизненного опыта. И память...* (БД)

*Я не могу наблюдать за вами сутками, не могу **заитопать** ваш рот!* (БД)

*Хирург **итопал** меня около получаса.* (БД)

(по)выражить – ухаживать за женщиной, знакомиться, флиртовать (вираж – поворот) (ДА)

*Тебе только дай **повиражить**, хлебом не корми.* (ВС)

варганить, сварганить – «приготовить еду» (варган – «металлический народный древнерусский музыкальный инструмент») (ДА)

***Сваргань** что-нибудь поесть.* (ВС)

*Мясо с овощами в казане потушили Цветной капусты нажарили Салатик **сварганили** Дыню нарезали Сок разлили по бокалам* (БД)

*И, не дождавшись ответа, попросил, чтобы мне **сварганили** что-нибудь повкуснее.* (БД)

*Заварив чай, **сварганив** бутерброд с сыром и петрушкой, Андрюха вышел за ворота гаража и устроился на лавочке под слабыми лучами солнца.* (БД)

таранить, притаранить – «нести, тащить» (таран – «древнее орудие для разрушения крепостных стен бревно с наконечником, укреплённое цепями на подвижной деревянной башне») (ДА)

***Притарань** мне книги.* (ВС)

*Я, конечно, схватила голову сыра, **притаранила** домой и спрятала в дальний холодильник.* (БД)

*Тут я человеку напомнила, что в нашу первую встречу, дело было, кстати, в пол первого ночи, он **притаранил** с собой букет и вообще был весь такой галантный, обходительный и ухаживающий.* (БД)

*На днях дети **притаранили** с улицы глыбу льда и сказали, что она теперь будет жить с нами, в морозилке.* (БД)

хомутать, захомутать – «заставить кого-л. делать что-л., принуждать жениться, арестовать» (хомут – «нашейная часть упряжи, о тяжёлой обязанности, обузе, бремени») (ДА)

*Меня **захомутали** переводить статью.* (ВС)

*Она давно хочет его **захомутать**, он богатый жених.* (ВС)

*Вчера двоих наших **захомутали**.* (ВС)

*А мы? Замуж вышла – **захомутала**. Развелась – сама дура, не удержала.* (БД)

*Мужчина чувствует, что его пытаются **«захомутать»** и избегает таких отношений.* (БД)

бачковать, пробачковать – «быть в наряде в столовой, работать в столовой» (бачок – «небольшая емкость для жидкостей разного назначения») (DA)

*Ты сегодня бачкуешь, тебе хорошо, это тебе не мёрзнуть на по-
ту в такую погоду.* (BC)

Заключение

Несмотря на неоднозначное отношение исследователей к отсубстантивным глаголам, их существование – это зафиксированное явление функционирования языка, которое связано и с языковой экономией. Актуальность исследования обусловлена тем, что такие глаголы остаются до сих пор малоизученными.

Как отмечают многие исследователи, основная причина появления отсубстантивных глаголов заключается в стремлении людей к точности и лаконичности выражения своих мыслей, в тенденции к экономии времени, усилий и др., что, несомненно, связано с темпами жизни в современном обществе.

Список литературы

БЭС – Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.

БД – база данных постов и комментариев пользователей социальной сети ВКонтакте, собранная учебно-научной лабораторией социокогнитивной и компьютерной лингвистики Пермского государственного национального исследовательского университета.

Буженинов А.Э., Палийчук Д.А., Текнеджян Л.В., Шустова С.В. Категоризация и концептуализация: межсистемные отношения. Пермь: АНО ДПО «Пермский институт экономики и финансов», 2022. 176 с.

Возбранная Т.В. К вопросу о современных тенденциях в области словообразования // *Lingua mobilis*. 2013. № 3(42). С. 28-32.

BC – Шляхов В.И. Российская и американская военная разговорная среда в словах и выражениях. М.: URSS, 2011. 328 с.

Головач О.А. Принципы экономики в лингвистике // *Вектор науки Тольятинского государственного университета*. 2011. № 3(17). С. 137–139.

Дорош Н.Л. Номинативные ряды отсубстантивных глаголов, соотносимых с конкретными именами существительными в русском и белорусском языках / Н.Л. Дорош // *Современные научные исследования: теория и практика: Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, София, Болгария, 24 марта 2018 года / под общей редакцией А.И. Вострецова. София, Болгария: Научно-издательский центр "Мир науки" (ИП Вострецов Александр Ильич), 2018. С. 231–237.*

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.

Кудина И.Г. Субстантивация в современном русском языке // Преподаватель года 2019: сборник статей первого тура Международного научно-методического конкурса, Петрозаводск, 15 октября 2019 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2019. С. 81–90.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: февраль 2023).

Соломка Н.А. Функции словообразовательных аффиксов в формировании семантики отсубстантивных глаголов // *Artium Magister*. 2019. Т. 19. № 1. С. 31–35.

Шустова С.В., Нагзибекова М.Б. Непрототипическая инструментальность в семантическом потенциале глаголов русского языка // *Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет)*. 2022. № 3-4(78). С. 138–148.

Шустова С.В., Третьякова Д.Д. Глаголы с инкорпорированными актантами в английском языке: функциональный подход // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2022. Т. 8. № 2. С. 181–189.

Шустова С.В., Третьякова Д.Д. Глаголы с инкорпорированными актантами в русском языке // *Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук*. 2022а. № 4. С. 132–137.

Шустова С.В., Третьякова Д.Д. Глаголы с инкорпорированным актантом-инструментом в русском языке // *Евразийский гуманитарный журнал*. 2022б. № 1. С. 26–33.

Шустова С.В., Третьякова Д.Д. Инкорпорация как средство реализации ролевой категории (на материале глаголов немецкого языка) // *Евразийский гуманитарный журнал*. 2022в. № 4. С. 69–76.

DA – Academic.ru. URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: февраль 2023).

Pesina S.A., Pulekha I.R., Vinogradova S.A., Trofimova N.A., Shustova S.V., Vtorushina Yu.I., Velikanova S.S. A naïve picture of the world and a boiseantik approach to describing the lexical structure of a word // *Revista EntreLinguas*. 2023. Т. 9. № 6/н.

УДК 811.112.2

Татьяна Олеговна Столярова

факультет романо-германских языков,
Государственный университет просвещения,
г. Москва, Россия

ФУНКЦИЯ ФОРМЫ FUTUR В ТЕКСТАХ РАННЕНОВОЕРХНЕНЕМЕЦКОГО ПЕРИОДА

В статье описаны функции формы выражения будущего времени Futur в ранненововерхненемецкий период и рассмотрен вопрос об истории появления и развития данной формы. Помимо формы Futur для передачи значения будущего времени используется форма Präsens. Изучение развития формы Futur в истории немецкого языка, позволит увидеть, что оказывает влияние на ее выбор. Этим и определяется актуальность исследования. Цель данной публикации состоит в описании функций формы выражения будущего времени Futur в ранненововерхненемецкий период истории развития немецкого языка. В качестве материалов исследования послужило свыше 100 примеров, отобранных из языкового корпуса немецкого языка DWDS, датированных данным периодом. Показано, что в художественных текстах ранненововерхненемецкого периода данная форма служит для выражения модальных значений и используется наравне с конструкцией модальный глагол + причастие первого типа.

Ключевые слова: будущее время, модальность, темпоральность, потенциальная возможность, ранненововерхненемецкий период.

Введение

Функция формы Futur I в немецком языке является предметом дискуссий и споров в настоящее время, так как такие лингвисты, как, например, А. Фритц, Э. Лайсс, Х. Фатер [Fritz 2000; Leiss 2011; Vater 1994], считают её при определенных контекстуальных условиях модальной.

Помимо формы Futur для передачи значения будущего времени используется форма Präsens. Изучение развития формы Futur в истории немецкого языка, позволит увидеть, что оказывает влияние на ее выбор. Этим и определяется актуальность исследования.

Цель данной публикации состоит в описании функций формы выражения будущего времени Futur в ранненоверхненемецкий период истории развития немецкого языка. В качестве материала исследования послужило свыше 100 примеров, отобранных из языкового корпуса немецкого языка DWDS, датированных данным периодом.

Основная часть

Ранненоверхненемецкий период следует после средневерхненемецкого, то есть начинается с 1350 г. и продолжается до 1650 г. Его окончание связано с тем фактом, что вариант верхненемецкого языка, который сформировался за древневерхненемецкий, средневерхненемецкий и ранненоверхненемецкий периоды, приблизился к современному периоду. Данный период является одним из этапов развития литературного немецкого языка. Значимый вклад в формирование языка в течение этого периода внёс немецкий реформатор Мартин Лютер.

Развитие формы Futur началось с XV в., то есть в ранненоверхненемецкий период, который предшествовал нововержненемецкому. В древневерхненемецком языке ещё не существовало особенных форм для выражения будущего времени, так что чаще всего для этого использовался Präsens.

Однако в древневерхненемецком языке встречаются попытки выразить будущее время с помощью других способов. Например, иногда использовались соединения глагола *sin* «sein» с причастием первого типа, благодаря чему причастие получало значение длительности, незаконченного действия. Похожим смыслом обладало соединение глагола *werdan* «werden» так же с причастием первого типа. Но в данном соединении основную роль выражения будущего времени берёт на себя глагол *werdan*, который выступает как начинательный глагол, то есть обозначает начало какого-либо действия.

Эти соединения с *werden* в данный период ещё далеко не форма Futur, так как глагол *werdan* с таким же начинательным значением использовался для выражения прошедшего времени, а также в соединениях с прилагательными и наречиями. Выражение будущего времени в древневерхненемецком языке с помощью модальных глаголов приобретало оттенок необходимого, желательного или неизбежного события.

В средневерхненемецкий период ещё главную роль в выражении будущего времени занимает Präsens, однако в XII–XIII вв. прослеживается тенденция к более частому употреблению конструкций с модальными глаголами *sollen*, *wollen*, *müßen* + Partizip I, а с 13 века с

глаголом *werdan* + *Partizip I*. В XIV–XV вв. причастие первого типа заменяется инфинитивом.

Обе альтернативы выражения будущего времени долгое время оставались равноправными, как уже было упомянуто выше. Одним из доказательств этого явления можно назвать следующее: автор одной из немецких грамматик XVI в. Филипп Меланхтон переводит латинский *veniam: ich werde* или *ich will* [Москальская 2003: 224–225].

Нами были проанализировано около 100 примеров из ранненововерхненемецкого периода, чтобы проследить функции, выполняемые формирующейся формой *Futur I*. Рассмотрим некоторые из них.

(1) *«Ein tochter wirt köstlich vnd mag vil kind tragen / In wasser wirt Sy schreckhen empfaen.»*

В данном примере, датированном 1485 г., наблюдается алетическая модальность, то есть значение потенциальной возможности. В примере 1494 г. появляется значение «пророческого будущего», то есть описываются события, которые с большой вероятностью могут произойти:

(2) *«Aber das der mensch der sich bessern wil sein pfert das ist sein fleisch vnd sein leip oder synnlich/ keit geweltiglichen besitzen möge/ so thuot im not dz er an sich neme vor allen dingen drei gey/ silich geritschafft die vns zuo uoerstehen geben werden bey dreyen dingen do mit der weltlich ritter dz pfert gewaltiglichen besitzt.»*

В следующем примере из середины ранненововерхненемецкого периода присутствует ярко выраженная модальность конструкции с *werden*. Важно отметить, что будущее время передаётся здесь с помощью конструкции с модальным глаголом и временного указателя *bald*:

(3) *«Jch entpfind gleich ein Göttlich kraft Vnd künheit in dem hertzen mein Diß wird warhaft Minerua sein Die zarte Göttin der Weißheit Will mir in widerwertigkeit In mennlicher gestalt beystehn Nun will ich bald vnd eilendt gehn Zu bereiten vnser Schiffart Was vns denn not ist aller art.»*

Несмотря на синонимичность конструкции с *werden*, в примере 1601 года проявляется значение будущего времени:

(4) *«Summarischer vnd kurtzer bericht Von der Türcken vrsprung/ jren Kaisern vnd sieghafften Kriegen/ Auch endlichen bösen vntergang/ welches bald nach seiner eigen Pristern vnd Magis Propheceyung geschehen wird.»*

Но это скорее исключение из закономерности, так как в большинстве случаев форма *Futur I* используется наравне с конструкциями с модальными глаголами. Это также подтверждает пример того же года, где после конструкции с модальным глаголом *wil* следует конструкция с глаголом *werden*, которая обладает значением алетической модальности в данном контексте:

(5) «*Darumb liebe Seele / wil David sagen / trage die Trübsal mit gedult / vnd tröste dich dessen / das bessere zeit erfolgen wird / da du alles Leids reichlich wirst ergetzet werden.*»

В следующем отрывке из ранненововерхненемецкого периода можно проследить ситуацию, когда глагол werden передает и значение будущего времени, и значение потенциальной возможности. В этот период для выражения будущего времени может быть использована и форма Präsens:

(6) «*Der Allerhöchster wird nach seufftzen/ heulen/ weinen/ Und nach dem Ungemach die Sonne lassen scheinen/ Den Frieden geben uns/ und nach so vielem Leyd' Uns überschütten gantz mit dessen Liebligkeit.*»

Встречаются примеры, на которых можно проследить выражение будущего времени, когда говорящий опирается на собственное знание и выражает полную уверенность в предстоящих событиях:

(7) «*O Teutschland Teutschland/ wie greülich wirst du gestraffet werden!..... O mit was bitteren Tränen wirst du dermahleinst deine Unsinnigkeit beklagen!*»

В следующем высказывании значение будущего времени пересекается с значением уверенности говорящего, то есть можно говорить об эпистемичности, выступающей в роли дополнительной семантики:

(8) «*Vnd trag sie für. Werden sie trucken für getragen so strew eytel guten gestossen yngber darauff .ij. Jtem wiltu ein holbroten oder genant eine n rechproten in der fasten machen.*»

Меняется ли такое положение дел к XVIII веку, и появляется ли возможность чётко определить, какое базовое значение присуще форме Futur, рассмотрим при дальнейшем анализе примеров из нововерхненемецкого периода. Нами было проанализировано около 100 примеров из корпуса DWDS.

(9) «*Welch aufgeweckter Geist / welch feuriges Gemütte wird sich der Liebe Macht zu tadeln unterstehn?*»

В примере из «Поэтического обсуждения» Кнорра форма Futur очевидно всё еще выражает модальное значение, так как используется в риторическом вопросе. Речь идет о значении потенциальной возможности, т. е. алетической семантике [Аверина 2019: 37], идентичной той, которую передает глагол können в современном немецком языке.

Рассмотрим ещё один пример из литературы начала 18 века:

(10) «*Daß sie vor dem Riß stehen / für die Ehre und Lehre Christi ritterlich kämpffen / alle Widerwertigkeit nicht achten werden / auffdaß sie ihren Lauff mit Freuden vollenden / und das Ampt / daß sie von dem HErrn JEsu empfangen haben.*»

Здесь также прослеживается модальный оттенок, а не события в будущем времени.

При рассмотрении примеров из середины 18 века чаще попадаются примеры употребления рассматриваемой конструкции в темпоральном значении:

(11) *«Alles vorhergehende wird doch zu dem Schluße führen, daß ich in den verstrichnen Tagen zwar nicht bloß ein unschlußiger Zauderer, kein Hickmann, aber doch auch nicht vollkommen geschäftig, kein Lovelace, gewesen bin.»*

В конце XVIII в. сохраняется неоднозначность значения формы Futur. В следующем примере В. фон Гумбольдт использует её для выражения будущего времени без каких-либо оттенков модальности:

(12) *«Ich werde ihn ganz übersetzen, da mir der würdige Verfasser dies erlaubt hat, und nur hier und da das weglassen, was des Verfassers der Gazette litteraire wegen nicht wegbleiben konnte, unsre Leser aber nicht interessirt.»*

В произведении Моритца 1790 года данная форма встречается в темпоральном употреблении:

(13) *«Wenn Hartknopfs Predigten einst, dem Buchstaben nach, im Druck erscheinen, so wird sich zeigen, daß seine Antrittspredigt in Ribbenckenau alle übrigen in sich faßt, wie die gefüllte Knospe ihre Blätter.»*

Как и в произведении Богатского:

(14) *«Sorge ich nun für meine Sünde; deine Fürbitte wird alle meine Sünde wegräumen, und mir alles erbitten...»*

В следующем примере из первой трети 18 века наблюдается модальный оттенок, так как речь идёт не о будущем времени, а о гипотетической ситуации, которая вероятно может произойти:

(15) *«Und auf diese Manier kan ein junger Cavalier, der einen guten Hofmeister hat, welcher wohl erfahren ist, freylich mehr Nutzen haben, als ein anderer, der mit keinem versehen ist, weil er viel Lehrgeld in der Fremde geben muß, welches hier praecaviret wird, und auch nicht leicht zu befürchten, daß junge Leute in schädliche Jrrwege gerathen werden, die so glatt und eben bey fremden Nationen gebähnet sind, daß ich noch wenige gesehen, die sich alleine behörig selbst governiret haben.»*

«Пророческое будущее» можно проследить ещё на одном примере из произведения Гёте середины второй половины 18 века:

(16) *«Leute von einigem Stande werden sich immer in kalter Entfernung vom gemeinen Volke halten, als glaubten sie durch Annäherung zu verlieren, und dann giebt's Flüchtlinge und üble Spasvögel, die sich herabzulassen scheinen, um ihren Uebermuth dem armen Volke desto empfindlicher zu machen.»*

Заключение

Таким образом, форма Futur I была использована для выражения будущего времени в ранненововерхненемецкий период. В частности, в этом периоде она использовалась наравне с конструкцией модальный глагол + причастие первого типа, которая постепенно с XIII в. начала применяться для передачи будущего времени. Раньше для этой цели использовалась форма Präsens.

В целом можно заключить, что в ранненововерхненемецкий период форма Futur I наряду с временным значением способна передавать модальное.

Список литературы

Аверина А.В. Модальный синтаксис немецкого языка: Монография. М.: ИИУ МГОУ. 2019. 144 с.

Аверина А.В., Кострова О.А. Грамматика немецкого языка. М.: Юрайт, 2019. 450 с.

Thomas F.A. Futur, Modalität und Sprecherbezug im Deutschen. Hamburg: Buske, 2000. 239 S.

Leiss E. Lexikalische versus grammatische Epistemizität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik // Modalität und Evidentialität / hrsg. von G. Diewald, E. Smirnova. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 2011. S. 149–169.

Moskalskaja O.J. Deutsche Sprachgeschichte. М.: Академия, 2003. 288 S.

Vater H. Einführung in die Zeitlinguistik. Gabel: 3 Auflage. HürthEfferen, 1994. 122 S.

Источники электронного формата

Korpora in DWDWS. URL: <https://www.dwds.de/r>

УДК 811.581

Сергей Владимирович Поткин

факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

КОНСТРУКЦИИ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ТАКСИСА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлены конструкции, которые актуализируют хронологические отношения таксиса в китайском языке. С возникновением и разработкой многочисленных концепций таксиса связаны имена представителей Петербургской школы функциональной грамматики Ю.С. Маслова, А.В. Бондарко, В.С. Храковского, отечественные языковеды сосредоточили внимание на обнаружение данной категории в других языках. Отдельно рассматривается специфика образования зависимого и независимого таксиса, изучаются таксисные отношения одновременности и разновременности (предшествования / следования). С дословным переводом на русский язык приводятся примеры китайских предложений, где выделены конструкции, фиксирующие хронологический таксис.

Ключевые слова: китайский язык, хронологический таксис, одновременность, предшествование, следование, зависимый таксис, независимый таксис, таксисные отношения.

Введение

С возникновением и разработкой многочисленных концепций таксиса связаны имена представителей Петербургской школы функциональной грамматики Ю.С. Маслова, А.В. Бондарко, В.С. Храковского, отечественные языковеды сосредоточили внимание на обнаружение данной категории в других языках. На данном этапе исследований интерес лингвистов лежит в области нахождения конструкций, которые репрезентируют хронологические таксисные отношения в китайском языке.

Хронологические отношения таксиса в работах ученых обозначены разными терминами. Так, Ю.С. Маслов объединяет такие отношения в понятие хронологического таксиса, что предполагает отношения вре-

мени, а в противоположность ему ставит таксис логический, который подразумевает отношения условия, уступки, причины и следствия. Ю.С. Маслов считал, что основные и наиболее частотные значения выражает хронологический таксис [Маслов 1978: 26–28]. А.В. Бондарко называет такие отношения дифференцированными [Бондарко 2017: 198]. В.С. Храковский пользуется таким термином, как нефоновый/прототипический таксис, то есть без логической модификации [Храковский 2003: 44–45]. Для маркирования таких временных отношений, не осложненных «фоновыми значениями обстоятельственной модификации» И.В. Архипова ввела в научный оборот понятие примарного таксиса [Архипова 2020: 111–113].

Вслед за Р.О. Якобсоном мы разделяем категорию таксиса на две сферы: таксис зависимый и независимый [Якобсон 1972: 97]. Признак подчинения добавочного действия главному характерен для зависимого таксиса, что наделяет данную сферу такими характеристиками, как компактность выражения и определенность значений. Независимый же таксис обладает более широкой семантикой, а предикаты характеризуются равноправностью, иногда – возможностью «имплицитной передачи неполного равенства действий в рамках таксисных отношений» [Бондарко 1984: 83].

Проанализировав множество диссертаций, статей и пособий, центральное положение в которых занимает таксис, мы убедились в том, что данная категория характеризуется малой степенью изученности в китайском языке, поэтому на первом этапе нашего исследования принято решение выявить и рассмотреть конструкции, репрезентирующие хронологические отношения таксиса в этом языке. Материалом для изучения послужило учебное пособие В.И. Горелова «Грамматика китайского языка», а источником предложений для целенаправленной выборки стал корпус китайского языка «The Sheffield Corpus of Chinese».

Следует помнить условия, при которых осуществляются таксисные отношения. Целостность промежутка времени. Все действия должны происходить или в прошлом, или в настоящем, или в будущем. Такая отнесенность компонентов полипредикативного комплекса к одному денотативному периоду создает условие единства временного периода для существования таксисных отношений. Однородность действий: они должны быть типичными или конкретными. Таксисные отношения должны быть ограничены пределами высказывания, то есть должны характеризоваться законченностью и целостностью структуры [Кудинова 2014: 86].

В китайском языке зависимый таксис можно обнаружить в предложениях с придаточной частью. Она соответствует группе слов, примыкающей к основной части предложения при помощи предлогов, послелогов, их сочетания, а также специальных знаменательных слов. Предложение с придаточной частью, занимающее место между простым и сложным, рассматривается как усложненное [Горелов 1982: 132].

Зависимые таксисные отношения одновременности строятся с помощью специального слова 时候 shíhòu.

1) 吃早飯的時候, 我听无綫电。Chī zǎofàn de shíhòu, wǒ tīng wú xiàn diàn. – Завтракая (дословно: **во время** завтрака), я слушаю радио.

2) 在街上散步的時候, 我們談了話。Zài jiē shàng sànbù de shíhòu, wǒmen tánle huà. – Прогуливаясь по улице (дословно: **во время** прогулки по улице), мы беседовали.

Зависимые таксисные отношения предшествования образуются с использованием:

1) послелого 以前 yǐqián. 沒有动身以前, 他先去向亲友們告別一番。Méiyǒu dòngshēn yǐqián, tā xiān qùxiàng qīnyǒumen gàobié yī fān. – **Прежде чем** отправиться в путь, он зашел попрощаться с родными и друзьями.

2) сочетания предлога с послелогом 在 zài. 。 。 以前 yǐqián. 在有警报的日子, 我在进防空洞以前, 也进过糖果店购买面包、餅干。Zài yǒu jǐngbào de rìzi, wǒ zài jìn fángkōngdòng yǐqián, yě jìnguò tángguǒ diàn gòu mǎi miànbāo, bǐnggàn. – В дни, когда звучала воздушная тревога, я, **перед тем как** пойти в бомбоубежище, также заходил в кондитерскую купить хлеба и печенья.

Зависимые таксисные отношения следования выражаются при помощи:

1) послелого 以后 yǐhòu и союзной частицы 就 jiù. 收到这封信以后, 我們就到車站去了。Shōu dào zhè fēng xìn yǐhòu, wǒmen jiù dào chēzhàn què. – Получив это письмо (дословно: **после того как** получили это письмо), мы поехали на вокзал.

2) специального слова 等到děngdào, послелого 以后 yǐhòu и союзной частицы 就 jiù. 等到中学毕业以后, 他就到外国留学。Děngdào zhōngxué bìyè yǐhòu, tā jiù dào wàiguó liúxué. – По окончании средней школы (**после того как** окончил среднюю школу), он уехал учиться за границу;

3) сочетания предлога с послелогом 在 zài。。。以后 yǐhòu。这一国家的人民**在赢得独立以后**，繼續保持着革命传统。zhè yī guójiā de rénmin zài yíngdé dúlì yǐhòu, jìxù bǎochízhe gémìng chuántǒng. – Обретя независимость (дословно: **после того как** обрел независимость), народ этой страны продолжает сохранять революционные традиции;

4) сочетания предлога с послелогом и союзной частицей 自从 zìcóng。。。以后 yǐhòu。。。就 jiù。可是**自从**做了街头流浪儿**以后**，他**就没有**一定的名字。Kěshì zìcóng zuòle jiētóu liúlàng ér yǐhòu, tā jiù méiyǒu yīdìng de míngzì. – Однако, став беспризорником (дословно: с **тех пор как** стал беспризорником), он лишился определенного имени.

Независимый таксис находит распространение в сложноподчиненных предложениях китайского языка.

Независимые таксисные отношения одновременности строятся путем использования:

1) специального слова 时 shí。天亮时，她們回到沙家店。Tiānliàng shí, tāmen huí dào shā jiā diàn. – **Когда** светало, они вернулись в Шацзядянь;

2) специального слова 时候 shíhòu。我到他家里的时候，他正在那里对两个学生模样的人发脾气。Wǒ dào tā jiālǐ de shíhòu, tā zhèngzài nàlǐ duì liǎng gè xuéshēng múyàng de rén fā pìqì. – **Когда** я зашел к нему домой, в это время он как раз раздраженно что-то говорил двум людям, похожим на студентов;

3) специального выражения 一剎那間 yīchànà jiān。这封急电递到他手里的一剎那間，他是很高兴的。Zhè fēng jídiàn dì dào tā shǒu lǐ de yīchànà jiān, tā shì hěn gāoxìng de. – **В тот момент**, когда эта срочная телеграмма была ему вручена, он был в полном восторге;

4) сочетания предлога 当着 dāngzhe со специальным словом 时候 shíhòu。当着她笑的时候，牙齿整齐地露出来，嘴旁也显着一对笑窝。Dāngzhe tā xiào de shíhòu, yáchǐ zhěngqí de lùchū lái, zuǐ páng yě xiǎnzhe yī duì xiào wō. – **Когда** она смеется, показываются ровненькие зубы, и на щеках виднеются ямочки;

5) сочетания специальных слов 一天 yītiān。。。一天 yītiān。他們在这里**一天**，这里**一天不得**安靜。Tāmen zài zhèlǐ yītiān, zhèlǐ yītiān bùde ānjìng. – **Пока** они находятся здесь, **до тех пор** тут не будет покоя;

6) сочетания специальных слов 一日 yī rì。 。 。 一日 yī rì。 战争一日不止,生活一日不安。 Zhànzhēng yī rì bùzhǐ, shēnghuó yī rì bù'ān。 – Пока длится война, **до тех пор** жизнь не будет спокойной.

Независимые таксисные отношения предшествования выражаются с помощью:

1) сочетания предлога с послелогом 在 zài。 。 。 以前 yǐqián。 在他去中国以前,我們定要完成这个工作。 Zài tā qù zhōngguó yǐqián, wǒmen dìng yào wánchéng zhège gōngzuò。 – **До того как** он отправится в Китай, мы должны срочно завершить эту работу;

2) послелога 以前 yǐqián。 你动身以前,我还要来看你一趟。 Nǐ dòngshēn yǐqián, wǒ hái yào lái kàn nǐ yī tàng。 – **Перед тем как** ты уедешь, я приду повидать тебя еще раз;

3) сочетания предлога с послелогом 在 zài。 。 。 之前 zhīqián。 早在协定签署之前,两国就已经建立了正常外交关系。 Zǎo zài xiédìng qiānshǔ zhīqián, liǎng guó jiù yǐjīng jiànliè zhèngcháng wàijiāo guānxì。 – Задолго **до того как** соглашение было подписано, две страны уже установили между собой нормальные дипломатические отношения;

4) сочетания специальных слов 直到 zhídào。 。 。 为止 wéizhǐ。 这样周而复始地轮流着,直到下了雨为止。 Zhèyàng zhōu'érfùshǐ de lúnliúzhè, zhídào xiàle yǔ wéizhǐ。 – Многократно повторяя то же самое, они поочередно сменяли друг друга **до тех пор, пока не** пошел дождь.

Независимые таксисные отношения следования образуются при помощи:

1) послелога 之后 zhīhòu。 病过去之后,他几乎变成另一个人。 Bìng guòqù zhīhòu, tā jīhū biàn chéng líng yīgè rén。 – **После того как** болезнь отступила, он стал почти другим человеком;

2) послелога 以后 yǐhòu и союзной частицы 便 biàn。 每天早晨老爷出门以后,太太便打电话到亲戚朋友家里。 Měitiān zǎochén lǎoyé chūmén yǐhòu, tàitai biàn dǎ diàn huà dào qīnqī péngyǒu jiālǐ。 – Утром каждого дня, **после того как** хозяин выходил из дома, жена звонила родственникам и друзьям;

3) специального слова 等到 děngdào и послелога 以后 yǐhòu。 等到他们下地以后,我們大家一面吃荔枝,一面走回船上去。 Děngdào tāmen xiàdì yǐhòu, wǒmen dàjiā yì miàn chī lìzhī, yìmiàn zǒu huí chuánshàng qù。 – **После того как** они спустились на землю, мы все, поедая плоды личжи, направились обратно к лодке.

Заключение

Таким образом, нам удалось выявить и представить конструкции, в которых актуализируются хронологические отношения зависимого и независимого таксиса в китайском языке.

Список литературы

Архипова И.В. Категория таксиса в разноструктурных языках: монография. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 2020. 173 с.

Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 134 с.

Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация времени. СПб.: Изд-во «Санкт-Петербургский университет», 1999. 258 с.

Бондарко А.В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 7-е. М.: ЛЕНАНД, 2017. 242 с.

Горелов В.И. Грамматика китайского языка: учебное пособие. М.: Просвещение, 1982. 318 с.

Кудинова Н.Л. Категориальная принадлежность таксиса в английском языке // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 7. С. 85–88.

Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. Вып. 1. Вопросы сопоставительной аспектологии. Л.: Изд-во «Ленинградский государственный университет», 1978. С. 4–44.

Храковский В.С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 32–54.

Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский язык // Принципы типологического анализа языков различного строя. Сборник статей / Сост. и предисл. О.Г. Ревзиной. М.: Наука, 1972. С. 95–114.

Корпус китайского языка «The Sheffield Corpus of Chinese». URL: <https://www.dhi.ac.uk/scc/db/scc/searchForm.jsp> (дата обращения: январь – февраль 2023).

УДК 811.161.1'27

Ксения Олеговна Вахрушева

Институт языка и литературы,
Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск, Удмуртская республика

ЭМОЦИИ РАДОСТЬ / ГРУСТЬ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКО-УДМУРТСКОГО БИЛИНГВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Статья посвящена анализу восприятия базовых эмоций радости / грусти билингвами, владеющими русским и удмуртским языками. Цель заключается в выяснении, происходят ли изменения в языковом сознании носителя русской и удмуртской лингвокультур при переключении с одного кода национального языка на другой, подчеркивается новизна и актуальность данного исследования. Материалом анализа послужили результаты психолингвистического эксперимента, проведенного в Якиур-Бодыньском районе Удмуртской Республики. Удмуртская Республика – исторически поликультурный мультилингвальный регион России, где функционируют разные национальные языки: русский, удмуртский, татарский и др., что создает особую речевую субкультуру, во многом обусловленную билингвизмом жителей. В рамках данного исследования акцент делается на взаимодействии двух лингвокультур в структуре одной языковой личности – русско-удмуртского билингва.

Ключевые слова: билингвизм, русское языковое сознание, удмуртское языковое сознание, психолингвистический эксперимент, речевая субкультура региона.

Введение

Удмуртская Республика – исторически поликультурный мультилингвальный регион России, где функционируют разные национальные языки: русский, удмуртский, татарский и др., что создает особую речевую субкультуру, во многом обусловленную билингвизмом жителей. В современной лингвистике языковое сознание билингва представляет особое поле исследования, поскольку предназначено «для обработки и интерпретации информации в соответствии с националь-

но-культурным мировидением этнического коллектива» и «формирует матрицу национального склада мышления» [Тагаев 2015: 224]. Исходя из этого тезиса, можно предположить, что билингв – это носитель двух культурных мировидений.

В научной литературе представлены разные модели взаимодействия культур и языков: монокультуризм, бикультуризм, поликультуризм, мультикультуризм, транскультуризм [Эпштейн 2004]. Однако эти модели были выделены учеными либо применительно к определенному социуму [там же], либо применительно к вторичной языковой личности, приобретаемой в процессе изучения иностранного языка [Копылова 2019].

В рамках исследования акцент делается на взаимодействии двух лингвокультур в структуре одной языковой личности – русско-удмуртского билингва. Понятие билингвизма может трактоваться как в широком, так и в узком смысле. Если в широком толковании билингвизм – это «способность индивида в той или иной степени использовать неродной язык при общении с носителями этого языка» [Даниелян 2022: 138], то в узком под билингвизмом понимается «способность человека свободно изъясняться на двух языках» [Мифтахова 2019: 9]. Последнее толкование является базовым для настоящего исследования, цель которого – выяснить, происходят ли изменения в языковом сознании носителей двух равнозначимых культур, когда в процессе коммуникативного взаимодействия происходит переключение кода от одного национального языка к другому.

Актуальность работы обусловлена особенностью региона, билингвизмом как массовым явлением современного общества, недостаточной изученностью психолингвистических и коммуникативно-когнитивных речевых механизмов билингва. Новизна определяется материалом исследования – результатами психолингвистического эксперимента, который проводился среди жителей Якшур-Бодьинского района Удмуртии.

Гипотеза эксперимента – в процессе общения билингва происходит переключение кода не только с одного национального языка на другой, но и кода культурного. По условиям эксперимента факторы возраста, пола, социального статуса респондентов были не релевантны. Все опрошенные – русско-удмуртские билингвы. Респондентам в качестве стимула по очереди предлагались русские и удмуртские единицы, обозначающие базовые положительные и отрицательные эмоции: радость / шумпотон, грусть / жож мылкыд. Фиксировались первые 5-6 реакций.

Основная часть

Проведенный психолингвистический эксперимент позволил сделать следующие выводы. Положительные эмоции. Наиболее частотными ассоциациями на единицу *радость* явились следующие: *счастье* (54,5 %), *улыбка* (37,9 %), *смех* (25,8 %), *солнце* (25,7 %), *любовь* (19,7 %), *семья* (19,7 %), *здоровье* (12,3 %). Выделим интегративные группы: коммуникативные формы выражения положительных эмоций (реакции: *улыбка, смех, радоваться, хлопать в ладоши*), люди (реакции: *семья, друзья, дети, внуки*), цвета (реакции: *жёлтый, сиреневый*), окружающий мир (реакции: *солнце, лето, весна, лес*), самореализация (реакции: *успех, богатство, победа, достижение*), еда (реакции: *еда, конфеты, сладости, чипсы*) и другие.

Наиболее частотные ассоциативы на единицу *шумптон*: *шунды (солнце)* (31,8 %), *яратон (любовь)* (27,3 %), *пальпотон (улыбка)* (21,2 %), *сережъян (смех)* (16,7 %), *кырзан (песня)* (16,7 %), *эктон (танец)* (15,2 %), *гажан (уважение)* (12,1 %).

Интегративные группы: коммуникативные формы выражения положительных эмоций (реакции: *пальпотон (улыбка), сережъян (смех), эктон, тыпыртон (танец), кырзан (песня), тэтчан (прыжки), лобаны (летать)*), внешние обстоятельства (реакции: *тылобурдоослэн чирдэмзы (пение птиц), ньлпиосыд гуртын (дети дома), умой ивор (хорошая новость), куно пумитан (встреча гостей) лэсьтэм уж (деланная работа)*), окружающий мир (реакции: *шундыё инкуазь (солнечная погода), тол (зима), чагыр инбам (голубое небо)*), люди (реакции: *эшгёс (друзья), анай (мама), атай (папа), ньлпиос (дети)*), внутренние ощущения (реакции: *гажан (уважение), оскон (вера), дангьяськон (гордость)*).

Прежде всего отметим, что анализ частотности ассоциативов, как русских, так и удмуртских, позволяет выделить ядерные компоненты понятия «радость» как универсальной базовой положительной эмоции: ‘улыбка’, ‘смех’, ‘солнце’, ‘любовь’. Русское представление радости включает в себя ‘счастье’, ‘хорошее настроение’, ‘семья’, ‘здоровье’, удмуртское – ‘эктон (танец)’, ‘кырзан (песня)’, ‘гажан (уважение)’. Общее и отличное при радостном восприятии действительности билингвом выявляется и путем сопоставления интегративных групп ассоциативов (см. таблицу).

Общим является внешнее невербальное проявление положительной эмоции: улыбка, смех. Эмоция радости в русском языковом сознании ассоциируется с жестом «хлопать в ладоши»; в удмуртском – соотно-

сится с танцем, песней, прыжками и полетом, что, несомненно, отражает особенности удмуртского национального коммуникативного поведения. И в русском языковом сознании, и в удмуртском положительные эмоции вызывают родные, близкие, друзья, лето и солнце, голубое небо.

Таблица. «Интегративные группы ассоциативов»

Русское языковое сознание	Удмуртское языковое сознание
коммуникативные формы выражения положительных эмоций	коммуникативные формы выражения положительных эмоций
люди	люди
окружающий мир	окружающий мир
самореализация	–
еда	–
–	внутренние ощущения
–	внешние обстоятельства

Однозначной положительной коннотацией обладает русская единица «весна» в противовес удмуртской «тол (зима)». Возможно, этим объясняется наличие русских ассоциативов, связанных с «весенними» цветами: жёлтый, сиреневый. Для нас наибольший интерес представляет отличное, подтверждающее гипотезу исследования. Русскоязычный стимул «радость» вызывает реакции, связанные с самореализацией, успешностью в социуме, личными победами, достижениями, материальным благополучием.

Кратковременную положительную эмоцию доставляет вкусная еда. Удмуртский стимул «шумпотон» также отражает компонент 'внешнее признание', которое проявляется по-иному – уважением, гордостью, верой.

Особо обращаем внимание на интегративную группу «внешние обстоятельства», значительно расширяющая объем понятия «радость». Сильная положительная эмоция радости в удмуртской лингвокультуре связана с целыми лингвокогнитивными сценариями: *тылобурдоослэн чирдэмзы (пение птиц), нылпиосыд гуртын (дети дома), умой ивор (хорошая новость), куно пумитан (встреча гостей), лэсьтэм уж (сделанная работа)* и др. Радость в русской лингвокультуре вообще не привязана к какому-либо фрейму.

Таким образом, для говорящих на русском языке радость – более индивидуальная эмоция, как и более индивидуальны причины ее проявления. Неизменно важным для ощущения радости остается ощущение

ние социальной значимости, выраженное в личных достижениях и их признании другими.

Для говорящих на удмуртском языке шумпотон – чувство, обусловленное коллективными ценностями, общенациональными положительными образами; это то чувство, которое, как правило, испытывают носители удмуртской лингвокультуры в конкретных частотных коммуникативных ситуациях. Значимо, что не все коммуникативные ситуации, связанные с чувством шумпотон, вызывают радость у билингва, говорящего на русском языке. Например, ситуация «встреча гостей» имеет ассоциативы с негативной ассоциацией, в частности компонент ‘вторжение в личное пространство’.

Отрицательные эмоции. Наиболее частотными ассоциациями на единицу «грусть» оказались реакции: *слёзы* (42,4 %), *тоска* (33,3 %), *одиночество* (21,2 %), *болезнь* (19,7 %), *расставание* (12,1 %).

Выделим следующие интегративные группы ассоциативов на русский стимул: коммуникативные формы выражения негативных эмоций (реакции: *слёзы*, *плач*), состояния человека (реакции: *огорчение*, *одиночество*, *тоска*, *скука*, *уныние*, *депрессия*, *опустошение*, *отчаяние*), погода (реакции: *дождь*, *снег*), внешние обстоятельства (реакции: *расставание*, *потеря*, *работа*, *война*, *болезнь*, *долги*, *предательство*), цвет (реакции: *серый*, *серость*, *голубой*).

Наиболее частые ассоциативы на единицу «жож мылкыд»: *куректон* (*горе*) (33,3 %), *зор* (*дождь*) (33,3 %), *висён* (*болезнь*) (21,2 %), *мӧзмон* (*тоска*) (19,7 %), *бӧрдон* (*плач*) (16,7 %), *пилем* (*туча*) (12,1 %).

Выделим интегративные группы ассоциативов на удмуртский стимул: коммуникативные формы выражения негативных эмоций (реакции: *синву* (*слёзы*), *бӧрдон* (*плач*)), цвет (реакции: *пурьсь-вож* (*серо-зелёный*)), погода (реакции: *урод куазь* (*плохая погода*), *сӥзьыл* (*осень*), *зор* (*дождь*), *пилем* (*туча*), *пеймыт* (*темно*)), состояния человека (реакции: *куректон* (*горе*), *мӧзмон* (*тоска*), *куатаськон* (*обида*), *сюлемвисён* (*тревога*)), внешние обстоятельства (реакции: *урод иворьёс* (*плохие новости*), *пинальёс кошко гуртысь* (*дети уходят из дома*), *чигем писпу* (*сломанное дерево*), *коньдон быдтон* (*трата денег*)).

Прежде чем анализировать ответы, отметим, что у многих респондентов возникли трудности при реакции на стимул «жож мылкыд». Ассоциаций было гораздо меньше: большая часть респондентов привела лишь по 1–2.

Подобных проблем с подбором ассоциаций к стимулу «шумпотон» отмечено не было. Возможно, это связано с относительной редкостью

упоминания этой лексемы. Удмурты используют чаще варианты «мӧзмон» (тоска), «куректон» (горе), грусть же не является базовой эмоцией, в отличие от русской лингвокультуры. Данный факт подтвержден национальным корпусом удмуртского языка.

Общим в русском и удмуртском языковом сознании являются: внешние формы проявления грусти, плохая погода, вызывающее это чувство, цвета, связанные с серыми оттенками.

Из отличий отметим следующее. У говорящего на удмуртском языке билингва более частотно представлены ассоциативы, связанные с погодой и природой. У русскоговорящих зафиксировано больше языковых единиц, обозначающих оттенки грустного состояния человека.

Особый интерес представляет группа «внешние обстоятельства»: отрицательную эмоцию, обозначенную русской единицей «грусть» испытывают билингвы в ситуациях, чаще связанных с жизнью социума (работа, потеря, война, предательство); удмуртская единица «жож мылкыд» связана с личной жизнью человека, обусловлена национальными традициями и ценностями (сломанное дерево, дети ушли из дома и т.п.).

Заключение

Психолингвистический эксперимент, проведенный среди русско-удмуртских билингвов, проживающих в Якшур-Бодьинском районе Удмуртской Республики, позволил сделать следующие выводы. Стимулы-слова, обозначающие базовые эмоции, в языковом сознании билингва вызывают разные ассоциативные связи, в зависимости от языка употребляются в момент контакта. Обозначая базовые положительные и отрицательные эмоции средствами русского или удмуртского языка, билингвы вкладывают разное понимание стоящих за ключевой лексемой понятий, обусловленных в свою очередь национальной картиной мира.

Употребляя в речи удмуртскую номинацию эмоции или русскую, билингвы осознают отличие в значении данных единиц. Одинаковые коммуникативные ситуации вызывают у билингва одни и те же эмоции, но в русском языке репрезентированные как, например, грусть (в большей степени индивидуализированное чувство), в удмуртском – мӧзмон (тоска), куректон (горе).

В смысловом объеме удмуртских понятий зафиксировано большее количество компонентов, связанных с жизнью семьи, рода, общины; ассоциации обусловлены коллективным культурно-языковым опытом. В русском же языке ассоциативы эмоций имеют либо индивидуальную обусловленность, либо социальную.

К русским стимулам было дано больше ответов в виде существительных (особенно частичных синонимов) и прилагательных, отсылающих к отдельным образам; а к удмуртским – в виде отглагольных существительных и словосочетаний, указывающих на целую коммуникативную ситуацию. Кроме того, цветовые ассоциации ярче выражены в русском языке.

Все это говорит о лингвокогнитивной специфике порождения высказывания представителями русской и удмуртской лингвокультур. Билингв, говорящий на том или ином языке, меняет и способ мышления.

Таким образом, считаем, что гипотеза исследования подтверждена: в процессе взаимодействия билингва при смене языкового кода меняется и код культурный. Билингв существует в координатах двух национальных культур.

Список литературы

Даниелян М.Г. Проблемы билингвизма в современном обществе // Современное педагогическое образование. 2022. № 9. С. 138–140.

Копылова Т.Р. Коммуникация в современной научной парадигме. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2019. 170 с.

Мифтахова О.В. Актуальные проблемы билингвальной коммуникации: методические рекомендации. Луганск: Книта, 2019. 60 с.

Национальный корпус удмуртского языка. URL: <http://udmcorpus.udman.ru/body> (дата обращения: 01.03.2023).

Тагаев М.Д. Билингвальное языковое сознание и типы языковых личностей // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. 4 (64). С. 224–228.

Транскультура: между глобализмом и многокультурием // Проективный словарь философии. Новые понятия и термины. 2004. № 24. URL <https://www.topos.ru/article/2976> (дата обращения: 01.03.23).

УДК 811.161.1'27

Алина Геннадьевна Гавшина

факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

Полина Андреевна Кузнецова

факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

**АССОЦИАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ И РОЛЬ ЦВЕТА
В ЗНАЧЕНИИ КОНЦЕПТА ИНФОРМАЦИЯ В СОЗНАНИИ
НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ИНОСТРАННЫХ
ЯЗЫКОВ**

В статье исследуется актуальное значение концепта ИНФОРМАЦИЯ в сознании носителей русского языка и иностранных языков. Материалом исследования являются реакции, полученные в ходе проведения целенаправленного ассоциативного эксперимента среди русских и иностранных студентов, одного из ведущих методов формирования значимостного компонента концепта.

Ключевые слова: концепт, структура концепта, ассоциативный эксперимент, семантический модуль, ядерные признаки, актуализация значения.

Введение

Современное общество тесно связано с информационными технологиями, интернетом и нейросетями, люди непрерывно учатся и получают необходимые знания и навыки для дальнейшей жизни, трудоустройства, ежедневно заполняют разные документы, а в речи употребляют шаблонные выражения со словом «информация». Но мало кто задумывается, а что означает данный термин. Информация – ключ взаимодействия внутри общества, между обществом и государством, средство накопления знаний об окружающем мире и удовлетворения интересов, способное решать многие проблемы, главный фактор развития современного мира и науки. Ученые отмечают, что «информация может катализировать огромные социальные силы, способные

снести не только разумные доводы, но и материальные препятствия. Это не только общенаучная, но и мало исследованная философская категория» [Дзалиев 2003: 9]. Согласно формулировке А.А. Снытникова и Л.В. Тумановой, «информация как благо нематериальное имеет множество разнообразных смысловых оттенков. В зависимости от тех или иных обстоятельств в повседневной жизни информация может быть актуальной и устаревшей, объективной и субъективной, точной и ложной, основательной и безосновательной, многоплановой и однобокой, обличающей и оправдывающей, укрепляющей и компрометирующей» [Снытников, Туманова 2001: 20].

Основная часть

Анализ научных статей демонстрирует изученность этимологического аспекта концепта ИНФОРМАЦИЯ в русском, французском, английском и немецком языках и понятийного аспекта во французском языке [Ворожцова, Паранина 2019; см., также [Зубарева 2019, 2019а; Зубарева, Шустова 2019]. Исследуемый концепт рассматривается в рекламном и политическом дискурсах с точки зрения социологического и социально-психологического подходов [Крапивенский 2008], а также в юридическом, экономическом дискурсах, в первую очередь, как средство убеждения и манипуляции [Сташевская 2021].

Важность и малоизученность актуального значения концепта ИНФОРМАЦИЯ, отсутствие работ, посвященных исследованию представления данного концепта в сознании носителей русского языка и иностранных языков, роли цвета в его значении обуславливает актуальность, научную новизну и перспективность исследования. Приведем несколько определений термина «концепт», которые отражают характеристики, значимые для работы: «это весь потенциал значения слова, включающий в себя помимо основного смысла комплекс ассоциативных приращений, реализующихся в речи при определенном наборе слов в контексте» [Попова, Стернин 1999: 4]; «совокупность семантических сфер, реализуемых в ассоциативно-вербальной сети речевого общения носителей данного языка, образуя семантическое пространство» [Прохоров 2005: 78]. Отметим, что Г. Воркачев выделяет в структуре концепта понятийный, образный и значимостный компоненты. Значимостный компонент, по мнению ученого, включает в себя этимологические и ассоциативные характеристики имени концепта [Воркачев 2004: 7]. Описание значимостного компонента концепта ИНФОРМАЦИЯ через ассоциативные характеристики являются целью данной статьи. Для исследования выбран метод ассоциативного эксперимента, позволяющий

выявить не только актуальное значение концепта ИНФОРМАЦИЯ, но и получить ассоциации эмоционального и оценочного характера, понять особенности мышления представителей разных наций.

В направленном ассоциативном эксперименте приняли участие 60 русских и 60 иностранных респондентов (14 стран: Таджикистан, Судан, Кот-д'Ивуар, Гана, Колумбия, Египет, Китай, Замбия, Индия, Перу, Тайланд, Грузия, Казахстан, Туркменистан) в возрасте от 18 до 25 лет. Респондентам предлагалось написать не менее трех ассоциаций к слову-стимулу *информация*, а также выбрать цвет, с которым ассоциируется данное слово. В результате проведения эксперимента от русских респондентов получено 401 ассоциация, от иностранных респондентов – 354. Несмотря на меньшее количество ассоциатов, полученных от иностранных респондентов, они более разнообразны и не встречаются у русских респондентов: *справочник, компьютер, инструкция, пресс-релиз, послание, телеграмма, биография* и др.

Для структурирования значимостного компонента концепта ИНФОРМАЦИЯ все реакции были распределены по семантическим модулям, отметим, что одна и та же реакция может входить в несколько семантических модулей, например, *книги, новости*. Модули располагаются по частотности в порядке убывания. Процент частотности вычисляется по формуле общее количество реакций в модуле делится на общее количество реакций, полученных от респондентов.

Семантические модули (русские респонденты):

Сведения (39,9 %): *знания (56), новости (30), данные (29), сведения (20), материал (17), факты (6), инфа (1), контент (1)*.

Источники (34,4 %): *новости (30), интернет (19), текст (14), книги (12), сообщение (11), источник (5), слова (5), СМИ (4), опыт (3), газета (3), статья (2), аудио (2), уведомление (2), общение (2), фото (1), объявление (1), пресса (1), радио (1), учебник (1), википедия (1), ассоциативная карта (1), картинка (1), статистика (1), схема (1), лекции (1), преподаватели (1), ученый (1), люди (1), осведомитель (1), окружающий мир (1), жизнь (1), пост (1), весть (1), ценные бумаги (1), определение (1), ответы (1), коммуникация (1), база данных (1)*.

Наука (20,2 %): *знания (56), информатика (5), статья (2), анализ (2), объяснение (2), описание (2), структура (2), ассоциативная карта (1), схема (1), ученый (1), дискуссия (1), mind map (1), технологии (1), прикладная (1), суждения (1), возможности (1), определение (1)*.

Форма подачи (17,2 %): *текст (14), книги (12), сообщение (11), слова (5), статья (2), уведомление (2), цифры (2), донесение (2), аудио (2), объяснение (2), фото (1), учебник (1), ассоциативная карта (1)*,

картинка (1), статистика (1), схема (1), пост (1), mind map (1), звонок (1), объявление (1), лекции (1), весть (1), определение (1), ответы (1), версии (1).

Образование (16,9 %): знания (56), учеба (2), учебник (1), лекции (1), институт (1), университет (1), преподаватели (1), ученый (1), курс (1), школа (1), образование (1), экзамен (1).

Значимость (8 %): важность (8), полезная (7), нужная (3), актуальность (2), ценность (2), новая (2), содержание (2), необходимость (1), нужда (1), современность (1), прикладная (1), ненужная (1), смысл (1).

Оценка (7,7 %): важность (8), полезная (7), нужная (3), актуальность (2), интересная (2), ненужная (1), точная (1), ложь (1), структурированная (1), отличная (1), трудная (1), тайны (1), неодушевленность (1), возможности (1).

Место размещения (6,2 %): интернет (19), СМИ (4), стенд (1), сеть (1).

Работа с информацией (6 %): обработка (2), анализ (2), описание (2), структура (2), группировка (1), отбор (1), фильтрация (1), изучение (1), усвоение (1), поиск (1), передача (1), передача данных (1), ассоциативная карта (1), статистика (1), схема (1), mind map (1), инфографика (1), база данных (1), работа (1), версии (1).

Умственная деятельность (3 %): мозг (2), познание (2), учеба (2), память (2), ум (1), суждения (1), кругозор (1), понимание (1).

Общение (4,5 %): слова (5), общение (2), объяснение (2), передача (2), обмен (1), коммуникация (1), диалог (1), речь (1), дискуссия (1), звонок (1), информирование (1).

Власть (3,5 %): сила (3), власть (3), владение ситуацией (2), структура (2), превосходство (1), закон (1), осведомленность (1), деньги (1).

Технологии (3,2%): информатика (5), информационно-коммуникационные технологии (1), технологии (1), база данных (1), mind map (1), инфографика (1), контент (1), сеть (1), ассоциативная карта (1).

Литература (3,2 %): книги (12), учебник (1).

Достоверность (1,7 %): достоверность (3), правдивость (2), точная (1), ложь (1).

Закон (1,7 %): власть (3), статья (2), закон (1) осведомитель (1).

Люди (1,5 %): преподаватели (1), ученый (1), осведомитель (1), люди (1), общество (1), иноагент (1).

Объем (1,2 %): много (2), в большом количестве (1), поток (1), бесконечность (1).

Доступность (1%): *доступность (2), скрытая (1), тайна (1)*.

Техника (0,7%): *телевизор (2) техника (1)*.

Семантические модули (иностранные респонденты):

Источники (41,2 %): *новости (37), сообщение (15), репортаж (11), реклама (10), объявление (9), газеты (8), книги (8), интернет (8), СМИ (4), документ (3), справочник (3), инструкция (3), текст (3), Google (2), общество (2), пресса (2), источник (2), радио (2), ресурсы (1), Chrome (1), телеграмма (1), пресс-релиз (1), послание (1), сноска (1), телеграмм (1), мир (1), профессионалы (1), статья (1), ответ (1), учебник (1), статистика (1), ресурсы (1)*.

Сведения (33,3 %): *новости (37), данные (34), знания (13), сведения (12), факты (11), материалы (11)*.

Форма подачи (30,5 %): *сообщение (15), репортаж (11), реклама (10), объявление (9), книги (8), справка (5), показания (4), оповещение (4), справочник (3), инструкция (3), исследование (3), текст (3), весть (3), извещение (2), ссылка (2), совет (2), уведомление (2), донесение (2), файлы (2), пресс-релиз (1), послание (1), телеграмма (1), вопрос (1), петиция (1), сигнал (1), сноска (1), знак (1), заявления (1), статья (1), ответ (1), учебник (1), суждение (1), статистика (1), мнение (1)*.

Объем (7,4 %): *информационный взрыв (1), глобальный масштаб (1), поток (1), большая (1)*.

Наука (6,5 %): *знания (13), исследование (3), научная (1), выводы (1), доказательство (1), консорциум (1), гильдия (1), статья (1), учение (1)*.

Литература (5,1 %): *книги (8), биография (4), справочник (3), роман (1), повесть (1), библиотека (1)*.

Оценка (4,5 %): *новая (3), важная (3), сложная (1), четкая (1), быстрый (1), известный (1), популярный (1), детали (1), обогащение (1), точный (1), интересная (1), чисто (1)*.

Место размещения (4,2 %): *интернет (8), СМИ (4), библиотека (1), телеграмм (1), сеть (1)*.

Общение (4 %): *совет (2), связь (2), коммуникация (2), делиться (1), язык (1), контакты (1), отношения (1), взаимодействие (1), передача (1), общение (1), телеграмм (1)*.

Значимость (2,8 %): *новая (3), важная (3), тенденции (1), сейчас (1), похоронная (1), времена (1)*.

Умственная деятельность (2,8 %): *интеллект (4), внимание (2), выводы (1), познание (1), суждение (1), понимание (1)*.

Закон (2,3 %): *показания (4), защита (1), улика (1), следствие (1), расследование (1)*.

Технологии (2 %): *Google* (2), *программирование* (1), *Chrome* (1), *технологическая* (1), *сеть* (1), *технология* (1).

Техника (2 %): *компьютер* (3), *вычисления* (1), *мобильный телефон* (1), *спутник* (1), *телевизор* (1).

Доступность (1,7 %): *осведомление* (3), *секрет* (1), *тайна* (1), *доступность* (1).

Объединение (1,7 %): *объединение* (1), *союз* (1), *лига* (1), *консорциум* (1), *гильдия* (1), *синдикат* (1).

Образование (1,4 %): *учебник* (1), *образование* (1), *учение* (1), *школа* (1), *узнавать* (1).

Работа с информацией (1,4 %): *вычисления* (1), *разведка* (1), *утечка* (1), *защита* (1), *передача* (1).

Люди (0,8 %): *общество* (2), *профессионалы* (1).

Еда (0,8 %): *пить* (1), *сок* (1), *апельсин* (1).

Власть (0,6 %): *власть* (1), *разведка* (1).

Достоверность (0,3 %): *доказательство* (1).

Таким образом, ядерными семантическими модулями концепта ИНФОРМАЦИЯ для носителей русского языка являются «Сведения», «Источники», «Наука», для носителей иностранных языков – «Сведения», «Источники», «Форма подачи». Отметим, что по результатам эксперимента среди иностранных граждан выявлены два дополнительных модуля «Объединение» и «Еда», а достоверность информации гораздо важнее для русских граждан. Примерно одинаковую популярность у обеих групп опрашиваемых имеют реакции *данные* (русские респонденты – 29 ответов, иностранные респонденты – 34 ответа) и *сообщение* (русские респонденты – 11 ответов, иностранные респонденты – 15 ответов). Ассоциирование слова-стимула *информация* обеими группами со словами *вычисления*, *цифры*, *программирование*, *базы данных* свидетельствует, что мир успешно развивается именно благодаря техническому прогрессу, внедрению техники во все сферы деятельности человека. Вполне объяснимо, что среди реакций, полученных от иностранных граждан в отличие от русских граждан, встречаются такие как *справка*, *документы*, *заявления*, *биография*, так как для въезда в другую страну, в том числе для обучения, необходимо заполнить многочисленные документы, поэтому этот образ сохраняется в их памяти. Самой популярной реакцией у русских респондентов является ассоциат *знания*, в то время как у иностранных респондентов эта реакция занимает лишь четвёртую позицию, а самый частый ответ – *новости*. Большинство русских граждан при опросе стремились указать на

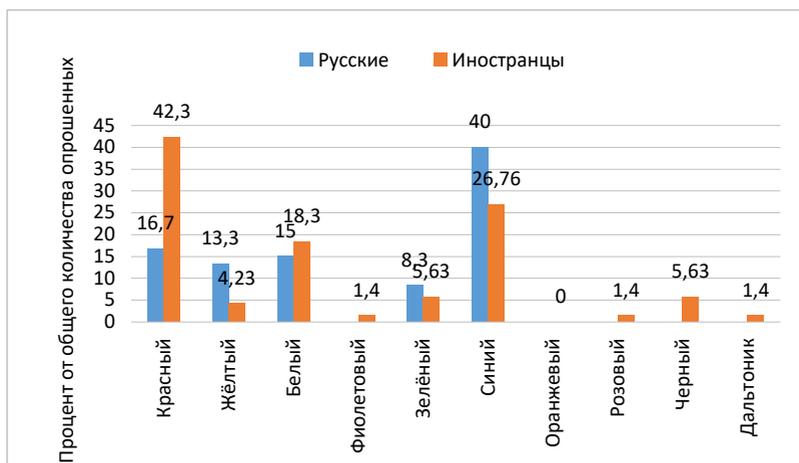
сущность информации, а иностранные граждане – на источник информации.

Обратим внимание на реакцию *интернет*. Носители русского языка упоминают его довольно часто (19 реакций), а вот носители иностранных языков – в 2 раза меньше (8 реакций). Это немаловажный факт, который удивляет и заставляет задуматься, почему интернет так популярен в России как основной источник получения информации, а в других странах он не считается приоритетным. Интересно, что для иностранцев информация связана не только с публицистическим стилем, но и с художественным, что подтверждают реакции *роман, повесть*, в то время как у русских респондентов информация ассоциируется исключительно с текстами публицистического стиля (*газета, статья, СМИ, пресса*). Эти два факта позволяют сделать вывод о том, что для иностранных студентов чтение художественной литературы, а не использование интернет-источников, – более значимый ресурс получения интересной и новой информации.

Любопытно, что 10 иностранцев дали реакцию *реклама*, хотя в ответах русских респондентов она отсутствует. Возможно, это связано с тем, что роль и функции рекламного дискурса за рубежом отличаются от представления и отношения к рекламе в России, иностранцы склонны доверять рекламе как источнику важной и достоверной информации. Добавим, что в ответах иностранных граждан присутствуют необычные реакции, связанные с законом: *улика, следствие, показание, защита, расследование*, что связано с особенностями проживания в разных странах. Таким образом, прослеживается связь значения концепта ИНФОРМАЦИЯ непосредственно с культурными особенностями, другой системой мировоззрения, политики и экономики. Это позволяет рассматривать концепт ИНФОРМАЦИЯ как и лингвокультурный концепт.

Иностранные респонденты назвали такие реакции как *объединение, союз, лига, консорциум, гильдия, синдикат, взаимодействие*, что подтверждает факт важности общения как одного из источников получения информации. Представим человека, прибывшего в другую страну. В период адаптации, скорее всего, он обратится за помощью к представителям своей же национальности, проживающим в этой стране, так как информация, полученная от них, будет ему понятной и не вызывающей сомнения. Возможно, поэтому подобные взаимодействия, а вследствие них и различные формы объединений, ассоциируются у иностранных граждан со словом-стимулом *информация*.

Для целостного понимания актуализированного значения концепта ИНФОРМАЦИЯ нам показалось интересным уточнить, с каким цветом ассоциируется слово *информация*, поскольку исследуемый концепт не имеет материальной природы, его нельзя увидеть или идентифицировать. Такой анализ позволяет уточнить, в каком ключе (негативном, позитивном, может быть связанном с конкретными предметами) оценивается выбранный концепт респондентами. В результате получены следующие данные.

Русские респонденты отметили синий цвет (40 %), второе место занимает красный (16,7 %), третье место – белый (15 %). Предполагаем, что синий цвет является самым популярным, потому что он часто встречается на заставке новостей, напомним, что реакция *новости* относится к одной из самых частотных реакций. Мы решили посмотреть несколько заставок российских новостей на разных каналах, обращая внимание на цветовую гамму, используемую в них. В заставке новостей первого канала сначала появляется циферблат на синем фоне, сообщающий о том, который час, потом следует заставка, в которой появляются красный, жёлтый, белый цвета. Возможно, решающую роль играет именно циферблат, как «предвестник», дающий сигнал о поступлении новой информации [<https://youtu.be/Acabfr9yo4I>]. В заставке новостей каналов Рен-ТВ, НТВ акцент также делается на синем цвете, а белый цвет играет второстепенную роль [<https://youtu.be/ukTLxbMgQVg>, <https://youtu.be/zSc6TUXdCeQ>]. На спортивном телеканале Матч-ТВ в заставке основной цвет – чёр-

ный, но, когда ведущая начинает вещать в студии, на заднем плане располагаются предметы синего цвета [<https://youtu.be/FUv1yidKDRI>]. У иностранных респондентов несколько иная картина: самой популярной реакцией оказался красный цвет (40 %), второй по популярности – синий (26 %), и третий – белый (15 %).

Подобное различие может быть связано со следующими факторами: известно, что красный цвет отражает, с одной стороны, любовь, страсть, успех, эмоциональность и экспрессию, в европейской культуре смелость и отвагу, в других странах, например, в Китае, это символ торжества, праздника и счастья. Респонденты из Таджикистана отметили этот цвет, так как он присутствует во флаге страны и символизирует борьбу, самоотверженность народа за свободу и независимость. С другой стороны, цвет выражает гнев и другие негативные эмоции, стихию огня, предупреждение об опасности. Объясним выбор синего цвета респондентами из Индии. Синий цвет – цвет неба, покоя и расслабления, кроме того в Индии он считается символом высшей мудрости. Индийцы верят, что это цвет «третьего глаза», который усиливает эффект медитации и повышает интуицию. Индиго и темно-синий цвет всегда ассоциировались с успокоительным действием ночи.

Популярность красного цвета у обеих групп опрошенных связан с восприятием информации, как чем-то ярким, бросающимся в глаза, запоминающимся, привлекающим внимание или же предостерегающим о чём-либо. Иными словами, видя текст, написанный красным цветом, человек на подсознательном уровне понимает, что это важная информация и обращает на неё особое внимание. Например, в России пожарные машины красного цвета, машины скорой помощи и полицейские машины также имеют красный цвет. Жёлтый цвет – цвет солнца, что-то яркое, теплое, белый цвет – символ чистоты и радости. Приоритетная гамма цветов характеризует и уточняет актуальное значение концепта ИНФОРМАЦИЯ. Все цвета подтверждают важность владения информацией и подчеркивают, что, с одной стороны, она может быть источником мира и спокойствия, с другой стороны, предостерегать от опасности или иметь разрушающий характер.

Заключение

В результате проведенного анализа можно сделать несколько значимых выводов. Концепт ИНФОРМАЦИЯ имеет сложную и многогранную структуру значения. По данным целенаправленного ассоциативного эксперимента в ядро исследуемого концепта входят такие реакции как *знания, новости, данные, сообщение*. Ядерные реакции сов-

падают у носителей русского языка и иностранных языков. Но далее в периферийных зонах прослеживается специфика восприятия концепта ИНФОРМАЦИЯ иностранными и русскими гражданами, связанная с национально-культурными, историческими, политическими, экономическими, социальными аспектами, что позволяет считать данный концепт и лингвокультурологическим. Данный материал может быть использован для словарной статьи в ассоциативных лингвистических словарях. В перспективе можно изучать концепт ИНФОРМАЦИЯ в сознании носителей конкретного иностранного языка, с точки зрения лингвокультурологического подхода, а также актуализировать значение путем анализа национальных корпусов.

Список литературы

Воркачев С.Г. *Счастье как лингвокультурный концепт*. М.: Гнозис, 2004. 192 с.

Ворожцова И.Б., Паранина Е.М. К вопросу об информационной компетентности: содержание и структура концепта «Информация» // *Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика*. Т. 29. № 1. 2019. С. 63–71.

Дзлиев М.И., Урсул А.Д. *Основы обеспечения безопасности России*. М.: Изд-во «Экономика», 2003. 421 с.

Зубарева Е.О. Понятийный компонент концепта «Миграция» // *Евразийский гуманитарный журнал*. 2019. № 2. С. 75–83.

Зубарева Е.О. Синтагматический анализ концепта МИГРАЦИЯ // *Миграционная лингвистика*. 2019а. № 1. С. 16.

Зубарева Е.О., Шустова С.В. Синтагматический анализ концепта МИГРАЦИЯ (на материале корпусных данных) // *Миграционная лингвистика*. 2019. № 1. С. 23–42.

Крапивенский А.С. Концепт «Информация» в дискурсе политической и коммерческой рекламной коммуникации // *Философия и общество*. 2008. № 3(51). С. 80–89.

Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во «Воронежский государственный университет», 1999. 30 с.

Прохоров Ю.Е. К проблеме «концепта» и «концептосферы» // *Язык, сознание, коммуникация*. Сб. статей. / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изогов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 74–94.

Снытников, А.А., Туманова, Л.В. *Обеспечение и защита прав на информацию*. М.: Городец-издат, 2001. 338 с.

Сташевская М.П. Трансформация концептов «Данные» и «Информация» в контексте развития цифровой экономики // *Право. Экономика. Психология*. 2021. № 1(21). С. 42–47.

УДК 81'37

Анна Ивановна Романова

факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

ЛИНГВИЦИЗМЫ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ГЕНОЦИДА

За последние несколько лет на мировой арене геополитической и экономической сферы произошли существенные изменения, результатом чего стали значительные изменения в мышлении, а также перемены в настроениях представителей разных национальных и религиозных групп. Лингвистический геноцид тесно пересекается с таким понятием как «язык ненависти», который в свою очередь определяет как покрывающее все формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости.

Ключевые слова: лингвистический геноцид, лингвицизм, язык ненависти, язык вражды, глобализация.

Введение

За последние несколько лет на мировой арене геополитической и экономической сферы произошли существенные изменения, результатом чего стали значительные изменения в мышлении, а также перемены в настроениях представителей разных национальных и религиозных групп. Данные события повлекли за собой установление жестких правил, регулирующие само существование индивида в обществе, происходит пренебрежение исторически-сложившимися ценностными и мировоззренческими ориентирами, поскольку процесс функционирования личности происходит отдельно от социума. Причиной усиления международных и этноконфессиональных враждебных отношений, которые привели к формированию и нарастанию протестных движений и даже местным вооруженным конфликтам, стали неустойчивость политических систем, нестабильность в экономической системе и ее дезинтеграция в целом, а также проявление поведения, не соответствующие нормам общественной системы. На сегодняшний день од-

ной из наиболее важных и актуальных проблем является широкомасштабное распространение феномена лингвистического геноцида, одними из отличительных признаков которого можно считать частое использование «языка ненависти» и «риторики гнева» в различных социальных сетях, в средствах массовой информации, а также на законодательском и государственном уровнях. Данные проблемы освещаются в ряде работ современных исследователей [Василенко 2019; Резникова, Дегтярева, Дышекова 2019; Петербургский 2018; Филиппсон 2021; Шаховский 2016; Шустова, Зубарева 2020; Шустова 2020; Шустова, Раренко 2021; Шустова, Костева 2022].

Основная часть

Лингвистический геноцид тесно пересекается с таким понятием как «язык ненависти», который в свою очередь определяется как «покрывающее все формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации и враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями» [Колосов 2004: 6]. Следует отметить, что «язык ненависти» включает в себя различные виды языковых средств, которые в свою очередь являются оскорбительными по отношению к человеку и к обществу в целом. На бытовом и на государственном уровнях «язык ненависти» и свойственные ему языковые средства находятся под запретом, поскольку не являются нормативной общепринятой лексикой и определяются как инвективы. Несмотря на это, их употребление становится массовым.

«Язык ненависти» определяется следующим образом: YouTube в принципах сообщества описывает «язык ненависти» как «контент, поощряющий насилие или ненависть против отдельных лиц или групп на основе определенных признаков, таких как раса или этническое происхождение, религия, инвалидность, пол, возраст, ветеранский статус или сексуальная ориентация/гендерная идентичность» [Правила в отношении...]. Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации понимает «язык ненависти» как «форму ориентированной на окружающих речи, которая отрицает основные принципы человеческого достоинства и равенства и направлена на умаление положения отдельных лиц или групп населения в глазах общества» [Борьба ... 2013: 10].

Комиссия Южной Африки по жалобам в сфере вещания относит к «языку ненависти» «материал, который, если оценивать его в контексте, одобряет, поощряет или облагораживает насилие, основанное на расе, национальном или этническом происхождении, цвете кожи, религии, половой принадлежности, сексуальной ориентации, возраста или психосоциальной или физической инвалидности», а также «пропаганду войны, подстрекательство к прямому немедленному насилию или пропаганду ненависти, которая основана на расе, этнической принадлежности, половой принадлежности или религии и представляет собой призыв к причинению вреда» [Code of the Broadcasting...].

Мы можем увидеть, что такое явление как «лингвистический геноцид» обостряется именно на фоне глобальных трансформаций, а сам термин определяется как «комплекс мер административно-политического, а также экономического характера, направленных на искоренение языка, обычно в регионах его исконного распространения» [Rudnyckyj 1987: 644]. Проявление лингвистического геноцида можно отследить в том случае, если сам носитель какого-либо языка не уничтожается физически, как при политике геноцида, но зависит от определенной языковой концепции, направлением которой является принудительная языковая ассимиляция.

Автором самого термина «лингвистический геноцид» или «лингвизм» считают канадского лингвиста Я.-Б. Рудницкого, который впервые использовал его в 1967 г. В его книге, под названием «Лингвоцид», можно отследить несколько идей, напрямую касающихся лингвизма. Так, канадский лингвист утверждает, что на протяжении всего развития общества всегда будет существовать опасность превращения двуязычного общества в одноязычное с доминирующим языком общения. Поэтому необходимо защищать и отстаивать языковые права группы для поддержки языка как средства общения в пределах данного общества. Все эти процессы, по мнению Я.-Б. Рудницкого, зависят больше от политической системы, государственного устоя и уровня развития демократии [Rudnyckyj 1987: 644].

Следовательно, можно сделать вывод, что политика лингвистического геноцида выражается в полном отрицании языка как отдельной языковой системы. Данное понятие определяется в запрете коммуникации на родном языке каких-либо национальных меньшинств, а также в запрете на использование родного языка, если он не поддерживается и не признается на государственном уровне. Исходя из вышеперечисленных фактов, можно дать определение такому понятию, как «языковой геноцид».

Языковой геноцид – это открытая дискриминация национального меньшинства на использование родного языка как права на свободу волеизъявления, обучения и отправления религиозных обрядов на языке своего народа [Кудинова, Резникова, Кабулов 2018: 28]. С другой стороны, лингвистический геноцид носит деструктивный характер. Так, ярким примером деструктивной языковой политики можно считать проявление русофобии, а также непринятие российских традиций и культуры. Данную ситуацию мы можем увидеть сегодня на территории Украины, так как именно радикально настроенными украинцами националистами было придумано большинство оскорбительных прозвищ для граждан Российской Федерации: *москаля, кацапы, мошки, ватники, орда, тыблы*. Подобные номинации являются достаточно провокационными, вследствие чего использование таких слов часто приводит к напряженной обстановке в обществе и к усугублению отношений между странами. Однако наибольшую опасность также представляет введение инвективной лексики в различные образовательные программы, следствием чего является принятие молодым поколением идеи о превосходстве и доминировании одной расы или нации над другой [Патюкова, Кудинова 2017: 82–85; см., например, о лексикографировании субстандартной лексики [Рябичкина 2008, 2008а, 2010].

Феномен лингвистического геноцида можно также проследить в истории развития других стран. Правительство Сингапура запустило кампанию «Говорите на мандаринском» в 1979 г. для того, чтобы продвинуть мандаринский диалект среди китайских сингапурцев. Проводимая политика стала предметом резкой критики, тем более, что большинство китайских сингапурцев были выходцами из южного Китая, где не говорили на мандаринском диалекте. В рамках кампании правительство запретило местным СМИ использовать какой-либо другой диалект китайского, а доступ иностранных СМИ в страну был жестко ограничен. Из-за проявления феномена лингвистического геноцида, в настоящее время существуют проблемы в общении между старшими и младшими поколениями [10 примеров...].

Еще одним примером проявления лингвистического геноцида является курдский язык. Как известно, курды часто подвергались дискриминации, при этом, если сам курдский народ не был целью геноцида, то их язык до сих пор ею является. На сегодняшний день Ирак принимает курдское население с его официальным языком, более того, в данной стране разрешено использование языка в сфере образования, в сфере администрирования и в средствах массовой информации [10 примеров...].

Турция пыталась ассимилировать говорящих не на турецком языке, начиная с 1930-х гг., именно тогда курдский язык и культура были запрещены. Курды считались нецивилизованными и невежественными людьми, а любая попытка этих людей самоидентифицироваться воспринималась как преступление. Ситуация изменилась, когда в 1991 г. Турция легализовала частичное использование курдского языка. С тех пор ограничения становились все слабее: курдский язык в образовательной системе теперь не считается вне закона, сократилось количество ограничений на СМИ. Однако языковая дискриминация в стране по-прежнему ощущается, несмотря на прогрессирующие улучшения [10 примеров...].

Похожие события произошли в Иране, когда правительство в начале XX в. проводило политику закрепления персидского языка. Курдский был полностью запрещен в школах и государственных учреждениях, позднее вышел закон о тотальном запрете на использование данного языка. [10 примеров...]. Из выше перечисленных положений, мы можем прийти к выводу, что принятые политические решения являются деструктивными, так как происходит запрет на использование родного языка для многих иноязычных частей населения, подавляющий права граждан на свободную коммуникацию.

Предлагаем рассмотреть определения номинации *негр*.

Человек, принадлежащий к чернокожему туземному населению тропической Африки [БТС].

Человек, тяжело и бесправно работающий на другого, других [ТСС С.И. Ожегова].

Люди, принадлежащие к негроидной расе [НБТС].

1. *Человек, принадлежащий к расе людей с темной кожей, восходящих к коренному населению тропической Африки* 2. *Человек, тяжело и бесправно работающий на другого (других)* [РТС].

Бесправный человек, выполняющий тяжелую работу [СТС].

Определение данного слова дано во всех заявленных нами словарях, однако все значения трактуются по-разному. Как мы можем увидеть, во всех вариантах данная лексическая единица не имеет каких-либо стилистических помет, следовательно, его можно рассматривать как нейтральное, что также относится и к производным словам. Ниже мы рассмотрели деривационный потенциал слова «негр» в русском языке, а также их употребление в каком-либо контексте:

1. Негроид – представитель негроидной расы [НБТС]. Данная номинация образовано путем присоединения суффикса *-оид* к слову *негр*.

– *Вас стёрли, – виновато произнёс негроид Коттин. – (В. Головачев – «Гиперсеть», 2018 Ngram)*

2. Негроидный – негроидный, -ая, -ое. 1. негроидная раса (спец.) – раса людей с тёмной кожей, курчавыми волосами, широким носом и некоторыми другими признаками, основная раса коренного населения тропической Африки. 2. Относящийся к такой расе, имеющий признаки такой расы [ТСС]. Данная номинация образовано путем присоединения суффиксов *-oid* и *-н* к слову негр, а также добавления окончания *-ый*.

Не каждый день встретишь негроидный тип волос у представителя европеоидной расы. – (Г. Польшкая – «Золото Аида», 2018 Ngram)

3. Негритенок – ребенок-негр [БТС]. Данная номинация образовано путем присоединения суффиксов *-ит* и *-енок* к слову негр.

В первом ряду стоял молодой негритенок лет пятнадцати, не спускавший глаз с молодого парижанина и следивший за каждым его движением. – (Луи Буссенар – «Приключения парижанина в Океании», 2018 Ngram)

4. Негритянка – ребенок-негр (ж.р.) [БТС]. Данная номинация образована путем присоединения суффиксов *-ит*, *-ян*, *-к* и окончания *а* к слову негр.

Внутренняя дверь раскрылась и, неся несколько блюд, появилась дрожащая от страха высокая, стройная негритянка, одетая в обычный костюм чернокожих (Кингсли Чарльз – «Ипатия – душа Александрии», 2014 Ngram).

5. Негритянский – 1) Соотносящийся по знач. с сущ.: негры, связанный с ним. 2) Свойственный неграм, характерный для них. 3) Принадлежащий неграм [СТС]. Данная номинация образовано путем присоединения суффиксов *-ит*, *-ян*, *-ск* и окончания *ий* к слову негр.

Анна музицировала на рояле, когда Владимир вошёл в их дом, и она, увидев странное явление, – негритянский профиль под буйной шевелюрой – не выдержала и расхохоталась за его спиной. – (Рафаэль Гругман – «Жаботинский и Бен Гурион: Правый и левый полюсы Израиля», 2018 Ngram)

Мы полагаем, что данное слово и производные от него не имеют отрицательных коннотаций, так как в истории России не прослеживается притеснение чернокожей расы. Однако дискриминация по отношению к представителям черной расы активно пропагандируется на территории Америки и во многих других странах, поэтому мы не рекомендуем использовать слово *негр* в присутствии чернокожих людей.

Следующая лексическая единица, которая была рассмотрена в ходе данного исследования – *ниггер*. Как выяснилось, в заявленных нами русских словарях нет определений данной номинации. Однако в «Словаре иностранных слов» Н.Г. Комлева слово *ниггер* представлено как «оскорбительное, расистское обозначение представителя черной расы». Вероятно, что фиксации данной номинации нет в русских словарях, по причине того, что *ниггер* является разговорным термином и используется в основном на территории США.

Целая группа мальчишек начала кричать: «Ниггер! Ниггер! Ниггер!» Я сдерживал слезы, стараясь изо всех сил не быть «девчонкой» и не позволить им видеть, как я плачу. – (Луиза Хей – Живительная благодарность, 2016 Ngram)

В русском языке слово *афро(-)американец* зафиксировано лишь в одном из пяти заявленных нами словарями. [НБТС] под редакцией С.А. Кузнецова дает следующее определение данной номинации (во множественном числе): *Афро-американцы – этнорасовая группа негров США*. Также стоит отметить, что в словаре данная номинация дается во множественном числе.

Все тот же афроамериканец по имени Элвин. Его черные волосы были коротко стрижены, а ярко-карие глаза подозрительно сверлили парней пронзительным взглядом. – (Диана Винтер – «Донум», 2019 Ngram)

В русском языке прямым переводом слова *black* является слово *черный*, однако употребление данной лексической единицы в коммуникативной практике, а также в каких-либо научных или деловых текстах является неприемлемым с точки зрения норм стилистики и этикета. Наиболее схожим по значению эквивалентом английского существительного (*a*) *black* (опираясь на определения данными нам заявленными английскими словарями) является русское существительное *чернокожий*. Русские словари дают следующие определения данной номинации:

1. *С темной, черной кожей. Чернокожая раса*. 2. *в знач. сущ. чернокожие, чернокожих, ед. чернокожий, чернокожего, м. Негры* [БТС].
Принадлежащий к негроидной расе, с тёмной кожей [ТСС].

С темной, черной кожей [РТС].

1. *Тот, кто имеет чёрную или тёмную кожу*. 2. *прил. Имеющий чёрную или тёмную кожу* [СТС].

Данная номинация не помечена в словарях какими-либо стилистическими пометами, следовательно, ее можно считать нейтральной. Однако [НБТС] под редакцией С.А. Кузнецова дает следующее опре-

деление данному слову: *имеющий темный или черный цвет кожи*, а также маркирует его как презрительное, употребляя в контексте *Школы для чернокожих*. Данная лексическая единица, выступающая как прилагательное, также не имеет стилистических помет, следовательно, является общеупотребительным словом. С.А. Кузнецов приводит следующие примеры в своем словаре: *черное лицо, черное население острова*. Мы полагаем, что вариант «черный человек» может затруднить понимание какого-либо контекста, желательно использовать данную номинацию в сочетании с гипонимами (ребенок, женщина) или гиперонимами (раса, населения). Более уместным вариантом будет использования «чернокожий человек» для представителя негроидной расы.

Четыре из пяти заявленных нами русских словарей дают следующее определение слову «цветной» в интересующем нас контексте:

О людях: принадлежащий не к белой расе [РТС].

Тот, кто относится не к белой расе [СТС].

О людях: принадлежащий не к белой расе [ТСС].

Принадлежащий не к белой расе [НБТС].

Данное прилагательное представлено во всех словарях как стилистически нейтральное, однако с нашей точки зрения достаточно широкая семантика не позволяет его использовать в качестве замены лексических единиц, которые обозначают представителей негроидной расы.

«Этот удивительный рассказ о цветных людях был написанный одним африканским мальчиком и был номинирован на звание Лучшего рассказа 2005 года». – («Секреты Жизни» – Научно-популярный журнал о жизни).

Заключение

Проанализировав ситуацию, происходящую на сегодняшний день в мире, мы можем прийти к выводу, что лингвистический геноцид является одной из наиболее актуальных проблем. По нашему мнению, человечеству необходимо стремиться к воспитанию толерантности и гуманизма, а также к созданию многополярного мира, к созданию условий для принятия разных культурных традиций, которые существуют вне зависимости от национальной принадлежности.

Список сокращений

БТС – «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н.Ушакова.

НБТС – «Новейший большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова.

РТС – «Русский толковый словарь» под редакцией В.В. Лопатина.

СИС – «Словарь иностранных слов» Н.Г. Комлева.

СТС – «Современный толковый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой.

Список литературы

Василенко Е.Н. «Язык вражды» как предмет научного анализа и как социальный феномен (теоретическое обоснование перспектив исследования) // Филология и человек. 2019. № 4. С. 136–145.

Колосов С.А. Конструирование социальной ненависти в дискурсе: специальность. Дисс... к. филол. н. Тверь, 2004. 156 с.

Кудинова Т.А., Резникова А.В., Кабулов Д.М. Язык ненависти как фактор эскалации лингвистического геноцида в контексте современной этноязыковой конфликтологии // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 4(75). С. 27–30.

Пятукова Р.В., Кудинова Т.А. Специфика статусно-ролевого публичного дискурса: медийный аспект // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 2. С. 82–85.

Петербургский М.Ю. К вопросу дискриминации по признаку языка // Право и государство: теория и практика. 2018. № 7(163). С. 75–79.

Резникова А.В., Дегтярева Л.М., Дышекова О.В. К проблеме формулирования дефиниции "Лингвистический экстремизм" // Философия права. 2019. № 3(90). С. 145–149.

Рябичкина Г.В. Систематизация помет в субстандартных словарях (социолексикографический аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1-2(1). С. 116–118.

Рябичкина Г.В. Типы дефиниций в «Большом словаре русского жаргона» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008а. № 59. С. 179–182.

Рябичкина Г.В. История русской просторечной лексикографии постреволюционного периода. Монография. Астрахань: Изд. Сорокин Р.В., 2010. 153 с.

Филлипсон Р. Введение в концепцию языкового империализма // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 4(450). С. 143–151.

Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград: ИП Поликарпов И.Л., 2016. 504 с.

Шустова С.В., Зубарева Е.О., Хорошева Н.В., Костева В.М., Мощанская Е.Ю., Киндеркнехт А.С., Кёк Й. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 2020. 180 с.

Шустова С.В. Лексические средства актуализации функционально-прагматической категории угрозы в аспекте речевой агрессии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Т. 6. № 2. С. 169–178.

Шустова С.В., Раренко М.Б., Попова М.В., Зорина Т.П., Костева В.М., Боровицкая Е.И., Меньшакова Н.Н., Ален М.Ю., Лапаева А.А., Новиков А.Ю. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики и литература мультикультурализма. Пермь: Изд-во «Пермский институт экономики и финансов», 2021. 188 с.

Шустова С.В., Костева В.М., Богоявленская Ю.В., Зубарева Е.О., Лапаева А.А., Серебрякова С.В., Путина О.Н., Боровицкая Е.И. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: лингвокультурный, социолингвистический и лингвисториографический аспекты. Пермь: Изд-во «Пермский институт экономики и финансов», 2022. 192 с.

Rudnyckij J.B. *Ukrainian Linguistics in Exile (1918–1984). Papers in the History of Linguistics*. Edited by Hans Aarsleff, L.G. Kelly, Hans-Josef Niederehe. (Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science. Series III, Studies in the history of language sciences; v. 38.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1987. 644 p.

Список источников материала

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка // Вокабула. URL: <http://www.вокабула.рф/> (дата обращения: 08.12.2022).

Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов // Наука. Искусство. Величие. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/> (дата обращения: 08.12.2022).

Комитет по ликвидации расовой дискриминации. Общая рекомендация № 35 «Борьба с ненавистническими высказываниями расистского толка», 26 сентября 2013 г., CERD/C/GC/35, параграф 10.

Кузнецов С.А. Новейший большой толковый словарь русского языка // Словари и энциклопедии. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 08.12.2022).

Лопатин В.В. Русский толковый словарь // Вокабула. URL: <http://www.вокабула.рф/> (дата обращения: 08.12.2022).

Ожегов С.И. Толковый словарь современного русского языка // Вокабула. URL: <http://www.вокабула.рф/> (дата обращения: 08.12.2022).

Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка // Российская государственная библиотека. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003496179> (дата обращения: 08.12.2022).

10 примеров современного языкового геноцида. URL: <https://www.infoniac.ru/news/10-primerov-sovremennogo-yazykovogo-genocida.html> (дата обращения: 08.12.2022).

Правила в отношении дискриминационных высказываний. URL: <https://support.google.com/youtube/answer/2801939> (дата обращения: 08.12.2022).

Code of the Broadcasting Complaints Commission of South Africa. URL: <https://sanef.org.za/> (дата обращения: 08.12.2022).

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 81'42

Юлия Юрьевна Шишмакова

факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ЛЕКСИКИ ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются основные трудности, возникающие при переводе текстов туристического дискурса. Тексты туристического дискурса – современное и актуальное направление в переводе. С развитием туризма по всему миру и появлением новых туристических маршрутов возрастает спрос на перевод материалов соответствующей тематики. На материале книги «Epic Hikes of the World» анализируются примеры туристической лексики, стилистические, синтаксические и лексические особенности путеводителя как жанра публицистики, а также переводческие стратегии и решения, которые могут помочь при работе с текстами туристического дискурса.

Ключевые слова: туристический дискурс, особенности путеводителя как туристического жанра, лингвострановедческая лексика, перевод языковых реалий, контекст.

Введение

Тексты туристического дискурса – современное и актуальное направление в переводе. С развитием туризма по всему миру и появлением новых туристических маршрутов возрастает спрос на перевод материалов соответствующей тематики. Задачами данной статьи являются изучение особенностей туристического дискурса, разбор основных трудностей, связанных с переводом текстов данной тематики, а также определение успешных переводческих решений и стратегий. В качестве материала для перевода был выбран туристический путеводитель *Epic Hikes of the World* издательства Lonely Planet.

Согласно словарю терминов межкультурной коммуникации, «дискурс – это связный текст в совокупности с социокультурным контекстом; речь как компонент, участвующий во взаимодействии людей».

В лингвистическом энциклопедическом словаре дискурс рассматривается как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами», «текст, взятый в событийном аспекте», а также как «речь, «погружённая в жизнь»». Следовательно, понятие дискурса отличают связность, процесс живой речи, а также экстралингвистические и социокультурные факторы, характерные для того или иного контекста.

Основная часть

В ходе исследования был проведён анализ туристического дискурса на основе следующих компонентов: 1) участники: экскурсовод – туристы, туроператор – клиенты турфирмы, авиакомпания – путешественники и т.д.; 2) обстановка: экскурсия, офис турфирмы, самолёт; 3) цели: предложить услуги экскурсовода, туроператора, получить прибыль – открыть новые культуры, познакомиться с достопримечательностями; 4) ценности: знакомство с новой культурой, страной, языком, передача лингвокультурных знаний; 5) стратегии: проведение экскурсий, составление путеводителей, планирование путешествия; 6) материал: путеводители, экскурсии, аудиогиды, видео-экскурсии, туристические брошюры; 7) жанры и разновидности: публицистика, разговорный стиль; 8) прецедентные тексты: созданные ранее туристические материалы, лингвострановедческие тексты, путеводители.

Н.В. Филатова выделяет три категории жанров туристического дискурса: устная разновидность опосредованного общения, письменная разновидность в форме печатных текстов и компьютерно-опосредованная письменная разновидность. К устной разновидности туристического дискурса относятся экскурсии, диалоги между участниками дискурса, аудиогиды. К письменной разновидности относятся туристические брошюры, путеводители, листовки в форме печатных текстов. Компьютерно-опосредованная категория включает в себя виртуальные экскурсии, веб-страницы и сайты, электронная переписка участников туристического дискурса [Филатова, 2012].

Как показывают лингвистические исследования, в тексте туристического дискурса можно выделить следующие особенности: побудительность, доступность, персонализация, информативность, экспрессивность и разнообразие стилистических приёмов [Цыремпилов, Платицына 2018]. Такой приём, как побудительность, может заключаться в поощрении читателей открыть для себя новые направления, посетить достопримечательности, приобрести тур или воспользоваться услугами гида или авиакомпании. Доступность проявляется в использовании простого общеупотребительного языка с элементами разговорного

стиля. Приём персонализации предполагает составление текстов с учётом интересов и потребностей читателей, клиентоориентированность. Информативность выражается в передаче информации, правил, инструкций.

В тексте туристического дискурса эта особенность ярко проявляется в описании маршрутов, предупреждениях об опасности, информировании туристов о доступных местах проживания и транспортных средствах, правилах поведения в той или иной местности, необходимом снаряжении. Тексты туристического дискурса также отличаются живой разговорной речью и разнообразием стилистических приёмов, что свидетельствует об их экспрессивности.

Одна из основных трудностей при переводе туристического текста – это выбор эквивалентных слов для передачи языковых реалий и лингвострановедческой лексики. В связи с этим особую важность приобретает контекст, в котором употребляется то или иное слово. М.Ю. Илюшкина выделяет два типа контекста – лингвистический и экстралингвистический. К лингвистическому контексту относятся лексические единицы и синтаксические конструкции, окружающие слово в пределах предложения, а также текстовый контекст, выходящий за пределы одного предложения. Экстралингвистический контекст включает обстановку, время, место, а также дополнительные факты и знания, относящиеся к высказыванию [Илюшкина 2016].

При работе над переводом важно учитывать как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Привлечение фоновых знаний и поиск дополнительной информации помогают провести анализ языковых реалий и передать лингвокультурные единицы наиболее точно.

Рассмотрим основные трудности перевода туристической лексики и способы их преодоления на материале книги Eric Hikes of the World. Выбранные для перевода главы открывают широкую панораму туристических направлений в пяти странах – Канаде, США, Англии, Австралии и Новой Зеландии. В ходе работы над переводом был проведён анализ туристической лексики следующих категорий: 1) географические наименования; 2) флора и фауна; 3) предметы туристического быта и элементы туристического снаряжения; 4) ценности культуры и искусства; 5) достопримечательности; 6) места проживания; 7) средства передвижения и др.

Отдельного внимания заслуживает стиль изложения. Его можно охарактеризовать как публицистику в формате блога: каждый из авторов пишет о своем опыте путешествий в лаконичной подаче. В связи с этой особенностью в переводе также были использованы простые и

лаконичные предложения, ориентированные на широкую аудиторию, которая привыкла к современному формату блогов в социальных сетях. В тексте путеводителя часто встречаются географические наименования – названия гор, озер и рек, а также описания рельефа местности с указанием таких параметров, как высота и протяженность. В тексте оригинала единицы измерения были даны в двух системах (например, мили – километры, футы – метры, фунты – килограммы). В тексте перевода единицы измерения были оставлены только в метрической системе, так как она является международной и понятна русскоязычным читателям. Географические названия в тексте перевода в большинстве случаев не были переведены на русский язык транслитерацией. В этом подходе есть практическая ценность, так как целевая аудитория книги – туристы, которые, возможно, отправятся в путешествие по описанным в ней маршрутам. Читателям будет проще ориентироваться в англоговорящих странах, если в путеводителе они будут видеть названия туристических мест на английском.

Running for 27 miles (44km) between Maligne Lake and Maligne Canyon, the Skyline is considered the crème de la crème of Canadian hiking.

Тропа Skyline простирается на 44 км между озером Maligne и каньоном Maligne и считается жемчужиной пешего туризма в Канаде.

В книге представлено богатое разнообразие флоры и фауны англоязычных стран. Ниже приведены примеры лексики из этой категории и ее перевод на русский язык: *marmot* – сурок, *pika* – пищуха, *meerkat* – сурикат, *New Zealand fur seal* – новозеландский морской котик, *currawong* – ворона-флейтуист, *bighorn sheep* – бараны толстороги, *brumby* – дикие кустарниковые лошади брамби, *scrubby forest* – низкорослый лес, *alpine tundra* – альпийская тундра, *maple, beech and birch forest* – кленовые, буковые и березовые леса. Наиболее интересным оказался перевод наименований животных. Например, название *bighorn sheep* было переведено как *бараны толстороги*. В словарях встречаются разные варианты перевода названия этого вида: *снежный баран, толсторогий баран, баран толсторог, чубук*. В качестве окончательного варианта перевода было выбрано название “*баран толсторог*”, так как оно ярко передаёт главную черту этого вида баранов – массивные и толстые рога. Толсторогие бараны широко распространены в горах западной части Северной Америки от Канады до полуострова Калифорния. Различают две основные разновидности данного вида баранов: пустынный толсторог и толсторог Скалистых гор. В связи с этим в переводе было сделано уточнение с указанием конкретного названия вида и места его обитания.

Другая категория лингвокультурной лексики встречается в главе, посвященной туризму в Англии. В тексте перечисляются названия блюд, которые можно попробовать в Лондоне: *French pastries* – французская выпечка, *Welsh cheeses* – валлийские сыры, *North Sea fish* – рыба Северного моря, *Indian dosa* – индийская доса, *Dutch pancakes* – голландские блинчики, *English bacon* – английский бекон. Данная лексическая группа показывает не только кулинарное, но и культурное разнообразие города. С помощью лексики гастрономического дискурса автор подчеркивает мультикультурализм Лондона.

Текст путеводителя интересен наличием аллюзий к объектам культуры, истории и искусства, поэтому название музыкальной группы было оставлено на английском языке, а название произведения было переведено на русский язык в качестве примечания.

...thanks to Australia's favourite bard, **AB 'Banjo' Patterson**, who immortalised them in his poem **The Man From Snowy River**.

...благодаря любимому австралийскому певцу группы **Banjo Паттерсону**, который увековечил их в своем произведении **The Man From Snowy River** («Человек со снежной реки»).

Для описания местности и окружающей обстановки в тексте используется специальная туристическая лексика: *trailhead* – начало тропы, *network of trailheads* – сеть маршрутов, *ski area* – горнолыжная зона, *fire-road* – просека, *lookout* – смотровая площадка, *pass* – перевал. Стоит отметить языковые единицы туристического дискурса, обозначающие типичные виды деятельности людей: *horse-trekking* – конные походы, *skiing* – катание на лыжах, *cycling* – катание на велосипеде, *hiking* – пешие прогулки, *paddling* – гребля, *to camp out* – разбивать лагерь, *to pitch a tent* – ставить палатку, *boil some tea* – заваривать чай, *stretch out a sleeping bag* – расстлать спальный мешок, *to wade across* – переходить вброд.

Следующие лексические единицы используются для обозначения участников туристического дискурса: *hikers*, *walkers* – пешие туристы, *kayakers* – байдарочные, *summer caretakers* – летние сторожа, *trampers* – путники, *paddlers* – гребцы. Другая лексическая группа включает в себя предметы туристического быта и элементы туристического снаряжения: *sleeping bag* – спальный мешок, *canister of bear spray* – спрей от медведей, *head-torch* – налобный фонарик, *food bag* – сумка с припасами. Есть и категория, включающая лексику, обозначающую средства передвижения: *shuttle bus* – маршрутный автобус, *kayak* – байдарка (каяк), *a water taxi* – водное такси, *boats* – лодки, *pleasure cruises* – прогулочные круизы. Стоит также обратить внимание

на лексику со значением продолжительности путешествий. Временные рамки путешествий были переданы следующим образом: *on a day hike* – *однодневный поход*, *a weekend adventure* – *приключение на выходные*, *a multi-week ramble* – *многонедельные блуждания*, *a leisurely five-day high-country amble* – *неспециальная пятидневная прогулка по высокогорью*.

Не менее интересны и синтаксические особенности текста. Один из популярных приемов туристического дискурса – это персонализация. В тексте путеводителя этот приём выражается в обращении к читателям, построении с ними диалога. Одним из признаков персонализации является использование местоимения *you*. На русский язык оно было передано местоимением «вы», так как эта форма считается вежливой и общепринятой в публицистическом стиле.

*Hopefully by now **you're** feeling hungry.*

*Надеюсь, к этому времени **вы** уже проголодались.*

Чтобы погрузить читателей в атмосферу путешествия, авторы описывают свои чувства и используют сравнения.

*...**you get that feeling of panic** that you can't take it all in – the view overwhelms you. Or that feeling when the view becomes unreal, because it looks **like you've entered a filmset.***

*...**чувствуешь панику** от невозможности охватить всё взглядом. А иногда пейзаж настолько невероятный, что кажется, **будто ты попал на съемочную площадку.***

В данном случае при переводе использовался глагол во втором лице единственного числа, а местоимение *you* было передано как «ты». Такое решение можно объяснить тем, что автор не обращается к читателям напрямую, а описывает собственные чувства и переносит свой личный опыт на аудиторию. Один из приёмов публицистики заключается в построении диалога с читателем. В тексте он осуществляется при помощи риторических вопросов:

For a hike to be truly epic – a real world-class, mind-blowing zinger – what does it need?

Ведь что из себя представляет по-настоящему увлекательное приключение мирового класса?

В тексте путеводителя часто встречались сленговые выражения, которые были переданы на русский язык лексикой с эквивалентным значением и эмоциональной окраской.

*Is this hike epic from a cultural point of view? **You betcha.***

*Увлекателен ли этот поход с культурной точки зрения? **Ещё бы!***

Еще одной особенностью текста является наличие простых коротких предложений, что нашло отражение в переводе при помощи соответствующих синтаксических конструкций.

Sounds dip in and out. Music undercuts it all.

То громче, то тише. Вдобавок ко всему играет музыка.

Для описания состояния окружающей атмосферы в тексте используются средства выразительности – метафоры, сравнения, эпитеты. Главными задачами при переводе стилистических приемов являются передача образности и сохранение смысла фразы при помощи адекватных выражений на языке перевода. Некоторые выражения из данной категории были переведены следующим образом: *saw-tooth peaks* – *остроконечные вершины*, *ink-black clouds* – *чернильные тучи*, *knee-deep snow* – *снег по колено*, *spindrift-like* – *словно сугробы*, *a postcard view* – *вид как с открытки*.

Анализ текста туристического дискурса позволил определить основные особенности текстов туристического дискурса: побудительность, доступность, персонализация, информативность, экспрессивность и обилие стилистических приемов. Одна из трудностей, с которой сталкивается переводчик при работе с туристическими материалами – передача лингвострановедческой лексики, к которой относятся диалектные слова, языковые реалии, географические названия, аллюзии на местную культуру. Большую роль при переводе туристической лексики играет контекст – как лингвистический, так и экстралингвистический.

Список литературы

Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.

Жукова И.Н., Лебедько М.Г., Прошина З.Г., Юзефович Н.Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации. М.: Флинта: Наука, 2013. 263 с.

Цыремпилов А.О., Платицына Т.В. Принципы конструирования англоязычного туристического дискурса и переводческая практика. Тамбов: Грамота. 2018. № 6(84). Ч. 1. С. 182–186.

Илюшкина М.Ю. Теория перевода: основные понятия и проблемы. М.: Флинта, 2016. 84 с.

Филатова Н.В. Жанровое пространство туристического дискурса // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2012. № 2. С. 76–82.

УДК 81'42

Ольга Дмитриевна Мохова

факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА

Актуальность исследования культурологического дискурса заключается в возможности «погружения» в культурные особенности этноса в связи с непрекращающимся интересом к изучению культур. Объектом исследования работы является культурологический текст, предметом – способы репрезентации культурем в переводе на русский язык. Целью данной работы является выявление и изучение особенностей репрезентации культурем, а также способов их перевода. Основные задачи статьи: изучить особенности культурологического дискурса, осуществив перевод текста, а также проанализировав специфические лексические единицы.

Ключевые слова: дискурс, культурологический дискурс, культурология, лингвокультурный анализ, лингвокультурема.

Введение

В современной науке понятие «дискурс» не поддается однозначной трактовке в связи с его междисциплинарностью, так как дискурс широко изучается не только в лингвистике, но и в таких областях научного знания, как литературоведение, философия, а также в ряде изысканий, связанных с историей, психологией, культурологией и т.д. [Чернявская 2006: 69].

Н.Д. Арутюнова определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей, в механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс– это речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990: 136].

Следует отметить, что другие существующие трактовки термина «дискурс» отнюдь не противоречат друг другу, а, наоборот, ещё более

полно раскрывают сущность дискурса с позиции разных областей исследования. В данной статье предпринимается попытка анализа культурологического дискурса как объекта перевода, а также способов его репрезентации.

Культурологический дискурс относится к институциональному типу дискурса и его основной функцией является трансляция культурных особенностей этноса. В процессе межкультурной коммуникации участники общения неизбежно сталкиваются с «зонами непонимания», так как некоторые культурные особенности накладывают свой отпечаток на коммуникативную традицию представителей различных этносов. Именно поэтому переводчику как посреднику между двумя культурами особенно важно уметь распознавать языковые единицы, содержащие в себе культурную информацию и передать весь глубинный смысл, заключенный в них.

Основная часть

В качестве материала для анализа нами была выбрана глава «Social Conversations Around the World» из книги Р.Акстелла «Do's and Taboos of Using English Around the World», в которой описываются коммуникативные особенности общения с представителями разных стран мира на английском языке, которые, зачастую, теснейшим образом связаны именно с влиянием родной культуры участников коммуникации.

В процессе анализа нами были выделены наиболее значимые с культурологической и лингвистической точки зрения лексические единицы, содержащие в себе важные фоновые знания, которые, в свою очередь, отражают культурные особенности того или иного этноса. Ярким примером такого проявления культурных особенностей является словосочетание “loss of face” в предложении:

*This causes the famous **loss of face**, the kiss of death for any relationship throughout all the Orient. – Это приводит к знаменитому феномену «потери лица», что равноценно смертельному удару для любых отношений по всему Востоку.*

Для лучшего понимания коммуникативных особенностей представителей стран Востока следует познакомиться с базовой составляющей китайской (в том числе и японской) концептосферы, а именно, с «лицом». Концепт «лицо» является одним из основополагающих понятий восточной культуры. Дело в том, что еще с древних времен понятие «лицо» (面子 miànzǐ) в Китае определялось тремя важными составляющими: возрастом, социальным положением и добродетелью [Ивченко 2014]. И в современной Поднебесной оно является центральным

культурным понятием. Интересным представляется тот факт, что для обозначения лица как части тела в китайском языке используется совершенно другой иероглиф- 脸(liǎn). Если же мы обратимся к словарному определению 面子(miànzi), то обнаружим следующие значения: престиж, доброе имя, репутация, достоинство, честь, значимость, крутизна; внешность, видимость, показная сторона.

Именно поэтому автор текста сравнивает «потерю лица» в китайской культуре со «смертельным ударом для любых отношений». Знаменитый китайский писатель и переводчик Линь Юйтан в своей книге «Китайцы: моя страна и мой народ» предпринял попытку описания китайской культуры. В ней он также затронул и феномен «лица», который объяснил так: «... культ лица не может быть переведен или точно определен... Потеряв доверие в глазах окружающих, теряешь лицо. Вернув доверие, получаешь только шанс его восстановить» [Юйтан 2010: 190].

*Like the Japanese, **period of silence** may occasionally occur during business meetings or social conversations. Как и в японской культуре, во время деловой встречи или обычного разговора могут возникнуть **периоды тишины** – это не имеет никакого подтекста, кроме как простой паузы в разговоре.*

В процессе межкультурного общения огромную роль играют средства вербальной коммуникации. Человек, умеющий грамотно выражать свои мысли, чувства и идеи в вербальной форме, с радушием принимается в европейских культурах. Однако общение состоит не только из средств вербальной коммуникации. Особенностью стран Азии является распространённость невербальных средств коммуникации: жестов, поз, мимики и т.д. Молчание в Японии – неотъемлемая часть искусства общения.

Всего можно выделить несколько функций молчания в японской культуре общения: избежание конфликтной ситуации, нанесение обиды собеседнику, демонстрация негативного отношения, отстаивание своей точки зрения, придание веса сказанным словам. Следовательно, молчание в невербальной коммуникации японцев может иметь как отрицательный, так и положительный эффект.

Феномен молчания воспринимается по-разному в европейской и азиатской культурах: молчание в разговоре с европейцем, как правило, сигнализирует о заминке в разговоре, что приводит к неловкости. Н.Б. Мечковская справедливо отмечает: «в западных культурах общение не должно прерываться, оно должно быть заполнено речью...

В Японии же молчание не равнозначно прекращению коммуникации и не означает ничего предосудительного...».

Bangkok is alive with nightlife- discos, go-go bars, night-clubs, massage parlors – take your choice. Бангкок оживает ночью – дискотеки, гоу-гоу бары, ночные клубы, массажные салоны – на любой вкус и цвет.

Ярким примером лексической безэквивалентности является словосочетание «go-go bar», которое является реалией Таиланда. Гоу-гоу бар можно описать как коммерческое заведение (ночной клуб, бар и т. д.), в котором ставят специальные танцевальные шоу для развлечения посетителей, создания атмосферы бурлеска. Для того чтобы компенсировать потенциальное незнание читателя перевода, целесообразным кажется принять решение добавить сноску, которая отразит культурную специфичность данной реалии.

Данное словосочетание интересно также и с позиции этимологии. Истоки данного слова относят нас в 1949 г., а именно к британской кинокомедии *Whisky Galore!* («Виски в изобилии»), в которой рассказывается история о затонувшем около берегов Шотландии пароходе «Полиптик», на борту которого находилось множество ящиков с виски. В французском кинопрокате данная картина имела название «Whisky à gogo!», а «à gogo» являлось парижским сленгом для «изобилия».

Во времена проката фильма во Франции только зарождалась культура дискотек как нового вида развлечения. Поэтому в связи с популярностью вышедшего фильма многие дискотеки стали называться "Whiskey à Go-Go". Спустя время подобные заведения стали открываться и в США, в таких крупных городах, как Сан-Франциско, Вашингтон, Атланта. В подобном заведении Лос-Анджелеса был изобретен новый вид развлекательного танца, который получил название «go-go dancing».

Visit any *gasthaus (beer garden)* in Bavaria, especially during **Oktoberfest**, and merriment abounds– Посетите любой баварский **гастхаус (пивной сад)**, особенно во время **Октоберфеста** – веселье здесь будет бить ключом.

Данное предложение насыщено культурно-специфическими реалиями, которые требуют разъяснений для читателя перевода. Гастхаус является небольшой гостиницей в немецком стиле. Такие гостиницы, как правило, распространены на территории Германии, Австрии и Швейцарии, а их отличительной особенностью является наличие помимо номеров для постояльцев – небольшой таверны, бара или даже ресторана. Пивной сад – это заведение ресторанного типа на открытом воздухе, в котором подаётся пиво. Характерной особенностью такого «сада» является наличие на его территории деревьев (чаще всего каш-

танов), среди которых располагаются скамейки со столами для посетителей.

Самым крупным пивным фестивалем во всем мире является знаменитый Октоберфест, который традиционно празднуется в течение двух недель и заканчивается в первое воскресенье октября. Примечательно, что название праздника отсылает нас к октябрю, однако почти весь фестиваль проходит в сентябре. Дело в том, что до 1872 г. фестиваль, действительно, праздновался только в октябре, однако, было решено перенести празднование на первый месяц осени из-за более благоприятной погоды.

Debrett's Etiquette and Modern Manners, edited by Elise Burch Donald (Headline Books, London, 1981), is the standard reference book for good manners in Great Britain, equal to our Amy Vanderbilt, Emily Post, and Letitia Baldrige all in one, it offers these additional conversational guidelines. Книга «Debrett's Etiquette and Modern Manners» («Этикет и современные манеры от Дебретт») под редакцией Элизы Берч Дональд (изд. Headline Books, London, 1981) является стандартным справочником по хорошим манерам Великобритании (не уступающим американским Эми Вандербильт, Эмили Пост и Летиции Болдридж вместе взятыми) предлагает дополнительные рекомендации по ведению беседы.

Имена собственные являются неотъемлемой частью культурологического дискурса, так как, как правило, они являются источниками важнейшей фоновой информации. Без разъяснения данной фоновой информации от читателя перевода «ускользает» тот смысл, который автор текста вложил в свою работу.

Именно поэтому, на наш взгляд, очень важно указать в сноске к названию книги, что *Derbett's* – является знаменитым британским издательством, которое с начала XX в. занимается публикацией самых разнообразных книг по этикету. Также автор текста перечисляет несколько значимых для США имён женщин, информация о которых, также, была указана в сноске: Эми Вандербильт – американский авторитет в области этикета, опубликовавшая самое подробное издание справочника правил хорошего тона; Эмили Пост – американская писательница, автор знаменитого кодекса поведения «Этикет», который стал классикой американской литературы; Летиция Болдридж – американский эксперт по этикету, наиболее известная тем, что работала личным секретарём Жаклин Кеннеди.

Заключение

Таким образом, в процессе исследования культурологического курса как объекта перевода нами были выделены такие его особенности, как большое количество культурологической информации, которая репрезентуется, прежде всего, в именах собственных (Debrett's Etiquette and Modern Manners; Amy Vanderbilt и т.д.), реалиях (gasthaus; Oktoberfest; beer garden; go-go bars), а также в культурных концептах (silence, face).

Умение понять семантику и прагматику специфических лексических единиц, а также стоящие за ними концепты, является одной из важнейших компетенций переводчика: ведь именно в таких лексемах выражаются особенности элементов того или иного национально-культурного пространства.

Список литературы

- Аругюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
- Ивченко Т. «Лицо» китайца. URL: <https://strana-oz.ru/2014/1/lico-kitayca> (дата обращения: 05.01.2023).
- Корнева А.Г. Молчание в японской культуре (опыт лингвосемиотического анализа) // Вестник Новосибирского государственного университета, 2007. С. 70–77.
- Кубрякова Е.С. О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: обзор // Дискурс, речь, речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 7–25.
- Маслова В.А. Лингвокультурология. Учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
- Просеков С.А. «Лицо» китайца: содержание понятия // Знание. Понимание. Умение, 2020. С. 191–201.
- Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
- Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.
- Линь Юйтан. Китайцы: моя страна и мой народ. М.: Восточная литература, 2010. 335 с.
- Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: январь 2023).
- Axtell, Roger E. Do's and taboos of using English around the world. New York: John Wiley & Sons, 2006. 206 p.

УДК 81.373

Асель Асылбековна Тайлекбаева

химический факультет,
Челябинский государственный университет,
г. Челябинск, Россия

АНГЛИЦИЗМЫ В ХИМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В результате глобализации в русском языке всё чаще появляются англицизмы. Ярким примером выступает научная терминология. Актуальность данной темы обусловлена тем, что английский язык является международным и поэтому в химической терминологии присутствует высокое количество англицизмов. Перевод химических текстов на русский язык с иностранного сложен, поэтому зачастую приходится использовать словари для правильной интерпретации терминов. Очень часто заимствованные слова остаются в русском языке ассимилированными, то есть сохраняют свое произношение, но изменяются по правилам грамматики принимающего языка. В статье приводятся примеры англоязычных заимствований в химической терминологии, а так же рассматривается происхождение некоторых слов.

Ключевые слова: англицизм, химическая терминология, заимствованные слова, глобализация, научный прогресс.

Введение

В настоящее время в связи с процессами глобализации в русском языке появляется всё больше заимствованных слов, это касается и химической терминологии. Глобализация влияет на все сферы жизни [Мамонова 2019]. Соответственно складывается «идея формирования всеобщей истории», поэтому английский определили как мировой язык. Мировой язык – наиболее распространенный, употребляемый далеко за пределами родных территорий, является одним из официальных языков ООН и универсальным для общения и переговоров в различных сферах общества.

В настоящее время к мировым языкам можно отнести китайский, испанский и английский. Китайский признан мировым в связи с высокой численностью населения (более одного миллиарда человек). Государство занимает второе место в мире по численности, хотя раньше эта страна лидировала [Население Китая эл. ресурс].

Испанский язык является распространенным в связи с тем, что многие страны Латинской Америки говорят на этом языке. Это объясняется тем, что Латинскую Америку активно исследовали испанцы в XVI–XVII вв., помимо исследований происходил захват земель, поэтому испанский язык приживался в странах Южной Америки. Английский язык в британском и американском вариантах является частью мировой и глобальной культуры, привносит в нее ценности и понятия культур стран, говорящих на нем, становясь универсальным языком общения и взаимодействия. Феномен глобальной культуры основан на европейско-американской идеологии, в том числе стремлении стран Европы и США к определению своих культур как общечеловеческих.

К причинам распространенности английского языка можно отнести существование Британской колонии в XVI–XX вв. Это была одна из крупнейших колоний, влияние которой было значительным. «Причина распространения английского языка является повышение статуса путем завоевания и колонизации» [Чем объясняется... эл. ресурс]. Тем самым все большую роль на мировой арене играет культура английского языка. «Распространению английского языка помогло политическое, военное, а в более современном обществе научное и техническое, экономическое, культурное лидерство.» [там же].

Основная часть

Рассмотрим понятие термин: «термин – это специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях <...> основной понятийный элемент языка для специальных целей» [Ермакова 2018: 219]. Термин обладает следующими свойствами: максимальная абстрактность, однозначность, отсутствие экспрессии и эмоциональной окраски, строгая логичность и системность.

Таким образом, термин несет большой информационный смысл и входит в лексическую систему языка [Гродеева 2018: 222].

Химическая терминология отличается латинским и греческим происхождением, но есть и такие слова, которые исторически сложились, то есть у них нет ни латинских, ни греческих корней [Коннова, Хабарова, Саулебаева 2021].

Перевод химических текстов на русский язык с иностранного очень сложен, поэтому зачастую приходится использовать словари для правильной интерпретации терминов. Очень часто заимствованные слова остаются в русском языке ассимилированными, то есть сохраняют

свое произношение, но изменяются по правилам грамматики принимающего языка. Выделяют следующие способы грамматической ассимиляции заимствований:

1) из-за различий грамматики происходит перераспределение склонения или спряжения слова, поэтому прилагательные и глаголы приобретают типичные для принимающего языка словообразовательные и словоизменительные морфемы;

2) иногда имеет место отнести слово к другому лексико-грамматическому классу (к другой части речи);

3) в некоторых случаях иноязычное словосочетание или фраза могут функционировать в принимающем языке как одно слово;

4) заимствование включается в словообразовательную систему принимающего языка, приобретает гнездо производных слов [Воробьева 2009: 179].

Химическая терминология представляет собой отдельную целостную систему, в которой есть свои правила, грамматика и словообразование. Химия – довольно распространённая наука, её изучение начинают ещё в школьной программе, поэтому даже базовые понятия должны знать каждый. Чтобы никто не путался в «языке химии», есть особая номенклатура, названия элементов.

Именно поэтому основная задача химической терминологии – обеспечение эффективности общения в химической сфере. Большинство терминов в химической науке – заимствованные слова, которые подверглись ассимиляции в русском языке. Все иноязычные слова в химии можно разделить на несколько групп:

1) «Кальки с латинского или греческого». Например, слово «водород», по-гречески: hydrogen («порождающий воду»), по-английски: hydrogen.

Исторически сложившиеся термины, которые в каждом языке звучат по-разному. Примерами могут служить названия металлов: на греческом языке (ferrum, argentum, aurum, natrium), на русском языке (железо, серебро, золото, натрий) и на английском языке (iron, silver, gold, sodium) соответственно. Примеры представлены в таблице 1 [Некрасов 1973: 688].

2) Приставки международной системы измерений СИ: tera – 10^{12} (T), giga – 10^9 (G), kilo – 10^3 (k), centi – 10^{-2} (c) и так далее. Также для приставок используют международные обозначения, записанные в скобках. Эти обозначения важны при переводе научных статей. Больше примеров в таблице 2.

Иностраннные приставки системы ИЮПАК: mono – 1, di – 2, tri – 3. Примеры представлены в таблице 3.

3) Приставки для образования количественных соотношений: semi – половина – semipolymer – полимер на промежуточной стадии образования, multi – многократность, повторяемость – multivalent – поливалентный.

4) Приставки распределения: infra – инфра, trans – транс, sub – суб, ultra – ультра.

5) Приставки отрицания. В русском языке лишь приставка не- обозначает противоположность, в английском языке таких приставок довольно много (a-, un-, in-, anti). Чтобы не ошибиться в правильности использования приставок, лучше использовать словарь.

6) Приставки разделения: dis – dissociation – диссоциация; de – dehydrate – дегидрировать.

7) Суффиксы, обозначающие действие или процесс: –ation, если термин образован от глагола: ferment – ферментировать – fermentation – ферментация [8].

8) Непосредственно химический термины. Например, ion (идуций) – ion (английский) – ион (русский), dissociatio (разъединение) – dissociation (английский) – диссоциация (русский), diffusio (рассеивание) – diffusion (английский) – диффузия (русский).

Таблица 1. Англицизмы в химии

Химический элемент (обозначение)	Название на латыни	Название на английском языке	Название на русском языке
Ag	argentum	silver	серебро
Au	aurum	gold	золото
B	borun	boron	бор
C	carboneum	carbon	углерод
Co	cobaltum	cobalt	кобальт
F	fluorum	fluorine	фтор
Fe	ferrun	iron	железо
H	hydrogenium	hydrogen	водород
Hg	hydrargyrum	mercury	ртуть
I	jodum	iodine	иод
K	kalium	potassium	калий
Li	lithium	lithium	литий
Mg	magnesium	magnesium	магний
N	nitrogenium	nitrogen	азот
Na	natrium	sodium	натрий

Химический элемент (обозначение)	Название на латыни	Название на английском языке	Название на русском языке
Ni	niccolum	nickel	никель
O	oxygenium	oxygen	кислород
P	phosphorus	phosphorus	фосфор
S	sulfur	sulfur	сера
Sn	stannum	tin	олово
U	uranium	uranium	уран
W	wolfram	tungsten	вольфрам

Таблица 2. Приставки международной системы измерений СИ

Степень	Приставка	Обозначение
10^{12}	tera	T
10^9	giga	G
10^6	mega	M
10^3	kilo	k
10^2	hecto	h
10^1	deca	da
10^{-1}	deci	d
10^{-2}	centi	c
10^{-3}	milli	m
10^{-6}	micro	μ
10^{-9}	nano	n
10^{-12}	pico	p
10^{-15}	femto	f
10^{-18}	atto	A

Таблица 3. Приставки системы ИЮПАК

Обозначение	Английский язык
1	mono
2	di
3	tri
4	tetra
5	penta
6	hex
7	hepta
8	oct
9	nano
10	deca

Таблица 4. Сокращения

Сокращение	Английский	Русский
Anhyd.	anhydrous	безводный
Aq.	aqueous	водный
b.p.	Boiling point	точка кипения
Coeff.	coefficient	коэффициент
Conc.	concentrated	концентрированный
Dil.	dilute	разбавленный
Dist.	distilled	дистиллированный
Eqn.	equation	уравнение
f.p.	Freezing point	точка замерзания
Hyd.	hydrated	гидратированный
Insol.	insoluble	нерастворимый
Liq.	liquid	жидкость
m.p.	Melting point	точка плавления
Ppt.	precipitate	осадок
r.a.m.	Relative atomic mass	относительная атомная масса
r.d.	Relative density	относительная плотность
r.h.	Relative humidity	относительная влажность
r.m.m.	Relative molecular mass	относительная молекулярная масса
Sol.	soluble	растворимый
Soln.	solutoin	раствор
s.t.p.	Standart temperature and pressure	стандартная температура и давление (нормальные условия)
Temp.	temperature	температура
Wt.	weight	вес

При переводе англоязычных статей по химии следует знать некоторые общепринятые сокращения. Это значительно облегчит работу во время перевода текста. Примеры сокращений представлены в таблице 4 [Субачев эл. ресурс].

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что многие химические термины имеют англоязычное происхождение. Нужно знать общепринятые обозначения, чтобы с легкостью перевести иноязычную литературу.

С развитием химии и глобальных информационных технологий в разных странах будет очень актуально использование зарубежной научной литературы для обмена опытом и новыми знаниями.

Данная тема весьма перспективна в связи с научным прогрессом и глобализацией, что определяет появление в русском языке всё большее количество новых англоязычных терминов.

Список литературы

Воробьева С.В. Грамматическая ассимиляция новейших англицизмов в русском языке // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Сер. 1. Филология, 2009. № 5 (42). С. 178–186.

Гордеева Л.К. Природа термина: подходы к изучению // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 4. С. 221–226.

Ермакова А.В. Природа термина // Филология. 2018. № 2. С. 218–223.

Коннова О.В., Хабарова Ю.И., Саулебаева А.Н. Функции заимствований в медицинской терминологии // Международный научно-исследовательский журнал, 2021. № 12-5 (114). С. 40–42.

Мамонова Н.В. Англоязычные заимствования в современных городских текстах (на примере г. Челябинска) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2019. № 3. С. 25-32.

Население Китая. URL: <https://countrymeters.info/ru/China> (дата обращения: 21.02.2023).

Некрасов Б.В. Основы общей химии. Т. 2. М.: “Химия”, 1973. 688 с.

Субачев Ю.В. Особенности перевода статей по химии на английский язык. URL: <https://xn--80aegcaa6cbngm5abc1ci.xn--plai/perevod-statej-po-himii/> (дата обращения: 21.02.2023).

Чем объясняется распространение английского языка в мире. URL: <https://v-nauke.ru/?p=2799> (дата обращения: 21.02.2023).

УДК 81'25

Мария Леонидовна Касьянова

факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗНОСТИ СБОРНИКА Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ» В ПЕРЕВОДАХ Ю.М. КЕЙДЕНА

Исследование нацелено на изучение репрезентации сущности поэзии Б.Л. Пастернака в переводах Ю.М. Кейдена. Предметом рассмотрения являются способы передачи в них образности сборника «Поверх барьеров». На основе сопоставительного анализа исходных и переводных текстов выявлена творческая модификация системы его образов, деформирующая своеобразие переводческого метода Ю.М. Кейдена.

Ключевые слова: художественный перевод, сущность, идейность, эмотивность, образность, Б.Л. Пастернак, Ю.М. Кейден.

Введение

Тематика настоящего исследования связана с изучением таких актуальных проблем транслатологии, как репрезентация целостности оригинала в единстве его формы и содержания в принимающей культуре и обеспечение качества перевода. Одним из основных факторов, в значительной мере обуславливающих трудности перевода, является специфика типа текста. В широком плане настоящее исследование нацелено на изучение стратегии и тактики репрезентации типологических свойств поэтического текста при переводе, в более узком – на описание своеобразия индивидуальных переводческих методов. Предметом рассмотрения в данной статье являются способы репрезентации образности стихотворений, входящих в сборник Б.Л. Пастернака «Поверх барьеров» [Пастернак 1989], в интерпретации Ю.М. Кейдена [Pasternak 1970], являющегося одним из основных переводчиков произведений поэта.

Основная часть

Сопоставительный анализ исходных и переводных текстов выполняется нами с позиций когнитивного переводоведения, в котором данный вид деятельности определяется как когнитивно-эвристический

процесс речемыслительной деятельности, осуществляемый в определённом социокультурном контексте и направленный на формирование внутренней смысловой программы как концептуальной структуры и последующее создание переводного текста для её реализации [Казакова 2006; Минченков 2008]. При этом система действий переводчика в единстве его стратегии и тактики, направленная на репрезентацию целостности оригинала в принимающей культуре, формирует индивидуальный переводческий метод [Шутёмова 2020]. Поскольку одним из факторов, определяющих стратегию и тактику перевода, является тип текста, мы полагаем необходимым рассматривать предмет изучения в соотношении с типологическими свойствами художественного текста, а именно: идейностью, эмотивностью, образностью и своеобразием языковой формы, которые в единстве составляют сущность художественного текста [Шутёмова 2019, 2020].

Необходимо отметить, что сборник «Поверх барьеров» является примером творчества «раннего» Пастернака. Входящие в него произведения затрагивают философские вопросы и характеризуются дифирамбичностью, динамичностью, метафоричностью и особым фонетическим строем. К числу ключевых в сборнике относится стихотворение «Зимнее небо». Его идейно-эмотивную основу составляют мысли, эмоции и чувства лирического героя, возникшие у него под впечатлением, которое было вызвано созерцанием катка в ночное время. Идейность и эмотивность стихотворения реализуется в разветвленной системе образов, центральным из которых является собственно образ катка. В нем сопрягаются субобразы звёздного потока, льда и дыма, что иллюстрирует переход вещества из одного состояния в другое. По мере развития сюжета нарастает динамичность текста, которая проявляется в образе круговорота веществ в природе, что в свою очередь объективируется в своеобразном фонетическом рисунке текста.

Сопоставительный анализ оригинала и его перевода, выполненного Ю. Кейденом, позволил выявить достаточно полную репрезентированность идейно-эмотивной основы и образности стихотворения. Кроме того, он смог передать динамичность повествования и звуковой аспект образов. Например, им передается скрежет коньков («реже-реже-реже»), что переводится с помощью сочетания, построенного аналогичным образом за счет повтора компонентов («easy easy ea-si-er»). Переводчиком также найден способ передать звон льда («чокается» – «clink glasses»), скрип снега.

В то же время некоторые образы оказываются либо дополнительно актуализированными, либо измененными. Так, в переводе названия

образ неба репрезентируется существительным в форме не единственного числа, как в оригинале («небо»), а множественного («skyes»), вследствие чего становится более возвышенным и приобретает религиозную окраску. При этом в отличие от оригинала в переводном тексте редуцируется образ дыма (т.е. огня), который заменяется образом света («...из дымности вынут...» – «...dim blue light»), а образ льда утрачивает свою начальную позицию в композиции. Однако позднее переводчик возвращается к этим образам и даже усиливает противоречие между холодом и жаром («лавой... льда...налиты» – «with lava of... ice each mouth congeals»).

Кроме того, меняется и характер действующего лица: если в оригинале скрежет конька сравнивается с созвездием, которое должно врезаться в небо, то в переводе созвездие – отдельный объект, а главным действующим лицом становятся конькобежцы, которые «избороздят» или «пророют» созвездие в небе, что передается Ю. Кейденом с помощью глагола «to grave». Таким образом, в переводе прослеживается сдвиг в системе образов вследствие её переводческого переосмысления, усиления и ослабления их некоторых аспектов, акцентуации смысловых доминант, сформированных переводчиком. В целом рассмотренный переводной текст характеризуется консонансом относительно идейно-эмотивной основы оригинала и его формы, но определенным диссонансом в части репрезентации его образности, на основании чего данный перевод можно охарактеризовать как консонансно-диссонансный.

Другим известным произведением, вошедшим в обозначенный сборник, является стихотворение «Душа». Его идейно-эмотивную основу составляет размышление лирического героя о природе человеческой души, о взаимоотношении человека с ней, её сложности, непонятности, что реализуется в развернутой системе образов, при этом довольно противоречивых. Душа здесь – то «вольнотпущенница», то «пленница», которая то «вспоминается», то «забывается». Одни люди воспринимают её как паломницу, другие – как тень.

Выбор именно таких сравнений и метафор не является случайным: он мотивирован имплицитивной религиозностью тематики произведения. Душа-паломница, преодолевая препятствия, идёт к Богу, то есть стремится достичь очищения и возрождения, при этом она, аналогично тени, незаметно, но неотступно следует за человеком всю его жизнь. Если мы живём и не думаем о ней, она становится пленницей, если мы сами стремимся к очищению – душа освобождается от оков.

Образ души не является статичным, он меняется: автор осмысляет её как борца, который, даже будучи отвергнутым и униженным узником, продолжает сражаться за свою жизнь. При этом в системе образов снова возникает противоречие: канувшая в «камне стиха» душа зовётся утопленницей, в основе чего лежит сопряжение образов камня и воды, что получает дополнительное развитие в образе княжны Тарахановой, которая, по легенде, погибла во время наводнения, будучи заключённой в Петропавловской крепости.

Значимым для реализации образа души в стихотворении является и образ времени. Композиционно он актуализируется в последней строфе, в которой используется прием олицетворения: прошедшие годы («опавшие, как листья») пытаются вызволить душу из заточения, однако наталкиваются на «изгородь календарей».

Эти образы соотносятся с идеей паломничества: согласно религиозным представлениям, жизнь человека – это путь к Богу, душа – пилигрим, цель которого – преодоление препятствий, совершение подвига и последующее возрождение, однако человек, находящийся во власти бренного мира, живёт, не задумываясь о спасении души, из-за чего она, будучи забытой, становится «пленницей лет», когда же человек вспоминает о ней, то становится слишком поздно.

Рассмотрим основные сдвиги относительно сущности оригинала в его переводе, выполненном Ю. Кейденом. Во-первых, необходимо отметить частичную редукцию формы стихотворения. Он меняет строение строф, отказывается от воссоздания анафоры и обращения («О, вольноотпущенница, если вспомнится/О, если забудется, пленница лет...» – «As I now recall it, a jailbird set free/And lest I forget it, a captive of time...»). В оригинале лирический герой говорит, что если вспомнит о душе, то она станет свободной, если же забудет – пленницей.

Однако в переводе смысл иной: персонаж сейчас вспоминает о душе, которая до этого была пленницей, тем самым освобождая её, и стремится никогда не забывать о ней. При этом Ю. Кейден, с одной стороны, использует возвышенное «lest» – «дабы не...», которое встречается в текстах Библии, с другой – разговорное «jailbird», в то время как у автора такого значительного различия в стилистическом регистре не имеется. В последующих стихах анафора тоже не сохраняется.

Во-вторых, сопоставительный анализ исходного и переводного текстов позволяет выявить изменение образности оригинала. Так, образ «тень без примет» превращается в «тень родного края» (a shade from a homelier clime). Кроме того, меняется действующее лицо: у Пастернака главным героем является сама душа, которая продолжает бо-

роться до последнего, автор позволяет ей самостоятельно рассказывать о себе, однако в переводе герой сам совершает действие, сам хоронит душу под камнем. Дополнительно можно отметить утрату противоречия, возникающего от сочетания указанных выше образов твёрдого камня и воды при обращении к душе как к «утопленнице».

Переводчик использует вместо него эпитет «величаявая» («Sublime»), а в последнем стихе образ февраля («когда февралём залило равелин») замещается образом весны («the river in springtime flooded her cell»). Действующее лицо меняется и в последней строфе: в исходном тексте действие совершают годы (происходит очеловечивание, прошедшие годы «клянут времена», «хлопочут об амнистии» и «оппадают, как листья»), в переводе все эти действия совершает душа.

Таким образом, в переводе Ю. Кейдена при сохранении идейно-эмотивной основы стихотворения вновь прослеживаются сдвиги в репрезентации системы образов, а именно: изменяется трактовка активного начала души, редуцируется образ времени, заменяются его компоненты. Это вносит в переводной текст диссонанс относительно образности оригинала и позволяет охарактеризовать его как консонансно-диссонансный.

В качестве еще одного примера творческого переосмысления образности оригинала в переводах Ю. Кейдена рассмотрим его интерпретацию стихотворения «Весна». Идеино-эмотивную основу текста составляют чувства радости, душевного подъёма, вдохновения, испытываемые лирическим героем при размышлении о весне, образ которой является в произведении центральным. К его главным аспектам относятся звуковое и цветное начала. Основным цветом в образе весны является зелёный, он символизирует пробуждение и возрождение природы, а также желание творить.

Автор сравнивает почки со свечными огарками, словосочетание «затеplen апрель» отсылает к образу крохотного и тёплого огонька, который может согреть, но не обжечь, подобно тому, как весеннее солнце согревает, но ещё не печёт в полную силу. В первой строфе реализуется мотив пробуждения сил природы, её укрепления, которое называется «возмужалостью».

В последнем стихе первого четверостишия («и реплики леса окрепли») посредством существительного «реплика», используемого в значении «повторение музыкальной фразы в другой тональности», передается и шелест листвы, и весёлый щебет птиц, что снова отсылает нас к теме пробуждения природы.

Вторая строфа развивает образ музыки через уподобление пения птиц сонате. Лес предстаёт диким, словно буйвол, а музыка, вырывающаяся из него, сравнивается с арканом на шее. Мы слышим звучание леса, громкое, многоголосое и неуправляемое, струящееся сплошным потоком, что достигается с помощью аллитерации сонорного «р» («пернатые гортани», «аркан», «гладиатор органа»).

В следующей строфе реализуется тема искусства: поэзия сравнивается с губкой, впитывающей в себя эту энергию пробуждающегося весеннего мира. Здесь Пастернак уже прямо номинирует зелёный цвет, акцентируя «весеннюю» эмотивность и образность текста («зелёная скамейка» / «меж зелени»).

Произведение наполнено яркими красками и эмоциями: при прочтении возникает чувство возвышенности, вдохновения и радости, соединенной с надеждой на светлое будущее. Стихотворение наполнено движением, что передаётся короткими синтаксическими структурами и перечислительными рядами однородных членов предложения. В целом для стихотворения характерна градация в репрезентации весеннего настроения лирического героя.

Интересно отметить, что Ю. Кейден осваивает и усиливает эту градацию. Так, он акцентирует звуковое начало в образе весны сильнее, чем Пастернак. Если в оригинале «реплики леса окрепли», что только подготавливает нас к предстоящему шуму, то в переводе лес издаёт рёв («blaring with sound»), что сразу погружает читателя в какофонию птичьих голосов, куда более громких, чем в исходном тексте. Вторая строфа делает на резкости звука ещё больший акцент: вместо алогизма «пернатые гортани», формирующего в сознании читателя образ птиц, в переводе используется эпитет «shrill» («пронзительные»), актуализирующий звуковой компонент центрального образа.

В третьей строфе переводного текста меняется и действующее лицо: если в оригинале лирический герой кладёт «губку», которая символизирует поэзию, на скамейку, то в переводе эта «губка» с самого начала лежит там. Исчезает и повтор однокоренных слов «зелень» и «зелёной», вместо этого цвет передаётся не прямо, а ассоциативно через существительное «leaves» («листья») («...меж зелени клейкой...зелёной садовой скамейки...» – «...on a wet green bench... alone with gummy young leaves»).

В переводе последнего четверостишия смешиваются строки «расти себе пышные брыжки и фигмы» и «вбирай облака и овраги»: ослабевают ассоциации с пышной одеждой XVIII в., ограниченные лишь «оборками» («ruffies»), но детализируется образ природы – к «облакам» присоединились «долины», а «овраги» заменены на «лужайки»

(«laws»). Таким образом, для данного перевода вновь характерно творческое переосмысление образности оригинала, проявляющееся в ослаблении и усилении цветового и звукового аспектов ключевого образа весны, в том числе усилении его эмотивности за счёт интенсификации градации.

Заключение

На основе проведенного сопоставительного анализа стихотворений Б.Л. Пастернака и их переводов на английский язык, выполненных Ю. Кейденом, можно заключить, что его переводческому методу свойственно уважительное отношение к целостности оригинала, единству его формы и содержания.

Переводы свидетельствуют об освоении Ю. Кейденом идейно-эмотивной основы произведений, их системы образов и языкового своеобразия. В то же время они являются примером творческой модификации образности исходных текстов, которая может возникать как на этапе их предпереводческого анализа и формирования переводческой модели их сущности, так и на этапе ее репрезентации посредством переводного языка в принимающей культуре, что обусловлено гетерогенностью сознания автора и переводчика, языков, литературных традиций, культур.

Список литературы

Казакова Т.А. Художественный перевод: в поисках истины. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Издательство СПбГУ, 2006. 224 с.

Минченков А.Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка): автореф. ... д. филол. н. СПб., 2008. 43 с.

Пастернак Б.Л. Поверх барьеров // Пастернак Б.Л. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1989. С. 61–108.

Сальваторе Р. Пастернак и Клопшток (о стихотворении Пастернака «Цельною льдиной из дымности вынут...»). Мессинский университет, Мессина, Италия. 2017. С. 456–481.

Шутёмова Н.В. Рефракционная теория художественного перевода: монография. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 2019. 200 с.

Шутёмова Н.В. Сопоставительный анализ исходного и переводного текстов в соотношении с понятием поэтичности // Язык и культура. 2020. № 50. С. 129–151.

Pasternak B. Poems, First edition Eugene M. Kayden, New printing by The Kent State University Press. 1970. 339 p.

УДК 81'42

Екатерина Константиновна Шавшукова

факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

**СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА
НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА КНИГИ
«THE GUINNESS BOOK OF RECORDS 1492. THE WORLD
FIVE HUNDRED YEARS AGO»)**

В статье рассматривается полифоничность спортивного дискурса, его пересечения с другими видами дискурсов, раскрываются аспекты, которые он отражает на материале перевода книги «The Guinness book of Records 1492. The World Five Hundred Years Ago». Спортивный дискурс – многоаспектное понятие, которое необходимо рассматривать, изучать и находить его новые возможности, ведь он включает в себя не только репортажи, спортивные программы и узкоспециализированную литературу, напротив спорт – это сфера, которая охватывает весь мир на протяжении многих веков, поэтому в этом дискурсе также отражаются все процессы человеческого развития. Анализируется спортивная терминология, её основные черты: динамизм, открытость, живучесть и вариативность в контексте многовековой истории.

Ключевые слова: спортивный дискурс, спортивная терминология, дискурсивное пространство, перевод спортивного дискурса, пересечения дискурсов.

Введение

Спортивный дискурс – многоаспектное понятие, которое необходимо рассматривать, изучать и находить его новые возможности, ведь он включает в себя не только репортажи, спортивные программы и узкоспециализированную литературу, напротив спорт – это сфера, которая охватывает весь мир на протяжении многих веков, поэтому в этом дискурсе также отражаются все процессы человеческого развития. Характерными чертами спортивного дискурса выступают открытость и дискурсивность, то есть в нём откликаются различные виды дискурсов, но все они связаны содержательной (тематической) и кон-

цептуальной общностью. Поэтому он может включать тексты, затрагивающие темы истории, науки, культуры, политики и многие другие. Наши слова подтверждает исследователь А.Б. Зильберт, который выделял «соприкосновения и пересечения с научным, педагогическим, деловым, юридическим, политическим, военным, театральносценическим институциональными дискурсами и бытовым персональным дискурсом» [Зильберт 2001: 111].

Также об этом рассуждал К.В. Снятков, говоря, что: «спортивный дискурс является неизолированным, в общем дискурсивном пространстве он вступает в разнородные взаимодействия (тематическое соприкосновение, концептное взаимодействие, включение) с другими дискурсивными разновидностями» [Снятков 2008: 5]. Взяв во внимание вышеперечисленные особенности, в данной работе мы придерживаемся определения спортивного дискурса, которое квалифицирует его как «дискурсивное пространство – организованная по принципу поля система дискурсивных разновидностей, объединенных прежде всего общностью тематики и концептуальной (содержательной) доминанты, репрезентированной в рамках дискурса» [Малышева 2011: 24].

Основная часть

При переводе спортивного дискурса могут возникнуть сложности с трансляцией спортивных терминов. Е.И. Гуреевой в своей работе выявила некоторые черты, характерные для спортивных терминов: открытость, широкий круг пользователей, динамизм, слабая отграниченность от общелитературной лексики, оценочный характер спортивной терминологии, наличие терминов-синонимов, близость спортивной терминологии к терминологии технической [Гуреева 2007: 8]. Также исследователь выделяет следующие виды спортивных терминов: собственно термины (*backward roll* – кувырок назад, *cup match* – кубковые соревнования); термины-метафоры (*sandwich* – способ сборки сноуборда, *swallow* – устойчивое положение тела на одной ноге); номены (*Christmas tree formation*; 4-3-2-1 – ФУТБОЛЬНАЯ расстановка игроков ёлочкой 4-3-2-1); эпонимы (*Shakhlin finish* – элемент на гимнастическом коне); судейские термины контроля над состязаниями (*Disqualification* – дисквалификация) [Гуреева 2011: 71–72].

Согласно Н.А. Захаровой, можно выделить следующие способы трансляции спортивной терминологии: дословный перевод, калькирование – «способ перевода лексической единицы оригинала путем замены её составных частей – морфем или слов – их лексическими соответствиями в языке перевода», транскрипция (воспроизведение звуко-

вой формы), трансляция (воспроизведение графической формы), транспозиция – «способ перевода, который состоит в замене одной части речи другой частью речи без изменения смысла всего сообщения», описательный перевод [Захарова 2016: 97–98]. Многие виды спорта, которые привлекают к себе огромную аудиторию, зародились ещё больше пяти столетий назад и изначально спортом не являлись. Некоторые были частью традиции или местной забавой, а другие – частью боевой подготовки. Проследить развитие и становление этих игр в настоящие спортивные соревнования, рассмотреть изменения терминологии и проследить её динамику является ценным для понимания спортивного дискурса, а именно для понимания его безграничности, открытости, так как в книге «The Guinness book of Records 1492. The World Five Hundred Years Ago» говорится о спорте в контексте многовековой истории, где темы политики, науки, религии, культуры также имеют место быть. При анализе текста особое внимание привлекли бокс и различные виды борьбы. Особенностью бокса является то, что изначально он проводился в форме ритуала.

*«The island of Flores in Indonesia had a unique style called **bajawah boxing**. It took the form of a ritual...».*

«На острове Флорес в Индонезии существовал уникальный стиль под названием **бокс баджава**. Он проводился в форме ритуала...».

В данном примере интересен термин *bajawah boxing*, который был переведён с помощью транскрипции. Это ещё не совсем бокс, но уже тогда подобные ритуалы сопровождалась терминами, которые используются по сей день. Например, как в ещё одном ритуале:

*«Tongan matches were arranged on a ritual challenge basis. <...> When a boxer was **knocked down**, the song of victory was sung».*

«Бои на острове Тонга проводились по принципу ритуального вызова. <...> Когда боксер оказывался в **нокдауне**, исполнялась победная песня».

Поражает, что в описании вида бокса, который существовал пять веков назад, термин *knocked down* употребляется в своём обычном неизменённом значении. Это понятие привычно для человека нашего времени, но также используется в текстах о таком древнем виде спорта. В данном примере для перевода был взят устоявшийся эквивалент.

Стоит отметить наличие разных терминов у разных стран для обозначения одного вида борьбы.

*«**Belt wrestling** was considered to be an Asian style and was known in Azerbaijan as the **Turkish kresh**, in Armenia as **kokh** and was also practised in northern parts of Russia and in Finland. **Jacket gripping wrestling***

prevailed in Georgia and part of Armenia, and the modern Russian sambo wrestling gets its name from the two folk styles of samozashchita (self-defence) and bez-orvschiya (without weap-ons): Sam + b-o».

«**Борьба на поясах** считалась азиатским стилем и была известна в Азербайджане как **турецкий куреш**, в Армении как **кох**, а также практиковалась в северных районах России и в Финляндии. **Борьба с захватом куртки (чίδαоба)** преобладала в Грузии и части Армении, а современная российская борьба **самбо** получила свое название от двух народных стилей – самообороны и без оружия: сам + б-о».

В данном примере можно заметить, как развивалась терминология одного и того же вида спорта в разных странах. *Belt wrestling* в Азии, *Turkish kresh* и *kokh* – все они имеют одинаковое значение, также, как и *Jacket gripping wrestling* и *sambo wrestling* – оба эти направления очень похожи и заимствуют друг у друга приёмы. Некоторые названия сразу описывают суть определённого вида борьбы, а некоторые являются собственно терминами (*Turkish kresh* и *kokh*). Соответственно перевод будет производиться путём калькирования или описательного перевода и транскрипции.

Также есть случаи, когда термин был изменён с течением времени, но своего значения не поменял. Такой пример есть в Японии.

«*Sumai (struggle) was an early form of Japanese sumo wrestling and was popular in the 15th and 16th centuries with farmworkers as the feudal lords discouraged the Samurai from using it».*

«**Сумай** (схватка) представляла собой раннюю форму японской борьбы **сумо** и была популярна в XV и XVI вв. среди крестьян, так как феодалы не поощряли самураев к этой борьбе».

В данном примере можно наблюдать внешнюю трансформацию термина *Sumai*, который с течением времени приобрёл более известную нам форму *sumo*. Значение термина не поменялось, перевод был выполнен с помощью транскрипции.

Уже тогда появлялись устойчивые выражения, в которых заключалась национально-культурная особенность определенной страны.

«*After 1453, the Sultans kept gouressis (free men from India and Tartary) of great strength as expert wrestlers, which gave rise to the expression, 'as strong as a Turk'».*

«*После 1453 года султаны содержали гурессис (свободных мужчин из Индии и Тартарии) большой силы в качестве опытных борцов, что породило выражение "сильный, как турок"».*

Данное выражение приобретает широкое распространение и становится неотъемлемой частью языковой картины данной страны, а также неотъемлемой частью национально-культурного пространства.

При переводе нужно обязательно обращать внимание на этот лингвострановедческий аспект, ведь за этим выражением кроется история, и она непосредственно связана со спортом, что подтверждает слова, написанные ранее, об открытости и полифоничности спортивного дискурса.

В книге также есть употребление спортивного дискурса в рамках политического, как показано в примере. Здесь спорт превратился в инструмент для поддержания гражданской стабильности в Северной Италии.

«Many cities and towns in northern Italy organized various types of mass fighting as a safety valve to civic stability. Townsfolk were given the opportunity to work out their grudges on one another by pitting one contra-da (district) against another».

«Многие города и селения Северной Италии организовывали различные виды массовых боёв в качестве предохранительного клапана гражданской стабильности. Горожане получали возможность выместить свои обиды друг на друге, направлявая одну контраду (район) на другую».

Исходя из текста, такой подход был известен и использовался в XIII в. и только к XVI в. приобрёл статус спортивного состязания. Данный пример иллюстрирует то, что человечеству необходим спорт для сохранения равновесия и стабильной обстановки, поэтому оно всячески пытается внедрить его в различные сферы жизни. Ещё одним видом спорта, терминологию которого интересно рассматривать с точки зрения её вариативности и разнообразия сути самой игры, является футбол. В настоящее время этот вид спорта очень популярен, но не все знают, что раньше в разных странах в него играли по-разному.

«La Soule au Pied (football) was popular in Normandy and Brittany in France. The Easter games at Vieux-Pont, Normandy, commenced after the ball was kicked over the church roof».

«La Soule au Pied (футбол) был популярен в Нормандии и Бретани во Франции. Пасхальные игры в Вье-Пон, Нормандия, начинались после того, как мяч перебрасывали через крышу церкви».

«Tsu chu (kick ball) was known in the third century BC and has been described as being played in four ways: around a field, in a field, with two goals and with one goal».

«Тиццу (ударять мяч) был известен в третьем веке до нашей эры и был описан как игра в четыре способа: вокруг поля, на поле, с двумя воротами и с одними воротами».

«*The Japanese game of **Hakozaki-Gu-Notama-Seseri** was played annually, on 3 January, between two teams at the Hakozaki shrine in Fukuoka city. Two wooden balls were kept at the shrine, one representing the female and the other the male.*»

«Японская игра **Хакодзаки-гу-нотам-сэсэри** проводилась ежегодно 3 января между двумя командами в храме Хакодзаки в городе Фукуока. В храме хранились два деревянных шара, один из которых представлял женское начало, а другой – мужское».

«*A simple **football** game was played by a number of native American tribes. It most likely began in Canada and then extended southwards along both the east and west coasts as far as present-day Carolina.*»

«В простой **футбол** играли многие коренные американские племена. Скорее всего, игра зародилась в Канаде, а затем распространилась на юг вдоль восточного и западного побережья вплоть до современной Каролины».

Эти примеры показывают географию распространения футбола. Несмотря на то, что в каждой стране были свои правила, мотивы игры (в Японии футбол считался ритуалом на урожай) и разные названия для её обозначения, всё их совместное развитие привело к формированию современного футбола, который сейчас известен человеку. На примере с **Хакодзаки-гу-нотам-сэсэри** мы можем наблюдать, как спортивный дискурс пересекается вместе с религиозным. Через спортивное состязание люди просили у духов хорошего урожая. При переводе названий был использован способ транскрипции, чтобы показать всё многообразие одного термина в контексте его употребления в разных странах и на разных языках.

В спортивном дискурсе также встречаются названия, которые вызывают удивление. Как отмечалось ранее, спортивным терминам характерны открытость и динамизм. В процессе работы с текстом из книги «*The Guinness book of Records 1492. The World Five Hundred Years Ago*» нам встретился авторский неологизм, который подтверждает это.

«*Diane de Poitiers (1499–1566), mistress of Henry II of France, was a renowned **huntress**.*»

«*Диана де Пуатье (1499–1566), возлюбленная Генриха II Французского, была знаменитой **охотницей**.*»

В данном примере особое внимание стоит уделить выражению *huntress*. В английском языке понятие охотницы не распространено, в отличие от русского языка, поэтому этот пример так важен, ведь он показывает, насколько вариативным может быть спортивный термин.

Автор для полной передачи смысла смог видоизменить его. Стоит отметить, что термин остался таким же ёмким, как и привычный для нас *hunter*. Важным аспектом здесь является и то, что об охотнице говорится в период XVI в., что само по себе является феноменом, ведь женщина занималась, как считалось раньше, мужским делом.

Заключение

Подводя итоги, можем сделать вывод о том, что спортивный дискурс свободен и открыт в общем дискурсивном пространстве, он может пересекаться со множеством видов дискурсов. Как мы уже убедились при анализе текста из книги «The Guinness book of Records 1492. The World Five Hundred Years Ago», спортивный дискурс пересекается с религиозным, политическим, культурным дискурсами, может рассматриваться в контексте многовековой истории, тем самым даёт возможность сопоставить терминологию разных эпох, проследить условия её зарождения и увидеть аллюзии. При анализе было выявлено, что спортивным терминам свойственен динамизм, они могут меняться, но стоит отметить и живучесть некоторых из них, ведь они сквозь века дошли до наших дней и актуальны до сих пор. В спортивном дискурсе также отражено этнографическое своеобразие, показывающие культурно-бытовые отличительные черты, духовную культуру и национальные особенности. Таким образом, можно сказать, что спортивный дискурс полифоничен.

Список литературы

Гуреева Е.И. Разновидность специальных обозначений в современной спортивной терминологии // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24. С. 71–73.

Захарова Н.А. Способы перевода спортивных терминов с английского языка на русский // Труды международной конференции “Язык: категории, функции, речевое действие”. М.: Изд-во «Московский педагогический государственный университет», 2016. С. 96–99.

Зильберт А.Б. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. № 19. С. 103–112.

Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование: монография / науч. ред. Н.А. Кузьмина. Омск: Изд-во «Омский государственный университет», 2011. 324 с.

Снятков К.В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса: автореф. ... к. филол. н. Вологда, 2008. 19 с.

УДК 81'42

Елизавета Алексеевна Югова

факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО ПОДХОДА: МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА INDIVIDUACIÓN

В настоящей статье рассмотрена специфика аудиовизуального дискурса, определены особенности аудиовизуального перевода в когнитивно-дискурсивном аспекте. Были проанализированы такие основные понятия когнитивной лингвистики как дискурс концепт и фрейм. Вместе с тем, был построен фрейм концепта INDIVIDUACIÓN и дана его общая характеристика, также был проведён дефиниционный анализ его вербальных репрезентантов, а затем – анализ семантических корреляций лексем, что в целом является частью предпереводческого анализа видео.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, аудиовизуальный дискурс, когнитивно-дискурсивный анализ, концепт, фрейм, языковые репрезентанты, семантические связи.

Введение

Необходимо отметить, что с возрастающей популярностью аудиовизуального контента, существующего в формате фильмов, сериалов, видеороликов, лекций, новостных сообщений, подкастов и видеоигр, аудиовизуальный перевод становится одним из самых востребованных видов перевода. Именно поэтому направление аудиовизуального перевода набирает приоритетный характер в изучении [Бабенко 2020: 293]. Многоканальность аудиовизуального контента обеспечивает упрощенное восприятие информации. Однако с этим же и связаны трудности аудиовизуального перевода: переводчик должен анализировать все четыре канала для полной передачи информации. Заметим, что в рамках данной статьи аудиовизуальный дискурс выбранного видеоматериала подвергается когнитивно-дискурсивному анализу. Было принято решение смоделировать фрейм концепта INDIVIDUACIÓN, который отражал бы суть содержания видео «Cómo alcanzar la plenitud

psicológica. El proceso de la individuación de Carl G. Jung» под авторством Jorge Benito [YouTube эл. ресурс].

Основная часть

Объектом исследования является аудиовизуальный дискурс. Предметом данной работы считается вербальная и визуально-образная репрезентация концепта INDIVIDUACIÓN. Цель исследования заключается в моделировании фрейма концепта INDIVIDUACIÓN, что в целом является частью предпереводческого анализа видео. Материалом исследования выступает видео на испанском языке «Cómo alcanzar la plenitud psicológica. El proceso de la individuación de Carl G. Jung» под авторством Jorge Benito [YouTube эл. ресурс]. Продолжительность видео составляет 11.11 минут, и его скрипт содержит 10440 п.зн. В ходе исследования были применены следующие методы: когнитивно-дискурсивный анализ, метод фреймового моделирования, дефиниционный и семантический виды анализа. Рассмотрим основные понятия когнитивной лингвистики. На основе понятий дискурса Н.Д. Арутюновой и Д.В. Шапочкина было заключено, что дискурс – это текст, который рассматривается совокупно с экстралингвистическими факторами, зависимость содержания и формы текста от внешних факторов [Арутюнова 1990; Шапочкин 2013]. Общеизвестно, что понятие концепта обладает полисемией и трактуется исследователями по-разному. Проанализировав точки зрения на концепт З.Д. Поповой и И.А. Стернина, а также Е.С. Кубряковой, мы пришли к выводу, что концепт связан с ментальными процессами, что концепт – это отражение знаний, результатов познания и опыта. Концепт структурирован и содержит определенную исчерпывающую информацию, которая имеет общественный характер [Попова, Стернин 2007: 24]. А.П. Бабушкин, в свою очередь, выделяет следующие типы концептов: мыслительная картинка, концепт-схема, концепт-гипероним, концепт-фрейм, концепт-инсайт, концепт-сценарий и калейдоскопический концепт [Бабушкин 1996: 21–28].

В данном исследовании концепт INDIVIDUACIÓN представлен в виде фрейма. В рамках когнитивной лингвистики Е.Г. Беляевская представляет фрейм в виде ментальной или когнитивной структуры (или структуры памяти), отражающей знание данного социума о некотором фрагменте действительности [Беляевская 2015: 14; см. также Хрусталева, Остапченко 2020; Хрусталева, Горлова 2020; Хрусталева, Казакова 2021; Хрусталева, Гильманова 2021; Хрусталева, Шарафудинова 2022; Хрусталева, Суклемина 2022].

Переходя к краткому описанию специфики перевода аудиовизуального контента, отметим, что А.В. Козуляев определяет аудиовизуальный перевод как «многоплановую профессиональную деятельность, направленную: а) на передачу с одного языка на другой аудиовизуальных произведений, содержащих динамически взаимодействующие в процессе их просмотра зрителем элементы языковых и неязыковых знакомых систем, с учетом их различия в социокультурном, институциональном, полимодальном контексте; б) на решение многочисленных сопутствующих деятельности аудиовизуального переводчика задач» [Козуляев 2019: 73]. При этом предметом и объектом АВП исследователь обозначает аудиовизуальный дискурс (АВД).

Для аудиовизуального дискурса он даёт следующее толкование: «полимодальный дискурс, динамически сочетающий в себе элементы различных знаковых вербальных и невербальных систем, в создании которого принимают участие авторские коллективы («коллективный автор») и который в рамках общекультурного дискурсивного процесса нацелен на «распределенного», массового зрителя / пользователя игр, обладающего совокупностью социальных, культурных, демографических и лингвистических параметров» [Козуляев 2019: 87–88]. Помимо этого, к отличительным чертам аудиовизуального перевода были отнесены: псевдоутоность, жанровость, многокодовость, наличие «коллективного автора», а также требование специальных экстралингвистических знаний. Псевдоутоность выделяется А.В. Козуляевым как отличительная черта АВД, которая позволяет называть АВД особым типом речи.

Специфичность АДВ обуславливает особенности процесса аудиовизуального перевода. А.В. Козуляев и А.И. Павленко выделяют три этапа аудиовизуального перевода: понимание, интерпретация и исполнение [Козуляев 2018, Павленко 2020]. Р.А. Матасов выделяет ряд профессиональных компетенций, которые помогают разбираться в технической стороне осуществления аудиовизуального перевода и создания аудиовизуальных произведений: кинематографические, литературно-сценарные, режиссерские, общетехнологические, культурно-социальные и психоэмоциональные [Матасов 2009: 191]. Изучив научно-популярное видео «Cómo alcanzar la plenitud psicológica. El proceso de la INDIVIDUACIÓN de Carl G. Jung», в котором автор раскрывает понятие процесса индивидуации на основании трудов известного швейцарского психиатра К. Г. Юнга, и обратившись к принципам когнитивно-дискурсивного анализа, был построен фрейм концепта INDIVIDUACIÓN. Фрейм концепта INDIVIDUACIÓN состоит из четы-

рѣх слотов: **Estructura psíquica** / Устройство психики, **Proceso de la individuación** / Процесс индивидуации, **Aplastamiento del individuo** / Подавление индивида, **Pilares y principios** / Основы и принципы.

Слот **Estructura Psíquica** / Устройство психики включает в себя лексемы, обозначающие элементы психики, которые, в свою очередь, подразделяются на ещё меньшие кванты. Между наименованиями данных видов структур были выявлены синонимические и антонимические семантические связи. Кроме того, обширный пласт лексем, в частности *miedos* / страхи, *fobias* / фобии, *deseos* / желания, *traumas* / травмы, *desviaciones* / девиации имеют семантическую связь «часть-целое» по отношению к вербальному репрезентанту *la mente inconsciente* / бессознательное. Слот **Estructura psíquica** / Устройство психики является наименее содержательным, поскольку содержит лексемы, выражающие ключевые элементы в структуре психики, при этом превалирующий тип связи между языковыми реализациями концепта – часть-целое.

Следующим во фрейме исследуемого концепта был выделен слот **Proceso de la individuación** / Процесс индивидуации. Слот был подразделён на четыре подслота: *Descripción* / Описание, *Eefectos* / Влияние, *Pregunta central* / Главный вопрос и *Valores* / Ценности. Кроме этого, говоря о типе семантических корреляций между наполняющими этот слот лексемами, отметим, что встречаются отношения соположенности и ассоциативная связь. Языковые реализации, входящие в слот, призваны раскрыть понятие индивидуации. Самый часто встречающийся тип связи между вербальными репрезентантами – синонимия. Например, подслот *Pregunta central* / Главный вопрос полностью представлен лексемами, которые являются синонимами друг для друга *tarea vital* / дело жизни, *razón de ser* / смысл существования, *el sentido de existencia* / смысл существования, *el propósito de existencia* / цель существования.

В слоте **Aplastamiento del individuo** / Подавление индивида представлены синонимическая связь, связь часть-целое, а также актантные корреляции семантической производности. В данный слот входят репрезентанты, обозначающие отрицательные последствия от поглощения индивида группой, а также субъекты этого явления. Важно отметить, что все вербальные репрезентанты имеют негативную коннотацию и противопоставлены лексемам из предыдущего слота **Proceso de la individuación** / Процесс индивидуации. Разберѣм пример связи часть-целое. Был проведѣн дефиниционный анализ лексем, входящих в авторское понятие *venenos* / яды, они все отражают какие-либо негативные состояния индивида или общества.

Согласно словарю RAE:

– *Desesperación* – pérdida total de la esperanza / отчаяние – полная утрата надежды

– *Mediocridad* – f. Cualidad de mediocre / посредственность – посредственного качества

mediocre – de poco mérito, tirando a malo / посредственный – имеет мало достоинств и тенденцию к плохому

– *Aburrimiento existencial* – экзистенциальная скука

el aburrimiento – cansancio del ánimo originado por falta de estímulo o distracción, o por molestia reiterada / скука – упадок духа, возникающий из-за отсутствия стимула или веселья, или из-за повторяющегося раздражения.

existencial – adj. Perteneiente o relativo al acto de existir / экзистенциальный – относящийся или связанный с актом существования.

– *Resentimiento* – страдание

resentirse – tener sentimiento, pesar o enojo por algo / страдать – испытывать сожаление, печаль или гнев по поводу чего-либо.

Последний слот **Pilares y principios** / Основы и принципы подразделяется на подслоты нижнего уровня: *Aceptación de uno mismo* / Принятие самого себя, *Aceptación de los otros* / Принятие других, *Objetivo motivador* / Мотивирующая цель. В подслоте *Aceptación de uno mismo* / Принятие самого себя превалирует синонимическая связь между языковыми реализациями, но помимо неё встречается связь «часть-целое» и актантные корреляции семантической производности. Вербальный репрезентант *hacer una evaluación* / *оценивать* является действием для таких лексем как: *nuestros defectos* / *наши недостатки*, *nuestras debilidades* / *наши слабости*, *errores* / *ошибки*, *fracasos* / *неудачи*. Данные лексемы, в свою очередь, являются объектами этого действия. Во втором подслоте *Aceptación de los otros* / *Принятие других* обнаруживается родо-видовая связь и актантные корреляции семантической производности, поскольку подслот содержит лексемы, обозначающие родственников, и опять-таки те явления, которые индивид должен принять. Актантные корреляции семантической производности также обнаруживаются и в третьем подслоте *Objetivo motivador* / *Мотивирующая цель*, однако, большинство вербальных репрезентантов связаны синонимией, так как выражают понятие жизненной цели, мотива к деятельности: *foco de atención* / *фокус внимания*, *misión de vida* / *миссия жизни*, *dedicación* / *преданность делу*, *dirección significativa* / *значимое направление*, *meta claramente definida* / *чётко определённая цель*, *camino* / *путь*. По аналогии со вторым слотом, заметим, что между языковыми реализациями превалирует синонимический тип связи.

Заключение

В рамках исследования аудиовизуального перевода в аспекте когнитивно-дискурсивного подхода на материале научно-популярного видео были достигнуты следующие результаты.

Преобладающим типом семантической связи между языковыми реализациями концепта **INDIVIDUACIÓN** была выявлена синонимия.

Слот **Proceso de la individuación** / Процесс индивидуации наиболее репрезентативен, поскольку является самым объемным по содержанию. Слот содержит в себе 4 подслота, наполненные вербальными репрезентантами, которые раскрывают и характеризуют центральное понятие индивидуации.

Слот **Estructura psíquica** / Устройство психики является наименее репрезентативным. Он не подразделяется на подслоты и содержит в себе лексемы, относящиеся к структурным элементам сознания.

Фрейм концепта **INDIVIDUACIÓN** получился достаточно репрезентативным, поскольку состоит из 4 объемных по содержанию слотов, два из которых разветвляются на подслоты нижнего уровня.

Таким образом, можно заключить, что при дальнейшем осуществлении полноценного аудиовизуального перевода видео «*Cómo alcanzar la plenitud psicológica. El proceso de la individuación de Carl G. Jung*» когнитивное моделирование концепта **INDIVIDUACIÓN** поможет создать своеобразный смысловой каркас-матрицу, так как метод фреймового моделирования, дефиниционный и семантический анализ его репрезентантов помогли разобраться сO сложными научными понятиями, структурировать их и сформировать представление о концепте **INDIVIDUACIÓN**.

Список литературы

Аругюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. Ярцевой В.Н. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 136–137.

Бабенко О.В. Аудиовизуальный перевод как актуальное направление подготовки переводчиков // Казанский лингвистический журнал. 2020. № 3. С. 289–299.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике. Воронеж: Изд-во «Воронежский государственный университет», 1996. 104 с.

Беляевская Е.Г. Фрейм, концепт, концептуальная метафора – синонимы? (о соотношении и взаимодействии методов когнитивной лингвистики) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 22 (733). С. 9–20.

Козуляев А.В. Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу (английский язык): дис. ... к. пед. н. М., 2019. 228 с.

Козуляев А.В. Понимание как составляющая процесса аудиовизуального перевода и методические приемы обучения пониманию аудиовизуальных произведений // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 4. С. 181–199.

Матасов Р.А. Перевод кино/видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: дис. ... к. филол. н. М., 2009. 191 с.

Павленко А.И. Понимание и интерпретация как этапы процесса перевода поэтического текста // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12. № 4. С. 190–204.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: учебное издание. М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. 226 с.

Хрусталева М.А., Остапченко А.А. Обоснование переводческих решений в когнитивном аспекте: анализ вербализации концепта MUNDIAL // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 3. С. 78–88.

Хрусталева М.А., Горлова О.Е. Трансляция образа автора при переводе рассказа А.С. Санчеса «Peon al Paso» с испанского языка на русский // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 3. С. 69–77.

Хрусталева М.А., Казакова Е.Н. Концептуальное моделирование при переводе спортивной терминологии (на материале официальных правил игры в баскетбол *Las reglas oficiales de baloncesto*, 2018) // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 64–73.

Хрусталева М.А., Гильманова Т.А. Специфика перевода договора о торгово-экономическом сотрудничестве: когнитивный аспект (на материале Асунсьонского договора о создании меркосур) // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 56–63.

Хрусталева М.А., Шарафутдинова А.Т. Инфографика как особый способ визуализации смысла текста при переводе: когнитивно-дискурсивный аспект // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 3. С. 52–60.

Хрусталева М.А., Суклемина А.К. Терминологические соответствия или выявление переводческих трудностей в когнитивном аспекте // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 3. С. 61–68.

Шапочкин Д.В. Метод когнитивного анализа дискурса в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 10(301). С. 101–107.

Словари и справочные ресурсы

Краткий словарь когнитивных терминов. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков [и др.]; под общей ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во «Московский государственный университет», 1996. 245 с.

El Diccionario de la lengua española (de la Real Academia Española). URL: <http://www.rae.es/> (дата обращения: 25.09.22).

Источник материала

Jorge Benito. Cómo alcanzar la plenitud psicológica. El proceso de la individuación de Carl G. Jung. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mR6hC8OfAi0> (дата обращения: 30.09.2021).

УДК 81'03

Эльвира Хабиловна Искендерова

факультет современных иностранных языков и литературы,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

**ПЕРЕДАЧА РЕГИОНАЛИЗМОВ
В ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАВЫ 3
РОМАНА М. ПУИГА «PUBIS ANGELICAL»)**

В статье проводится анализ текста третьей главы романа «Pubis angelical» (1979) Мануэля Пуига (Manuel Puig, 1932–1990). Цель работы – рассмотреть регионализмы в речи персонажей романа, обосновать важность их сохранения в переводе и определить связанные с этим трудности. Сделан вывод о необходимости передачи регионализмов в переводе.

Ключевые слова: М. Пуиг, перевод художественного текста, аргентинский национальный вариант испанского языка, мексиканский национальный вариант испанского языка, регионализмы.

Введение

На сегодняшний день проблема перевода художественных текстов сохраняет свою актуальность, поскольку именно данный вид перевода является одним из важнейших средств соприкосновения с иной культурой. Такой перевод должен учитывать культурологическую специфику оригинала: историю и культуру, фольклор, фразеологизмы, афоризмы, аллюзии и многое другое. Наиболее проблематичным считается перевод устойчивых выражений, игры слов, юмора, культурно обусловленных различий и др.

Сегодня испаноязычная литература широко представлена национальными литературами Латинской Америки постколониального периода, для каждой из которых, несмотря на тесное соприкосновение, характерен свой национальный вариант испанского языка, обилие регионализмов и уникальные культурологические черты, что, безусловно, необходимо учитывать при переводе художественных текстов (см., например, [Химинец, Чагина 2019; Чагина 2019, 2020, 2021]).

На территории каждой страны, где испанский язык признан государственным, существует свой национальный вариант испанского языка. В энциклопедическом словаре-справочнике лингвистических терминов и понятий даны следующие определения термина «национальный вариант языка»: параллельное функционирование двух разновидностей языка одной и той же нации, народа; разновидность какого-либо национального языка, ставшая родным языком для другой нации, народа; разновидность национального языка, используемая в качестве второго языка, существующая в устной форме инонациональной общности людей и характеризующаяся нарушением норм неродного (второго) языка; разновидность национального языка, представляющая собой его подсистему и используемая в качестве средства общения в зависимости от места проживания (территориальные диалекты), социального положения (социальные диалекты), уровня образования и культуры (просторечие) [Энциклопедический... 2014: 116–117].

Основная часть

В рамках настоящей работы национальный вариант понимается как разновидность какого-либо национального языка, ставшая родным языком для другой нации, народа. В центре нашего внимания – мексиканский и аргентинский национальные варианты испанского языка.

Мексиканский национальный вариант испанского языка сформировался под влиянием различных языковых и историко-культурных факторов. Ряд ученых лингвистов, среди которых Е.А. Заемская, отмечают, что особое влияние на сложившийся мексиканский национальный вариант испанского языка оказал язык ацтеков – náhuatl. При изучении языковой ситуации Аргентины, учеными выделяются 6 языковых групп, среди которых: этноязыковая группа кечуа (кичуа); этноязыковая группа матагуайя; этноязыковая группа тупи-гуарани; этноязыковая группа гуайкуру или матагуайа в Чако; этноязыковая группа чон; этноязыковая группа мапуче или «язык земли» [Баральдо дель Серро 2014: 12–14].

Основным грамматическим отличием аргентинского национального языка является *voseo* – употребление местоименной формы *vos* вместо *tú*. Заметим, что языковые варианты могут отличаться на разных уровнях: акцентном, орфоэпическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом, лексическом [Матвеева 2010: 50], но в рамках настоящего исследования внимание было сосредоточено на регионализмах, что обусловлено материалом.

В «Словаре лингвистических терминов» Т.В. Жеребило термин «регионализм» представлен следующим образом: местное слово или выражение, бытующее на определенной территории, употребляемое носителями региолекта; лексическая единица, заимствованная из другого языка, но используемая только на определенной территории – в региолектах, бытующих в зоне контактирования языков [Жеребило 2010: 300]. Таким образом, регионализмы имеют строгую территориальную ограниченность и подразделяются на фонетические, фонетико-словообразовательные, словообразовательные, грамматические, лексические, семантические и лексико-фразеологические [Зварыкина: 2018].

Непростое историческое прошлое региона, наполненное борьбой за свободу от Испании, а позднее – внутренней борьбой за территории и национальное самоопределение, обусловило центральную проблему всей латиноамериканской литературы – поиск себя и своей идентичности. Это очевидно в творчестве именитых аргентинских авторов, таких как Кортасар и Борхес. М. Пуиг не стал исключением. Именно поиск себя и попытка понять Аргентину как нацию является ключевой темой романа «Ангельский пол». Обратимся к третьей главе романа, где Ана, главная героиня, аргентинка по происхождению, беседует со своей мексиканской подругой Беатрис. Девушки обсуждают разницу между мексиканским и аргентинским национальными вариантами испанского языка, затрагивают тему классового неравенства, рассуждая о том, например, что Ану с детства приучали использовать в речи слова, соответствующие более высокому социальному статусу.

Проанализируем примеры регионализмов, которые обсуждают героини романа. В произведении встречается ряд слов, имеющих схожее значение, однако разница в их употреблении принципиальна, так как означает различие в социальных статусах собеседников. Среди таких слов можно выделить *comer*, *cenar*, *almorzar*. Согласно определениям, представленным в словаре Испанской Королевской академии: *Comer* – *Masticar y deglutir un alimento sólido* (пережевывать и глотать твердую пищу); *Ingerir alimento* (приём пищи)» *Cenar* – *Tomar la cena* (ужинать); *Comer en la cena una cosa* (съесть что-нибудь на ужин); *Almorzar* – *Comer algo en el almuerzo* (съесть что-нибудь в обед); *Tomar el almuerzo* (обедать) [Real Academia Española].

В большом испано-русском словаре Б. Нарумова и Г. Туровера предлагается следующий перевод интересующих нас лексем: *Comer* – 1) есть, питаться, кормиться; 2) обедать, поздно обедать, ужинать; *Cenar* – 1) ужинать; 2) ужинать чем-либо, есть на ужин что-либо; *Almorzar* – 1) завтракать; 2) обедать в полдень; 3) есть за завтраком

что-либо [Нарумов, Туровер 2004: 60, 185, 205]. Разница в употреблении данного ряда слов обусловлена тем, что *comer* используется в Аргентине, *cenar* принято говорить в Мексике в значении «ужинать», а также в Аргентине в полдень используют слово *almozar* вместо привычного для мексиканцев *comer* в значении «обедать».

Следующая пара слов – *rojo* и *colorado*. В словаре Испанской Королевской академии представлены следующие определения данной пары слов: *Rojo* – *Dicho de un color: Semejante al de la sangre o al del tomate maduro, y que ocupa el primer lugar en el espectro luminoso* (говорится о цвете, схожим с цветом крови или спелого томата, занимает первое место в световом спектре); *Colorado* – *adj. rojo. Tonos colorados. Tierra colorada* (красный, красочные оттенки. Цветная земля) [Real Academia Española]. Согласно большому испано-русскому словарю: *Rojo* – 1) красный; 2) красный цвет; *Colorado* – 1) крашенный, окрашенный, цветной; 2) алый, красный [Нарумов, Туровер 2004: 203, 676]. Таким образом, данная пара слов также имеет схожее значение – «красный», однако используются жителями разных регионов.

Далее рассмотрим пару *esposo* и *marido*. Согласно определению, предоставляемому словарем Испанской Королевской академии: *Esposo* – *Persona casada, con relación a su cónyuge* (женатый человек, по отношению к супругу); *Marido* – *Hombre casado, con relación a su cónyuge* (женатый человек, по отношению к супругу) [Real Academia Española]. На русский язык, согласно испано-русскому словарю переведем как: *Esposo* – 1) жених (после помолвки); 2) супруг, муж; *Marido* – муж, супруг [Нарумов, Туровер 2004: 348, 494]. Отметим, что слова также являются идентичными по своему значению, однако *marido* характерно для речи аргентинцев, а *esposo* – для мексиканцев.

Ещё одна пара регионализмов, на которую мы обращаем внимание при анализе, – *hermoso* и *mono*. Для определения понятий вновь обратимся к словарю Испанской Королевской академии: *Hermoso* – *Dotado de hermosura* (наделенный красотой); *Grandioso, excelente y perfecto en su línea* (великолепный, превосходный и совершенный в своем роде); *Mono* – *Dicho de una persona: De aspecto agradable por cierto atractivo físico, por su gracia o por su arreglo y cuidado* (говоря о человеке: приятного вида, физически привлекательный из-за его грации или его ухоженности); *Dicho de una cosa: Bonita o agradable de aspecto, generalmente por su factura o por la manera en que está adornada* (говоря о предмете: симпатичный или приятный внешне, обычно из-за своего вида или того, как он украшен) [Real Academia Española]. Для перевода обратимся к словарю Lingea, где: *Hermoso* – 1) великолепный,

прекрасный красивый; Mono – 1) хорошенький, миленький, милый, прелестный; 2) обезьяна [Lingea эл. ресурс]. Мы можем заметить, что данная пара регионализмов схожа по смыслу, однако употребление в речи *hermoso* свойственно аргентинцам с более высоким социальным статусом.

Также в романе встречаются примеры регионализмов, которые используются в Аргентине, но не используются в Мексике. Например, схожие по смыслу слова *mucama* и *criada*. В словаре Испанской Королевской академии приводится следующее значение: *Criada* – *Persona que sirve por un salario, y especialmente la que se emplea en el servicio doméstico* (человек, который служит за оплату, и особенно тот, кто работает в качестве домашнего работника); *Mucama* – *Arg., Chile, Cuba, Par. y Ur. Criado (persona empleada en el servicio doméstico)* (человек, нанятый для домашней работы); *En hospitales y hoteles, persona encargada de la limpieza* (в больницах и отелях, человек ответственный за уборку) [Real Academia Española]. Обратим внимание, что в самом словаре отмечено, что *mucama* употребляется в Аргентине, Чили, Кубе, Парагвае и Уругвае и является синонимом слова *criada*. Для перевода на русский язык обратимся к большому испано-русскому словарю: *Criada* – служанка; *Mucama* – служанка, прислуга [Нарумов, Туровер 2004: 234, 518]. Таким образом, в русском языке *criada* и *mucama* имеют один и тот же перевод.

Заключение

В анализируемой главе обнаружены примеры регионализмов, которые демонстрируют отличия между двумя национальными вариантами испанского языка – мексиканским и аргентинским. Представленные примеры разницы в употреблении тех или иных слов иллюстрируют и социальные проблемы Аргентины, на которые обращает внимание автор. Одной из таких проблем является классовое противостояние и обострившаяся социально-политическая борьба. Очевидно, что противопоставление в употреблении тех или иных лексем является не только важной составляющей художественного своеобразия романа, но и ключом к пониманию проблематики и конфликта произведения, а потому представляется необходимым сохранить регионализмы в переводе.

Изучение национальных вариантов способствует не только более глубокому проникновению в язык, но и пониманию особенностей литературной нормы, различных социальных и профессиональных говоров. В заключение отметим, что передача регионализмов в переводе

художественного текста, также, как и изучение национальных вариантов испанского языка, имеет свои трудности, связанные с культурными и историческими особенностями страны переводимого языка. Данная трудность остается актуальной темой для исследования как лингвистами, так и переводчиками.

Список литературы

Баральдо дель Серро М. Л., Багана Ж. Языковые группы в Аргентине // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность. 2014. № 3. С. 11–16.

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань, 2010. 486 с.

Заемская Е.А. Испания и Латинская Америка: «сообщающиеся языковые сосуды» // Вестник МГИМО. 2011. № 6 (21). С. 71–77.

Зварыкина И.С. Новикова Т.Ф., Оглезнева Е.А. Основные лексико-семантические группы регионализмов. URL: https://studopedia.ru/26_74219_osnovnie-leksiko-semanticheskie-gruppi-regionalizmov.html (дата обращения: 03.01.2023)

Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.

Нарумов Б., Туровер Г. Diccionario español-ruso. 2004. 832 с.

Химинец Е.М., Чагина А.П. Противопоставление национальных вариантов испанского языка и его сохранение в переводе романа М. Пуига «Крашенные губки» // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 4. С. 50–55.

Чагина А.П. Авторские сноски в системе романа Мануэля Пуига «Поцелуй женщины-паука» // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 1. С. 104–107.

Чагина А.П., Проскурнин Б.М. Образ Хеди Ламарр как сюжетобразующий фактор романа Мануэля Пуига // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 3. С. 94–101.

Чагина А.П. «Проклятие» языка в романе М. Пуига «Maldición eterna a quien lea estas paginas» // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 83–88.

Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2т. // А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др.; под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. Т. 1. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2014. 840 с.

Diccionario de la lengua española. URL: <https://dle.rae.es/> (дата обращения: 05.02.2023)

Lingea словарь. URL: <https://www.dict.com/> (дата обращения: 04.02.2023)

Puig M. Pubis Angelical, 1979. 726 p.

URL: <https://damelibros.com/?sec=ebook&id=10641> (дата обращения: 03.01.2022)

УДК 811.133.1

Анна Сергеевна Чмыхова

факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

ТРАНСЛЯЦИЯ ЛИНГВОТОЛЕРАНТНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ Э. МАКРОНА В ЕВРОПЕЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ

Статья посвящена категории лингвотолерантности как альтернативы «силовому» решению конфликта. На основе проведенного лингвостилистического анализа были определены языковые средства, репрезентирующие лингвотолерантность в речи президента Франции Э. Макрона, а также выявлены трудности их перевода.

Ключевые слова: лингвотолерантность, дипломатический дискурс, речь президента, разрешение конфликта, трансляция лингвотолерантности в переводе.

Введение

В настоящее время, в эпоху глобальных конфликтов и геополитической напряженности, обостряющих вопросы, связанные с отношением к «другому», «чужому», особенно актуальной становится проблема проявления толерантности. Сосуществование людей разных культур, религий, обществ с разным уровнем экономического развития приводит к обострению нетерпимости и проявлению агрессии к «другим». Исходя из этого, ученые нередко называют проблему толерантности центральной проблемой современности.

Одним из способов избежания таких конфликтов является толерантное отношение, которое, прежде всего, может проявляться в языке и стать ключом эффективного общения между коммуникантами. Особенно это актуально в рамках дипломатического дискурса в жанре выступления главы государства, поскольку политический лидер является главным публичным лицом страны, и каждое его слово должно быть результатом коммуникативных усилий по поддержанию международных отношений.

Толерантность является обширным понятием, изучаемым лингвистами как социолингвистическая, лингвокультурологическая и комму-

никативная категория. Это речеповеденческая адаптационная технология, проявляющаяся в конфликтном взаимодействии и направленная на разрешение конфликта через принятие «иногое» [Ведрева 2005; Стернин, Шилихина 2001; Коршунова 2016], а также в стратегиях и тактиках перевода [Тюрина, Хорошева 2022; Хорошева, Бабич 2021, 2022; Хорошева, Банникова 2021].

В ходе исследования была поставлена цель – выявление, описание и анализ языковых средств, транслирующих лингвотолерантность в речи Э. Макрона, в аспекте трудностей перевода с французского на русский язык, через решение следующих задач:

- анализ выступлений президента в рамках дипломатического дискурса как сложного вида институционального дискурса;
- выявление и анализ языковых средств репрезентации лингвотолерантности;
- изучение возможных трудностей перевода речи политического лидера;
- осуществление перевода речи с французского на русский язык;
- представление лингвопереводческого комментария с учетом трансляции лингвотолерантности.

Основная часть

Материалом исследования послужило выступление Э. Макрона в Европейском парламенте 19 января 2022 г. Анализ языковых средств, транслирующих лингвотолерантность в речи политического лидера обнаружил их дифференциацию на текстовом, лексическом и синтаксическом уровнях.

Так, в ответ на очень резкое, практически обвинительное выступление Ж. Барделла, остро критикующего проект реформы европейского миграционного права, предложенного Э. Макроном, французский президент начинает благодарить оппонента за обеспокоенность проблемами миграции, подчеркивая, что понимает его взволнованность:

Merci de l'avoir fait dans des termes qui rappellent l'humanité qu'il y a derrière chacun de ces sujets quand on parle de migration. Je partage l'émotion que vous avez traduite et exprimée et la gravité de la situation que nous vivons.

Говоря о проблеме растущего национализма в Европе, Э. Макрон упоминает о движении этой идеологии во Франции, но не называет прямо эти политические силы:

Quelles sont les deux forces politiques qui ont été en tête lors du choix des européennes en France, je dis simplement puisque vous êtes tous des français. Exactement c'est ceux qui représentent ce clivage.

В том числе президент имеет в виду, не называя напрямую, Марин Ле Пен – французского политика, кандидата на пост президента Франции на выборах 2017 г., лидера политической партии «Национальное объединение», чей лозунг звучит «Прежде всего – французы».

В речи французского президента превалируют личные местоимения 1 лица множественного числа *nous* и единственного числа *je*. При использовании местоимения *je* Э. Макрон подчеркивает свое мнение как позицию лидера французского государства, при этом оставляя право другим иметь свое мнение:

Je voudrais juste faire une précision parce qu'elle a son importance ici. Comme en France il n'y a jamais eu de deux choix de la France d'un seul coup de faire disparaître le drapeau européen. Vous avez été mal informés, je me dois de rappeler juste les faits et la réalité.

Местоимение *nous* используется политическим лидером с целью психологического сближения говорящего с аудиторией, где под «мы» подразумевается единство, объединение европейского сообщества, характеризует его причастность к происходящим в мире процессам: «*Nous comptons organiser*», «*Nous n'oublions pas ce continent*», «*Nous tenons temps comme vous*».

На лексическом уровне выражению толерантности способствует употребление лексем, выражающих идею единства, объединения усилий:

La France d'ailleurs a retrouvé son chiffre d'avant crise d'ores et déjà aujourd'hui en termes de produit intérieur brut. Donc je défends la politique que collectivement, nous avons conduite.

На синтаксическом уровне языка президент использует отрицательные конструкции, если он не считает нужным акцентировать конфликтные моменты.

Так, один из депутатов Европейского парламента, представляющих Испанию, затрагивает тему языковой политики Франции, в частности многоязычие и региональные языки, на что получает дипломатичный ответ президента:

Je ne suis pas totalement sûr de partager l'interprétation que vous faites des décisions de justice et je ne veux pas m'immiscer dans un débat espagnol.

Вторым этапом исследования стал анализ перевода речи Э. Макрона с учетом достижения прагматической адекватности перевода и преодоления возможных переводческих трудностей. Трудностью перевода на лексическом уровне в аспекте трансляции тактики диалогичности может стать перевод такого словосочетания, как *amis britanniques*:

*Parce qu'aujourd'hui voisins **amis britanniques** premièrement restent dans une approche de la question migratoire qui est celle du début des années 80 qui consiste à avoir au fond une migration illégale économique acceptée.* / Потому что сегодня **британцы, соседи Франции, с которыми мы поддерживаем дружественные отношения**, во-первых, придерживаются подхода к миграционной проблеме, аналогичного подходу начала 80-х годов, который заключается в том, чтобы, по сути, принять экономическую нелегальную миграцию.

Мы предпочли перифрастический перевод *amis britanniques*, учитывая дипломатический характер высказывания Э. Макрона.

Кроме того, к языковым средствам, транслирующим диалогичность высказывания, мы также отнесли наречие *collectivement* и впоследствии столкнулись с переводческой трудностью:

*Nous avons **collectivement** les moyens de faire de notre Europe une puissance démocratique, culturelle et éducative, une puissance d'avenir, une puissance d'équilibre.* / **Совместными усилиями** мы сможем превратить нашу Европу в демократическую, культурную и образованную державу, державу будущего, державу равновесия.

Так, мы используем прием перестановки с целью более точной передачи интенции речи президента. Важно проанализировать и перевод фрагмента, в котором президент Франции избегает конфликта с властями Испании:

*Je ne suis pas totalement sûr de partager l'interprétation que vous faites des décisions de justice et je ne veux pas **m'immiscer dans un débat espagnol**.* / Я не совсем уверен, разделяю ли я трактовку судебных решений, и я не хочу **комментировать дискуссию, ведущуюся в испанском обществе**.

Транслируя лингвотолерантность высказывания президента, мы используем в переводе прием смыслового развития (модуляции).

Одно из риторических средств, используемых Э. Макроном, – синтаксический параллелизм. В переводе важно передать нарастающую экспрессивность высказывания, с целью воздействия на адресата, поскольку это одна из черт, представляющих языковую личность говорящего:

*Et cette pandémie a montré que **la solidarité**, loin d'être une faiblesse, est une force incomparable. C'est la **solidarité** qui nous a permis depuis deux ans de sauver des vies, de protéger des emplois. C'est la **solidarité** qui nous a permis de disposer d'un vaccin pour nous, **Européens**. C'est l'**esprit de solidarité** qui nous a conduits, **comme Européens**, à être les plus ouverts au monde, en termes d'exportations comme de dons.* / И эта пандемия

показала, что **солидарность** – не слабость, а ни с чем не сравнимая сила. **Именно солидарность** позволила нам в течение последних двух лет спасти жизни и защищать рабочие места. **Именно солидарность** позволила нам создать вакцину для нас, европейцев. **Именно дух солидарности** побудил нас, европейцев, быть наиболее открытыми для мира как с точки зрения экспорта, так и с точки зрения пожертвований.

Заключение

Таким образом, благодаря использованию системы лексических, синтаксических и риторических средств, политический лидер в своем выступлении избегает и нивелирует возникновение возможных дипломатических конфликтов с депутатами Европейского парламента и государствами, которые они представляют. При переводе мы с необходимостью транслировали проявление лингвокультурной толерантности средствами русского языка.

Список литературы

Вепрева И.Т. Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: кол. моногр. / отв. ред Н.А. Купина, М.Б. Хомяков. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 541 с.

Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. М.: Истоки, 2001. 135 с.

Коршунова И.Г. Лингвистическая толерантность как отражение современной политической реальности // Символ науки. 2016. № 6. С. 74–76.

Тюрина Д.С., Хорошева Н.В., Специфика реализации стратегий синхронного перевода // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 7. С. 60-71.

Хорошева Н.В., Бабич Е.Н. Ритм как экспрессивный текстообразующий элемент телеобращения политического лидера // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 2. С. 58-65.

Хорошева Н.В., Банникова А.Д. Проблемы манипулятивного речевого воздействия в ситуации синхронного перевода дипломатического дискурса// Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 48–55.

Хорошева Н.В., Бабич Е.Н. Ритм как экспрессивный текстообразующий элемент инаугурационной речи президента: проблемы перевода // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 3. С. 43–51.

УДК 811.133.1

Хеда Идрисовна Зармаева

факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

ПРАГМАСТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВЫСТУПЛЕНИЙ ФРАНЦУЗСКИХ ПОЛИТИКОВ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

В условиях современной политической ситуации и развития науки политический дискурс неизменно остаётся в центре исследовательского интереса многих учёных. Научные дискуссии разворачиваются вокруг аспектов этого понятия как сложного и многомерного явления, отражаемого на стыках таких наук, как лингвистика, психология, политология. Актуальность исследования обусловлена необходимостью дальнейшего анализа языковых средств, которые используют политики в своих выступлениях. Приёмы, используемые политическими деятелями, помогают привлечь внимание граждан к актуальным проблемам и действуют в качестве аргументов к их примерам, которые они иллюстрируют. В данной статье рассмотрен стилистический потенциал языковых средств, используемых в видеовыступлениях политиков Марин Ле Пен и Эммануэля Макрона с 2015 по 2022 г.

Ключевые слова: политический дискурс, политика, французский язык, эмоциональность, стилистические средства, Эммануэль Макрон, Марин Ле Пен.

Введение

В условиях современной политической ситуации и развития науки политический дискурс неизменно остаётся в центре исследовательского интереса многих учёных. Научные дискуссии разворачиваются вокруг аспектов этого понятия как сложного и многомерного явления, отражаемого на стыках таких наук, как лингвистика, психология, политология и т.д.

Исследователи используют термин *политический дискурс* наряду с такими терминами, как язык политики, политическая коммуникация. Между тем, именно дискурсивный подход в сфере политической коммуникации представляется особенно плодотворным а также в стратегиях и тактиках перевода (см., например, [Тюрина, Хорошева 2022;

Хорошева, Бабич 2021, 2022; Хорошева, Банникова 2021]). Именно он задаёт тот ракурс исследования, который позволяет осмыслить важную, сущностную сторону функционирования языка – специфику языковых средств, которыми оперируют политики во время своих выступлений. Любое публичное выступление политика является некой сердцевинной частью разных событий. Особенности этих выступлений помогают акцентировать внимание политиков на актуальных проблемах, а также увеличивают спектр эмоций граждан.

Основная часть

Одним из ведущих специалистов по проблематике политического дискурса является Е.И. Шейгал. В своем исследовании «Семиотика политического дискурса» лингвист предлагает следующее определение: «Политический дискурс – любые речевые образования, содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал 2000: 35]. Рут Водак определяет дискурс как: «Дискурс – не только самостоятельное исследовательское поле, он понимается не только как «метод», но и как совокупность теорий производства и восприятия» [Водак 2006: 107–116].

Политический дискурс является особой разновидностью дискурса и имеет ряд специфических особенностей. Так, выделяются следующие характеристики политического дискурса: институциональность, специфика информативности, массовость, фидеистичность, дистанцированность, театральность, эзотеричность. Под институциональностью понимается осуществимость политического дискурса в общественных институтах, в которых коммуникация является составной частью. В таком виде дискурса присутствуют лишь два участника: представитель социального института и тот, на кого направлен дискурс. Здесь объектом чаще всего выступает мировое сообщество и реже лишь индивидуальное лицо [Шейгал 2000: 59].

Политический язык характеризуется эмоциональностью, нацелен на оказание влияния. Эти факторы определяют специфику информативности политического дискурса [Чудинов 2009: 44]. По мнению В.З. Демьянкова, оратору важно воздействовать на эмоции слушателей, учитывать их моральные установки и ценности. Важную роль также играет удачная компоновка речи, где защищаемое положение помещается в определенное место дискурса. Среди способов «уничтожения противника», ученый называет высмеивание, однако считает едва ли допустимым юмор оскорбительный. Очень важно не опускаться до оскорбления личности противника, вместо этого всегда следует говорить о неверности его аргументации. Оратор всегда должен учи-

тывать и то, с какой аудиторией ему приходится иметь дело [Демьянков 2005: 34–55].

Таким образом, речь политиков состоит из многообразия лингвистических конструкций и коммуникативных инструментов, что позволяет участникам политической коммуникации удерживать власть [Хаззагеров 2002: 269]. Политическому дискурсу также свойственна некая театрализованная игра. Основная цель политических деятелей – удерживать внимание слушателей и диктовать собственные цели [Ножин 1974: 26], убедить граждан, что проблемы будут решены, а проекты реализованы. Именно поэтому полемике субъектов политического дискурса свойственно использование экспрессивных слов и оборотов в рамках литературного употребления, а также просторечная лексика, способствующая большему взаимодействию политиков и граждан [Шейгал 2000: 86].

Инструментарий политического дискурса реализуется с целью повлиять на адресата, донести до него конкретную информацию и побудить к дальнейшим действиям [Чудинов 2012: 56]. Этим определяется массовость политических речей и неопределённость их границ. В демократическом сообществе средством существования языка являются средства массовой информации, а из этого следует, что политический дискурс выходит за рамки, характерные для политического языка и дискурса в том числе [Шейгал 2000].

Фидеистичность политического дискурса объясняется смысловой неопределённостью. Чаще всего политические деятели стараются дать абстрактные понятия для конкретных явлений, то есть у понятий отсутствует денотат [там же: 76]. В результате этого люди опираются лишь на своё сознание и искусственно созданную политическими деятелями картину мира, что и обуславливает фидеистичность политического дискурса.

Под эзотеричностью понимается ожидание чуда, вера в лучшее. Политические доклады, публикации и документы обладают определённой секретностью и то, что люди не должны знать больше, чем это требуется. Этим объясняется одно из проявлений власти – право на единоличное обладание информацией. Эзотеричность свойственна тоталитарным системам в большей степени, для демократии же характерна открытость и связь с гражданами [там же: 79]. Эзотеричность коммуникации – это ее доступность только для специалистов, для людей, способных почувствовать в ней скрытый смысл, подтекст, для которых важно не только то, что сказал политик, но и то, как он это сказал и о чем он умолчал [Чудинов 2009: 53].

Ввиду нацеленности и доказательного статуса политическому дискурсу требуется определённое пространство между коммуникантами. Политическое сообщество всегда предполагало некую дистанцию между руководителем страны и её гражданами [Harre, Gillet 1994: 99]. На современном этапе развития нашего общества эта дистанция разрушается благодаря использованию средств массовой информации. Этим показателем и определяется дистанцированность политического дискурса [Шейгал 2000: 83].

Итак, рассмотрим и охарактеризуем особенности речевого поведения Э. Макрона. Политический дискурс Э. Макрона характеризуется частым использованием метафор. В ходе финальных дебатов с Марин Ле Пен, Эммануэль Макрон употребляет такую лексическую единицу как «*antienne*»:

«*Continuez votre antienne Madame Le Pen, vous n'avez que cela à la bouche. Vous n'avez pas de projet pour le pays*» [BFM TV]. Политик критикует весьма расплывчатый ответ Марин Ле Пен на вопрос об ее отношении к президенту В.В. Путину и использует следующую единицу – «*galimatias*»:

«*Donc là vous répondez à la question sur M. Poutine? On a bien compris, là c'est vraiment un galimatias...Mais Madame Le Pen, sur ce sujet, c'est la deuxième fois parce que là vous faites un grand galimatias*» [YouTube].

Речевое поведение французского политика отличается также наличием просторечной лексики. В 2017 г. в ходе выступления политик произносит:

«*Je ne céderai rien, ni aux fainéants, ni aux cyniques, ni aux extrêmes. Et je vous demande d'avoir, chaque jour, la même détermination*» [YouTube]. Также, когда политик говорит о том, что вкладываются огромные ресурсы в социальные пособия, а люди все равно нуждаются: «*La politique sociale, regardez, on met un pognon de dingue dans des minimas sociaux et les gens sont quand même pauvres*» [YouTube].

Французские эксперты отмечают, что в своих выступлениях Э. Макрон часто использует заимствования из английского языка:

«*Il y a 3 ans j'avais promis à ma femme que j'arrêtais totalement la vie politique et que j'allais créer une entreprise, que j'allais être entrepreneur, et puis progressivement j'ai pivoté le business model*» [YouTube]. Во время открытия выставки «Viva Tech» в Париже политик снова сравнивает страну с предприятием, используя заимствование «*start-up*»: «*Je veux que la France soit une start-up nation. Une nation qui pense et qui*

évolue comme **une start-up**» [Le Figaro]. Политический дискурс Марин Ле Пен кроется в умелом использовании экспрессивной лексики, способности играть на чувствах людей. В своих выступлениях она использует большое количество экспрессивной лексики:

«...*Chers amis, en ce 1er mai, nous fêtons la France éternelle et le Travail. Deux notions menacées d'extinction par nos pseudo élites qui se sont jurées de les détruire pour réaliser leurs funestes projets*». Говоря об иммиграции, она критикует ее. По ее мнению, иммигранты чувствуют ненависть (**la haine**) к стране и презрение (**le mépris**) к ее ценностям и истории: «*Inconscients qui, dans le même temps, s'acharnent à inculquer aux enfants de l'immigration la haine de la France, le mépris de ses valeurs et de son histoire...*» [YouTube].

Также политик использует заимствования: «*Alors mes amis, permettez-moi exceptionnellement quelques mots d'anglais, pour reprendre le message de nos amis Australiens aux clandestins et aux passeurs: NO WAY!*» [YouTube]. «*Mais pendant que les Français disent «no way», nos dirigeants et leurs acolytes de l'Union européenne disent «Welcome»*» [Rassemblement National].

Заключение

Основными задачами политиков является воздействие на граждан, привлечение их внимания и актуализация проблем в стране. Это достигается благодаря использованию многочисленных метафор, заимствований просторечной и экспрессивной лексики. Благодаря языковым средствам в сознании людей создается запоминающийся образ политика, связанный с разными аспектами его программы.

Список литературы

Водак Р. Взаимосвязь «дискурс – общество»: когнитивный подход к критическому дискурсу-анализу (перевод О.А. Солоповой) // Политическая лингвистика. 2006. № 19. С. 107–116.

Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык и личность / отв. ред. В.Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34–55.

Ножин Е.А. Проблемы теории публичной речи: автореф. ... д. филол. наук., М., 1974. 30 с.

Тюрина Д.С., Хорошева Н.В., Специфика реализации стратегий синхронного перевода // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 7. С. 60–71.

Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. М.: Николо-Медиа, 2002. 313 с.

Чудинов А.П. Современная политическая коммуникация: Учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во «Уральский государственный педагогический университет», 2009. 292 с.

Чудинов А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2(40). С. 53–59.

Хорошева Н.В., Бабич Е.Н. Ритм как экспрессивный текстообразующий элемент телеобращения политического лидера // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 2. С. 58–65.

Хорошева Н.В., Банникова А.Д. Проблемы манипулятивного речевого воздействия в ситуации синхронного перевода дипломатического дискурса // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 48–55.

Хорошева Н.В., Бабич Е.Н. Ритм как экспрессивный текстообразующий элемент инаугурационной речи президента: проблемы перевода // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 3. С. 43–51.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 440 с.

Harre R., Gillet G. The discursive mind. London: Sage Publications, 1994. 192 p.

BFM TV. «Perlimpinpin», «Galimatias»: Le Petit Lexique Du Débat Macron – Le Pen. URL: https://www.bfmtv.com/politique/elections/presidentielle/perlimpinpin-galimatias-le-petit-lexique-du-debat-macron-le-pen_AV-201705040026.html (дата обращения: февраль 2023).

Le Figaro. Non, Monsieur Macron, la France n'est pas une «start-up nation»! URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/economie/2018/05/24/31007-20180524ARTFIG00254-non-monsieur-macron-la-france-n-est-pas-une-start-up-nation.php> (дата обращения: февраль 2023).

Rassemblement National. Discours de Marine Le Pen (Vendredi 1er mai 2015). URL: <https://rassemblementnational.fr/discours/discours-de-marine-le-pen-vendredi-1er-mai-2015/> (дата обращения: февраль 2023).

YouTube. Discours de Marine Le Pen du 1er mai 2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yvcT0byc014> (дата обращения: февраль 2023).

YouTube. REPLAY–Débat de l'entre-deux-tours: Marine Le Pen / Emmanuel Macron. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iOAbBdIWgz0> (дата обращения: февраль 2023).

YouTube. Quand Emmanuel Macron voulait monter une start-up. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9gTmWrzIwGg> (дата обращения: февраль 2023).

YouTube. Macron s'enflamme: «On met un pognon de dingue dans les minima sociaux». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rKkUkUFbqmE> (дата обращения: февраль 2023).

УДК 811.222.8

Саидзода Джамиля

факультет русского языка и литературы,
Таджикский национальный университет,
г. Душанбе, Республика Таджикистан

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ТАДЖИКСКИХ ЛАКУН НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена выявлению способов передачи таджикских лакун на русский язык. Фактическим материалом послужил таджикско-русский словарь. Таджикским лакунам в русском языке чаще соответствуют описательный перевод и калькирование, реже – словосочетание, полукалька и комбинированный перевод, когда одной таджикской лакуне в русском языке соответствуют 2 способа передачи. Если в одном из языков лексическая единица отсутствует, то говорят о наличии лакуны в данной точке лексической системы этого языка; в языке сопоставления соответствующая единица оказывается безэквивалентной. Проблема лакунарности является актуальной и находится в фокусе нашего внимания.

Ключевые слова: лакуны, таджикский язык, способы передачи, русский язык.

Введение

Канадские лингвисты Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне, которые первыми ввели в научное употребление термин *лакуна*, определяют его как «явление, которое имеет место всякий раз, когда слово одного языка не имеет соответствия в другом языке. «Сходное понимание лакуны мы находим у Ю.С. Степанова», – пишет В.Л. Муравьев, который, в свою очередь, определяет лакуну как «недостающее в данном языке слово другого языка» (цит. по [Муравьев 1975: 3; см. так же [Верещагин, Костомаров 1990; Литвинова, Пинягин 2018; Нагзибекова М.Б., Ашмарина, Нагзибекова Т.Н. 2020; Пинягин 2019; Пинягин, Мохова 2022; Шамбезода, Нагзибекова 2017])). Далее он уточняет: «...мы будем считать лакунами лишь те иноязычные слова (устойчивые словосочетания), которые выражают понятия, не закрепленные в языковой норме данного языка и для передачи которых в этом языке

требуются более или менее пространные перифразы – свободные словосочетания, создаваемые на уровне речи» [там же: 6].

Основная часть

В.Г. Гак объясняет лакуны как «пропуски в лексической системе языка, отсутствие слов, которые, казалось бы, должны были присутствовать в языке, если исходить из его отражательной функции (то есть его задачи обозначать явления объективной действительности) и из лексической системы языка» [Гак 1977: 261]. Этот исследователь считает лакунами отсутствие слова для обозначения понятий, которые в данном обществе существуют и имеют особое словесное обозначение в другом языке. Классический пример подобных лакун во таджикском языке по сравнению с русским – отсутствие слов, равнозначных русским, – сутки, кипятки.

В.И. Жельвис дает удачную, на наш взгляд, формулировку: «Используя терминологию В. Дорошевского, можно сказать, что лакуны – это то, что в одних языках и культурах обозначается как «отдельности», а в других не сигнализируется, то есть не находит общественно закрепленного выражения» [Жельвис, Марковкина 1979: 136]. Исследователи рассматривают это понятие следующим образом: «...под лакунами подразумеваются несоответствия, возникающие при сопоставлении понятийных, языковых и эмотивных категорий двух локальных культур» там же: 194].

«Если в одном из языков лексическая единица отсутствует, то говорят о наличии лакуны в данной точке лексической системы этого языка; в языке сопоставления соответствующая единица оказывается безэквивалентной (то есть единице одного языка не соответствует ни одной единицы другого языка)» [Стернин 1997: 24, 36]. Совместно с З.Д. Поповой тот же исследователь формулирует понятие лакуны таким образом: «В результате неполной эквивалентности денотативных семем разных языков создается такое явление, как лакуна: отсутствие в одном из языков, сопоставляемых между собой, наименования того или иного понятия, имеющегося в другом языке» [Муравьев 1975: 71].

Так, не имеют эквивалентов во французском языке русские слова кефир, пирожки, квас, оладьи, валенки, лапти, компостировать, ухват, фельетон, вьюга и другие; нет соответствия широкому кругу фольклорной лексики – тужить, сизый, голубочек, чудо-юдо, лапушка; в английском языке нет эквивалентов русским словам форточка, путевка, больничный лист, профтехучилище, закуска, галдеть, гостинец, дача, бричка. «Под лексической лакуной мы понимаем отсутствие

в системе языка слова или лексемы, несущих понятие, эквивалентное понятию языка сравнения» [Харитоновна 1987: 34]. О.А. Огурцова предлагает свое рабочее определение: «Лакуна – слово, словосочетание, грамматическая категория, бытующие в одном из сопоставляемых языков и не встречающиеся в другом сопоставляемом языке» [Огурцова 1979: 79].

Н.И. Конрад, Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина употребляют термин *лакуна* в широком смысле, относя сюда все явления, требующие дополнительного пояснения при контакте с иной культурой. Указанные исследователи считают целесообразным и методологически оправданным применение этого термина при сопоставлении не только языков, но и некоторых других аспектов культуры. С одной стороны, такое расширение понятия *лакуна* опирается на реально существующую тесную взаимосвязь языка и культуры; с другой, – выявление наряду с языковыми лингво-культурологических и культурологических лакун может, по мнению этих авторов, способствовать установлению некоторых конкретных форм корреляции языка и культуры.

«Лакуны в самом общем понимании фиксируют то, что есть в одной локальной культуре, и чего нет в другой», – считает И.Ю. Марковина [Марковина 1982: 47]. По мнению Н.И. Конрада, лакуной следует считать некоторую совокупность текстов, требующих внутритекстовой и внетекстовой интерпретации [Конрад 1972: 150–173].

Статья посвящена выявлению особенностей перевода лакунарных единиц с таджикского языка с учетом языковых реалий в сравниваемых языках на материале таджикско-русского словаря. При переводе нами выявлены следующие виды способов передачи таджикских лакун на русский язык. Приёмы перевода таджикских лакун на русский язык и их частота употребления нашего фактического материала представлены в таблице 1.

Таблица 1. Приёмы перевода таджикских лакун на русский язык

№	Приёмы перевода	Частота употребления
1.	Описательный перевод	37 случаев
2.	Калька	34 случая
3.	Словосочетание	12 случаев
4.	Полукалька	7 случаев
5.	Комбинированный перевод	15 случаев
	Итого	105 случаев

Чаще таджикским лакунам соответствуют описательный перевод и калькирование, реже – словосочетания, полукалька и комбинированный перевод.

Перейдем к анализу нашего материала.

1. Описательный перевод

Описательный перевод – приём, заключающийся в объяснении значения лексической единицы исходного языка при помощи развернутых словосочетаний, раскрывающий признаки обозначаемого явления. Например: *Амонат 1. – вещь, сданная на хранение, на сбережение или отданная под залог, либо во временное пользование; Амонатдор – лицо, которому вверены вклады, взносы; Амонатӣ – 1. отданный или взятый на хранение, на сбережение, под залог; 2. отданный или взятый во временное пользование; Ангиштхона – помещение для хранения угля; Ангушта/ангуштак – деревянные вилы для просеивания зерна.*

2. Калькирование

Передача слов при помощи замены их составных частей (морфем или слов) прямыми лексическими соответствиями в переводимом языке. *Амонатгузорӣ 1. сдача на хранение; Анбармӯ (ӣ)1. – с душистыми локонами; Ангатзор-облетиховая роцца, заросли облетихи; Ангиштсанг – каменный уголь; Ангиштканӣ разг. добыча угля. Анчуманафрӯз 1. украшающий собрание.*

3. Словосочетание

Замена таджикской лакуны словосочетанием – соединением двух или более самостоятельных слов, связанных по смыслу и грамматически, служащее для отдельного обозначения понятийной единицы (предмета, качества, действия и др.): *Амуд 2. – стойка шатра; Анзарут – костный клей; Анӯша 2. пер. – виноградное вино; Анчир 4. – винная ягода; Анчуманафрӯз – 2. душа общества.*

4. Полукалька

Полукальки – это слова, в которых наряду с заимствованными частями имеются исконно таджикские элементы. Иными словами, полукальки – это слова, в которых калькирована лишь одна часть: *Аморат – 2. Эмирская власть; 3. Правление эмира; Анбарин – благоухающий амброй; Аробакаш – занятие (работа) арбакеша; Саройхона – сарай для арб.*

5. Комбинированный перевод

Таблица 2. Типы перевода и частотность

Виды комбинированного перевода	Частота употребления
А. Слово + калькирование	6 случаев
Б. Транскрипция + описательный перевод	3 случая
В. Словосочетание + транскрипция	4 случая
Г. Описательный перевод + слово	1 случай
Д. Слово + описательный перевод	1 случай
Итого	15 случаев

Комбинированный способ – это способ, когда одному слову соответствует 2 приёма передачи. Типы комбинированного перевода и частота их употребления представлены в таблице 2.

Рассмотрим наши примеры, взятые из таджикско-русского словаря

А. а) слово; б) калькирование: *Андӯҳовар* – а) печальный; б) вызывающий грусть, печаль; *Анҷуманоро* – а) красноречивый; б) украшающий собрание; *Араққаш* – а) винокур; б) перегонщик спирта

Б. а) транскрипция; б) описание: *Анбарина* – а) анбарина; б) (медальон, наполненный анбариной и используемый как украшение); *Аризачӯб ист.* а) аризачуб; б) (деревянный футляр для заявлений, прошений, представляемых ко двору эмира).

В. а) словосочетание; б) конкретизация: *Анг 2.* а) водопроводная труба

б) (обычно керамическая); а) духи умерших б) (привидения, призраки); *Аризанависӣ* – а) писание заявлений, прошений б) (для других).

Г. а) описание; б) слово: *арразабон 2. пер.* – а) острый на язык б) язвительный

Д. а) слово; б) описательный перевод: *Анзурат 1.* – а) анзурат

б) горькая камедь, добавляемая в целебную мазь.

Заключение

Таким образом, чаще таджикским лакунам соответствуют описательный перевод и калькирование, реже – словосочетания, полукалька и комбинированный перевод, когда одной таджикской лакуне в русском языке соответствует 2 способа передачи.

Список литературы

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990. 247 с.

Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1977. 300 с.

Жельвис В.И., Марковина И.Ю. Опыт систематизации англорусских лакун // Исследование проблем речевого общения. М.: Наука, 1979. 214 с.

Конрад Н.И. Восемь стансов об осени Ду Фу // Запад и Восток. 1972. № 5. С. 150–173.

Литвинова М.Н., Пинягин Ю.Н. Говорящее имя собственное как объект перевода // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 4. С. 76–79.

Махонина А.А. К вопросу о классификации межъязыковых лакун // Язык и национальное сознание. Воронеж: Истоки, Выпуск 4. 2002.

Марковина И.Ю. Влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на понимание текста: дисс. ... к. филол. н. М., 1982. 220 с.

Муравьев В.Л. Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). Владимир, 1975. 96 с. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/muraviev/text.pdf> (дата обращения: 12.12.2022).

Нагзибекова М.Б., Ашмарина Л.В., Нагзибекова Т.Н. Сопоставительный анализ безэквивалентной лексики таджикского и русского языков. Душанбе: Изд-во «Таджикский национальный университет», 2020. 168 с.

Огурцова О.А. К проблеме лакунарности // Функциональные особенности лингвистических единиц: Сб. трудов Кубанского ун-та. Вып. 3. Краснодар: Изд-во «Кубанский университет», 1979. С. 77–83.

Пинягин Ю.Н. Фоновая лексика как объект перевода // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 1. С. 64-70.

Пинягин Ю.Н., Мохова О.Д. Репрезентация лексического своеобразия лингвокультурного текста в переводе // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 80–90.

Стернин И.А. Лексическая лакунарность и понятийная безэквивалентность. Воронеж: Изд-во «Воронежский университет», 1997. 105 с.

Таджикско-русский словарь. Душанбе, 2006.

Харитоновна Б. Национальная специфика семантики русского слова (на материале существительных лексических полей "Человек", "Быт" и "Народное хозяйство" учебника "Русский язык" для подготовки дипломированных учителей русского языка в ГДР): дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 1987.

Шамбезода Х.Д., Нагзибекова М.Б. Классификация таджикских реалий и особенности их перевода на русский язык // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 63–66.

УДК 811.222.8

Зевар Урокова

факультет русского языка и литературы,
Таджикский национальный университет,
г. Душанбе, Республика Таджикистан

ПЕРЕВОД СЛОВ-РЕАЛИЙ С ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена переводу реалий с таджикского языка на русский в художественном тексте. Фактическим материалом послужил роман известного таджикского писателя Джалоло Икрами «Дочь огня» и его перевод на русский язык. В нашей картотеке отмечены следующие семантические подтипы бытовых реалий: 1. Название музыкальных инструментов: дойра, дутор; 2. Название женской одежды: камзӯл, эзор, фаранҷи, чаимбанд; 3. Название мужской одежды: чома, салла; 4. Название обуви: кафи, маҳси; 5. Название хлебобулочного изделия: самбуса; 6. Название сладостей: набот; 7. Название растений для женского украшения: ўсма. Среди способов передачи реалий широко применяется в переводе романа Дж. Икрами «Дочь огня» транскрипция. Также нами отмечено немало случаев приближённого перевода. Реже отмечены освоение, генерализация, полукалька, опущение.

Ключевые слова: реалии, бытовые, таджикский язык, приёмы перевода.

Введение

В художественных текстах часто встречаются слова и выражения, которые можно отнести к какой-нибудь культуре. Они называются «реалиями». При переводе и передаче реалий на другие языки возникает ряд проблем, например в языке перевода может отсутствовать понятие, выражаемое реалией, или смысл понятия в одном языке будет отличаться в другом. Целью нашей статьи является установление приёмов перевода таджикских реалий на русский язык. Материалом для исследования явились слова-реалии, выделенные из русского перевода романов трилогии Джалоло Икрами «Дочь огня» (1962), посвященной историческим событиям, происшедшим в Бухаре в начале XX в.

Основная часть

Реалии в тексте романа «Дочь огня» раскрывают русскоговорящему читателю национальные особенности быта населения Бухары начала XX века. Однако отображение национального колорита при переводе оригинального текста, более того, написанного в жанре исторического романа – дело весьма сложное, так как не всегда в языке принимающей культуре можно найти соответствие той или иной реалии. В русском тексте весьма правдоподобно сохранены культурная информация о восточных костюмах, их многообразии, яркости, как и сами традиции таджикского народа, связанные с историей и религией – исламом. Реалии являются своего рода «хранителями» и «носителями» национально-культурной информации в тексте перевода и представляют собой особое лингвистическое явление, наиболее ярко представляющее национальную самобытность иной культуры, а их адекватная передача – одно из главных условий полноценного перевода (см., например, [Литвинова, Пинягин 2018; Пинягин 2019; Пинягин, Мохова 2022; Шамбезода, Нагзибекова 2017]).

К бытовым реалиям относятся названия жилищ, одежды, пища, денежных знаков, музыкальных инструментов, народных праздников и др. В нашей картотеке отмечены следующие семантические подтипы бытовых реалий: название музыкальных инструментов: дойра, дугор; название женской одежды: камзӯл, эзор, фаранҷӣ, чашмбанд; название мужской одежды: чома, салла; название обуви: кафш, маҳсӣ; название хлебобулочного изделия: самбуса; название сладостей: набот; название растений для женского украшения: ўсма

Среди способов передачи реалий широко применяется в переводе романа Дж. Икроми «Дочь огня» транскрипция. Также нами отмечены ряд случаев приближённого перевода. Другие способы отмечены редко. Приведем таблицу приёмов передачи таджикских реалий на русский язык романа Дж. Икроми «Дочь огня» (табл.).

Таблица. Приемы передачи таджикских реалий (выборка – 100 реалий)

№	Приемы передачи	Частота употребления
1.	Транскрипция	56 случаев
2.	Приближенный перевод	14 случаев
3.	Генерализация	7 случаев
4.	Освоение	2 случая
5.	Полукалька	1 случай
6.	Опущение	13 случаев
7.	Неверный перевод	7 случаев

Таким образом, чаще всего таджикские реалии в русском языке транскрибировались переводчиками.

Перейдем к анализу нашего фактического материала.

1. Транскрипция

Как известно, при транскрипции средствами переводимого языка передаётся звуковая форма.

Оригинал	Перевод
Пас аз ин якбора макоми дойра тагъир ёфт, оханги шухона садо доду суруди «ёр, ёр, ёре, абрукат думи море...» сар шуда рафт.	Вдруг мелодия дойры изменилась, стала веселой: «Ер ёр ёре, брови твои – хвост змеи...

Хотя многие таджикские реалии имеют эквиваленты в ТРС, но переводчик прибегнул к способу транскрипции. Например: ЧИЛИМ – кальян, ДАСТАРХОН – дастархан, скатерть; 2. скатерть с угощением, угощение, КАФШ переведен словом «обувь», ДОИРА 5. дойра, бубен, ЧАШМБАНД – чимбет (покрывало для лица). ЎСМА -бот. усма, басма. Переводчики не перевели данные лексемы, т.е. транскрибировав их, что считаем не совсем верно.

2. Приближенный перевод

Под приближенным переводом (перевод при помощи "аналога") понимают использование для лексической единицы таджикского языка слова, лишь частично совпадающего с ним по значению в русском языке.

Оригинал	Перевод
Баъд аз оне, ки ин маросимҳо гузашту келину домод нишастанд, ба таи чимлик хам дастурхон партофта, санбусаю канду кандалот, наботу рустаю халвоҳои каршигӣ, чормағзу pistaю бодом дароварданд».	Жених с невестой уселись за столом, им расстелили дастархан с пирожками , конфетами, леденцами и <i>каршинской халвой</i> с фисташками».

Реалия таджикского языка САМБУСА передается русским словом ПИРОЖКИ, что считаем приблизительным переводом, так как САМБУСА и ПИРОЖКИ и по форме, и по способу приготовления сильно отличаются.

3. Генерализация

При генерализации таджикские реалии в переводе обобщаются, т.е. частное переходит в общее: чашмбанд бардоштан – открытое лицо

Оригинал	Перевод
Вай кадбаланд ва чунг буд, овози гафси мардона дошт, ба сараш фаранҷӣ бошад ҳам, чашмбандаш бардоштагӣ буд.	Она была высокая, нескладная, с громким мужским голосом, в парандже, но с открытым лицом .

4. Освоение

Освоение – это придание реалии облика родного для языка перевода на основе материала, уже имеющегося в исходном языке. В данном случае реалия теряет форму и часть своего содержания. Эти таджикские реалии освоены русским языком и входят в словарный состав русского языка. Например, описание значения слова ПАРАНДЖА в словаре Ожегова: ПАРАНДЖА, -и, род. мн. -ей, ж. Широкая верхняя одежда с закрывающей лицо волосяной сеткой, без которой ислам не разрешает женщинам появляться перед посторонними.

Оригинал	Перевод
Вай кадбаланд ва чунг буд, овози гафси мардона дошт, ба сараш фаранчӣ бошад хам, чашмбандаш бардоштагӣ буд.	Она была высокая, нескладная, с громким мужским голосом, в парандже , но с открытым лицом.

5. Полукалька

Полукалькой называется сложное слово, одна часть которого передана с таджикского языка, а другая оставлена без перевода.

Оригинал	Перевод
Ду зани солхурда, ки доиразан буданд, доирахоро ба даст гирифта.	Дойристки , уже пожилые женщины, взяли дойры, сыграли вступление, потом перешли к свадебным песням.

6. Опускание

В русских переводах нами отмечены 13 случаев опущения таджикских реалий. Приведем примеры:

Оригинал	Перевод
... фаранчию чашмбандро гирифта...	... накинула паранджу и вышла из дому».

7. Неверный перевод

Нами также отмечены случаи неверного перевода.

Оригинал	Перевод
Аз болои шабгах духтархо – дугонахои келин тамошо мекарданд.	Сверху, с балаханы, заглядывали подружки невесты.

Шабгах в ТРС переводится «ночлежка, место для проведения ночи», а переводчик перевел реалией БОЛОХОНА, что считаем не совсем верным, так как она передается в ТРС 1. Мансарда; 2. надстройка над ...

Заключение

Среди способов передачи реалий широко применяется в переводе романа Дж. Икромии «Дочь огня» транскрипция. Также нами отмечено немало случаев приближённого перевода. Другие способы отмечены редко. При транскрипции средствами переводимого языка передаётся звуковая форма. Хотя многие таджикские реалии имеют эквиваленты в ТРС, но переводчик прибегнул к способам транскрипции. Под приближенным переводом (перевод при помощи "аналога") понимают использование для лексической единицы таджикского языка слова, лишь частично совпадающего с ним по значению в русском языке. При генерализации таджикские реалии в переводе обобщаются, то есть частное переходит в общее: реалии БИКА и ОИМ обобщены одним словом ГОСПОЖИ. Освоение – это придание реалии облика родного для языка перевода на основе материала, уже имеющегося в исходном языке. В данном случае реалия теряет форму и часть своего содержания. Эти таджикские реалии освоены русским языком и входят в словарный состав русского языка. Например, реалия ФАРАНЦЙ – ПАРАНДЖА. Полукалькой называется сложное слово, одна часть которого переведена с таджикского языка, а другая оставлена без перевода. Например, доиразан – Дойристки. В русских переводах нами отмечены 13 случаев опущения таджикских реалий. В переводах наблюдаются 7 случаев неверного перевода таджикских реалий на русский язык.

Список литературы

- Икромии Ч. «Духтари оташ». Роман / Душанбе, Комбинати полиграфии Вазорати маданияти РСС Тоҷикистон, 1961.
- Икромии, Дж. Дочь огня. Роман / Авториз. пер. с тадж. В. Смирновой [и др.]; М.: Известия, 1965. 456 с.
- Литвинова М.Н., Пинягин Ю.Н. Говорящее имя собственное как объект перевода // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 4. С. 76–79.
- Нагзибекова М.Б., Ашмарина Л.В., Нагзибекова Т.Н. Сопоставительный анализ безэквивалентной лексики таджикского и русского языков. Душанбе: Изд-во «Таджикский национальный университет», 2020. 168 с.
- Пинягин Ю.Н. Фоновая лексика как объект перевода // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 1. С. 64–70.
- Пинягин Ю.Н., Мохова О.Д. Репрезентация лексического своеобразия лингвокультурного текста в переводе // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 80–90.
- Шамбезода Х.Д., Нагзибекова М.Б. Классификация таджикских реалий и особенности их перевода на русский язык // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 63–66.

УДК 812.222.8

Саидзода Махбуба

факультет русского языка и литературы,
Таджикский национальный университет,
г. Душанбе, Республика Таджикистан

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ МОРАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена сопоставительному анализу русских и таджикских прилагательных со значением моральной оценки на материале Русско-таджикского словаря. К прилагательным со значением моральной оценки человека в русском языке относятся 68 лексических единиц, а в таджикском языке – 160 прилагательных, так как многим русским прилагательным соответствуют чаще всего 3–5 вариантов. Переводы русских прилагательных со значением моральной оценки человека неуправляемый, приземленный, славолюбивый отсутствуют в Русско-таджикском словаре.

Ключевые слова: прилагательные моральной оценки, русский язык, таджикский язык, Русско-таджикский словарь, эквиваленты.

Введение

Имена прилагательные со значением моральной оценки человека являются сложным и весьма интересным объектом изучения. В статье анализируются эквиваленты русских прилагательных, выражающих моральную оценку человека в таджикском языке на материале русско-таджикского словаря. Моральная (нравственная) оценка – это одобрение или осуждение деятельности человека с позиций тех требований, которые содержатся в моральном сознании общества, этнической группы, социальной общности людей, тех или иных личностей. Моральная оценка позволяет определять целостное значение поступка, поведение личности, их соответствие определенным нормам, принципам, идеалом [Корлякова 2019, 2022; Нагзибекова, Шарипова 2020; об особенностях перевода см. [Нагзибекова М., Ашмарина, Нагзибекова Т. 2020; Пинягин, Мохова 2022; Шамбезода, Нагзибекова 2017].

Основная часть

Моральная оценка опирается на понимание добра и зла. Проблема добра и зла является исходной этико-философской проблемой. Добро – одно из наиболее общих императивно-оценочных понятий морали и категории этики; выражает положительное моральное значение явлений общественной жизни в их соотношении с идеалом. Зло – одно из основных понятий морального сознания и этическая категория; обозначает негативные стороны действительности деятельности людей и отношений между ними. Зло препятствует удовлетворению интересов человека и человечества. Преодоление морально негативных явлений требует не только совершенствования общественных отношений в их объективном содержании, но и деловой последовательной борьбы с конкретными носителями зла.

В целом в противопоставлении добра и зла осуществляется оценка поступков, содействующих либо препятствующих укреплению позиций общественных групп, развитию либо застою (регрессу) общества. При помощи морали общество оценивает не только практические действия людей, но и их мотивы, побуждения и намерения. Особую роль в моральной регуляции играет формирование в каждом индивиде способности относительно самостоятельно вырабатывать и направлять свою линию поведения в обществе без повседневного внешнего контроля.

Сопоставительный анализ русских и таджикских прилагательных со значением моральной оценки человека на уровне семантики показывает, что они находятся во взаимоотношениях полного или (в большинстве случаев) частичного соответствия объёма значений в двух языках. Частичное соответствие объёма значений лексем двух языков подразумевает наличие двух или более таджикских эквивалентов у одного русского слова и наоборот. В таджикском языке им соответствует от 1 слова до 5-6 вариантов перевода. Приведем таблицу, которая наглядно показывает наше положение.

Таблица 1. Соответствие объема значений лексем

№	Эквиваленты русских прилагательных	Количество
1.	Одно слово	4 лексемы
2.	Два варианта	17 лексем
3.	Три варианта	14 лексем
4.	Четыре варианта	13 лексем
5.	Пять вариантов	6 лексем
6.	Шесть вариантов	1 лексема
7.	Варианты: а) прилагательные; б) конструкции	3 лексемы
8	Нет перевода	3 лексемы

Таким образом, чаще всего русским прилагательным со значением моральной оценки человека соответствует 2, 3, 4 варианта, реже 5 и 1 вариант, единичны случаи, когда одному русскому прилагательному соответствует шесть вариантов. Приведем примеры: а) русскому прилагательному соответствует одна лексема: *националистичный* – *миллатчиғӣ*; *невежественный* – *чоғил*; *разболтанный* – *бенӯхта*; б) русским прилагательным со значением моральной оценки соответствует два варианта: *добросовестный* – *боинсоф*, *бовиҷдон*; *верный* – *содик*, *вафодор*; *вероломный* – *хиёнаткор*, *гаддор*; в) русским прилагательным с моральным значением соответствуют три варианта: *бесчестный* – *беобрӯ*, *беномус бешараф*; *добронравный* – *хушхулқ*, *хушахлоқ*, *хушфеъл*; г) одному русскому прилагательному в таджикском языке соответствует четыре варианта: *безответственный* – *бемасъулият(она)*, *номасъул*, *гайримасъул*, *масъулиятношинос*; д) эквивалентами нижеследующих русских прилагательных в таджикском языке являются пять лексем: *бессовестный* – *бевиҷдон(она)*, *ноинсоф(она)*, *ғустох(она)*, *беҳаё(ёна)*, *бешарм(она)*; е) русское прилагательное *правдивый* передается на таджикский язык шестью вариантами: *ҳақғӯӣ*, *ростғӯ*, *ҳақиқатдӯст*, *адолатхоҳ*, *росткор*, *ростқавл*. Однако полного соответствия прилагательных в сопоставляемых языках нет, так как русскому прилагательному в таджикском языке могут соответствовать конструкции.

Таблица 2. Конструкции

Русское прилагательное	Соответствие	Несоответствие
Благонадежный	амин, эътимоднок	шоёни бовар
Надёжный	эътиборнок, боэтимод, муътабар, муътамад, дилпуршаванда	кобили эътимод
Пунктуальный	пухтакор, мураттаб, дақик	нукта ба нукта

Переводы нижеследующих русских прилагательных со значением моральной оценки человека отсутствуют в русско-таджикском словаре:

Таблица 3. Прилагательных со значением моральной оценки человека

Русское прилагательное	Толкование прилагательного
неуправляемый	перен. не поддающийся воздействию, требованиям дисциплины
приземленный	сугубо материальный, практический (об интересах, чувствах, делах).
славолюбивый	любовь к славе

Заключение

К прилагательным со значением моральной оценки человека в русском языке относятся 68 лексических единиц, а в таджикском языке – 160 прилагательных, так как многим русским прилагательным соответствуют чаще всего 3-5 вариантов. По составу русские прилагательные со значением моральной оценки чаще всего производные (75 %), значительно реже – сложные (оставшиеся 25 %), а в таджикском они в большинстве случаев производные (49 %) и сложные 41 %, значительно реже – простые (10%). Полного соответствия прилагательных в сопоставляемых языках нет, так как русскому прилагательному в таджикском языке могут соответствовать конструкции. Например: *благонадежный* – *шоёни бовар*. Переводы русских прилагательных со значением моральной оценки человека *неуправляемый*, *приземленный*, *славолюбивый* отсутствуют в русско-таджикском словаре.

Список литературы

- Арзуманов С.Д., Джалолов О. Забони тоҷикӣ. Учебник таджикского языка для высших учебных заведений. Душанбе: Ирфон, 2007. 415 с.
- Корлякова А.Ф. Морально-этические представления в английском социуме (на примере слова *modesty* скромность) // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 1. С. 18–24.
- Корлякова А.Ф. Категория оценки: методы описания (на материале лингвистического эксперимента) // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 1. С. 10–19.
- Маркелова Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке. М.: МГУП, 1995.
- Нагзибекова М.Б., Шарипова С.С. Сопоставительный анализ глаголов движения в таджикском и русском языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 1. С. 37–45.
- Нагзибекова М.Б., Ашмарина Л.В., Нагзибекова Т.Н. Сопоставительный анализ безэквивалентной лексики таджикского и русского языков. Душанбе: Изд-во «Таджикский национальный университет», 2020. 168 с.
- Пинягин Ю.Н., Мохова О.Д. Репрезентация лексического своеобразия лингвокультурного текста в переводе // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 80–90.
- Русско-таджикский словарь. М., 1986.
- Шамбезода Х.Д., Нагзибекова М.Б. Классификация таджикских реалий и особенности их перевода на русский язык // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 63–66.

УДК 811.134.2

Елизавета Салаватовна Тюрина

факультет современных иностранных языков и литературы,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ИСПАНСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СТАТЬЕ М.Х. АГИЛАР РУИСА
“NEOLOGISMOS FRASEOLÓGICOS” COMO PALABRAS
DIACRÍTICAS EN LAS LOCUCIONES EN ESPAÑOL”**

В статье анализируются испанские фразеологические неологизмы с целью выявления проблем перевода данных единиц на русский язык. Также рассматриваются понятия «семантического анализа» и «лингвокультурного анализа», доказываются важность их совместного применения на предпереводческом этапе перевода. Предлагаются способы перевода испанских фразеологических неологизмов на русский язык, рассматривают русские эквиваленты испанских фразеологических неологизмов.

Ключевые слова: лингвокультурный анализ, семантический анализ, фразеологизмы, фразеологические неологизмы, испанский язык.

Введение

Фразеология любого языка является глубоко своеобразной и имеет яркий национальный характер [Шанский 1957: 116]. Фразеологизмы являются единицами языка, которые мы используем повседневно. Они придают определенную окраску и экспрессивность тому, что мы говорим. Часто мы можем их встретить в различных отечественных и иностранных публицистических изданиях, художественных произведениях, научно-популярной литературе и других жанрах [Меньшакова 2020, 2022, 2022a]. В процессе перевода таких произведений переводчик может столкнуться с множеством проблем, и некоторые из них будут вызваны переводом фразеологических единиц.

Основная часть

В рамках нашего исследования велась работа с фразеологическим материалом из статьи М.Х. Агилар Руиса «“Neologismos fraseológicos” como palabras diacríticas en las locuciones en español» [Aglar Ruiz 2012].

Для того чтобы выявить проблемы перевода данных испанских фразеологизмов, считаем важным проведение семантического анализа. Семантический анализ фразеологизмов – это анализ лексического значения, которое заложено во фразеологическую единицу; при этом должно устанавливаться смысловое отношение между образом и выводным значением [Зимин 2016: 36].

По итогу проведенного семантического анализа, нами были выделены семь семантических групп фразеологизмов. Семантический анализ показал нам, что все фразеологические неологизмы относятся к одной главной семантической группе – человек, то есть они описывают его внешность, поведение, состояние, действия, характеризуют ситуации, в которые попал человек, а также его реакцию на них. Единственный фразеологический неологизм, который мы не смогли включить ни в одну из перечисленных групп – *a la funerala* («dicho de llevar las armas los militares: en señal de duelo, con las bocas o las puntas hacia abajo» [эл. ресурс DLE]) – ношение оружия военными дулом вниз в знак траура; так как в нем заключена специфическая культурная особенность, которая касается особого способа ношения оружия. При этом *a la funerala* все же можно отнести к выделенной нами главной семантической группе (человек).

Неразрывно с семантическим анализом, важно проводить лингвокультурный. Семантический анализ способствует исследованию заложенного значения фразеологической единицы, в то время как лингвокультурный анализ на основе семантического позволяет рассмотреть заложенные в единицу образы, которые являются отражением определенного аспекта культуры Испании. Стоит отметить, что при проведении лингвокультурного анализа было выявлено, что только половина фразеологического материала содержит элементы культурной специфики Испании.

При переводе мы опирались на классификацию способов перевода В.С. Виноградова [Виноградов 2001]. Рассмотрим перевод конкретных примеров: *darle (a alguien) el/un ууу* – *наводить страх* «пугать, устрашать»; *hacer ууу* – *колдовать*. Фразеологические неологизмы такие как – *darle (a alguien) el/un ууу*, *hacer ууу* содержат единый лексический компонент *ууу*, который согласно Diccionario Clave означает «sensación de miedo» (чувство страха) [Diccionario Clave]. Однако испанский сегмент сайта Wikipedia предлагает совершенно другое определение «un objeto usado para realizar actos mágicos o de brujería» (объект, который используют при проведении магических обрядов и колдовства) [эл. ресурс Wikipedia].

Как известно, Испания во времена Испанской империи владела множеством колоний, в том числе и в Западной Африке. Колонии Западной Африки обрели независимость лишь во второй половине XX века, поэтому влияние одной культуры на другую продолжалось достаточно долго, однако, возможно оно не было таким заметным в связи с удаленностью друг от друга данных территорий. Термин «ууу» является афронегризмом и относится к традиционной религии Западной Африки, где он обозначает особый талисман, защищающий его владельца от колдовства и сглаза. Считаем, что с этим связано появление второго значения, которое представлено в *Diccionario Clave*, так как обряды и колдовство, которым занимались жители Западной Африки, были чем-то неизведанным для религиозных испанцев и возможно пугали их.

– *por arte de birlibirloque* – по мановению волшебной палочки «по волшебству, мгновенно».

Предполагается, что слово *birlibirloque* происходит от цыганского *birlar* (обманывать) [DAE]. Данная тенденция связана с тем, что в Испании насчитывается более полумиллиона цыган, которые являются самым укорененным национальным меньшинством. Цыгане прибыли на Пиренейский полуостров еще в начале XV в. и сейчас в основном проживают на территориях Андалусии, Мадрида и Каталонии. В связи с долгой историей проживания двух народов рядом друг с другом не могло не произойти проникновения одной культуры в другую.

– *salir de Málaga y meterse/entrar en Malagón* – из огня да в полымя «попадать из одной неприятности в другую, не менее неприятную ситуацию».

Оба топонима *Málaga* и *Malagón* содержат в себе часть «*mala*», на основе которой также и строится значение, заложенное в данную единицу. Также языковая игра со словом *mala* создает рифму.

Малага – город на юге Испании, который расположен в автономном сообществе Андалусия. Сегодня Малага – значительный экономический и культурный центр, а также важный транспортный узел на средиземноморском побережье. Занимает площадь около 395 км². Население города составляет более полумиллиона человек [Wikipedia эл. ресурс]. Малагон – город в Испании, который расположен на севере провинции Сьюдад-Реаль. Входит в состав автономного сообщества Кастилия-Ла-Манча. Занимает площадь 365 км². Население города насчитывает менее восьми тысяч человек [Wikipedia эл. ресурс]. Прямое значение, которое закладывалось в данный фразеологический неологизм, по-нашему мнению, состоит в переезде из более развитого

и густонаселенного города, который находится на побережье, в маленький городок, который расположен практически в самом центре страны и по площади не уступает крупному городу. Однако в маленьком городе отсутствуют какие-либо перспективы развития, а его население уменьшается с каждым годом.

– *¡voto a Cribas!, ¡vive Cribas!, ¡voto a bríos!* – клянусь Богом «клятвенно обещать сделать что-либо; выражение гнева или поддержки».

Cribas является эвфемизм к *Cristo*, в свою очередь *bríos* – эвфемизм к *Díos* [эл. ресурс DLE].

Испанцы являются достаточно религиозным народом, более 80% населения считают себя верующими людьми и около 70% из них исповедуют христианство (преимущественно католицизм) [эл. ресурс Wikipedia]. На сегодняшний день Испания является светским государством, однако, вплоть до 1975 года католицизм являлся официальной религией Испании. Многие испанцы продолжают посещать мессы, но в основном это делает старшее поколение, молодежь постепенно отходит от веры. Однако, несмотря на это, длительные отношения с Римской католической церковью и период Инквизиции оказали влияние на испанский язык.

– *a trancas y barrancas/trancos y barrancos* – *через тернии к звездам* «о движении к прекрасному, далекому через преодоление преград и трудностей».

Согласно одному из значений в словаре Испанской Королевской академии *barranco/a* – «despeñadero, precipicio» (скала, обрыв) [эл. ресурс DLE].

Испания является самой горной страной Европы, около 90% ее территории занимают горы и плоскогорья, поэтому для того, чтобы добраться до пункта назначения, жителям приходилось преодолевать «трудности» до изобретения машин и других современных видов транспорта. По всему юго-востоку Пиренейского полуострова простираются Андалусские горы, которые представляют собой систему горных массивов и хребтов.

– *al tran tran* – *капля за каплей (капля по капле)* «постепенно, понемногу».

Tran – «imitación del movimiento lento y regular de un vehículo» (подражание/ имитация медленного и размеренного движения автомобиля) [DGILE].

Испания является одной из старейших музыкальных стран в Европе. Именно в Испании зарождалось многоголосие, профессионально музыкальное творчество, полифония и многое другое, поэтому неуди-

вительно, что весь испанский народ до сих пор чтит свою народную музыку, которая отличается четким ритмом, народным напевом, который, кроме того, разнится от территории к территории. Народная музыка у испанцев дополняется пламенными танцами, которые также отличаются ослепительным своеобразием. Испанцы тонко чувствуют музыку, и это не могло не сказаться и на их языке [hispliblog.ru эл. ресурс].

Так, многие фразеологические неологизмы построены на имитации звуков, которые окружают испанцев – это и звуки инструментов (музыкальной трубы и колокольчика), обыденные звуки (звук стука в дверь, звон бокалов, звук движение автомобиля, звук, имитирующий как разбивается хрупкая вещь) и звуки животных (звук лошадиного галопа, звук фырканья кошки).

Подводя итоги перевода подчеркнем, что первый способ нами не был использован, так как среди изучаемых нами фразеологических неологизмов не оказалось тех, которые были бы общими для многих культур, то есть источником, которых являются библейские сюжеты и мифология. В основном нами были использованы второй и третий способы, однако, превалирующим оказался третий способ, так как при переводе не всегда удавалось сохранить точное значение, подбиралась близкая по значению единица. Кроме того, внутреннюю форму (образ) не всегда удавалось передать в точности, это связано с разницей русской и испанской культур, а также этому препятствовали заложенные во фразеологический неологизм лексические компоненты, которые в основном являлись неологизмами.

Заключение

В рамках проведенной работы были выделены три основные проблемы перевода испанских фразеологизмов. Во-первых, отсутствие полного эквивалента. Во-вторых, проблема сохранения внутренней формы (образа) фразеологизма. В-третьих, отсутствие какого-либо эквивалента в языке перевода. По-нашему мнению, основной проблемой является проблема сохранения внутренней формы, так как здесь мы столкнулись с такой же проблемой, как и при проведении лингвокультурного анализа – отсутствие толкования неологизмов, входящих в состав фразеологического неологизма. Выходом являлся перевод без сохранения внутренней формы.

Список литературы

Алефиренко Н.Ф., Зимин В.И., Василенко А.П., Федуленикова Т.Н., Добровольский Д.О., Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Современная фразеология: тенденции и инновации: Монография. М., СПб., Брянск: «Новый проект», 2016. 200 с.

Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО. 2001, 224 с.

История испанской музыки с древних времен до XIX века. URL: <https://hispublog.ru/?p=700> (дата обращения: 02.2023).

Меньшакова Н.Н. Фразеологические сравнения в испанском, русском и английском языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 3. С. 38–44.

Меньшакова Н.Н. «Свой-Чужой» в паремийном пространстве романа «Дон Кихот» Сервантеса // Миграционная лингвистика. 2022. № 4. С. 4–14.

Меньшакова Н.Н. Апеллятивная функция паремий: совет и предупреждение // Евразийский гуманитарный журнал. 2022а. № 3. С. 30–35.

Шанский Н.М. Лексика и фразеология современного русского языка. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1957. 168 с.

Alvar Ezquerro M., Gili Gaya S. Diccionario general ilustrado de la lengua española (DGILE) // Barcelona: Vox, 1987. 1178 p.

Aguilar Ruiz M.J. “Neologismos fraseológicos” como palabras diacríticas en las locuciones en español, *Paremia*, 2012. P. 47–57.

Besses L. Diccionario de argot español (DAE) // Barcelona, 1905. 294 p.

Equipo Pedagógico Diccionario Clave. Lengua española // Madrid: Ediciones SM, 2012. 2080 p.

Diccionario de la lengua española de Real Academia Española (DLE). URL: <https://dle.rae.es/contenido/actualizaci%C3%B3n-2022> (дата обращения: 02.2023).

Wikipedia. Yuyu. URL: [https://es.wikipedia.org/wiki/Yuyu_\(magia\)](https://es.wikipedia.org/wiki/Yuyu_(magia)) (дата обращения: 29.11.2022).

Wikipedia. Malaga. URL: <https://es.wikipedia.org/wiki/M%C3%A1laga> (дата обращения: 29.11.2022).

Wikipedia. Malagón. URL: <https://es.wikipedia.org/wiki/Malag%C3%B3n> (дата обращения: 29.11.2022).

Wikipedia. Religión en España.

URL: https://es.wikipedia.org/wiki/Religi%C3%B3n_en_Espa%C3%B1a (дата обращения: 29.11.2022).

УДК 821.11

Мария Александровна Сомова

Институт языка и литературы,
Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск, Удмуртская республика

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ И АВТОРСКОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО В РОМАНЕ Ф. ГЕРБЕРТА «ДЮНА» И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Несмотря на широкое разнообразие научно-фантастических романов, которые существуют в современном мире, в каждом произведении писателям удается создавать новые средства описания художественных миров, которые представляют трудность для перевода. В данной статье проводится анализ передачи имен собственных и авторской лексики в романе Ф. Герберта «Дюна» в переводах Ю. Соколова и П. Вязникова.

Ключевые слова: художественный перевод, имена собственные, авторские неологизмы, приемы перевода, научная фантастика.

Введение

Жанр научной фантастики в современном мире привлекает большую аудиторию читателей. Для этого авторы создают самые необычные вымышленные миры, глубоких персонажей, а также наделяют сюжеты всевозможными авантурными приключениями. Однако, учитывая отсутствие ограничений для авторов, работающих в данном жанре, язык таких произведений представляет особую трудность для перевода. Актуальность данного исследования определяется необходимостью анализа имен собственных и авторской лексики в художественных произведениях, с целью использования полученных результатов в лекциях, на практических занятиях, а также для дальнейших исследований в данной области. Цель исследования заключается в анализе способов перевода имен собственных и авторской лексики в произведении Фрэнка Герберта «Дюна». Для достижения поставленной цели необходимо решить следующую задачу: провести сопоставительный анализ переводов данных лексических единиц. Материалом исследования послужила 21 лексическая единица, отобранная в результате сплошной выборки из романа Фрэнка Герберта «Дюна» на английском и русском языках. Выбор

данного произведения обосновывается тем, что в нем содержится значительное количество имен собственных и авторских неологизмов, представляющими особую трудность для переводчиков.

Основная часть

Роман «Дюна» богат неповторимой авторской лексикой, что объясняется наличием вымышленного мира. Независимо от простоты или сложности построения художественного мира, «процесс словотворчества требует соблюдения особого баланса, так как язык произведения должен отличаться от языка, который использует читатель, для создания эффекта чужеродности, но быть отчасти схожим с ним, чтобы читатель был способен его понять» [Kennedy 2016: 30]. Фрэнку Герберту удалось создать ряд ярких и запоминающихся имен собственных, а также неологизмов, которые делают мир «Дюны» исключительным среди других произведений данного жанра.

В вопросе выбора имен и названий, необходимых для создания вымышленного мира, Герберт опирается на уже существующие имена или их вариации, и большинство из них построены на аллюзии. Писатель использует целый ряд арабских и псевдо-арабских имен и названий на протяжении всего романа. К ним относятся: Bene Gesserit, Muad'Dib, Shaddam, Arrakis, Caladan, Dune, Iulana. К именам собственным, в основе которых лежит физическая, географическая и прочая характеристика, можно отнести следующие: Maker, Fremen, Truthsayer, Missionaria Protectiva. Также в романе есть мифические имена – Leto, Atreides. Фамилия Пола и Джессики Atreides, вызывает ассоциации с персонажем древнегреческой мифологии, Атреем, отцом Агамемнона и Менелая. Несмотря на то, что отец Пола, Герцог Лето, умирает уже в начале романа, его имя также связано с древнегреческой мифологией: Leto – имя матери Артемиды и Аполлона. Кроме того, научно-фантастические произведения отличаются большим количеством неологизмов, в особенности окказионализмов. Это характерно и для романа «Дюна». Среди них следует отметить следующие: uroshor, ornitopter, musky, aumas, faufrelachus, hunter-seeker, stillsuit.

Многие исследователи-переводоведы сходятся во мнении, что перевод художественных текстов заключается в адекватной передаче особенностей текста-оригинала, то есть в переводе, выполненном с сохранением авторского стиля и всех средств, служащих функциям оригинального текста, а также с учетом авторских намерений. В первую очередь необходимо рассмотреть особенности передачи имен собственных, а именно – антропонимов. Как правило, при пере-

воде имен и фамилий используются такие способы, как транскрипция и транслитерация. Тем не менее, в художественных произведениях в имена и фамилии может быть заложен особый смысл, который утрачивается при переводе, что, в свою очередь, приводит к смысловым потерям (табл. 1).

Таблица 1. Смысловые потери

	Оригинал	Ю. Соколов	П. Вязников
1.	Paul	Пол	Пауль

Данный пример демонстрирует, что Юрий Соколов передал имя главного героя в соответствии с правилами передачи английских имен и фамилий на русский язык, изложенными Д.И. Ермоловичем [Ермолович 2001: 135–137]. Павел Вязников передает имя Paul в соответствии с правилами передачи немецких имен и фамилий на русский язык. Проконсультировавшись с различными Интернет-ресурсами, было установлено, что имя главного героя произносится в соответствии с правилами английского языка, следовательно, перевод данного имени в соответствии с правилами немецкого языка представляется неуместным и приводит к смысловым искажениям (табл. 2).

Таблица 2. Смысловые искажения

	Оригинал	Ю. Соколов	П. Вязников
2.	Vene Gesserit	Бинэ Гессерит	Бене Гессерит

Следующий пример показывает, что оба переводчика передали слово «Gesserit» с помощью приема транслитерации, однако при переводе слова «Vene» подходы существенно различаются. В данном случае Павел Вязников выбрал способ транслитерации. Осуществив Интернет-поиск, было обнаружено, что транскрипция данного имени выглядит следующим образом: [/'beni: 'dʒesərit/]. Учитывая рекомендации к переводу Д.И. Ермоловича, данный оним должен быть передан следующим образом: «Бэни Джэссерит». Анализируя перевод Юрия Соколова, можно сделать вывод, что переводчик решил ввести замену, используя французское имя Бинэ (Binet). Однако, такой перевод представляется спорным, так как нет оснований полагать, что автор опирался на культуру Франции при написании данного романа. Такие имена собственные, как «Muad'Dib», «Shaddam», «Arrakis», «Caladan», «Irlan», «Harkonnen», не представляют особой трудности для перевода, и оба переводчика передали их с помощью транслитерации: «Муад'Диб», «Шаддам», «Арракис», «Каладан», «Ирулан».

Еще одним интересным примером может послужить имя Kwisatz Haderach (табл. 3).

Таблица 3. Kwisatz Haderach

	Оригинал	Ю. Соколов	П. Вязников
3.	Kwisatz Haderach	Квизац Хадерач	Квисатц Хадерах

В данном случае при переводе слова Kwisatz Юрий Соколов использовал прием транскрипции, а Павел Вязников – прием транслитерации. Для уточнения транскрипции данного имени собственного был проведен поиск в сети Интернет, в результате которого было обнаружено, что транскрипцию данного слова можно представить так: [kvi'za:ts 'ha:dərak]. Поэтому, с учетом правил транскрипции возможен следующий перевод: «Квизац Хадерак».

Таким образом, исходя из проанализированных выше примеров, можно сделать вывод о том, что имена собственные, в особенности те, в основе которых лежат иностранные слова, могут представлять серьезную трудность для переводчика. При переводе данных примеров на русский язык были выявлены некоторые переводческие ошибки. В романе «Дюна» автор создает свой собственный, уникальный, не похожий ни на один другой художественный мир, который функционирует по особым законам и характеризуется наличием неповторимых вымышленных реалий, которые также ставят перед переводчиками сложные задачи.

Рассмотрим первый пример. В нем говорится о правилах классовых различий, которые Фрэнк Герберт называет словом «faufreluches»: “*Dr. Yueh, his teacher, had hinted that the faufreluches class system was not rigidly guarded on Arrakis.*” Юрий Соколов предлагает следующий вариант перевода: «Его учитель, доктор Юэ, уже намекал, что система каст фюфрелах не так уж строго соблюдается на Арракисе». Павел Вязников предлагает следующий вариант: «Доктор Юйэ, его учитель, намекнул, что на Арракисе классовые рамки кодекса Фафрелах не соблюдаются так строго, как здесь». Для уточнения транскрипции данного имени собственного был проведен поиск в сети Интернет, в результате которого было обнаружено, что перевод слова «faufreluches» с использованием приема транскрипции выглядит следующим образом: «фафрилушес». Однако, варианты перевода «фюфрелах» и «фафрелах» являются более благозвучными и удобопроизносимыми, следовательно, они представляются наиболее уместными в данном случае.

В следующем примере говорится о полезном ископаемом, добываемом на планете Аппакис: *"I am thinking that the spice brings six hundred and twenty thousand Solaris the decagram on the open market right now."* Юрий Соколов предлагает следующее соответствие для данного слова: *«Я думаю о том, что теперь один декаграмм специи стоит на свободном рынке шестьсот двадцать тысяч соляриев»*. Павел Вязников выбирает синонимичное слово: *«Я думаю о том, что сейчас декаграмм Пряности стоит шестьсот двадцать тысяч соляриев – и это не на черном рынке, а вполне официально»*. Оба варианта перевода являются уместными и адекватными, так как они передают семантическое значение слова, а также не искажают его смысл.

В следующем фрагменте упоминается другое название данного вещества:

– *"The most interesting feature, of course, is their eyes – totally blue, no whites in them."*

– *"Mutation?"*

– *"No; it's linked to saturation of the blood with melange."*

В данном примере наблюдается довольно интересная особенность. Юрий Соколов для перевода выбрал слово мужского рода: *«Самое интересное – глаза у них совершенно синие, без белков»*.

– *Мутация?*

– *Нет, это из-за перенасыщения крови меланжем»*.

Однако, Павел Вязников использовал слово женского рода: *«Но, безусловно, самая интересная их черта – глаза. Совершенно синие, без капли белизны»*.

– *Мутация?*

– *Нет. Это связано с перенасыщением крови меланжей»*.

Поиск в онлайн-словаре «Грамота.ру» позволил выяснить, что данное слово имеет несколько значений: 1. Пряжа и ткань из различных по природе или по окраске волокнистых материалов; 2. Яичница из взбитых с солью и молоком яиц; омлет; 3. Кофейный напиток австрийской кухни. Так, использование уже существующего в русском языке соответствия, может создать дополнительные коннотации, которые искажают смысл текста оригинала. С другой стороны, Павлу Вязникову удалось создать окказиональное слово, которое не имеет соответствий в русском языке. Сохранение авторских неологизмов позволяет передать «чужеродность» и необычность художественного мира произведения. Следовательно, данный вариант представляется наиболее подходящим.

Следующий пример иллюстрирует некую общность в переводе отдельных реалий: *“From behind the headboard slipped a tiny hunter-seeker no more than five centimeters long. Paul recognized it at once – a common assassination weapon that every child of royal blood learned about at an early age.”* Оба переводчика использовали метод калькирования и получили вариант «охотник-искатель». Данный перевод представляется удачным.

Так как наличие авторских окказионализмов является одной из важнейших характеристик произведений жанра научной фантастики, они представляют особую трудность для переводчиков данных текстов. Исходя из проанализированных выше примеров, можно сделать вывод о том, что переводчики довольно успешно справились с передачей авторских неологизмов на русский язык.

Заключение

Сопоставительный анализ текстовых фрагментов оригинала и перевода показал, что переводы Юрия Соколова и Павла Вязникова не лишены переводческих ошибок, но, тем не менее, в них присутствуют и довольно удачные варианты. Подводя итоги проведенного исследования, представляется необходимым повторить, что при переводе художественных текстов, в частности произведений жанра научной фантастики, переводчик должен внимательно изучить экстралингвистические особенности текста, его жанровые особенности, а также решать многочисленные переводческие задачи и проблемы, по мере осуществления перевода.

Список литературы

Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Изд-во «Р. Валент», 2001. 200 с.

Справочно-информационный портал «Грамота.Ру».
URL: <http://www.gramota.ru> (дата обращения: 05.03.2023).

Kennedy K. Epic World-Building: Names and Cultures in Dune // Names. A Journal of Onomastics. 2016. 64 no. 2. P. 99–108.

Knowles E. Oxford Dictionary of Phrase and Fable. Oxford University Press, 2005. 806 p.

УДК 821.11

Кристина Станиславовна Сайтаева

Институт языка и литературы,
Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск, Удмуртская республика

**ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА
НА ПОЛНОТУ ПЕРЕДАЧИ ИДИОСТИЛЯ АВТОРА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА С. ЧБОСКИ
«ВООБРАЖАЕМЫЙ ДРУГ»)**

В статье рассматривается проблема влияния языковой личности переводчика на перевод художественного текста. Целью работы является исследование субъективного фактора художественного перевода, а именно личности переводчика, а также проведение сопоставительного анализа оригинального и переведенного художественного текста с целью выявления степени влияния личности переводчика на идиостиль автора. Результаты проведенного исследования показывают, что личность переводчика существенно влияет на перевод, что выражается в необоснованном снижении стилистического регистра лексики. В ходе исследования были предложены альтернативные варианты перевода, предлагающие более близкий к стилю автора перевод проанализированных фрагментов.

Ключевые слова: художественный перевод, идиостиль автора, языковая личность переводчика, субъективные факторы перевода, сниженная лексика.

Введение

В рамках современной антропоцентрической парадигмы в лингвистической науке особое внимание уделяется личностям автора и переводчика, а также их отношениям в рамках художественного текста. Особую актуальность представляет изучение субъективных факторов, таких как языковая личность переводчика.

Влияние индивидуальных языковых особенностей речи переводчика может привести к искажению внутреннего мира художественного текста и неточной передаче особенностей идиостиля автора, которые отражаются в используемых языковых средствах и формально-структурных параметрах текста. Вторичная субъективация художе-

ственного текста негативно сказывается на создаваемом при прочтении впечатлении, что обуславливает необходимость тщательного знакомства с особенностями языковой личности автора с целью сохранения его индивидуальности при переводе.

Основная часть

В настоящем исследовании предпринята попытка выявить субъективные факторы художественного перевода с помощью сопоставительного анализа текста на русском и английском языках. Материалом исследования послужил роман американского писателя С. Чбоски "Imaginary friend" (2019), а также его перевод, выполненный переводчицей Е.С. Петровой, под названием «Воображаемый друг» (2019). Теоретическую базу работы составили такие понятия, как художественный текст, идиостиль автора и языковая личность переводчика. Так, при анализе теоретической литературы было выявлено, что в понятии художественного текста особую роль играет личность автора. Например, Л.Л. Нелюбин определяет художественный текст как «отдельное и в высшей степени индивидуальное произведение художественной речи...» [Нелюбин 2009: 41]. А Ю.М. Лотман, в свою очередь, определяет художественный текст как «определенную индивидуализированную модель мира, некоторое сообщение на языке искусства» [Лотман 1998: 173].

Такая зависимость между самим понятием художественного текста и его автором представляется не случайной. Художественный текст – это продукт творческой деятельности писателя, в котором отражается его индивидуальность. Индивидуальное своеобразие писателя напрямую связано со стилистическими и эмоционально-экспрессивными аспектами художественного текста, которые являются неотъемлемой частью достижения эстетического воздействия на читателя.

В рамках данного исследования за основу взят функциональный подход к определению идиостиля автора. Согласно представителям функционального подхода (В.В. Виноградов, Е.А. Некрасова, В.П. Григорьев), идиостиль понимается как «сложная система взаимообусловленных языковых приемов, участвующих в построении художественного мира писателя, а также совокупность формально-структурных параметров, которые отражаются в конкретном языковом материале» [Некрасова 1991: 124].

Выбор данного подхода объясняется его системным характером и возможностью использовать результаты лингвостилистического анализа при сравнительном анализе оригинала и перевода текста.

Другим ключевым понятием в рамках настоящего исследования является понятие личности переводчика, которую Е.В. Харченко определяет как «проявление личности, определяемое спецификой профессиональной деятельности, совокупностью индивидуальных особенностей ее коммуникативного поведения при переводе...» [Харченко, эл. источник].

У переводчика как у языковой личности существуют собственные индивидуальные речевые характеристики, которые он может использовать во всех выполняемых им переводах. Когда переводчик вкладывает в перевод художественного текста свойственные ему речевые характеристики, возникает столкновение двух творческих личностей, автора и переводчика, что может негативно повлиять не только на создаваемый при прочтении эффект, но и на впечатление читателей об авторе перевода.

В результате проведенного лингвостилистического анализа текста романа С. Чбоски “Imaginary friend” и последующего сопоставительного анализа оригинала и перевода романа было выявлено, что в тексте перевода личность переводчика отражается в использовании лексики сниженного регистра для передачи слов нейтральной стилистической маркированности, что приводит к искажению как речевых портретов героев, так и общего впечатления о художественном тексте.

Рассмотрим, как субъективные предпочтения переводчицы, выраженные в избыточном использовании разговорных лексических единиц, влияют на создаваемое при прочтении впечатление об индивидуальном стиле автора.

В романе «Воображаемый друг» общий тон повествования можно определить как нейтральный, эмоционально-окрашенная лексика в основном представлена в диалогах и внутренних монологах героев. К доминантам идиостиля автора относятся следующие стилистические приемы: метафора, олицетворение, эпитет, гипербола, парцелляция, параллелизм, многосоюзие и бессоюзие.

Лексика разговорного регистра используется автором для описания эмоционального состояния персонажей, а также при создании речевых портретов некоторых из героев, чья речь во многом обусловлена их социальным происхождением и уровнем образования. Тем не менее, переводчица Е.С. Петрова обращается к лексике сниженного регистра на протяжении всего текста.

Так, например, существенные искажения регистра встречаются при переводе глаголов. При передаче реплики главного героя Кристофера, когда он говорит о прошлом своей мамы, переводчица обращается к

просторечию «*дать тумака*»: “*You met Daddy when you were running away from home. You asked him to hit you when you first met because you thought no hitting meant no love*” [р. 368].

«Ты сбежала из дома и познакомилась с папой. При первой же встрече ты попросила, чтобы он дал тебе тумака, потому что привыкла считать: бьет – значит, любит» [с. 384].

Яркая сниженная окраска выражения «*дать тумака*» привносит в текст перевода дополнительную экспрессивную окраску и создает искаженное впечатление о речи героя. Принимая во внимание возраст говорящего, которому всего семь лет, использование такого выражения представляется необоснованным и неуместным. В данном случае для перевода глагола “*to hit*” целесообразнее будет использовать глагол «*ударить*», который не является просторечием и не искажает стиль автора.

В следующем фрагменте регистр оригинала не выдерживается не только у глагола, но и у всего высказывания:

““*I guess we’ll have to cut out your tongue after all,*” she said” [р. 390].

«Язык-то, как пить дать, придется открыжить, – изрекла она» [с. 406].

Использование просторечия «*открыжить*» в сочетании с инверсией, разговорной частицей «*то*» и разговорным фразеологизмом «*как пить дать*», имеющим значение «наверняка», делает высказывание куда более сниженным в плане регистра. Избыток сниженной лексики не оправдан в переводе: это не только искажает речевой портрет героини, но и привносит в текст необоснованную разговорную окраску. Чтобы более точно передать стиль автора, обратимся к лексике нейтрального регистра:

«*Похоже, придется нам твой язык все-таки отрезать,* – изрекла она».

Переводчица также обращается к разговорной лексике при передаче фразовых глаголов, при этом выбирая лексическую единицу с отличным от оригинала смыслом:

““*You stayed up past midnight!?* Holy shit,” Mike said” [р. 89].

«*До утра, что ли, колобродил? Ну фигу себе!*» [с. 89].

Несмотря на то, что фразовые глаголы английского языка относятся к разговорному пласту, в данной ситуации использование глагола «*колобродить*» не является оправданным, поскольку данное просторечие имеет негативную окраску со значением «ходить без дела, вести себя шумно», а также искажает смысл оригинала. В оригинальном высказывании один из друзей главного героя восхищается тем, что он не

спал до полуночи, в переводе же создается иное впечатление из-за использования обстоятельства времени «до утра» и лексической единицы с негативной коннотацией. Кроме того, использование просторечий не свойственно детской речи: основу пользователей данной группы лексики составляют пожилые люди. Принимая во внимание вышеизложенные факторы, представляется возможным предложить более адекватный вариант перевода данного предложения с использованием антонимического перевода:

«Ты лег спать только после полуночи?! Ну ни фиги себе!».

Аналогичная ситуация обнаруживается при передаче существительных нейтральной стилистической окраски. Снижение регистра при описательном обращении к героям может привести к искажению представления читателей об отношениях между ними. Так, например, местный шериф полиции, который испытывает к главному герою отцовские чувства, обращается к ребенку с помощью существительного “boy”, в переводе же Е.С. Петрова использует существительное из воровского жаргона:

“It didn’t take a lot to imagine being a seven- year-old boy, dehydrated, hungry, scared” [p. 69].

«Он без труда представил, каково пришлось семилетнему шкету, измученному обезвоживанием, голодом и страхом» [с. 71].

Согласно толковому словарю Т.Ф. Ефремовой, жаргон «шкет» используется для описания малолетнего преступника или для унижительного обращения к подростку или ребенку. В обоих вариантах значений лексическая единица приводит к искажению создаваемого впечатления об отношениях между героями, поэтому ее использование нельзя назвать оправданным. Принимая во внимание данные факторы, в этом предложении более адекватным и верным вариантом перевода существительного “boy” будет слово «мальчик».

Переводчица также использует разговорные лексические единицы при описании членов семьи. Когда друзья главного героя говорят о своих родителях, автор останавливает свой выбор на общих понятиях “parents”, “dad” и “mom”.

В переводе же происходит огрубление высказываний из-за использования разговорных вариантов обращения к членам семьи. Так происходит в следующих примерах:

““Guys, maybe we should have told our parents where we’re going,” Matt said” [p. 125].

«Ребзя, а может, стоило рассказать предкам, куда мы пошли? – подал голос Мэтт» [с. 138].

“A tree house? My dad made me one from a kit once” [p. 118].

«Домик на дереве? Мне папаша как-то собрал такой из конструктора, прикинь» [с. 127].

В обоих примерах происходит необоснованное снижение регистра высказываний за счет использования сниженных лексических единиц «*предки*», «*ребзя*», «*папаша*», «*прикинь*». Решение переводчицы использовать более разговорные обращения к родителям приводит к искажению речевых портретов героев: у читателей перевода создается образ не детей, а подростков, для чьей речи в отличие от детской характерно частое использование разговорных слов и выражений. Именно поэтому передача выбранных автором лексических единиц с помощью нейтральных вариантов перевода «*родители*» и «*папа*» представляется более удачной.

Снижение регистра также встречается при передаче прилагательных. Когда шериф полиции обращается к пожилому мистеру Олсену, чтобы узнать, все ли у него в порядке, переводчица использует разговорное выражение «*все путем*»:

“Suddenly, the sheriff felt Ambrose Olson tighten the field dressing for the scalpel wound in his side.

“What about you?” the sheriff said.

“I’m fine” [p. 602].

«Внезапно шериф почувствовал, как Эмброуз Олсен потуже затягивает импровизированную повязку на его ране.

– А ты как же? – спросил шериф.

– У меня все путем» [с. 622].

Согласно словарю Т.Ф. Ефремовой, выражение «*все путем*» относится к воровскому жаргону и используется для образного выражения фразы «*все в порядке*». Учитывая, что реплика принадлежит бывшему военному, обращение к лексике преступного класса нельзя признать удачным. В данной ситуации более адекватным вариантом перевода будет буквальный перевод фразы «*я в порядке*».

Проведенный сопоставительный анализ оригинала и перевода романа С. Чбоски показал, что нарушения регистра встречаются при переводе различных частей речи и вызваны субъективными предпочтениями переводчицы, которые выражаются в избыточном употреблении лексики сниженного регистра.

Заключение

Подводя итоги по проведенному исследованию, можно сделать вывод, что личность переводчика как субъективный фактор перевода может оказать значительное влияние на стиль художественного текста

и на создаваемое при прочтении текста перевода впечатление об авторе. Субъективные предпочтения переводчицы романа С. Чбоски «Воображаемый друг» отражаются в тяготении к лексике разговорного регистра, что приводит к неточной и искаженной передаче особенностей идиостиля автора и к огрублению общего тона повествования.

Список литературы

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. URL: <https://www.efremova.info> (дата обращения: 12.02.2023).

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. СПб.: «Искусство – СПб», 1998. 288 с.

Некрасова Е.А. А. Фет, И. Анненский: Типологический аспект описания. М.: Наука, 1991. 129 с.

Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода М.: Флинта: Наука, 2009. 216 с.

Харченко Е.В. Языковое сознание профессионала как предмет психолингвистики // Языковое сознание и образ мира, 2000. Режим доступа: https://ilingran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/3-7.html (дата обращения: 12.02.2023).

Чбоски С. Воображаемый друг. Пер. с англ. Е.С. Петровой. М.: Эксмо, 2019. 736 с.

Chbosky S. Imaginary Friend. Grand Central Publishing: First edition, 2019. 720 p.

УДК 821.11

Алла Александровна Байкова

факультет языка и литературы,
Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск, Удмуртская республика

ГОТИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ В КЛАССИЧЕСКОЙ И НЕКЛАССИЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ (М. ЗАГОСКИН VS А. САПКОВСКИЙ)

В статье рассказывается о происхождении готического романа как самостоятельного жанра, его отечественных и зарубежных представителей, характерных чертах. Рассматривается романтизм (неоромантизм) как критерий соотношения произведений. Выделяются сходства и различия произведений М.Н. Загоскина и А. Сапковского.

Ключевые слова: фэнтези, готика, готический роман, романтизм, фантастический, неоромантизм, постмодернистский текст.

Введение

Сегодня жанр готического романа набирает всё большую популярность. Отечественная и зарубежная фантастическая литература с её загадочными мирами, наполненными не только отдельными персонажами, но и подчас выдуманными народами, огромна. Некоторые из этих произведений возглавляют списки книг, рекомендованных к прочтению, являются классикой своего жанра. Наша задача выявить общее и различное в становлении категории фантастического в классической, романтической (М. Загоскин) и неклассической, постмодернистской (А. Сапковский) словесности, установить причины ее популярности.

Основная часть

Готика как стиль зародилась в конце XVIII в. в Англии одновременно с осмыслением человеком его места в мире и формированием новых социальных ценностей. Готический роман и формирующийся тогда же романтизм приобретают черты культуры эпохи Средневековья, отвергаемые в эпоху Просвещения, воспринимавшую готику как нечто мракобесное, реакционное, устаревшее. Словом *gothic*, восхо-

дящим к племенам готов, в эпоху Просвещения называли всю «варварскую» средневековую культуру, пришедшую на смену уничтоженной «эталонной» классической античности [Пушкина, 2015, 320]. Впервые в эстетическом смысле термин был употреблён предположительно Джорджо Вазари, попытавшимся данным словом обозначить границу между средневековым, варварским искусством северных народов и классическим стилем итальянского Ренессанса.

Готический роман в России называли фантастическим, и к писателям, обогатившим данный жанр, относятся Пушкин («Пиковая Дама»), Лермонтов («Герой нашего времени») и Гоголь («Вий», «Вечера на хуторе близ Диканьки»). Однако истоки жанра лежат в еще более ранней литературе, в повестях Н.М.Карамзина («Сиерра-Моррена», «Остров Борнгольм»), в литературных сказках Жуковского («Красный карбункул»), в творчестве Антония Погорельского (А.А. Перовского). Предшественники Загоскина в свою очередь опирались на традиции европейского романтизма (немецкого, английского, французского).

Вместе с тем истоки фантастического куда более древние, они уходят в жанры византийской словесности (научная, общеобразовательная литература в средневековом смысле), подобные «Шестодневу», «Физиологу», повествующих о происхождении мира, природе, народах, животных, в том числе и фантастических существах. Эти книги представляли собой сплав литературы дохристианской и христианской, но в основе своей они были частью христианской словесности, с преобладанием христианского мировоззрения [Сперанский 2002: 192]. Название «Шестоднев» связано с Библией, по сути, «Шестоднев» – это «обширный комментарий на ту часть Библии, где рассказывается о шести днях творения» [там же]. Однако помимо «Библии» в истоках жанра обнаруживается античное наследие Греции, Востока.

М.Н. Загоскин в цикле фантастических рассказов «Вечер на Хопре» аккумулирует весь предшествующий опыт раннехристианской словесности. М. Загоскин – «отец русского исторического романа». Свою литературную славу он приобрёл знаменитыми романами «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» и Рославлев, или Русские в 1812 году», переиздававшихся несколько раз. До появления «Войны и мира» Л.Н.Толстого в начале 1860-х – этот роман был самым популярным повествованием о войне 1812 года. После неудачи с романом «Аскольдова могила» и под влиянием гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Загоскину захотелось повторить успех своего предшественника в данном жанре. Так появился цикл фантастических повестей «Вечер на Хопре». Интерес к творчеству «маргинализированно-

го» в советскую эпоху М.Н. Загоскина вновь пробуждается с конца XX в. Сейчас уже можно выделить серьезный пласт исследовательской литературы о писателе (И.А. Александрова, Е.В.Замятина, А.Н.Копылов, Н.И.Кузнецова).

А.Н. Копылов определяет цикл как фольклорно-фантастический, выделяя черты, характерные для фантастических повестей [Копылов 2010: 12]. Е.В. Замятина обращает внимание на пространство сада в цикле рассказов «Вечер на Хопре» в сравнении со сборником фантастических повестей А. Погорельского [Замятина 2013: 81]. И.В. Александрова выделила у Загоскина все характерные черты «готики»: «столкновение в произведении вселенских сил добра и зла; преобладание в повествовании фантастических, таинственных, ужасных ситуаций, ледящих души читателей и внушающих им страх; изображение власти над человеком роковых предопределений или демонических сил, ведущих к гибели слабых духом героев», присутствие в сюжете тайны» [Александрова 2019: 43–44]. Интерес к Загоскину в последнее время в науке возрастает в связи с интересом к жанру готической повести.

Однако, в настоящее время термин «готический» понимается достаточно стереотипно. Он ассоциируется исключительно с произведениями о вампирах, привидениях и другими жанрами «литературы ужасов», пользующейся популярностью у современного поколения.

По мнению О. В. Разумовской, «...в студенческой аудитории адекватному пониманию данного термина препятствует его использование применительно к музыке и молодежной субкультуре, распространившейся на Западе в конце 1970-х годов, а в России – после 1990-х.» [Разумовская 2014: 48]. Помимо готики, критерием для сопоставления фэнтези М.Н. Загоскина и А. Сапковского является романтизм (в случае с Сапковским речь идёт о неоромантизме как о его присутствии в постмодернистском тексте). По определению В.А. Лукова: «Неоромантизм – течение в литературе и искусстве рубежа XIX–XX вв., связанное с традициями романтизма, но возникающее в иную историческую эпоху, когда на первый план выходит не новаторство содержания и формы, а эстетический и этический протест против дегуманизации личности и реакция на натурализм и крайности декаданса». Термин появился ещё в конце XIX в. (Д. Мережковский, Г. фон Гофмансталь и др.) [Луков 2012: 309].

В контексте творчества Сапковского это – переосмысление идеалов путём внесения натуралистических описаний и приёмов декаданса. Как утверждают авторы статьи «Истоки мира фэнтези Сапковского», Д.В. Пухов и О.Ю. Колесникова, в произведении показана другая сто-

рона известных сказок путём внесения реалистичности и мрачности: «Это всё ложь. Нищие сапожники делают хорошую обувь, а не убивают монстров. Солдаты и рыцари? В большинстве своём они идиоты... Кто будет убивать монстров в таком случае? Профессионалы. Вы не обращаетесь с таким делом к ученику сапожника: вам нужен профессионал. И тогда я придумал одного такого», – говорит в одном из интервью писатель [Пухов, Колесникова 2021: 215].

Проблему феномена фэнтези в русской и польской литературе мы рассматривали на примерах сборника рассказов М.Н. Загоскина «Вечер на Хопре» и саги А. Сапковского «Ведьмак». Что же позволяет относить их к жанру фэнтези? Перечислим общие особенности текстов Загоскина и Сапковского, на основании которых мы сочли возможным их сопоставить: «старинные суеверия, чудеса, призраки, колдовские чары, вещие сны и др. сверхъестественные явления». Так вводится приём исторической стилизации, характерный для многих неоготических произведений. Особенно важную роль Гораций Уолполл отдаёт эмоциям страха: «Каждый эпизод толкает повествование к развязке», «Ужас – главное орудие автора – ни на мгновение не дает рассказу стать вялым; притом ужасу так часто противопоставляется сострадание, что душу читателя попеременно захватывает то одно, то другое из этих могучих чувств». Происходит эстетизация страха: всё, вызывающее самые неприятные эмоции, становится «источником возвышенного» [Walpole 1764: 3].

Место действия: чаще всего, особенно в ранних готических романах, это замок. По ходу развития сюжета мы наблюдаем монастырь, собор, кладбище, небольшое поселение, готический особняк, дом и даже квартира. Но это именно замкнутое пространство, показывающее героя во власти сверхъестественных сил.

– эффект создаётся нагнетающей обстановкой: запутанные коридоры, тайные ходы, тёмные подвалы, лестницы, старинные предметы, картины, книги, оккультная символика (содержащая неизвестные для чувственного восприятия явления), склепы, разрытые могилы. Часто это сопровождается странными звуками, неожиданными порывами ветра, пугающей игрой светотени, появлением «демонических» животных, например, чёрного кота, ворона, волка или летучей мыши. Особый хронотоп, помогающий, среди разнообразия неоготической литературы, относить определённое произведение к данному жанру. Мрачность действия влияет на другие составляющие готического романа – сюжетного и психологического. Иногда герой в прямом смысле заточен в месте действия, но всегда – во власти сверхъестественного, рока и часто собственного прошлого.

В чем разница литературы фэнтези Загоскина и Сапковского?

– Главный герой: у Загоскина в каждом повествовании он разный и рассказывает свою страшную историю. В произведении Сапковского же мы видим Геральта как единственного главного героя. При этом автор статьи «Славянская мифология. Современные литературные инспирации: ведьмак, ведьмы и вампиры... (Анджей Сапковский: сага о ведьмаке)» Р. Войтонь настаивает на Цири как на самой главной героине Саги ввиду отчуждения Геральта и чародеек классических идеалов красоты [Р. Войтонь, 2010, 86].

– Источники: у Загоскина – истории из жизни каждого из рассказчиков, связанные со встречей с нечистой силой; у Сапковского – известные сказки, пересказанные на новый лад, более реалистичные: «спящая красавица», встречающаяся Геральту, оказывается вовсе не красавицей, а ужасной бруксой, женщиной-вампиром из португальских мифов и сказаний; сказка «Красавица и чудовище» превращается в «Чудовище и чудовище»: мужчина убивает возлюбленную, узнав о её истинной сущности.

– В отличие от сборника Загоскина роман Сапковского наполнен помимо людей другими разумными, хотя и мифологическими, существами, именуемых писателем Старшими народами: эльфами, краснолюдами, низушками, гномами и др.

– Почти во всех рассказах «Вечера на Хопре» использована одна композиционная схема: «...герой вследствие неосторожного поведения попадает под власть нечистой силы, которая увлекает его с собой на пир, после которого он теряет сознание и пробуждается уже утром»; Сапковский использует множество разных сказочных сюжетов, архетипов и историй, характерных для фэнтезийного мира, а также философские рассуждения о человеческих и современных проблемах. Но все эти особенности – лишь способ привлечь современного читателя. Общество потребительски относится к искусству, в частности к литературе. Оно требует «хлеба и зрелищ», и литература фэнтези отвечает этим запросам. Из неё читатели получают ответы на вопросы о добре и зле, о любви и дружбе, о нравственном выборе, перед которым современный человек оказывается даже не ежедневно, а ежечасно.

Заключение

Таким образом, можно убедиться в популярности жанра готического романа на сегодняшний день не только в литературе, но и в других видах искусства. Что же касается вопроса христианства в саге Сапковского, её там нет. О религии нам в принципе мало что известно оттуда,

мы наблюдаем скорее зачатки языческих верований жителей Неверленда: культ Мелитэле, относившейся к магам гуманно в отличие от Христианства, немного информации о друидах и других культурах. Со всем другая ситуация в «Вечере на Хопре» М.Н. Загоскина: христианство там является оппонентом нечистой силе. То есть на такой, казалось бы, легкий вопрос «Чья литература лучше, Загоскина или Сапковского?» однозначного ответа нет: польская сага при всех в ней сомнительных идеалах заставляет нас задуматься о неоднозначности этого мира, о терпимости к другим взглядам и убеждениям. А это очень актуальная тема в наши дни!

Список литературы

Александрова И.В. Диалог с готической традицией в прозе М.Н. Загоскина. Статья 2. Цикл «Вечер на Хопре» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. Т. 5 (71). № 1. С. 43–44.

Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М: Языки славянских культур, 2012. 880 с.

Барыкина А. В. Русская фантастическая новелла первой трети XIX в.: опыт типологии // Актуальные проблемы литературоведения. 2007. № 2. С. 124–128.

Войтонь Р. Славянская мифология. современные литературные инспирации: ведьмак, ведьмы и вампиры... (Анджей Сапковский: сага о ведьмаке) // Вісник мариупольського державного гуманітарного університету. 2010. № 3. С. 85–89.

Замятина Е.В. «Вечер на хопре» Н.М. Загоскина: фантастика и садово-парковая образность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 5–2. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2013/5-2/20.html> (дата обращения: 12.02.2023).

Копылов А. Н. Художественная функция фольклорной традиции в фантастических повестях М.Н. Загоскина // Вопросы филологических наук. 2010. № 6. С. 12.

Луков В.А. Неоромантизм // Энциклопедия гуманитарных наук. 2012. № 2. С. 309–312.

Пухов Д.В., Колесникова О.Ю. Истоки мира фэнтези Анджея Сапковского // Мировая литература глазами современной молодёжи. Цифровая эпоха. Магнитогорск: Изд-во «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова». 2021. С. 212–217.

Пушкина А.А. Готический роман и зарождение неоготического направления в культуре // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. С. 319–330.

Разумовская О. В. Понятие о готическом и неоготическом стиле в контексте истории литературы // Вестник РУДН. 2014. № 4. С. 48–53.

Сперанский М. Н. История древней русской литературы. СПб.: Лань, 2002. 542 с.

Walpole G. The Castle of Otranto. Naples. 1764. P. 3.

УДК 82-31

Елизавета Александровна Кучина

институт языка и литературы,
Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск, Удмуртская республика

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ЦИКЛЕ ПОВЕСТЕЙ М.Н. ЗАГОСКИНА «ВЕЧЕР НА ХОПРЕ»

В статье описаны особенности женских образов в цикле «страшных» повестей М.Н. Загоскина «Вечер на Хопре». При детальном анализе текста мы приходим к выводу о том, что в нем акцентируется внимание на важнейшей для русского сознания проблеме: «оставленность» человека без веры, без Бога.

Ключевые слова: готический романтизм, сюжет, комизм, лейт-мотив, категория иррационального.

Введение

В 1834 г. впервые был опубликован цикл «страшных» повестей М.Н. Загоскина «Вечер на Хопре». Будучи подростком, писатель зачитывался готическими романами А. Радклиф и сентиментальными драмами А.Ф. Коцебу. Детское увлечение и близкие по духу произведения А. Погорельского «Двойник, или Мои вечера в Малороссии», Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» повлияли на создание цикла «Вечер на Хопре». В повестях «невероятные приключения» происходят на фоне реальных военных событий. На первый взгляд, Загоскин продолжает западную готическую традицию. Символами-знаками готического романтизма являются «замки», «колдуны», «таинственные обеты», «демоническое неистовство». Но при детальном анализе текста мы приходим к выводу о том, что в нем акцентируется внимание на важнейшей для русского сознания проблеме: «оставленность» человека без веры, без Бога.

В сплетении таинственных сюжетных линий цикла особую роль играют женские персонажи. В повестях цикла Загоскина нет идеальных и мужских, и женских образов. Как идеальный заявлена Софья Павловна («Вступление»), но ее образ оказывается вне сюжетного развития (героиня умирает). Все женские героини цикла входят в галерею литературных, масочных образов, указывают на мифологию европей-

ской культурной парадигмы. «Своего» здесь меньше, чем «чужого». Образ «своей» полковницы Вареньки не входит в сферу «страшного», фантастического. «Страшное, демоническое» соприкасается с «чужим женским».

Основная часть

В нашем исследовании мы рассмотрим женские образы в контексте «романтической фантастической повести». Цикл начинается «Вступлением». В нем герой-рассказчик заявляет о своем интересе к необычным, таинственным историям, вере в связь между миром живых и мертвых. Он отправляется с приятелем к его дяде А.И. Асанову. В кругу дядюшкиных друзей герои коротают вечера, вспоминая страшные истории. Именно такую структуру автономных «вечеров» впервые предложил Антоний Погорельский (А.А. Перовский) в своем знаменитом готическом цикле «Двойник, или мои вечера в Малороссии» (1828), структуру, оказавшуюся востребованной в последующей литературе «вечеров», предвосхитившую и «Русские ночи» В.Ф. Одоевского и «Вечера на хуторе близ Диканьки», да и в дальнейшем структура «Двойника» Погорельского, как свидетельствует исследовательская литература, стала образцовой моделью для повествования подобного типа.

Интерес к необычному – стремление писателя убедить читателя в существовании властной стихии иррационального в мире. Именно в связи с категорией иррационального возникает в цикле тема веры и неверия, являющаяся главной в нем: не случайно в тексте постоянно упоминается Фомина неделя, имя Фома, звучат слова молитв о спасении. «Проводником» в мир таинственного и страшного выступает «сестра городничего», словно откликающаяся на евангельский призыв: *«Будьте как дети»*, т.е. чисты сердцем, открыты для чуда. Сестра городничего: *«девица зрелых лет»*, но у нее *«юная душа и отменно романтическое сердце»*. Она предварительно знакомит читателя со всеми историями: *«погребав заваленные человеческими костями»*, *«разбойники»*, *«мертвецы»*, *«ночной поезд»*, *«заколдованный дом»*.

Появление следующего женского образа связано с Заруцким, приятелем рассказчика, в отличие от друга типичного скептика: он ставит под сомнения все «страшные» истории гостей. Молодая вдовушка – *«пламенная любовь»* Заруцкого – особа необычная: *«покаялась не давать ответа, пока не сносит полдюжины черных платев ... они другой год не могут износиться, и, верно, в огне не горят и в воде не тонут»*. Она исполняет свой вдовый долг стойко и непреклонно.

Следующий женский образ – Софья Павловна, возлюбленная А.И. Асанова. Ее отец – владелец мрачного замка, настоящий разбойник. Софья Павловна – вполне романтическая героиня. Асанов-жених был неугоден злодею отцу и потому отбывает в армию. Софья, *«зачахнув с горя»*, умирает. *«Господь не допустил меня быть мужем Софьи Павловны – его святая воля, но по крайней мере в земле я буду лежать вместе с нею»* – с преданным целомудрием решает Асанов и просто, естественно терпит поношения и наговоры от других. Софья Павловна выступает антиподом Глинского. Она повторяет судьбу дочери пращура Глинского, выступая искупительной жертвой несправедливо живших отцов-злодеев. Целомудрие, сила духа, вера – важнейшие качества положительных женских персонажей Загоскина. В повести «Пан Твардовский» герой-очевидец А.Ф. Кольчугин рассказывает «таинственную историю» о герое польских легенд (пане Твардовском). А полковница Варенька, уже упоминаемый нами женский персонаж, становится причиной встречи Кольчугина и пана-колдуна. В произведении мы встречаем ласковую форму имени – Варенька. Но по характеру перед нами, скорее, Варвара: *«город-барыня»*. Перед такой удалью даже муж полковник трусил, а А.В. Суворов, кстати, сквозной герой цикла вынужден был прибегнуть к хитрому плану, чтобы удалить «из военного похода» ревнивую, своенравную полковницу. Своим комизмом героиня выбивается из готического произведения. Совмещение комического с готическим становится приметой авторского стиля М. Загоскина. Но примечательно то, что рассказ о ней – это вступление к истории о сатане: – *Речь, кажется, о сатане... – А жена-то полковника? (Все хохочут)*.

Вместе с тем, Варенька – реальнейший образ: она бой-баба, но грома боится.

Еще одним женским образом является образ-воспоминание Кольчугина, попавшего *«в логово нечистой силы»* и вспоминающего о близких сердцу местах, о старине, *«о красном домике с зелеными ставнями»*, о *«своей Авдотье Михайловне»*. Образ жены как ангела-хранителя для мужа-воина противопоставлен сатирически обрисованной бой-бабе Вареньке.

Иной женский тип мы встречаем в истории о «Белом привидении», рассказанной Заруцким об очаровательной итальянке Челестине: *«лет шестнадцати»*, *«миловидное выразительное лицо»*, *«черные, пламенные глаза»*, *«щеголевато одетая»* (соломенная шляпка). Челестина словно часть живописной итальянской природы, чувственной атмосферы. Легкость, романтичность – именно таков дух повести. Героиня противопоставлена русским барышням, стыдливым, предпочитающим

страдание удовольствием. Она принадлежит другому миру, ироничными штрихами автор подмечает игривые взгляды Корнелио и Челестины: *«нежные голубки», «ворковали»*.

В «Концерте бесов» предстает оперная примадонна неаполитанского театра – Лауретта (синьора Бальдуси). Рассказчик Черемухин отмечает ее *«странности и необыкновенные капризы»*, она *«то тихая и покорная..., то неукротимая и гордая, как падший ангел»*. Лауретта – образ inferнального мира, дьяволица. События, с ней связанные, происходят накануне и в первые четыре дня Великого поста, когда христиане пребывают в покаянных молитвах. Приятель Черемухина Зорин и Лауретта участвуют сначала в маскараде, затем в бесовском концерте; оба раза – под личинами, что говорит об утрате ими личности, образа Божия. Красный (Зорин-домино) и чёрный (Лаура-венецианец) цвета – символы геенны, ада, смерти. С Лауреттой связана в произведении тема искушения (плотской похоти) и богоотступничества.

Повесть «Две невестки» – контраст предыдущей. Загоскин рассказывает историю *«сродства душ»* (*жены родных братьев, «две хозяйки», «обе», «в одном доме»*), когда героини настолько тонко чувствуют друг друга, что души их разговаривают без слов. Жозефина и Казимира – образы чувствительных полячек. Автор подчеркивает, что, несмотря на противоположность характеров, невестки были удивительно близки. Жозефина – *«кроткая», «несколько холодная»*. Казимира – *«отменно жива и вспыльчива»*. Через эти образы Загоскин показывает, что смерти для верующего нет, «после» путь продолжается, «после» обретается нечто большее. Так в произведении входит тема спасительного страдания. Казимира говорит: *«последняя минута ужасна; но зато первая!..»* Героиня «озвучивает» смысл жизни, каким его понимает автор: принятие Божьего мира во всех его проявлениях. Всплывает ассоциация: *невестки* (настоящее) – невесты Христовы (возможное будущее). История Казимиры и Жозефины пошатнула неверие рационалиста Зорина, предвзято относившегося к «необычным, странным историям».

В «Ночном поезде» хозяин «каменных палат» Асанов раскрывает рассказчику таинственную историю поместья. Читатель узнает о бывшем хозяине Варнаве Глинском, жившем *«в ладу с самим сатаной»* и о его дочери. Злонравный отец силой выдает дочь замуж за «сокола», на самом деле оказавшегося злодеем, «коршуном» (тоже личина, оборотничество). Венчание происходит в Фомин день, без посаженного отца. Богоотступничеству Глинского противопоставлена вера его дочери: во время венчания *«полумертвая сирота глотала слезы»*, свеча ее *«горела ясным и чистым огнем»*, а у «сокола» *«дымилась как погребальный све-*

точ». Девушка сравнивается с белой горлинкой (в христианстве это образ целомудрия и верности). «Сиротинка» выступает прообразом Софьи Павловны, в память о которой Асанов и приобрел поместье. Сам рассказ ведется тоже в Фомин день, и Фома прерывает его разговор о приказчике. Таким образом, все истории, связанные с женскими персонажами, приводят читателя к разговору о вере, о спасении души. На первый взгляд, кажется, что цикл заканчивается на грустной ноте. Читатель узнает, что возлюбленная Заруцкого умирает: *«Она занемогла поутру в субботу, а ночью на воскресенье, ровно в двенадцать часов, скончалась, назвав его в последний раз по имени»*. Этот факт символичен.

Заключение

М.Н. Загоскин в «Вечерах на Хопре» показывает освоение русским пространством европейской культурной парадигмы. Встреча с демоническим происходит чаще всего в польских мызах, итальянских замках, в русских столичных театрах. Смерть «невесты» Заруцкого – наказание героя за его вовлечение в мир демонического. Пока русский герой не освободится от иллюзий, от игры в фантастическое чужое, ему будет достаться лишь «мертвая невеста» без надежды на воскресение.

А с другой стороны, трагическая концовка – напоминание о Воскресении и надежда на воскресение. По Загоскину – это то, к чему и должен стремиться человек (*«Мы все имеем какую-то врожденную склонность верить чудесному»*). Что принять: западный рационализм, уход от Бога или православно-христианские ценности, веру в подлинного Христа? М.Н. Загоскин показывает читателю, как легко человек поддается искушению, но насколько спасительна вера. Не случайно как лейтмотив в «Вечере на Хопре» звучат слова спасительной молитвы Честному Кресту: *«Да Воскреснет Бог!»*.

Список литературы

- Аксаков С.Т. Биография М.Н. Загоскина. М.: Унив. тип., 1853. 58 с.
- Александрова И.В. Диалог с готической традицией в прозе М.Н. Загоскина. Статья 2. Цикл "Вечер на Хопре" // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialog-s-goticheskoy-traditsiyey-v-proze-m-n-zagoskina-statya-2-tsikl-vecher-na-hopre> (дата обращения: 09.02.2023).
- Видмарович Н.П. Апостасийное начало в рассказе М.Н. Загоскина «Концерт бесов» // Проблемы исторической поэтики. 2014. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/apostasiynoe-nachalo-v-rasskaze-m-n-zagoskina-kontsert-besov> (дата обращения: 10.12.2022).

УДК 821.111

Анна Романовна Пашова

факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

КОНЦЕПТ «ПРАЗДНИК» В РОМАНЕ Л. БОДОК “PRESAGIO DE CARNAVAL”

В статье изучается концепт «праздник» как один из универсальных концептов лингвокультурного пространства Латинской Америки. Карнавал рассматривается как частная форма праздника на этом континенте. В статье исследуются вербальные средства актуализации концепта «праздник» в языковой картине мира латиноамериканцев и в романе Лилианы Бодок «Presagio de carnaval».

Ключевые слова: концепт, праздник, карнавал, сакральность, культура, ядро концепта.

Введение

Одно из центральных мест в языковой картине любого народа занимает концепт «праздник». Это неслучайно, ведь именно праздник и отношение к нему является одной из главных составляющих менталитета, а также культуры народа. По словам Я.Г. Шемякина, «праздник – удивительный феномен: в нем в максимальной степени отражаются и универсальные черты, и особенности различных типов цивилизаций, и неповторимая специфика той или иной социокультурной общности» [Шемякин 2002: 343].

Основная часть

Феномен праздника тесно связан с национальным характером, отражает языковую картину мира народа. В каждой культуре он уникален. Особую роль в изучении феномена праздника играет культура Латинской Америки, т.к. это одно из самых неоднородных, многонациональных и богатых с точки зрения культуры мест на Земле. Обилие праздников на этом континенте, их разнообразие связано с тем, что Латинская Америка еще окончательно не сформировалась как отдельный культурный мир [Гирич 2019]. Именно поэтому празднество на этом континенте отличается от традиционного понимания праздника

как всеобщего веселья. Там оно принимает форму карнавала, который является своего рода обрядом, ритуалом.

Выделяют несколько особенностей латиноамериканского карнавала. Прежде всего, карнавал отличает синкретизм европейских, африканских и аборигенных культурных элементов. Их наличие обусловлено тем, что Латинская Америка представляет собой «пограничную цивилизацию» и поэтому объединяет различные культурные составляющие. Латиноамериканскому карнавалу свойственна проблема самоидентификации: он является некой попыткой данной культуры «обрести себя». Помимо этого, карнавалу свойственен утопизм. Это объясняется отсутствием в Латинской Америке целостного культурного мира, что способствует попыткам общества найти и утвердить «иной» мир. Также важной характеристикой карнавала является сакральность. Это связано с тем, что он является ритуальным обрядом, поскольку отражает стремление людей к коммуникации с иным миром [Косьяненко 2009]. Рассмотрим концепт «праздник» на примере карнавала. Так, в толковом словаре отмечены следующие дефиниции слова “carnaval”:

1. *Los tres días que preceden al comienzo de la Cuaresma* (три дня, которые предшествуют началу Великого поста).

2. *Fiesta popular que se celebra en carnaval, y consiste en mascaradas, comparsas, bailes y otros regocijos bulliciosos* (популярный праздник, который отмечается на карнавале и состоит из маскарадов, вечеринок, танцев и других шумных развлечений).

3. *Conjunto de informalidades y actuaciones engañosas que se reprochan en una reunión o en el trato de un negocio* (набор бесцеремонных и обманных действий, которые осуждаются на собрании или при ведении бизнеса).

4. *Ser un carnaval – ser muy alegre y ruidoso* (быть очень веселым и шумным) [Diccionario].

Согласно словарю Академии Испанского языка [там же], слово “carnaval” образовалось от итальянского “carnevale”, что в свою очередь является гаплографией латинского слова “carnelevare”. Оно представляет собой соединение слов “carne” (мясо) и “levare” (снимать, убирать, сбросить). Вероятно, изначальное значение слова имело прямую связь с религией и означало предвестие Великого поста, т.е. период, в который люди отказываются от мяса и другой пищи животного происхождения. Большое значение в культуре Латинской Америки имеют паремии, отражающие феномен карнавала. Нами были рассмотрены паремии, содержащие слова carnival и carnestolendas (явля-

ются синонимичными). Так, в паремиях испанского языка отражаются следующие образы карнавала:

1) религиозное событие, предшествующее началу Великого поста: *No hay Carnaval sin Cuaresma* (нет карнавала без поста); *Carnestolendas aguadas, Pascua soleada* (дождливая Масленица – солнечная Пасха); *Según el carnaval, así es el cuaresmal* (по карнавалу определяется и Великий пост);

2) праздник полный веселья и смеха: *Domingo de carnaval, mucho vino y poco pan* (воскресенье карнавала – много вина и мало хлеба);

3) шумный, общегородской праздник: *Navidad en casa, carnavales en la plaza* (Рождество – дома, карнавалы – на площади);

4) событие, объединяющее всех: *Por carnaval todo el mundo es igual* (во время карнавала все равны);

5) благодатное время: *Si en martes de carnaval te casas, no habrá hijos ingratos en tu casa* (Если во вторник карнавала ты выйдешь замуж, в твоём доме не будет неблагодарных детей) [El safe].

Таким образом, концепт «праздник» в латиноамериканской культуре является сложным многоплановым образованием. По результатам исследования, его ядро составляют следующие концептуальные характеристики: религиозное событие; веселый, шумный праздник; момент объединения людей. Среди периферийных характеристик данного концепта были отмечены: благодатное время; шутливое, несерьезное поведение. Феномен карнавала отражен во многих произведениях латиноамериканских авторов. Большую роль это событие играет в романе аргентинской писательницы Лилианы Бодок «*Presagio de carnaval*». В переводе на русский язык его название можно обозначить как «Предвестие карнавала». Один из главных концептов, отраженных в произведении, – «праздник», который занимает одну из ключевых позиций, т.к. образ карнавала прослеживается на протяжении всего произведения. Это событие в сюжете, являющееся переломным моментом в судьбах всех героев. Следует обозначить, что роман является трагедией, так как все действующие лица несчастны, и в конце произведения протагонист погибает.

В «Предвестии карнавала» Л. Бодок рассказывает историю продавца целебных трав Сабино Кольке. Пытаясь сбежать от бедности и одиночества, молодой человек эмигрирует из маленького города в Боливии в Буэнос-Айрес в поисках лучшей жизни. Там он знакомится с Анхелой, девушкой, страдающей анорексией; она является также одним из центральных персонажей. Помимо проблем со здоровьем у нее серьезные трудности в отношениях с ее женихом Ренцо. Анжела одинока, несмотря на то, что она окружена людьми. Со временем оба

главных героя начинают общаться, находят общий язык и приходят к полному взаимопониманию, несмотря на все трудности, однако это приводит к трагическому исходу.

В своем романе Л. Бодок затрагивает большое количество важных и актуальных для современного общества вопросов. Среди них можно выделить проблемы одиночества, дискриминации, ксенофобии, сложности иммиграции, насилия, психических расстройств и злоупотребления властью, как со стороны отдельных персонажей, так и со стороны государственных органов. Автор не разделяет героев на положительных и отрицательных, она показывает, что у каждого из них есть пороки, которые негативно влияют не только на их судьбу, но и на жизнь окружающих их людей. Писатель смотрит на мир реалистично, у нее отсутствуют идеализированные персонажи, и, кроме того, трудности, с которыми сталкиваются герои, происходят в жизни многих людей.

Говоря о роли карнавала в этом романе, следует отметить, что это центральное событие в произведении. Главные герои посещают карнавал в Боливии. Если для Анхелы карнавал – это способ оторваться от реальности, впервые «почувствовать запах жизни», ощутить себя счастливой и беззаботной, то для Сабино это предзнаменование беды, предвестие смерти. Это парадоксально, так как изначально карнавал в детских воспоминаниях главного героя связан с веселым празднованием. Однако именно после очередного его посещения молодой человек погибает. Чтобы проанализировать, как концепт «праздник» находит отражение в романе, были выявлены слова, которые имеют в тексте концептуальную значимость, а также образные репрезентанты концепта «праздник» и субъективные оценки персонажей. Исследование показало, что наиболее часто прослеживается образ карнавала, как «способа борьбы со смертью». С одной стороны, карнавал представлен как веселый оживленный праздник, а с другой – как серьезное и важное для людей событие, ритуал, который проводится для того, чтобы «отпугнуть» смерть и продлить себе жизнь. Это событие описано как многолюдный, оживленный праздник, на котором «жарко и душно», однако он не имеет физических границ и распространяется далеко за пределами улиц города, что в очередной раз подчеркивает сакральность карнавала. К ядру данного концепта в романе были отнесены предикатные характеристики, выражающие существенные универсальные знания о карнавале. Было выявлено, что ядро концепта «праздник» в данном произведении представлено автором как:

– веселое времяпровождение: – *¿Y cómo es el carnaval de ustedes...?*

– *Es bueno. Uno se ríe. Todos se ríen. ‘– И каков ваш карнавал...? –*

Он славный. Кто-то смеется. Все смеются’;

– сакральное событие: *La gente carnavaleaba y llamaba a la muerte* ‘Люди праздновали карнавал и призывали смерть’;

– объединение людей: *Cuando la muerte aparecía, le hacían saber que mientras estuviesen juntos, enamorados y borrachos, eran invencibles* ‘Когда смерть появилась, люди давали ей понять, что пока они вместе, влюбленные и пьяные, они были непобедимы’;

– шумное городское событие: *El carnaval se derramaba fuera del corso, el gentío apretaba, empujaba hacia el centro del baile*. ‘Карнавал выплескивался за пределы шествия, толпа затягивала, толкала в центр танца’;

– танцы: *Más tarde, cuando el carnaval de San Pedro se acongojaba, Ángela de Lyon quiso aprender el paso de la danza y se puso a bailar frente al uyvero, con las caderas, con las manos, con los ojos azules*. ‘Позже вечером, когда карнавал в Сан Педро подходил к концу, Анхела из Лиона захотела выучить танцевальный шаг, и она принялась танцевать перед продавцом трав бедрами, руками, голубыми глазами’.

Согласно методу анализа концепта Л.Г. Бабенко, ближайшая периферия концепта состоит из образных репрезентантов, а дальняя – из субъективных оценок персонажей [Бабенко 2004]. Так, к ближайшей периферии данного концепта в романе относятся следующие характеристики карнавала:

– битва со смертью: *El carnaval era una batalla contra la muerte*. ‘Карнавал был битвой со смертью’;

– изменение: *Y había que estar en San Pedro cuando pasaba la procesión para entender las alteraciones de la gente y de los cuerpos*. ‘И он должен был быть в Сан Педро, когда происходила процессия, чтобы понимать изменения людей и тел’;

– символ бессмертия: *Y no alcanzaba a morir, cuando renacía*. ‘И не успел он [карнавал] умереть, как возродился’;

– волшебство: *El carnaval estaba saturado de ensueños*. ‘Карнавал был пропитан мечтами’.

К дальней периферии были отнесены такие составляющие концепта:

– короткий момент счастья: *Recordó a Ángela bailando en el carnaval de San Pedro. ¿Habría inhalado el olor de la vida tan fuerte como necesitaba?* ‘Он вспомнил Анхелу, танцующую на карнавале в Сан Педро. Смогла ли она вдохнуть запах жизни так глубоко, как нуждалась в этом?’;

– предвестие беды: *El carnaval había terminado. Atardecía para la tragedia*. ‘Карнавал уже закончился. Сумерки сгущались, предвещающая трагедию’;

– способ исцеления людей: *Y dijo que, a veces, si la gente sabía cómo bailar al costado de las procesiones y cómo comportarse, la gente se sanaba. 'И он сказал, что иногда, если люди умели танцевать вместе с карнавальным шествием и знали, как себя вести, они исцелялись'*;

– свобода: – *Los usan para espantar a esclavitud. 'Их [бубенцы в танце] используют, чтобы отпугнуть рабство'*.

Заключение

Таким образом, в романе “Presagio de carnaval” концепт «праздник» находит разностороннее отражение. С одной стороны, карнавал характеризуется как нечто положительное (свобода, счастье, способ борьбы со смертью, исцеление), с другой стороны, как начало, несущее отрицательное (предвестие беды). Ядро данного концепта в романе совпадает с ядром концепта «праздник» в целом в латиноамериканской культуре. Что касается периферийных характеристик, они отличны от общепринятых представлений о карнавале, т.к. являются отражением индивидуально-авторской картины мира. Так, карнавал в романе “Presagio de carnaval” – это не просто веселое шумное событие, но и феномен, тесно связанный со смертью и даже противопоставленный ей.

Список литературы

Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов. М.: Академ. Проект., Екатеринбург: Деловая книга, 2004. 462 с.

Гирин Ю.Н. Латинская Америка: культура инаковости. М.: Государственный институт искусствознания, 2019. 276 с.

Косьяненко Е.В. Латиноамериканская праздничная культура в контексте смены научных парадигм // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. 2009. № 5. С. 8–11.

Шемякин Я.Г. Латиноамериканский праздник как предмет цивилизационного исследования // Iberica Americans. Праздник в ибероамериканской культуре. 2002. С. 343–372.

Diccionario de la lengua española. URL: <https://dle.rae.es/carnaval> (дата обращения: 03.02.23).

El café de la historia: dichos y refranes sobre carnaval. URL: <https://www.elcafedelahistoria.com/refranes-carnaval/> (дата обращения: 03.02.23).

Wortschartz Leipzig: Spanisch / Web 2019 (Argentinien). URL: https://corpora.uni-leipzig.de/de/res?corpusId=spa_ar_web_2019&word=carnaval (дата обращения: 03.02.23).

УДК 821.111

Елизавета Денисовна Келль

факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

ОБРАЗ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В РОМАНЕ Д. МИТЧЕЛЛА «BLACK SWAN GREEN»

Авторы статьи исследуют образ главного героя в романе воспитания Д. Митчелла "Black Swan Green". Образ главного героя представляет особый интерес, так как произведение можно отнести к жанру романа взросление (англ. novel of initiation, нем. Bildungsroman), в котором совершается переход ребенка в подростковый период жизни, акцентируется момент взросления, показывая все перипетии внешнего и внутреннего мира главного героя. Авторы статьи обращаются к особенностям образа главного героя, внутренний мир которого характеризуется необычной "трехмерной организацией". Помимо собственного голоса Джейсона, ведущего повествование, три внутренних голоса сопровождают героя на протяжении всего романа.

Ключевые слова: Дэвид Митчелл, внутренний мир, персонаж, роман воспитания, образ, герой.

Введение

Актуальность статьи заключается в том, что мы обращаем к современному Британскому писателю, произведения которого в последнее время находятся в фокусе внимания исследователей. За рубежом роман исследован в Азербайджане, а именно в Бакинском славянском университете Mammadli Aytan Ahad'ом, в своей работе, автор обращается к ранним годам творчества Митчелла и исследует его роль в современной английской литературе.

В России роман исследуется в рамках научных статей: с позиции функций сленга, где употребление сленговых единиц в произведении обусловлено стремлением автора показать реалистичную картину подростковой жизни главного героя [Бобоева, Седина, Желябина 2015]; с позиции анализа природы, где она играет ключевую роль в понимании характера главного героя [Багаева, Графова 2018]; с позиции особенностей хронотопа дороги, где авторы на примере главы «Bridlepath» выде-

ляют следующие особенности хронотопа дороги: черты авантюрного времени греческих и средневековых романов, такие как случайные встречи; влияние встреч на мировоззрение главного героя, что обусловлено жанровыми особенностями произведения; эксперименты со структурой повествования, разные стили описания событий, что оправдано творческой личностью главного героя [Емцев, Графова 2018] и с позиции образа подростка, где он трансформируется под влиянием окружения, обстоятельств, отношений главного героя с другими людьми [Кудрина, Рудометова 2018].

К сожалению, несмотря на полноту исследований разных ученых, образ героя до сих не исследовался целостно, а также не все стороны героя и не все особенности его "трёхмерной" внутренней организации были проанализированы.

Основная часть

Дэвид Митчелл – английский новеллист и автор романов. Митчелл родился и рос в Англии, а после остался на родине учиться в Кентском Университете. Свой творческий путь автор начал в 1999 г., именно тогда вышла его первая работа «Ghostwritten». За его первый роман Митчеллу была присуждена премия Джона Луэллина-Риса за лучшую британскую книгу, написанную автором моложе 35 лет. Позднее, работы «number9dream» 2001 г. и «Cloud Atlas» 2004 г. были включены в шортлист Букеровской премии. В 2003 г. журнал “Granta” включил его в список лучших молодых британских писателей. В 2006 году был опубликован автобиографический роман «Black Swan Green», вошедший в лонглист Букеровской премии.

В 2007 г. журнал “Time” включил автора в список 100 самых влиятельных людей в мире. Помимо премии Джона Луэллина-Риса, Дэвид Митчелл является обладателем наград: Премия утопии, Приз Джона Луэллина-Риса, Всемирная премия фэнтези. Официально на русский язык переведены все его работы кроме «From Me Flows What You Call Time» 2014 г. – романа написанного для арт-проекта Кэти Патерсон “Библиотека будущего”. Если говорить о всем творчестве писателя, то оно не ограничивается только лишь романами. Помимо них, в свет вышли 17 коротких рассказов, 11 статей, 2 либретто, 5 других работ. Однако так или иначе, главными и основными трудами являются романы.

Роман “Black Swan Green” по праву можно считать особенным в творчестве писателя. В особенности по той причине, что, во-первых, является автобиографическим, а во-вторых, не относится к жанру фэнтези, как почти все остальные его романские произведения. Компо-

зиционно роман разделен на тринадцать глав, каждая из которых посвящена одному месяцу “сложного” года Джейсона Тейлора (год жизни) – тринадцатилетнего мальчика с заиканием, пытающегося разобраться в себе, справиться с давлением общества и не потерять себя. Автор не просто так отклонился от привычного ему жанра фантастики.

Создавая роман воспитания, Митчелл планировал поведать нам об истории своего становления, не только как личности, но и о том, что оказало влияние на его взгляды на жизнь и творчество. Роман воспитания – это жанр, содержанием которого является нравственное социальное формирование личности главного героя. В первую очередь акцент делается именно на Джейсоне Тейлоре – мальчике 13 лет, ставшим прообразом писателя в подростковом возрасте. Джейсон живет с родителями и старшей сестрой, с которой в самом начале книги у него не получается найти общий язык. На протяжении всего романа заика и романтик Джейсон Тейлор сталкивается с враждебностью со стороны одноклассников, сложным моральным выбором, разводом родителей и первой любовью. Все это влияет не только на его мысли и чувства, но и на творческий потенциал героя. Так Джейсон перенимает какие-либо качества от своих “учителей” – людей, появляющихся на протяжении всей новеллы и влияющих на мальчика тем или иным способом.

Говоря о влиянии, не получится не упомянуть так называемые “внутренние голоса” мальчика, а именно Maggot (a small insect with a soft body and no legs that often lives in decaying food; в переводе Опарыш; прямой перевод “личинка” [Cambridge dictionary online]), Unborn Twin (not yet born; перевод “нерожденный”; прямой перевод – “(еще) не рожденный”; one of two children who are born to the same mother at the same time; прямой перевод – “близнец” [там же]) и Hangman (в переводе “вешатель”; a person whose job is to operate the device that kills criminals by hanging them from a rope by their necks [там же]). Эти три голоса соседствуют с внутренним голосом Джейсона и пытаются подавить его, заставляя заикаться и сомневаться в себе и своих поступках.

Адам Филлиппс, бывший детский психотерапевт (автор «Go Sane») очень верно подмечает особенности построения внутреннего мира персонажа: “Mitchell has wanted, I think, to do a very ambitious thing in this novel, which is to write a book about a young adolescent – and the young adolescent as natural poet – as though it was written by a young adolescent, but he hasn't quite found the voice for it. A young adolescent finding his voice by experimenting with other voices is a useful device for a novelist” (“Митчелл хотел, я думаю, сделать очень амбициозную вещь в этом романе, она заключается в том, чтобы написать книгу о юном подростке – и о юном

подростке как естественном поэте – как будто она была написана юным подростком, но как будто он не совсем нашел для этого голоса. Показать, как юный подросток находит свой голос, экспериментируя с другими голосами – это полезный инструмент для писателя») [Phillips 2006].

Классический внутренний мир любого главного героя можно смело делить на две части: хорошее и плохое. Не зря во многих произведениях мировой культуры хорошие и плохие качества представлены как внутренние прообразы ангела и демона.

Ниже представлена схема внутреннего мира героя в классическом представлении (схема 1). Чтобы понять отличие внутреннего мира Джейсона от классического, ниже нами представлена схема (схема 2) его образа.

Outside World

Схема 1. Классическое представление героя

Outside World

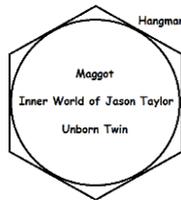

Схема 2. Схема образа Джейсона

Из общей картины (а также визуализации внутреннего мира героя) выбивается Висельник. Он страшен не столько из-за своего внешнего вида, сколько из-за того, что Висельник не является голосом Джейсона как Червяк и Нерожденный близнец, он является визуализацией заикания Джейсона. Ссылаясь на детскую психологию, можно сказать, что голос является ничем иным, как проекцией подростковых переживаний Джейсона на фоне заикания. Образ страшного молчаливого и долговязо-

го существа подкрепляется тем, что за всю книгу Вешатель говорил лишь единожды: I imagine him tapping my koochy lips, murmuring down at me, Mine [Mitchell 2006]. Так как персонаж молчалив, многое могут сказать его движения и повадки.

В движениях присутствует рваность и резкость (stoped, choked, blocked, gripped), что нагнетает на читателя больше переживаний за мальчика. Вешатель является уникальным персонажем сознания героя, так как он не является полноценным голосом, на самом деле он стоит между Джейсоном и нормальной полноценной жизнью, мешая ему социализироваться. (см. Схема 2) Кажется, что Вешатель был нужен Джейсону для того, чтобы пережить нелегкие проблемы переходного возраста, ведь визуализация и оживление внутренних мыслей и чувств всегда помогает быстрее решить проблему.

В честь него названа отдельная глава и именно он является самым заклятым врагом главного героя. Висельник – это визуализация Джейсоном своей проблемы заикания, а Висельник он потому, что само заикание началось во время игры в виселицу. Кроме того, Висельник он не только из-за игры, но и из-за своих “удушений”: Pike lips, broken nose, rhino cheeks, red eyes 'cause he never sleeps. I imagine him in the baby room at Preston Hospital playing Eeny-meeny-miny-mo. I imagine him tapping my koochy lips, murmuring down at me, Mine. But it's his hands, not his face, that I really feel him by. His snaky fingers that sink inside my tongue and squeeze my windpipe so nothing'll work. (стр. 75 e-version). У Висельника есть образ, который герой уже давно знает в сравнении с Нерожденным близнецом или Червяком. Кроме этого, у голоса есть определенные буквы, на которых он заставляет Джейсона заикаться, есть 4 заповеди как испортить жизнь мальчику и из всех голосов он является самым зловещим и страшным (см. рис. 1).

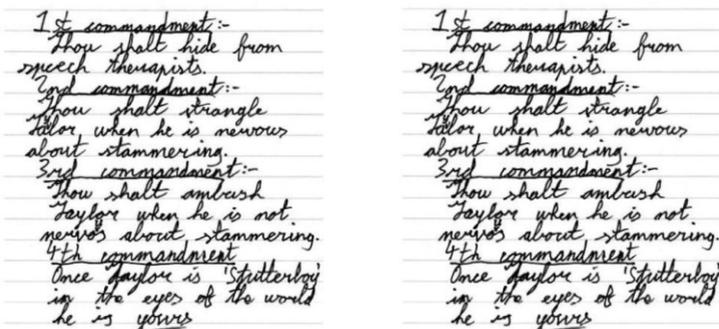

Рис. 1. Заповеди

Следующим немаловажным персонажем является уже упомянутый Червяк. Голос появлялся как персонаж всего 18 раз за всю книгу, но при этом его именем названа отдельная глава и даже самого Джейсона вплоть до конца книги обзывали Червяком. Сравнивая персонажа с Нерожденным близнецом, можно сказать, что никаких особенностей речи нами не было обнаружено, он разговаривает и преподносится как обыкновенный человек.

В то же время в цитатах Червяка дважды упоминалось слово *whimpered* (взвыл) из-за чего создается впечатление, что персонаж либо стонет, либо упрямится как ребенок: *Maggot whimpered, What have you done? [Mitchell 2006]; Trouble, shouts, threats, police, whimpered Maggot. Stammering in court when you're called to give evidence. And are you sure you just saw what you thought you saw? [там же].*

Вообще образ персонажа довольно меланхоличный-Опарыш часто нервничает за себя и Джейсона, он трусливый и часто ищущий выгоды не самыми честными способами: *"No," Maggot lied, so Hugo wouldn't think I was being pally; If Moran gives up, pointed out Maggot, you'll look a better Spook; I wanted to tear random bones out of Ross Wilcox's mutilated body, but Maggot reminded me he's the hardest kid in the second year and he'd probably just twist both hands off my wrists and lob them over the Black Swan [там же].*

Голос сопровождает Джейсона почти до самого конца книги, но меньше, чем Нерожденный близнец, к примеру. Возможно, подобная пропажа одного из важных героев обусловлена тем, что Джейсон изменился, стал смелее и независимее от мнения окружающих его людей. *Maggot* – это скопление неуверенности и комплексов Тейлора, от которых к концу книги он благополучно если не избавляется, то хотя бы успешно борется.

Далее хотелось бы поговорить о Нерожденном близнеце. Всего нами насчитано 23 появления персонажа на протяжении книги, это гораздо меньше появлений Висельника, но в то же время больше появлений Червяка. Впервые близнец возникает в первой главе книги: *I wound the stopped Omega up and set the time to a fraction after three. Unborn Twin murmured, Go to the lake. [там же]* У голоса довольно интересная манера речи, это помогает нам создать в голове его образ, так как его визуальное отображение мы сможем узнать только в главе *"Goose Fair"*. Уже по первому появлению, а конкретно по слову *"murmured"*, мы можем сказать, что своим голосом близнец пытается завлечь Джейсона, заставить делать то, что хочет он сам. Кроме того, в речи голоса встречается частое шипение, преобладание целевых со-

гласных и шепот. Подобный прием автора влияет на наше восприятие персонажа, делая его образ более негативно окрашенным, хитрым: Julia held up the front cover of Face. 'If you touch it when I'm gone I'll strangle you. I I should've been born, hissed Unborn Twin not you, you cow; Plug it in, whispered Unborn Twin from the corners of the bathroom. Dare you; I think she likes us, whispered Unborn Twin. Blow her a kiss [там же].

К этому моменту у нас уже есть представление о Нерожденном близнеце как о персонаже, однако у него есть яркая отличительная черта-он контактирует с другими голосами. Под этим я подразумеваю то, что он знает о существовании других внутренних голосов и он выражает свои чувства и мысли на этот счет: Go home, urged the nervy Maggot in me. What if he's a ghost? My Unborn Twin can't stand Maggot. What if he is a ghost? [там же]; Once a Maggot, mocked Unborn Twin always a Maggot [там же]. Таким образом, голоса не являются абстрагированными от самого Джейсона и друг друга. Близнец негативно высказывается не только в сторону Червяка, но и в сторону Джейсона и других героев книги, в его речи преобладает обценная лексика и грубые обращения.

Создается впечатление, что голос подначивает мальчика, но смотря с другой стороны, он заботится о Джейсоне и при случае упоминает, то, что они вместе: Make sure the back door opens, warned Unborn Twin; I think she likes us, whispered Unborn Twin. Blow her a kiss [там же].

Тем не менее, главной задачей близнеца было заставить Джейсона сделать что-то плохое или аморальное: She gestured at a bottle of wine stood on a pearly table. 'You will drink a little?' A whole glass, said Unborn Twin; Kick the wazzock's shins, said Unborn Twin. I'm really sorry, Mr Salt.' Wazzock; Stick your darts, urged Unborn Twin into their eyeballs. Yeah. We are. What the fuck is it to you?"; Neal Brose normally sits up front in English, slap bang in the middle. Go on, said Unborn Twin take the bastard's seat You owe it him; Step on her, said Unborn Twin. She'd crunch like a Crunchie. No bloody way, I told Unborn Twin [там же].

Проанализировав каждый голос отдельно с лингвистической точки зрения, хотелось бы глубже окунуться в детскую психологию, а именно разложить отражения Джейсона в главе "Goose Fair". Все отражения далее мы сопоставили со всеми внутренними голосами мальчика, однако один голос не был определен в пару.

Мы пришли к тому, что персонаж Tribesman – это внутренний голос Джейсона, именно так он видит и ощущает себя: I left to carry on the search, but as I moved an African tribesman with a neck giraffed by iron

rings waded toward me from the depths of the first mirror. His ears were droopy and dripping. It was a dreamish sight. Can a person change, asked the tribesman, into another person? “You’re right. That’s the question.” [Mitchell 2006]. Идея: Желание Джейсона вписаться в компанию популярных мальчиков выше его по статусу; Вопрос, задаваемый самому себе, правильно ли он поступает, пытаясь стать тем, кем не может быть.

Во втором зеркале Тейлор видит Нерожденного близнеца, представленного нам как Gelatinous Cube. Нерожденный ребенок это в первую очередь некая масса клеток, нечто пока еще безликое, поэтому мы провели параллель именно с этим голосом: In the second mirror was a Gelatinous Cube. All face, no body, just twiggy limbs waving at its corners. By puffing out my cheeks I nearly doubled its size. No, answered the Cube. You can only change superficial features. An Inside-You must stay unaltered to change the Outside-You. To change Inside-You you’d need an Even-More-Inside-You, who’d need an Inside-the-Even-More-Inside-You to change it. And on and on. You with me? “I’m with you” [Mitchell 2006].

Идея: “Внутренний Ты должен оставаться самим собой, чтобы изменить себя снаружи” Креативный, романтичный Джейсон, желающий учить французский и писать стихи не сможет вписаться в компанию “варваров”. Возможно, речь идет о постоянном изменении человека, конкретно в нашем случае, подростка, на протяжении долгого периода времени, смене приоритетов и интересов, а как следствие и внешности.

В предпоследнем зеркале мальчик увидел Червяка. До этого момента они общались только внутри головы Джейсона и теперь впервые говорят лицом к лицу: In the third mirror was Maggot. My waist and legs got squidged into a tail. My chest and head flared up into a big shimmering glob. Don’t listen to them. Ross Wilcox and Gary Drake and Neal Brose pick on us because you don’t blend in. If you had the right hair and clothes and spoke the right way and hung out with the right people, things’d be fine. Popularity’s about following weather forecasts. Идея: если бы Джейсон врал и пытался стать тем, кем не является, возможно, он бы вписался в компанию мальчиков и поднялся вверх по лестнице школьной иерархии. Червяк ищет выгоду для Джейсона: обрести влиятельных друзей, быть похожим на Хьюго и нравиться популярным девочкам, таким как Доун.

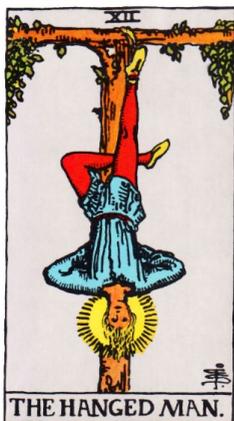

Рис. 2. Висельник из аркана карт таро

И наконец, в последнем зеркале, герой видит Висельника. Нижеуказанный отрывок, оказался наиболее сложным для анализа, так как Вешатель предстал нам в образе Джейсона, только перевернутого. Первой нашей мыслью, был Висельник из аркана карт таро. (см. рис.2).

В нашем случае, карта значит: Учение, урок, который нужно усвоить; Опыт, период испытаний; Разрыв с прошлым. Эти значения описывают происходящие с мальчиком события на протяжении книги, такие как жизненный урок, извлекаемый из каждой главы, переход к подростковому возрасту и отказ от притворства, принятие себя как поэта и творца.

Между тем, вернемся к образу Висельника: Mirror Four held Upside-down Jason Taylor. What good's Maggot ever done you? At Miss Throckmorton's I used to imagine people in the Southern Hemisphere walking round like this. A jerk of my leg moved my mirror arm. Flap my arm, my mirror leg flapped. How about an Outside-You, suggested Upside-Down Me, who is your Inside-You too? A One-You? If people like your One-You, great. If they don't, tough. Trying to win approval for your Outside-You is a drag, Jason. That's what makes you weak. It's boring. "Boring," I agreed with Upside-Down Me. "Boring. Boring." Идея: Сомнение в словах Червяка о правоте в том, что Джейсону нужно "вписаться"; Мысль о важности внутреннего мира и бесполезности поиска одобрения своего внешнего вида и статуса в обществе.

Заключение

Таким образом, можно сказать, что внутренние голоса Джейсона, это ни что иное, как он сам, а точнее его проекции на проблемы, которые решить в одиночку ребенку слишком сложно. Джейсон создал всех этих персонажей, чтобы понять то, что у него на душе. Олицетворяя проблему, гораздо легче ее решить, ведь проще бороться с чем-то не эфемерным.

К концу книги, мальчик почти не говорит с некоторыми из голосов, так как надобность в них просто отпадает, как и, собственно, сама проблема, связанная с тем или иным голосом. Личность человека начинает

формироваться в подростковом возрасте, а значит это наиважнейшее время для Джейсона сейчас и именно поэтому все, даже незначительные ситуации имеют для него большое значение: начало дружбы с сестрой, общение и учеба у мадам, возвращение кошелька задире, первый поцелуй, настоящий друг в лице Дина и переезд вследствие расставания родителей.

Дэвид Митчелл показал нам часть своего становления, приоткрыл нам свою душу и сердце, но не только для того, чтобы просто поведать свою историю и помочь читателям преодолеть одну из ступеней взросления, но и возможно, для того чтобы напомнить нам о важности детства, семьи, дружбы, отношений и других простых истин, которые забываются нами в современной жизни.

Список литературы

Багаева Д.В., Графова О.И. Тема природы в романе Дэвида Митчелла "Black Swan Green" URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37043747> (дата обращения 14.09.2020).

Бобоева Д.Н., Седина Д.Р., Желябина А.Г. Функционирование сленга в современной английской прозе (на примере романа Дэвида Митчелла "Black Swan Green") URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25464892> (дата обращения 14.09.2020).

Графова О.И., Сыпачева Е.С. Образы своего и чужого в рассказе Х. Мантел "King billy is a gentleman" // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 91–102.

Сыпачева Е.С., Графова О.И. Образ детства в рассказе Х. Мантел "King billy is a gentleman" и в фильме К. Брана "Belfast" // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 4. С. 86–98.

Графова О.И., Рогов М.И. Трансляция экспрессивности политической речи в переводе на русский язык (на материале фултонской речи У. Черчилля) // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 3. С. 18–23.

Графова О.И., Погадаева Е.В. Дневник Фриды Кало в аспекте интермедальности // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 3. С. 72–81.

Емцев Д.А., Графова О.И. Хронотоп дороги в романе Д.Митчелла "Black Swan Green" URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37043782> (дата обращения: 14.09.2020).

Кудрина А.А., Рудометова Н.А. Образ подростка в романе Д. Митчелла "Лужок черного лебеда". URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37043755> (дата обращения 14.09.2020).

Mammadli A.A. "Black Swan Green, David Mitchell's novel" URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39219997> (дата обращения: 14.09.2020).

Mitchell D. Black Swan Green. L.: Random House, 2006. 294 p.

Phillips A. About a boy poet // The Guardian. URL:

<https://www.theguardian.com/books/2006/apr/16/fiction.davidmitchell> (дата обращения 25.10.2020).

УДК 821.111

Юлия Михайловна Стихина

факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗНОСТИ В РАССКАЗЕ Х.МАНТЕЛ «CURVED IS THE LINE OF BEAUTY»

В данной статье рассматриваются понятия «образа» и «образности» в художественном тексте. Особенность художественного текста заключается в том, что он представляет собой художественно – преображенную замыслом автора реальную действительность, наполненную эстетическим смыслом и содержанием. Образность является отличительным признаком художественного отражения действительности. Целью исследования является описание комплекса словесноречевых средств, с помощью которых автор создает образы в своем произведении, на материале рассказа Х.Мантел «Curved is the Line of Beauty». Актуальность данного исследования обусловлена недостаточностью исследования прозаических англоязычных произведений второй половины XX века, в том числе и исследуемого автора, а так же тем, что в нашем научном исследовании проводится комплексное описание языковых средств, с помощью которых создаются образы в рассказе.

Ключевые слова: образ, образность, художественный текст, рассказ Х.Мантел, дихотомия «свой-чужой»

Введение

Особенность художественного текста заключается в том, что он представляет собой художественно – преображенную замыслом автора реальную действительность, наполненную эстетическим смыслом и содержанием. Образность является отличительным признаком художественного отражения действительности.

Образность выступает как сам принцип подхода писателя к действительности и выражается в самых разнообразных конкретных формах, которые зависят от того непосредственного жизненного материала, которым оперирует писатель.

Выбранный литературный материал представляет исследовательский интерес, поскольку Хилари Мантел является одной из признанных британцами писательниц, была дважды удостоена Буккеровской премии, а также была дамой-командором ордена Британской империи.

Основная часть

Цель исследования – описание комплекса словесноречевых средств, с помощью которых автор создает образы в своем рассказе. Данная цель обусловила необходимость решения следующего ряда *задач*: уточнить понятие «образ» в лингвистике и литературоведении; рассмотреть различные лексические и синтаксические средства создания образов; определить типологические свойства художественного текста; описать дихотомию «свое-чужое» в произведении.

Понятие «образ», процесс его создания, а также неотделимое от него понятие «образность» изучаются в разных направлениях, среди которых особенно выделяются философия, психология, культурология, литература и лингвистика. Однако именно лингвистика рассматривает данный феномен с разных сторон, его специфические черты и функции, а также изучает языковые средства, при помощи которых он формируется.

Определения понятий «образ» и «образность» даются во многих лингвистических словарях. Так, в "Словаре лингвистический терминов" О. С. Ахмановой можно найти термин «образный», означающий «представляющий что-либо посредством образов». При этом термин «образность» в этом словаре трактуется как «...свойство по значению прилагательного образный» [Ахманова 1966: 163].

По мнению Г. О. Винокура, сущность образного слова в том, что «одно содержание, которое выражается в особой звуковой форме, является формой другого содержания, которое не имеет особое звукового содержания» [Винокур 1990: 390]. Согласно мнению Ю. Д. Апресяна, образ представляет собой картину реального предмета или явления, характеризующуюся субъективностью, оригинальностью, что создается с помощью ассоциаций, фантазии, памяти, а также интуитивному восприятию [Апресян 1995: 42]. Как пишет Е. О. Опарина, «образ является целостным идеальным объектом, явлением сознания, который обладает неким содержанием, отражающим реальную действительность. Образ создается с помощью таких признаков, как типизация, обобщение, вымысел и обладает самостоятельным эстетическим значением» [Опарина 2017: 85].

В лингвистическом словаре Т. В. Матвеевой понятие «образность» трактуется следующим образом: «Наличие изобразительности, конкретно предметного представления, наглядности, "картинности" при обозначении предмета или явления словом или более крупной языковой (речевой) единицей» [Матвеева 2010: 247].

Согласно английскому словарю литературных терминов и литературной теории Д.Б. Каддона образность подразумевает под собой использование языка для представления «объектов, действий, чувств, мыслей, идей, душевных состояний и любого сенсорного или экстра-сенсорного опыта» [Каддон 2013: 354].

Богатый материал для исследования образов предоставляют художественные тексты, которые традиционно используются в лингвистике для изучения разнообразия языковых явлений. Мы полагаем необходимым анализировать образы с учетом типологических свойств художественного текста, обусловленных спецификой того вида деятельности, в процессе которой он генерируется, а именно художественной деятельности человека.

Таким образом, процессы, включенные в художественную деятельность человека, обуславливают такие типологические свойства художественного текста, как идейность, эмотивность и образность, соотносимые с глубинным уровнем текста, а также художественную языковую форму, составляющую в знаковом и структурном аспектах его поверхностный уровень. В единстве данные свойства образуют художественность как типологическую доминанту данного типа текста, определяющую его отличие от других типов текста и соотносимую с философским понятием сущности [Шутемова 2019: 54-61]. Таким образом, своеобразие языковой формы художественного текста мотивировано его идейно-эмотивной основой и образностью мышления писателя.

Хилари Мантел – современная британская писательница, дважды лауреат Букеровской премии (впервые за роман 2009 года. «Волчий зал», вымышленное повествование Томаса Кромвеля о приходе к власти при дворе Генриха VIII, а во-вторых, для романа 2012 года «Введите обвиняемых», вторая часть трилогии Кромвеля), литературный критик, Дама-Командор ордена Британской Империи.

В 2003 году Мантел издала собственную биографию под названием «Giving Up the Ghost», получившую премию ассоциации «Mind» (National Association for Mental Health) в номинации «книга года», и сборник автобиографических рассказов под названием «Learning to Talk: Short Stories», куда входят семь произведений в том числе и «Curved is the Line of Beauty». Этот сборник рассказов с автобиографической тематикой.

В настоящей работе мы обратимся к дихотомии «свое-чужое». Мотив «своего» и «чужого» является одним из ключевых в постколониальной британской литературе, тема постколониального времени поднимается и в рассказе Х.Мантел, она очень ярко выражена через описание и восприятие главной героиней образа темнокожего человека. Описанное в рассказе время 60-х годов является периодом масштабной расовой сегрегации. Это отражается и в тексте в воспоминаниях девочки, по сюжету друг и коллега отчима Джейкоб – темнокожий человек, он и его жена испытывали трудности со съёмом жилья (*At every door they had been turned away. Even the stable door was bolted, it was barred against them, NO COLOURED, the signs said. Oh, merrie England*) [Mantel 2003: 51].

Действие рассказа происходит в 1961 г. Во вступительной части рассказа автор представляет читателю свой родной город, приводя достаточно мрачные (негативные) воспоминания, которые, например, выражены такими словами как «болотная местность» (Moorland), «сырой туман» (dank fog).

С первых строк мы видим отношение автора к той местности, которое она преподносит с помощью различных средств речевой выразительности, таких как сравнение, анафора. Здесь мы можем выделить образ опасности, который будет относиться в нашей классификации образов к группе образов страха. Приведем несколько примеров: «The rescue parties would be baffled by dank fogs, which crept over the landscape like sheets drawn over corpses» [Mantel 2003: 44]. В этом предложении автор использует литературный прием сравнение, ассоциируя ландшафты города, покрытые туманом, с накрытыми простыней трупами. Также здесь есть и олицетворение, повествователь наделяет туман и простыни свойствами живого, используя идиомы «crept over», «drawn over».

Согласно словарю идиом «The Free Dictionary» фразовый глагол «creep over» означает медленно, а часто и украдкой, перемещаться по определенному участку или поверхности. То есть даже туман в этом городе очень осторожен в своих перемещениях, он медленно, украдкой стелется по ландшафтам Манчестера, все это напоминает что-то загадочное и пугающее. По этому же словарю идиома «draw over» подразумевает накрыть кого-то или что-то чем-то, натянув это сверху. Героиня уподобляет туман простыне, которая покрывает трупы – этот образ создает ощущение безжизненности местности, вся местность будто бы не просто уснула, а умерла; конечно, это и очень мрачный образ местности, вселяющий в ребенка страх выходить на улицу.

В толковом словаре Cambridge Dictionary слово dank трактуется как мокрый, холодный, неприятный. Мокрая и холодная погода является в сознании любого человека чем-то отталкивающим, удручающим, это говорит о том, что в сознании девочки родной город представляется ей мрачным и тусклым, ничем не примечательным и единственное спасение от этого города – остаться дома, внутри, в кругу своей семьи (When raw drizzle and fog invaded the streets of the peripheral settlements, it was easy to feel that if you stepped out of your family house, your street, your village, you were making a risky move; one mistake, and you would be lost) [Mantel 2003: 44].

При описании родного города автор дает характеристику именно пасмурной и мокрой погоды, она описывает окружающую природу как промозглую, хмурую, болотистую местность. Природа, погодные условия прямо пропорциональны ее душевному состоянию, являются призмой ее отношения к данной местности.

Далее мать сообщает девочке, что в ближайшее время они поедут в гости к другу Джека в Бирмингем. Очень интересно то, что девочка сравнивает свою мать с Фукицидом (древнегреческий историк), здесь автор приводит цитату «the strong exact what they can, and the weak yield what they must»- Сильные поступают так, как хотят, а слабые страдают так, как и должны, Accordingly, if the strong said, “We are going to Birmingham”, to Birmingham you must go [Mantel 2003: 45].

Это выражает систему отношений родитель-ребенок, где родители это те самые – сильные, а дети – слабые. Мама, особенно для девочки, является авторитетом, примером для подражания. Новость о посещении чужой незнакомой семьи девочка восприняла с опаской, она объясняет «because we had never done this before» [Mantel 2003: 45].

Размышляя над предстоящим визитом, над словом семья у девочки возникают различные образы и ассоциации с этим словом (the human warmth of chequered blankets and the yeast smell of baby's heads) [Mantel 2003: 45], это слово было непонятным для нее, оно откликалось в ее голове рассыпчатым мягким звуком. Образ семьи предстает перед читателем как образ «своего». Девочка, рассуждая над тем, что же такое семья, проводит параллель с человеческим теплом, как бы семья – это то, что согревает тебя в любую непогоду, греет душу.

Человеческое тепло вызывает ассоциации с поддержкой, добрым словом, домашним уютом. Для повествователя семья – это человеческое тепло и молочный запах младенцев, часто мы слышим, что дети – это цветы жизни, появление ребенка в семье всегда является счастьем, главная героиня дает достаточно позитивную характеристику слова

семья. В дальнейшем автор приводит первое описание Джейкоба: «He was from Africa», здесь подчеркивается то, что Джейкоб является представителем иной, «чужой» культуры, что, впрочем, ни о чем не говорит героине, так как ранее она с этим не сталкивалась и не знала практически ничего о людях, живущих в Африке, лишь только видела их на фотографиях. Мама главной героини старается привить ей толерантность в отношении темнокожих людей, попросив ее о том, чтобы она не называла Джейкоба черным: «don't say 'Jacob is black', say 'Jacob is coloured'» [Mantel 2003: 51].

Девочка настолько буквально восприняла слова своей мамы, что даже мысленно не допускала употребить данное слово в своей речи, слово черный стало в ее понимании плохим, оскорбительным, ругательным, даже когда они с Табби (племянницей Джейкоба) рисовали, она с опаской думала о черном цвете, что выражается в тексте «less for bl**k colour», с помощью звездочек обычно зашифровывается какое-либо нелитературное, ругательное слово, для соблюдения цензуры.

После приезда в Бирмингем в тексте снова упоминаются описания Джейкоба и его семьи, девочка, будто затаив дыхание от удивления, подбирает самые невероятные, красочные эпитеты для описания внешности героя, она сравнивает его кожу с довольно темно-лавандовым, граничащим с фиолетовым цветом, как хмурое, облачное небо в пасмурный день (Jacob, I said to myself, is quite a dark lavender, verging on purple on an overcast day) [Mantel 2003: 53], также она отмечает контраст его кожи и белой рубашки (and I liked the contrast of his white shirt with the soft sheen of his skin) [Mantel 2003: 53], то как она говорит об этом, дает понять читателю, что этот мужчина ей визуально интересен и приятен.

Девочка использует различные цвета для описания оттенка кожи Джейкоба (темно-лавандовый, граничащий с фиолетовым как небо в пасмурный день), причем здесь можно отметить и элементы природы ведь лавандовый «lavender» происходит от слова лаванда- название цветка, а пасмурный день (здесь «overcast day») имеет различную палитру холодных оттенков. Это может говорить о том, что девочка подбирает эпитеты на основе своего жизненного опыта, того, что она когда-либо раньше видела, ведь ребенок в первую очередь познает мир через ощущения.

Так же здесь отмечается контраст светлого и темного посредством слов «contrast», «sheen» (блеск), слово блеск использовано здесь не случайно, так как какой-либо сияющий элемент всегда выделяется на

фоне остального пространства, с помощью этих слов автор усиливает противоположность цветов, используя прием градации.

Затем она переходит к описанию его жены Евы: «Eva had a compensatory pallor» [Mantel 2003: 53], автор использует прилагательное компенсаторный, в толковом словаре Ожегова компенсировать - рую, -руешь; -анный; сов. и несов., кого-что(книжн.). 1. То же, что возместить (-ещать). К. потери, убытки. К. упущенное время. 2. сов. Уравновесить что-н. нарушенное, возместить утраченные функции. В данном случае компенсаторный- восполняющий недостающее, то есть бледнокожая Ева предстает как что-то «свое» более близкое к привычному миру героини, чем чуждый незнакомый облик ее мужа Джейкоба.

Контраст белого и черного непроизвольно становится центром внимания девочки, все время пребывания в Бирмингеме она часто обращается к различным сравнениям, таким образом познавая мир, отличный для нее. Эта тема настолько тревожит ее, что она становится слишком заиклившей, и даже смущается при разговоре с Джейкобом, а особенно избегает зрительного контакта с ним, будто боится, что он сможет прочесть в ее глазах это заветное запретное слово «черный».

Несмотря на некоторые неловкости отношения с семьей Джейкоба у главной героини складываются хорошо. В середине рассказа она перекладывает свое внимание на Табби племянницу Джейкоба. Эта девочка на голову выше ее, примерно одинакового с ней возраста, они быстро находят общий язык и вместе идут навстречу приключениям, которые ждут их впереди. Они уселись рисовать портреты друг друга и главная героиня стала пристально изучать свою новую знакомую. Она обращала внимание на то, как заточены карандаши, какие цвета использует Табби в рисунке (She had little use for gravy colour and still less for black. Almost as unpopular was the double-ended crayon in morbid mauve/dark pink).

С большим любопытством рассказчица отмечает, что Табби, раскрашивая людей, использует те же цвета, что и она (Most popular with her was gold/green: as with me) [Mantel 2003: 56]. Эти наблюдения позволяли героине расширить свои представления о незнакомом для нее образе темнокожего человека.

Спустя некоторое время девочки отправляются на прогулку и берут с собой корзинку со сливами. Во время совместного времяпровождения рассказчица улавливает все больше особенностей во внешности темнокожей девочки, она смотрит как солнечные лучи переливаются на ее кофейной коже и удивляется тому, что несмотря на довольно

жаркую погоду ее кожа остается прохладной на ощупь. (My fingers were safely held in the pad of Tabby's palm, and there was a curve of light on the narrow, coffee-coloured back of her hand. She was cool to the touch, even at the hot end of this hot afternoon) [Mantel 2003: 59]. В этих предложениях рассказчица опять же подмечает контрастность отличий «чужого», она делает это при помощи игры существительных и прилагательных, противоположных по значению. «Light» в словаре «Cambridge Dictionary» трактуется как яркость, которая исходит от солнца, огня и т. д. и от электрических устройств, и которая позволяет видеть вещи, то есть подразумевает под собой светлый оттенок, в то время как «coffee-coloured» подразумевает под собой цвет кофе, то есть темный оттенок. «cool» и «hot» слова антонимы, девочка подмечает, что даже в такую жару кожа Табби остается холодной.

Слово «even» (даже) придает предложению акцент усиления, с помощью него выражено удивление главной героини из чего можно понять, что для нее необычно это явление и она сталкивается с этим в первый раз. Табби протягивает главной героине сливу и что интересно девочка снова начинает проводить аналогии в своей голове сравнивая свою новую подругу со сливой, находя в Табби и фрукте схожие тактильные свойства (In her free hand she held a paper bag, and in this bag – were ripe plums. They were under my fingertips in their cold purple blush) [Mantel 2003: 60].

Здесь снова упоминается характеристика температуры (cold) и цвета (blush) из чего можно предположить, что девочка сравнивает кожу Табби со сливой, даже предложения построены похожим образом, в первом случае Табби держала главную героиню за руку, во втором случае главная героиня держала в ладони сливу, словно руку Табби, такую же холодную и имеющую темный колорит.

Затем Табби предлагает пойти на кладбище заброшенных, разрушенных машин, главная героиня с опаской относится к этому предложению, ведь сама бы она ни за что туда не пошла, но все же соглашается пойти в это небезопасное место, любопытство и интерес к неизвестному побеждают в ней, что свойственно для ребенка, познающего мир (but then what, this afternoon, did I care for no?) [Mantel 2003: 60]. Автор использует здесь риторический вопрос для усиления выразительности желания девочки прогуляться по заброшенным закоулкам. Девочка задает себе вопрос: «беспокоит ли меня опасность, которая может меня там подстеречь?». Ответ очевиден – «нет».

Сначала все шло хорошо, девочки веселились и играли, рассматривали груды заброшенных машин, которые как огромные великаны

стопкой на стопке возвышались над их головами. Окружающая реальность пугала рассказчицу, неизвестная местность, малоизвестная ей девочка, вся окружающая обстановка вызывает недоверие и страх у главной героини, она задается множеством вопросов («I wanted to ask, why do you play here and who do you mean by we, can I be one of your friends or will you forget me, and also can we go now please») [Mantel 2003: 61]. Здесь используется риторическое обращение, оно выражает отношение героини к Табби. Рассказчица не требует прямого ответа от девочки, но пытается понять сама, считает ли ее Табби «своей» подругой и кем в то же время Табби является для нее самой «своей» или «чужой». Героиня находится на перепутье этих рассуждений, здесь она в процессе принятия решения воспримет ли она этот «чужой» мир или он так и останется не понятным для нее.

Окружающий пейзаж выполнял функцию интерьера, места действия и отражал эмоциональные переживания героев. Все вокруг казалось пугающим и мрачным, неизвестным и чужим. В конечном счете девочки потерялись («I'm lost said Tabby. We are, we are lost. I'm afraid to say») [Mantel 2003: 62].

Это очень напугало их, так как никто не знал дороги обратно, они потеряли надежду на спасение и каждый последующий час казался им целой вечностью. Уже вечерело и вокруг не было ничего живого, кроме мертвого, скрипящего металла, покрытого коррозией, страх нарастал все больше и это отражается в тексте: «For I had the sense to realise that the only incursion here would be from the wreckers' ball. No flesh would be salvaged here; there would be no rescue team» [Mantel 2003: 63].

Здесь автор использует слово *incursion*, что толкуется в словаре «Cambridge Dictionary» как внезапное нападение на какое-либо место или акт проникновения в него, особенно через границу: вторжения на вражескую территорию. Слово вторжение имеет под собой негативную, враждебную окраску, от страха и неизвестности фантазия рассказчицы разыгрывается все больше, девочка подразумевает врагов под грудами гниющих машин, которые в любой момент могут на неё напасть, например обрушиться или еще больше запутать своими заковырыстыми лабиринтами и узкими тропинками, однако в то же время она не намерена сдаваться и готова дать отпор своему страху. Девочки начали читать молитвы, они обе были воспитаны в католических семьях и имели представление о религии. Молитва «Радуйся, Мария» (от лат. Ave Maria) – католическая молитва к Деве Марии.

Эту молитву называют также «Ангельским приветствием» (*angelica salutatio*), так как её первая фраза представляет собой приветствие ар-

хангела Гавриила, сказанное им Марии в момент Благовещения [Wikipedia]. К молитвам, как правило, большинство людей обращается лишь в критических ситуациях, автор подчеркивает безвыходность ситуации, в которой оказалась главная героиня и ее подруга Табби. Молитва придает сил двигаться дальше и в итоге девочки, как бы то ни было, находят дорогу домой.

После возвращения домой образ Табби расплывается в памяти главной героини, она не помнит как они попрощались (It startles me now that I can't imagine how I said goodbye to Tabby, and that I can't even remember at what point in the evening she melted away, her crayons in her satchel and her memories in her head). И, наконец, семья отправилась в родные края после далекого, полного впечатлений для главной героини путешествия.

Впечатления остались яркими и неоднозначными («Somehow, with good fortune on our side for once, my family must have rolled home; and it would be another few years before we ventured so far again») [Mantel 2003: 68], с одной стороны девочка завела новую подругу, познакомилась с новой культурой, с другой стороны она так и не смогла понять и принять своих новых знакомых, они остались для нее далекими, такими же далекими как расстояние от Бирмингема до Манчестера. После той поездки она больше ничего не слышала о Табби, а Джейкоб и его семья, кажется, вернулись обратно в Африку (I don't know what became of Jacob and his family: did I hear they went home to Africa?) [Mantel 2003: 68].

Девочка сострадательна и милосердна к семье Джейкоба, ей действительно жаль, что они не смогли найти справедливости и им пришлось вернуться туда, где их не воспринимают чужаками, не вешают табличек «никаких цветных» (and I think perhaps that he was lost all his life, and looking for a house of justice, a place of safety to take him in) [Mantel 2003: 68].

В настоящей работе нами была предпринята попытка описания особенностей употребления в языке англоязычной художественной литературы лингвистических средств создания образов, которые исследовалась на примере рассказа Х.Мантел «Curved is the line of beauty».

В рассказе повествование ведется от лица маленькой девочки, которая познает мир, активно используя свои чувственные ощущения особенно тактильные и визуальные. По подбору различных эпитетов и сравнений, можно сделать вывод, что девочка – очень творческая, любознательная, любит рисовать. По настоянию своей мамы, ей было

велено называть африканскую семью не черными, а цветными (don't say 'Jacob is black', say 'Jacob is coloured').

Девочка настолько буквально восприняла эти слова, что даже когда подбирала выражения для описания внешности Джейкоба и Табби использовала именно цвета, различные оттенки от фиолетового до карамельного например «seria», «bluish», «coffee-coloured», «purple blush», «dark pink», «caramel eyes».

Кожу африканца она сравнивала с вельветом, матовой холодной сливой. Слово *черный* она категорически избегала, даже в описании цвета карандашей и машин на свалке, в тексте это выражалось через цензуру слова «black» – «bl***k». Образ «чужого» проник даже в ее внутренний мир мыслей и чувств.

Эта необходимость в избегании слова *черный* заставляла девочку напрягаться, подбирая различные альтернативные слова даже в собственных мыслях, она словно заново училась говорить на языке толерантности.

Заключение

Из всех нами рассмотренных лексических средств, чаще всего автор прибегает к использованию сравнения. В ходе анализа случаев употребления данного тропа, мы пришли к выводу, что сравнения характеризуются метафоричностью и образностью.

Преимущественное использование автором сравнений, тактильных и визуальных ощущений можно объяснить тем, что рассказ ведется от лица ребенка. Зрение, слух и осязание – основные каналы познания мира, по которым информация попадает в мозг маленького исследователя. Существует три основных типа восприятия внешнего мира: визуал, аудиал и кинестетик.

Исходя из того, что главная героиня любит рисовать и выражает образ темнокожего человека преимущественно через цветовую гамму, мы можем предположить, что она относится к типу визуал, для которого характерны запоминание и отражение мира глазами, они более восприимчивы к цветам, оттенкам, деталям, мир в их глазах разнообразный, красочный, разноцветный. Выражение образов в цветах является особенностью девочки в восприятии мира, она делает это так, как умеет и как ей удобнее.

Можно также сказать, что лингвистические средства в рассказе можно рассматривать не только как способы создания образов, но и как способ мышления, способ мировосприятия главной героини, кото-

рая только познает действительность, в том числе и в особенности на языковом уровне.

Список литературы

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.

Винокур Г.О. Филологические исследования. М.: Наука, 1990. 452 с.

Графова О.И., Сыпачева Е.С. Образы своего и чужого в рассказе Х. Мантел "King billy is a gentleman" // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 91–102.

Сыпачева Е.С., Графова О.И. Образ детства в рассказе Х. Мантел "King billy is a gentleman" и в фильме К. Брана "Belfast" // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 4. С. 86–98.

Графова О.И., Рогов М.И. Трансляция экспрессивности политической речи в переводе на русский язык (на материале фултонской речи У. Черчилля) // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 3. С. 18–23.

Графова О.И., Погадаева Е.В. Дневник Фриды Кало в аспекте интермедиальности // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 3. С. 72–81.

Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. М.: Феникс, 2010. 563 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Элрис, 2003.

Опарина Е.О. Языковой образ в коммуникации: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. отд. языкознания М.: ИНИОН, 2017. 152 с.

Шутемова Н.В. Рефракционная теория художественного перевода. М.: Изд-во «Пермский государственный университет», 2019. 199 с.

Статья «Хилари Мантел. Биография». URL: livelib.ru (дата обращения: 24.11.2022).

Cuddon J.A. Literary Terms and Literary Theory / WilleyBlackwell. 2013. 801 p. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 27.11.2022).

Mantel H. Learning to Talk. Short Stories. London: Fourth estate, 2003. 159 p.

The Free Dictionary. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 29.11.2022).

УДК 398.61

Екатерина Рафаэлевна Корнильева

Институт удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики,
Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск, Удмуртская республика

СТРУКТУРНО-КОМПОЗИЦИОННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФИНСКИХ ЗАГАДОК

Статья посвящена изучению структурно-композиционных особенностей финской загадки. Загадка как малый фольклорный жанр обладает набором специфических признаков. Так, с точки зрения структурно-композиционных особенностей, большинство финских загадок строится на противопоставлении: а) пространственных отношений (большое пространство – маленькое пространство; далеко – близко); б) качественных характеристик участников действия (все предметы – один предмет, большой – маленький), в) отношения часть – целое; г) действий. Важную роль в структуре финской загадки играет сравнение, которое строится по определенным моделям: а) с использованием имен прилагательных, б) с использованием сравнительных частиц; в) с использованием отрицаний.

Ключевые слова: загадка, малый фольклорный жанр, финский язык, структурно-композиционное своеобразие, речевые формулы.

Введение

Загадка – один из древнейших и самобытных жанров фольклора, который представляет собой краткое образное выражение, требующее ответа. Загадка не только поэтизирует окружающий мир, но наводит на размышление, заставляет задуматься над качествами и свойствами предметов и явлений, раскрывать и сопоставлять их особенности и различие. В зависимости от окружающего мира и языковых особенностей этноса, тематическое и языковое оформление загадок у каждого народа имеет свои особенности. Основной целью данной статьи является изучение структурно-композиционных особенностей финской загадки. Привлечение эмпирических данных из финского языка является актуальным для проведения типологических исследований в области фольклористики и лингвистики.

Основными методами исследования стали описательный и метод контекстного анализа. Методологической базой послужили труды известных фольклористов, в частности, В. Я. Проппа [Пропп 1976], Т. Г. Перевозчиковой [Удмуртский фольклор. Загадки 1982] и лингвистов [Кондратьева, Зайцева 2020] и др. В финской фольклористике одним из первых к изучению финской загадки приступил Кристоффрид Канандер (Christfrid Ganander). В 1783 году он выпустил небольшой сборник, включающий 378 загадок. Основной целью его работы было отобразить историческое развитие финской загадки как уникального архаического жанра (SKAK 1991: III). Большой вклад в изучение финских загадок внес Элиас Лённрот (Elias Lönnrot). В 1851 году им был издан сборник финских загадок, который до сих пор считается золотым фондом финской фольклористики. В сборник включено 1648 финских загадок, кроме того, 135 эстонских загадок (SKAK 1991: VIII). Более поздние издания финских исследователей включали меньшее количество загадок, например, издания Карла Круна (Kaarle Krohn) и Анти Аарнена (Antti Aarnen) было представлено 369 загадками.

Для написания данной статьи мы использовали сборники финских загадок, изданных на материале фондов Финского Литературного Общества (Suomalaisen Kirjallisuuden Seura) «Mikä se on? Vanhoja arvoituksia» (1990) и «Suomen Kansan arvoituskirja» (1991). Представленные переводы осуществлены автором данной статьи.

Основная часть

Как уже было отмечено во введении, загадка как малый жанр фольклора обладает рядом уникальных особенностей. Русскому слову загадка соответствует финское *arvoitus*, которое включает следующие значения: *arvella* ‘подразумевать, догадываться, предполагать’; *arvelu* ‘мысль (идея), мнение’. Таким образом, финские загадки, также как и загадки в других культурах мира, помогают развивать образно-ассоциативное мышление, сообразительность и логику. Как показывает анализ эмпирического материала, с точки зрения тематики, в традиционной финской загадке преобладают загадки, отражающие земледельческий труд, особенности рыболовства, также широко представлены социальные отношения, мир животных и птиц, убранство избы, утварь и посуда, явления природы и др.: *Poika postiin menee, isä vasta ilmestyä. Tuli ja savu* – Сын на почту идёт, отец навстречу шагает. Огонь и дым (SKAK 1991: 120); *Monta veljestä varvissa, kaikilla sama nimi. Hampaat* – Много братьев на верфи (токарный станок), у всех одинаковое имя. Зубы (SKAK 1991: 7); *Ei ole käsiä, ei jalkoja, oven*

avaa. Tuuli – Нет рук, нет ног, двери открывает. Ветер (SKAK 1991: 432); *Mikäs tuo lintu on, joka on: oksajalka orren päässä, karvajalka kannon päässä, joka panee joka aamu: huheija? Kukko* – Какая это птица, которая стоит в насесте на одной ноге, на пне на двух ногах и каждое утро кричит: кукареку? Петух (SKAK 1991: 216) и др.

Как отмечают Н. В. Кондратьева и Т. И. Зайцева, в традиционной финской загадке для выражения заместительного образа чаще всего используются: а) предметный код; б) зооморфный код; в) антропонимический код. При этом на способы построения загадки, как формы выражения национального мировидения, оказывает влияние не только национально-культурный колорит, но и структура языка – его фонетический, морфологический и синтаксический уровни [Кондратьева, Зайцева 2020: 293].

В числе жанровых особенностей финских загадок можно также выделить краткость, лаконичность. Обычно загадка состоит из одного-двух суждений, четко и образно сформулированных, поэтому можно сказать, что сами финские загадки строятся из простых, часто неполных или безличных предложений. Например, *Kukko laulaa lähteellä. Kaula* (SKAK 1991: 6). ‘букв. Петух поет отправляясь. – Горло’; *Mies alaston, päita powessa. – Kyntillä* (SKA 1982: 93). ‘Голый мужчина, на груди рубашка – Свеча’; *Sata santsia, tuhat tuntsia, yhdeltä laiturilta vettä juovat. Parta* – Сто сотен, тысяча тысяч, из одной платформы воду пьют. Борода (SKAK 1991: 11).

Однако в ряде случаев могут встречаться и загадки, представляющие собой развернутую картину. Иногда это рассказ или описание какого-то явления, действия: *Mestari tekee työtä, eikä tiedä, kelle se joutuu; ostaja ostaa, eikä hän sitä tarvitse; kelle hän sen antaa, se ei tiedä mitää, jos lie saanutkaan. Ruumisarkku* (SKAK 1991: 33). ‘букв. Мастер делает свою работу, хотя и не знает, кому достанется его творение; покупатель покупает, хотя он сам в этом и не нуждается; тот, кто получает творение мастера, об этом даже и не знает, хотя он и получает. – Гроб’. В таких загадках-рассказах обычно описываются свойства, качества, способы изготовления или применения предмета. С точки зрения композиционной структуры, загадки представляют собой поэтическое описание, чаще всего в иносказательной форме, содержащее в себе вопрос, требующий ответа. Так, большинство финских загадок содержит противопоставление.

В основе противопоставления могут лежать следующие признаки:

1) пространственные отношения:

а) большое пространство – маленькое пространство:

Yli pellon yltää, mutta yli pään ei yllä. – *Silmät* (SKAK 1991: 15). ‘Через поле достают, а через голову не достают. – Глаза’;

б) далеко (там) – близко (здесь):

Helsingissä höylätään, tänne lastut lentelevät. – *Rahapaja, raha* (SKAK 1991: 345). ‘В Хельсинки строгают, сюда щепки летят. – Монетный двор, деньги’;

Hevonen hirtuu Hiiden maalla, valjaat on Venäjän maalla, tänne ääni kuulun. – *Ukkonen* (SKAK 1991: 421). ‘Лошадь ржет в Хиумаа, сбруя на русской земле, голос сюда слышен. – Гроза’.

2) качественные характеристики участников действия:

а) все предметы – один предмет:

Kaikki muut ууö ууöllä, itse kuningas ilman ууötä (SKAK 1991: 234). ‘Все другие опоясаны поясом, сам король без пояса. – Скирда’;

б) маленький – большой:

Pieneen peltoon mahtuu, isoon korpeen ei mahdu. – *Äes* (SKA 1982: 127). ‘В маленькое поле помещается, в большой дремучий лес не помещается. – Борона’;

3) целое – часть:

Pää maassa, jalat taivaalle koikottaa. – *Nauris* (SKAK 1991: 253). ‘Голова в земле, а ноги над землей шумят (букв. под небом) – Репа’; *Lehmä lävässä, kieli ulkona.* – *Uuni lieskaa* (SKAK 1991: 115). ‘Корова в хлеву, язык на улице. – Печь и пламя’;

4) Действия нескольких предметов противопоставляются друг другу:

Kaksi makaaa, kaksi seisoo, viides edestakaisin soutaa. – *Ovi ja pihkipielet* (SKAK 1991: 107). ‘Двое лежат, двое стоят, пятый взад и вперед гребет. – Дверь и косяки’; *Kaksi kuuntelee, kaksi katselee, kaksi haistelee, yksi maistelee.* – *Ihmisen aistit* (SKAK 1991: 19). ‘Двое слушают, двое смотрят, двое нюхают, один пробует. – Человеческое чутье’; *Hampaat on, ei syö mitään.* *Kampa* – *Зубы есть – ничего не ест. Расческа* (SKAK 1991: 48).

С точки зрения грамматического оформления, эффект противопоставления может строиться как на глагольном отрицании: *Hampaat on, ei syö mitään.* – *Kampa* (SKAK 1991: 48). ‘Зубы есть – ничего не ест. – Расческа’; так и на именном отрицании: *Ei ole käsiä, ei jalkoja, oven avaa.* – *Tuuli* (SKAK 1991: 432). ‘Нет рук, нет ног – двери открывает. – Ветер’; *Ei ole ruumista eikä sielua, mutta taitaa sekä puhua että vastata.* – *Kaiku* (SKAK 1991: 483). ‘Нет тела и нет души, но умеет, как говорить, так и отвечать. – Эхо’. Еще одной моделью построения финских загадок является форма вопросительных предложений: *Mitä silloin tarvitaan, kun sielu ja ruumis ihmisestä lähtee? Vettä ja saippuaa* – Что

необходимо тогда, когда душа и тело покидают человека? Вода и мыло (SKAK 1991:24). Важное место в построении образа в финской загадке является замещение, или «иносказательное описание» предмета. Проанализировав большой корпус финских загадок, можно сделать вывод, что в случае замещения преобладает использование одушевленных субъектов даже при описании неодушевленных предметов: *Akka aholla, olkikupu perässä.* – *Lantu* (SKA 1982: 26). ‘Старуха на поляне, позади солома – Брюква’. Рассматривая структурно-композиционное своеобразие финской загадки, нельзя оставить в стороне использование сравнительных оборотов. Рассмотрим формулы сравнения, которые являются наиболее типичными для финских загадок.

1. Обычное сравнение с прилагательными:

а) имя прилагательное представлено в сравнительной степени:

Mettä makeampi, miekkaa terävämpi. – *Kieli* (SKAK 1991: 10). ‘Вкуснее меда, острее меча. – Язык’. *Mikä on syttää mustempi?* – *Synti* (SKAK 1991: 334). ‘Что чернее угля? – Грех’.

б) имя прилагательное представлено в превосходной степени:

Mikä on kaikista vanhin. – *Aika* (SKAK 1991: 299). ‘Что из всего самое старое? – Время’. *Kaikkein pienin on talossa, kaikkein suurin valta on.* – *Lapsi* (SKAK 1991: 27). ‘Меньше всех в доме, а власть больше всех. – Ребенок’.

2. Сравнение с использованием сравнительных частиц:

а) *kuin* (как)

Tuvi kuin neula, keskus kuin kerä, latva kuin vasta. – *Nauris* (SKAK 1991: 252). ‘Основание как иголка, середина как клубок, верхушка как веник. – Репа’.

б) *kokoinen* (величиной с)

Kananmunan kokoinen, kirkonseinän pituinen. – *Lankakerä* (SKAK 1991: 161). ‘Величиной с куриное яйцо, длиной в церковную стену. – Клубок ниток’.

3. Отрицательное сравнение: *Puree kuin kärpänen, ei ole kärpänen, hyppää kuin sirkka, ei ole sirkka, musta kuin sysi, ei ole sysi.* – *Kirppu* (SKAK 1991: 348). ‘Кусает как муха, но не муха; прыгает как сверчок, но не сверчок; черный как уголь, но не уголь. – Блоха’. *Musta kuin pappi, ei ole pappi, kiiltää kuin nappi, ei ole nappi, menee maahan kuin mato, ei ole mato.* – *Sonttainen* (SKAK 1991: 352). ‘Черный как священник, но не священник; блестит как пуговица, но не пуговица, уходит в землю как червяк, но не червяк. – Навозный жук’. В таких загадках формально отрицается сходство загадываемого предмета с другим предметом, по существу же этот предмет дает намек на загаданный. Использо-

ние указанных структурных элементов делают загадку узнаваемой, дают возможность создавать новые загадки.

Заключение

Загадка – малый жанр устного народного творчества, который обладает рядом характеристик: а) это один из кратких (лаконичных) видов фольклорных произведений; б) в основе загадывания загадки лежит аллегорическое (иносказательное/метафоричное) изображение того или иного явления или предмета. С точки зрения композиционной структуры, загадки представляют собой поэтическое описание, чаще всего в иносказательной форме, содержащее в себе вопрос, требующий ответа. Большинство финских загадок содержит противопоставление, в основе которого актуализируются следующие бинарные оппозиционные признаки:

а) пространственные отношения (большое пространство – маленькое пространство; далеко – близко);

б) качественные характеристики участников действия (все предметы – один предмет, большой – маленький),

в) отношения часть – целое;

г) противопоставление действий.

Важную роль в структуре финской загадки играет сравнение, которое строится по определенным моделям: а) с использованием имен прилагательных, б) с использованием сравнительных частиц; в) с использованием отрицаний.

Список литературы

Кондратьева Н.В., Зайцева Т.И. Художественное своеобразие финских загадок // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 5. С. 281–293.

Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 325 с.

Удмуртский фольклор. Загадки / под. ред. Перевозчикова Т.Г. Ижевск: Удмуртия, 1982. 256 с.

SKAK – Suomen kansan arvoituskirja / Toimit. Martti Haavio, Jouko Hautala. Juva, 1991. 466 s.

VA – Mikä se on? Vanhoja arvoituksia / Toimit. Kaivola-Bregenhøj A. Hämeenlinna, 1990. 211 s.

УДК 811.112.2.

Светлана Алексеевна Дроздова

Институт иностранных языков,
Московский педагогический государственный университет,
г. Москва, Россия

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА GEDÄCHTNIS В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Настоящая статья посвящена проблеме лексико-семантической репрезентации концепта GEDÄCHTNIS. На базе лексикографического материала проведён этимологический и компонентный анализ некоторых лексем синонимического ряда с доминантой Erinnerung. Актуальность темы обусловлена недостаточной исследованностью лингвокультурных концептов, отражающих представления о когнитивных процессах человека. Структура концепта представлена 1) этимологическим признаком (неосознаваемой внутренней исходной формой, буквальным смыслом); 2) дополнительными пассивными признаками (краткой историей содержания); 3) основным / актуальным признаком (мыслительными категориями: ассоциациями и оценками современных информантов). Концепт GEDÄCHTNIS манифестируется в лексико-семантической системе немецкого языка как способность ментального наблюдения, обращенного в прошлое, а также возможность хранения и воспроизведения запечатленного в разных формах опыта, реализуемая посредством различных техник и ритуалов обращения к прошлому и предполагающая когнитивную и эмоциональную вовлеченность субъекта памяти.

Ключевые слова: лингвокультура, репрезентация, коллокация, концепт, сема.

Введение

Цель исследования – в рамках анализа синонимического ряда с доминантой Erinnerung выявить ядро концепта GEDÄCHTNIS и особенности понимания носителями языка познавательного процесса памяти. Для достижения цели поставлены такие задачи:

1) проведение этимологического и компонентного анализа отобранных номинантов рассматриваемого концепта;

2) установление ядерных и дифференциальных признаков концепта GEDÄCHTNIS, отраженных в семантической структуре его номинантов.

С точки зрения лингвокультурологии, концепт характеризуется Ю.С. Степановым как «ячейка культуры», а именно базовая единица, позволяющая «сгустку» культуры закрепиться в ментальном мире человека [Степанов, 2004: с. 43]. Концепт не только мыслится, как абстрактное понятие, но и эмоционально переживается [Decke-Cornill, Küster, 2015: 220]. Как замечает В. И. Карасик, концепт многомерен и хранит ценностный, образный и понятийный компоненты [Карасик, 2002: с. 91]. Это минимальное ментальное образование, содержащее как непосредственную информацию о номинанте, но и его оценку и интерпретацию в общественном сознании [Попова, Стернин, 2007: с. 24].

Структура концепта представлена:

1) этимологическим признаком (неосознаваемой внутренней исходной формой, буквальным смыслом);

2) дополнительными пассивными признаками (краткой историей содержания);

3) основным / актуальным признаком (мыслительными категориями: ассоциациями и оценками современных информантов) [Степанов, 2004: 48].

По мнению Т.В. Евсюковой и Е.Ю. Бутенко, применение в лингвокультурологическом анализе лексикографических источников целесообразно, так как позволяет рассмотреть функционирование концептов в научной и наивной картине мира. В словарной филологической статье, составленной из дефиниционной (важные признаки понятий) и иллюстративной частей (образные и аксиологические установки), эксплицитно выясняется структура и содержание лингвокультурных концептов [Евсюкова, Бутенко 2016: 374].

Основная часть

Первая часть настоящего исследования – этимологический анализ некоторых наиболее важных номинантов концепта GEDÄCHTNIS: Erinnerung как функциональной единицы процесса памяти; Rückblick как когнитивного процесса, обращенного к прошлому, и Gedächtnis как результата этого процесса [Duden 2014: 347]. Исследование на этом этапе протекало на основе материалов из онлайн-словаря немецкого языка (Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache – DWDS). Сам этимологический анализ проходил по следующим пунктам: время зарождения лексемы в языке; источник и причина появления слова в языке [Евсюкова, Бутенко 2014: 368].

Истоки этимологии существительного Erinnerung уходят в XII век: древневерхненемецкий *gînnagen*, средневерхненемецкий *geinnern* со значением «дать знать, вспомнить». XIV столетие отмечено появлением в ранненововерхненемецком языке глагола *erinnern* (дать знать, сделать известным), то есть что-то, находящееся внутри становится общедоступным. Если рассматривать в средневерхненемецком диалекте отдельно симплекс *innern* (вспоминать, информировать, наставлять, убеждать), то можно проследить его связь с формой сравнительной степени прилагательного *innago* (внутренней, глубже). В древневерхненемецком *inner* также означает (внутренний, лежащий в глубине). Таким образом, у глагола *erinnern* устанавливаются три основных значения: «взывать к разуму», «напоминать», «привлекать внимание». В XV в. появляется новый дериват – отглагольное существительное Erinnerung, образованное суффиксальным способом, и приобретающее значение «впечатление, хранимое в памяти, воспоминание, о ком-то или чём-то» [DWDS]. Находясь в глубинах памяти, оно может быть как бы поднято и донесено до сознания.

Итак, рассмотренные нами лексические единицы, предшествующие возникновению лексемы Erinnerung, уже обозначали познавательную активность. Только слова *innago* и *inner*, исходная точка словообразования, указывали на пространственное положение объекта, что свидетельствует о метафорическом переносе исходного значения «внутри» из пространственной плоскости в ментальную.

Истоки этимологии существительного Gedächtnis происходит от древневерхненемецкого слова *githhehtnissī* (Andacht/благоговение), употреблявшегося в IX в. В средневерхненемецких диалектах слово *gedæhtnisse* имеет несколько иное значение: «размышление над чем-либо». Немного позднее слово снова несколько меняет значение: «размышление о случившемся и пережитом в прошлом, воспоминание». Современное значение слова Gedächtnis сходится к примерно следующему: «память, воспоминание, припоминание». Первичная эмоциональная перспектива заменяется на рациональную, представленную когнитивным процессом памяти [DWDS].

Rückblick – композита, в которую входят определяющее слово (*das Bestimmungswort*) + основное слово (*das Grundwort*): *Rück(en)* + *Blick*, поэтому нами будет рассмотрена не только этимология цельного слова, но и его составляющих. Слово *Blick* (*направление взгляда на что-нибудь, выражение глаз*) появляется в древневерхненемецком IX–X столетия в лексической форме *blic*.

Другими вариантами словоформы были: *средневерхненемецкая blisc* и *средненижненемецкая blick*. Этимология определяющего слова *Rücken* восходит к VIII в., когда слова древневерхненемецкого (*h)ruggi*, средневерхненемецкого *rügge*, *rugge*, *rück(e)*, *ruck(e)*, древнесаксонского с морфемой *hruggi-* в слове *hruggibēn* (*кость спины*), средненижненемецком *rugge* носили значение «*задняя часть туловища человека, верхняя часть туловища животного*» (значение поныне сохранено в немецком). В древнеанглийском *hrycg* означало «холм», что отражено и в современном значении *ridge* (*хребет, возвышение, вершина*).

В средневерхненемецком и ранненововерхненемецком. *rück(e)* принимает окончание *-en* в XVI столетии от косвенного падежа бывшей *ja*-основы, которая перешла в слабое склонение. Сама композита *Rückblick* (*взгляд в прошлое*) появляется в конце XVIII в. и до сих пор фигурирует в языке в этом значении.

Композита обозначает сложный когнитивный феномен, объединяющий процессы направленной перцепции и пространственной локализации: взгляд, устремлённый назад. Образуется метафорический образ: прошлое расположено сзади, за спиной человека, чтобы что-либо вспомнить, человек словно бы мысленно оборачивается и смотрит назад [DWDS].

Итак, лексемы *Erinnerung* и *Rückblick* изначально обозначали направленное действие и были метафорически переосмыслены. Лексема *Gedächtnis* сначала номинировала эмоциональную восприятие, а впоследствии стала обозначать когнитивный процесс.

Второй этап исследования – семантический анализ номинантов концепта GEDÄCHTNIS. Он проходил с опорой на материалы монолингвальных немецких словарей Duden Online, DWDS и Wahrig-Burfeind.

Рассмотрим семемы доминанты всего ряда – лексемы *Erinnerung*:

1. „*Erinnerung*: 1. a) *Fähigkeit, sich an etwas zu erinnern*; b) *Besitz aller bisher aufgenommenen Eindrücke*; *Gedächtnis*; 2. *Eindruck, an den jemand sich erinnert*; *wieder lebendig werdendes Erlebnis*; 3. a) *Andenken, Gedenken*; b) *Erinnerungsstück*; 4. *Niederschrift von Erlebtem*; *Autobiografie*; 5. *Mahnung*; 6. *Rechtsbehelf gegen nicht richterliche Entscheidungen, gegen die Art und Weise der Zwangsvollstreckung*“ [Duden Online]. *Воспоминание*: 1. a) *способность вспомнить что-либо*; b) *владение всеми воспринятыми до сих пор впечатлениями*; *память*; 2. *впечатление, запомнившееся кому-либо*; *переживание, оживающее вновь*; 3. a) *воспоминание, поминовение*; b) *памятная вещь*; 4. *запись переживаний*; *автобиография*; 5. *напоминание*; 6. *обжалование несудебных решений, порядка их принудительного исполнения*.

2. „Erinnerung: 1. Fähigkeit, Vergangenes durch das Gedächtnis in der Vorstellung wieder zu beleben; 2. Reservoir, Speicher der aufgenommenen Sinneseindrücke, des Erlernen; 3. im Gedächtnis bewahrter Eindruck; Memoiren; 4. Andenken, Gedenken; 5. Mahnung, etw. nicht zu vergessen; 6. Rechtsbehelf gegen eine nichtrichterliche Entscheidung“ [DWDS]. Воспоминание: 1. способность воскрешать прошлое в воображении посредством памяти; 2. вместилище, хранилище усвоенных чувственных впечатлений, усвоенного; 3. впечатление, сохранившееся в памяти; мемуары; 4. воспоминание, поминовение; 5. напоминание, не забывать что-либо.; 6. обжалование несудебного решения.

3. „Erinnerung: 1. das Erinnern, Mahnung; 2. das Sicherinnern, bewusstes Wiederhervorbringen von Vergangenen, Gelerntem, Erlebtem durch das Gedächtnis; 3. Gedenken; 4. Andenken, Bild, das man im Gedächtnis trägt“ [Wahrig-Burfeind 2011: 467]. Воспоминание: 1. воспоминание, напоминание; 2. воспоминание, сознательное восстановление в памяти прошлого, усвоенного, пережитого; 3. поминовение; 4. воспоминание, образ, который человек носит в своей памяти.

Интегрирующими семами выступают: «способность» (Fähigkeit), «обращение к прошлому» (Vergangenes), «воспроизведение (Wiederhervorbringen)».

Совокупность дифференциальных сем составляют: «вовлеченность субъекта» (Eindruck), «способ репрезентации извлекаемой информации» (Niederschrift, Bild, Erinnerungsstück), «конечный результат процесса воспоминания» (Besitz, Memoiren, Autobiografie, Rechtsbehelf), «выполняемые функции» (Reservoir, Speicher, Sicherinnern, Wiederhervorbringen).

Следующая лексема, которая будет нами рассмотрена, – Rückblick:

1. „Rückblick: gedankliches Betrachten, Zurückverfolgen von Vergangenen“ [Duden Online]. – Ретроспектива: мысленное наблюдение, прослеживание прошлого.

2. „Rückblick: Blick auf Vergangenes, Rückschau“ [DWDS]. – Ретроспектива: взгляд в прошлое, ретроспекция.

3. „Rückblick: (geistiger) Blick zurück, Erinnerung an Vergangenes“ [Wahrig-Burfeind, 2011: 1247]. – Ретроспектива: (мысленный) взгляд назад, воспоминание о прошлом.

Итак, Rückblick включает архисему «прошлого» (von Vergangenen) и дифференциальные семы «ментальное наблюдение» (gedankliches Betrachten) и «обращенность назад» (Zurückverfolgen, Blick auf Vergangenes, (geistiger) Blick zurück).

Приведём дефиниции лексемы *Gedächtnis*, имени исследуемого концепта:

1. „*Gedächtnis*: 1. Fähigkeit, Sinneswahrnehmungen oder psychische Vorgänge zu speichern, sodass sie bei geeigneter Gelegenheit ins Bewusstsein treten können; Vermögen, Bewusstseinsinhalte aufzubewahren, zu behalten, zu speichern und sich ins Bewusstsein zurückzurufen, wieder zu beleben; Erinnerung[svermögen]; 2. Andenken, Gedenken; 3. Gedächtnisgottesdienst; Gedächtnismesse“ [Duden Online]. –

Память: 1. способность хранить в памяти сенсорные ощущения или психические процессы, чтобы они могли войти в сознание при удобном случае; сила хранить, удерживать, сохранять и вызывать в сознании, оживлять; память; 2. воспоминание, поминовение; 3. поминальная служба; поминальная месса.

2. „*Gedächtnis*: 1. Fähigkeit des Gehirns, die die Speicherung von Lernstoff, Eindrücken, Erlebnissen und Erfahrungen und die Reproduktion derselben zu einem späteren Zeitpunkt möglich macht, Erinnerungsvermögen; 2. Speicher der aufgenommenen Sinneseindrücke, des Erlernen, Erinnerung; 3. Andenken, Gedenken; Gottesdienst zum Gedenken eines Verstorbenen“ [DWDS]. –

Память: 1. способность мозга, обеспечивающая сохранение учебного материала, впечатлений, переживаний и опыта и воспроизведение их в последующее время, память; 2. хранилище воспринятых чувственных ощущений, усвоенного, воспоминаний; 3. воспоминание, поминовение; служба в память об усопшем.

3. „*Gedächtnis*: 1. Fähigkeit, sich Gesehenes, Gehörtes, Gelesenes, Erlebtes zu merken u. sich später daran zu erinnern, Erinnerungsvermögen; 2. Andenken, Erinnerung“ [Wahrig-Burfeind 2011: 580]. –

Память: 1. способность запоминать увиденное, услышанное, прочитанное, пережитое и вспоминать об этом позже, память; 2. воспоминание, припоминание.

Таким образом, архисемами лексемы *Gedächtnis* являются «способность, умение» (*Fähigkeit, Vermögen*), „хранилище“ (*Speicher*), техники и ритуалы обращения к прошлому (*Andenken, Gedenken, Gedächtnismesse, Gedächtnisgottesdienst*).

К дифференциальным семам относятся: «внутреннее содержание памяти» (*Bewusstseinsinhalte, Gehörtes, Gelesenes, Erlebtes, Erlernes, Lernstoff, Eindrücke*) «направленность вовне» (*Sinneswahrnehmungen*), «направленность внутрь» (*psychische Vorgänge*), «отложенное использование» (*zu einem späteren Zeitpunkt, später*), «выполняемые функции» (*aufbewahren, behalten, wieder beleben, speichern und sich zurückrufen, merken, sich erinnern, Reproduktion, Erinnerung, Speicherung*).

Заключение

Концепт GEDÄCHTNIS манифестируется в лексико-семантической системе немецкого языка как способность ментального наблюдения, обращенного в прошлое, а также возможность хранения и воспроизведения запечатленного в разных формах опыта, реализуемая посредством различных техник и ритуалов обращения к прошлому и предполагающая когнитивную и эмоциональную вовлеченность субъекта памяти.

Важной характеристикой отраженного в концепте GEDÄCHTNIS процесса памяти является его результативность, обретающая форму автобиографий, литературных воспоминаний, обжалования несправедливых судебных решений и т. д.

В заключение отметим, что вышеуказанные лексемы описывают мыслительный процесс через предметную деятельность и перцептивный опыт. Интегрирующие семы номинантов мыслительного процесса отражают ядро концепта GEDÄCHTNIS в немецком языке, а дифференцирующие семы расширяют представление о его признаках и характеристиках.

Список литературы

Евсюкова Т.В., Бутенко Е.Ю. Лингвокультурология: Учебник. 3-е издание, стереотипное. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 480 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.

Decke-Cornill H., Küster L. Fremdsprachendidaktik. Eine Einführung. 3., vollständig überarbeitete und erweiterte Auflage. Narr Francke Attempto Verlag GmbH + Co. KG, 2015. 318 S.

Duden – URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 25.02.2023).

Duden. Band 8. Das Synonymwörterbuch. Berlin: Dudenverlag, 2014. 1136 S.

DWDS – URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 25.02.2023).

Wahrig-Burfeind R. Brockhaus. Wahrig. Deutsches Wörterbuch. Gütersloh/München: wissenmedia in der inmediaONE] GmbH, 2011. 1728 S.

УДК 811.134.2

Арина Сергеевна Азанова

факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

ДИАЛОГИЗМЫ И ВЕЛЛЕРИЗМЫ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются редкие паремиологические единицы – диалогизмы и веллеризмы, отображающие испанскую лингвокультуру. Приводится анализ того, как данные языковые единицы имплицитно актуализируют культурную составляющую жителей Испании. Цель работы заключается в комплексном анализе данных паремиологических единиц с целью определения их основных функций и того, как в их семантике закреплены национальные особенности, ценности и мировосприятие испанцев. Всего выделяют семь прагматических целей употребления данных паремий. Основными функциями веллеризмов и диалогизмов являются: моделирующая, дидактическая, прогностическая. Все веллеризмы и диалогизмы – ситуативны, т.е. не только употребляются в той или иной ситуации, но и сами эту ситуацию моделируют или означают.

Ключевые слова: лингвокультурология, паремиология, паремиологическая единица, веллеризм, диалогизм, функция, каламбур.

Введение

Каждая народность обладает своей особой культурой, национальным характером и родным языком. В конце XX в. заинтересованность к изучению взаимодействия языка и культуры крайне возросла. Вследствие возрастающего интереса и внимания к данным аспектам, на стыке лингвистики и культурологии появилась новая наука – лингвокультурология. Для того, чтобы определить национальные особенности, характерные для той или иной народности, лингвисты обращаются к опыту наших предшественников, а именно, к паремиологическому фонду языка, опеку над которым взял один из разделов фразеологии – паремиология.

Согласно словарю лингвистических терминов под авторством Т.В. Жеребило паремиология определяется следующим образом: «Область филологии, исследующая пословицы, поговорки, речения, изречения и пр» [Жеребило 2010: 255].

Основная часть

Лингвокультурному анализу и осмыслению пословиц и поговорок было посвящено множество работ, как отечественных исследователей, так и зарубежных [Меньшакова 2020, 2020а, 2022, 2022а, 2022б]. Однако, несмотря на их известность и общеупотребительность, в конце XX века стали пользоваться популярностью короткие, лаконичные фразы, отражающие злободневность – веллеризмы. Общий термин «веллеризм» открыл для современников американский паремиолог А. Тейлор, назвав явление по аналогии с фамилией главного героя произведения Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» Сэмюэля Уэллера. Главный герой любил употреблять подобные конструкции в разговорах, отсюда и произошло их обозначение [Гончарук 2018: 145].

В работе «Introduction to Paremiology: A Comprehensive Guide to Proverb Studies», в разделе, посвященном веллеризмам, А. Дандес определяет данную паремиологическую единицу как провербиальный подтип, который имеет отличительную синтаксическую ироническую формулу, который используется в юмористических целях [Borowska, Matovac, Raji-Oyelade 2014: 181]. В немецком труде Ф. Бусау веллеризм трактуется как паремия, содержащая шутливое высказывание, относящееся к конкретному говорящему, используемое для придания ситуации оттенка иронии [Busau 2019: 128].

Веллеризмы обладают достаточно специфичной структурой, которая состоит из 3 частей. В первой части содержится прямая речь, во второй части определяется субъект, а в третьей части уточняются обстоятельства, при которых было сказано высказывание. Другими словами, третья часть соотносится с первой. В качестве примера представим популярный испанский веллеризм: *Un día es un día, pensó el avaro. Y añadió a la olla un gorbanzo* («Всего лишь обычный день», – подумал скупой, положив в кастрюльку только одну горошину).

Далее, рассмотрим, что такое диалогизмы и какие структуры уместно так именовать. В словаре *Diccionario de la lengua española* диалогизм трактуется следующим образом: образ речи, состоящий в том, чтобы обратить в форму диалога идеи или чувства, приписываемые персонажам, или представить человека в диалоге с самим собой. Испанский лексикограф Х. Касарес говорит о том, что диалогизмы – это паремии с анонимным происхождением [Casares 1950: 196].

Диалогизмы – это некий комментарий по поводу той или иной ситуации с оттенком иронии и шутки. Стоит отметить, что диалогизм – это вид веллеризма, другими словами, неполная языковая конструкция. Структура диалогизма – двусложная, которая содержит прямую

речь и слова автора. Примером диалогизма может выступать следующее высказывание: *¿Qué es hablar? – Abrir la boca y rebuznar* (Что значит говорить? – Открыть рот и выть). С помощью лингвокультурного анализа испанских веллеризмов и диалогизмов можно отследить национальные особенности и менталитет испанской лингвокультуры, обозначить какие характерные черты народа нашли отражение в данных паремиях. Рассмотрим ряд веллеризмов и диалогизмов с позиции лингвокультурного анализа.

Обратимся к первой языковой единице: *Adiós, Madrid, que te quedas sin gente. Y se iba el zapatero de viejo*. («Прощай, Мадрид, чтоб ты опустел»). И покинул сапожник старину Мадрид). Стоит отметить, что данная паремиологическая единица имеет достаточно негативное значение, что прослеживается во враждебном желании сапожника поскорее покинуть Мадрид. Что касается лингвокультурной составляющей данной паремии, можно предположить, что речь идет о национальном конфликте в Испании, характеризующимся активным движением каталонского индпендизма. В нем проявляется стремление каталанцев получить полный суверенитет и национальную самоидентификацию [Меньшакова 2020: 56].

Таким образом, патриотичность, стремление к сохранению и обособлению своей культуры и языка – это те качества, которые отражают национальный характер жителей Каталонии.

Dijo la leche al vino: Bien seas venido, amigo, sino eres mi enemigo. (Сказало молоко вину: «Добро пожаловать, друг мой, только если ты – не враг мой»). Для того, чтобы понять, какая лингвокультурная особенность стоит за таким диалогизмом, нужно помнить о том, что культура вина как одного из традиционных напитков в Испании играет существенную роль в культурной идентификации испанцев. Обсуждать различные темы с друзьями и близкими за бокалом вина в какой-то степени часть их повседневной жизни. Вино можно интерпретировать как хранителя определенной энергетики, состояния души в определенных моменты.

Для испанской культуры вино – то, что объединяет и сближает ее представителей [Астахова 2021: 133]. Такому диалогизму можно дать следующую интерпретацию: испанцы – очень дружелюбные, открытые и гостеприимные люди, которые всегда рады общению, как с друзьями, так и с незнакомцами. Кроме того, есть другая интерпретация: существует распространенное мнение о том, что не следует пить воду после того, как вы выпили молоко. По мнению испанцев, желательно сделать все наоборот.

Еще раз обратимся к уже рассмотренному нами веллеризму: *Un día es un día, pensó el avaro. Y añadió a la olla un garbanzo.* («Всего лишь обычный день», – подумал скупой, положив кастрюльку только одну горошину). Данный веллеризм может раскрыть такую черту испанцев, как расчетливость, иногда даже скупость. Например, далеко не все жители Испании готовы оплатить счет в ресторане за другого человека, (друга или члена семьи). Некоторые испанцы считают это бессмысленным и предлагают платить либо отдельно, либо пополам.

Lo que fuere, sonará. Y estaba haciendo un tambor. («Была не была»). И забарабанил в бубен). Данная языковая единица получила развитие от провербиального выражения: *Lo que sea, sonará*, что означает «Будь что будет». Данная единица отражает такие качества испанцев, как: сдержанность в решении каких-то вопросов, легкость по отношению к большинству жизненных ситуаций. Ведь не следует беспокоиться о том, что еще не произошло, а наоборот, необходимо со спокойствием ожидать результата.

Теперь проанализируем некоторые веллеризмы и диалогизмы с позиции их функций. Во-первых, в силу своей специфичности и редкости, некоторые веллеризмы склонны к эллипсу (иногда опускается вторая и третья части), что превращает их в обычную пословицу. Во-вторых, в некоторых веллеризмах и диалогизмах первая часть может представлять фразу из известного высказывания. Например, в веллеризме: *Las uvas están verdes, dijo la zorra, cuando no las pudo alcanzar.* («Виноград еще не поспел» – сказала лиса, когда не смогла достать его) приводится цитата или отсылка на предшествующий текст, как это иногда происходит в баснях – басня древнегреческого поэта Эзопа «Лисица и виноград».

Данный веллеризм обладает, прежде всего, моделирующей функцией (так как воспроизводит ситуацию, при которой лиса оправдывает себя). Кроме того, функция любой басни – донести какую-то поучительную мысль до читателя, следовательно, функцию данного веллеризма можно определить как дидактическую, так как в какой-то степени данная единица преподносит важный жизненный урок. Мораль заключается в том, что не нужно оправдывать свои жизненные неудачи обстоятельствами, наоборот, следует проанализировать ситуацию и идти дальше.

Sobre los gustos no hay nada escrito, (dijo un sapo y se comió una mosca). («Спорить о вкусах – дело неблагодарное», (сказала жаба, проглотивши муху)). Следует также отметить, что данный веллеризм является примером развития из провербиального выражения *Sobre los gustos no hay nada escrito.*

Рассмотрим несколько примеров употребления этого выражения в литературе. Необходимо сказать, что все выявленные нами контексты содержат само выражение, а не веллеризм, что говорит о редкости употребления веллеризмов и диалогизмов в обыденной речи. Детективный роман немецкого автора Ф. Хайнихена «*Sobre gustos no hay nada escrito*» («Спорить о вкусах – дело неблагодарное»): «*Sobre gustos no hay nada escrito, como suele decirse. Aurelio tenía fotos que podían convertirse directamente en dinero en efectivo. El viejo se quedaría perplejo ante lo que verían sus ojos. Luego descolgó de la pared la foto de su...*» («Спорить о вкусах – дело неблагодарное», как говорится. «У Аурелио были фотографии, которые можно было напрямую превратить в наличные. Старик был бы озадачен тем, что увидели бы его глаза. Затем он снял со стены свою фотографию» ...)

Второй пример был описан в книге испанского социолога А. де Мигеля «*Cien años de urbanidad. Crítica de costumbres de la vida española*» («Сто лет вежливости. Критика обычаев испанской жизни»): «*Nadie puede pasar por dadivoso hasta el extremo de dar todo sin recibir nada a cambio, aunque sea ese retorno de una manera simbólica. La sabiduría popular repite que «sobre gustos no hay nada escrito». Se dijo ya en latín*». («Никто не может пойти на уступки до такой степени, чтобы пожертвовать всем, не получив взамен ничего, даже если этот возврат носит символический характер». «Народная мудрость гласит, что спорить о вкусах – дело неблагодарное. Это было сказано еще на латыни»).

В обеих ситуациях автор подчеркивает, что вкусы людей могут сильно отличаться друг от друга, у каждого человека есть свои предпочтения. Авторы хотели донести мысль о том, что неправильно доказывать, что предпочтения одних более правильные, чем у других. Исходя из данных контекстов, можно сделать вывод о том, что основной функцией данных является дидактическая, т.к. она учит нас не судить человека за его предпочтения, которые могут существенно отличаться от наших. Она учит нас с уважением относиться к выбору человека и его мнению.

Dijo el verdugo al ahorcado: Poneos a vuestro grado. (Сказал палач висельнику: Займите ваше место). Обратимся к сборнику пословиц под названием «*Un viejo maestro de lengua*» испанского автора Х.П. Гарсии-Борона, где представлен небольшой отрывок употребления данного диалогизма. «*Ella me lo decía cuando algo a lo que yo no había concedido importancia la tenía, y en grado sumo. Años después de que mi abuela muriera... Dijo el verdugo al ahorcado: «Poneos a vuestro grado – con la intención basta*». («Она говорила мне это, когда что-то, чему я не

придавал значения, играло большую роль для нее. Спустя годы после смерти бабушки» ... Палач с серьезным намерением сказал висельнику: «Займите ваше место»).

Предположительно, автор сожалеет о том, что не уделял должного внимания человеку, которого уже нет в живых. Он сожалеет о том, что пренебрежительно относился к рассказам человека, которые, на тот момент, волновали его больше всего. Спустя года, человек понимает, что через несколько минут он сам будет мертв.

Функция данного диалогизма, во-первых – моделирующая, поскольку она формирует модель жизненной ситуации (последние размышления о жизни перед смертью), во-вторых – прогностическая, которая определяет будущее (человека ждет смерть на виселице).

Заключение

Веллеризмы и диалогизмы – уникальные культурные единицы, которые помогли открыть новые культурные грани жителей Испании, которые способствовали познакомиться с их национальными особенностями.

Данные языковые единицы очень редко используются как в художественных произведениях, так и в разговорной речи. Используются лишь их неполные конструкции. Первая функция веллеризмов и диалогизмов – моделирующая. Суть ее заключается в том, что паремия несет в себе словесную модель той или иной жизненной ситуации. Вторая функция – дидактическая.

Почти каждая паремия обучает чему-то, например: знакомит с картиной мира определенной национальности, учит правилам поведения, знакомит с ценностными и культурными ориентирами отдельных народов, помогает познать менталитет.

Функция третья – прогностическая, ее основная цель – в предсказании будущего (нагляднее всего выступает у примет и поверий) [Пермяков 1988: 88–90].

Список литературы

Астахова Е.В. Культура вина на примере Испании// Концепт: Философия, религия, культура. 2021. Т. 5. № 4. С. 131–144.

Гончарук А. Веллеризм как современный образчик черного юмора. 2018. С. 144–146. URL: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/144-146_5.pdf (дата обращения: январь 2023).

Валеева А.Р. Роль моделирования семантического поля в переводческой деятельности // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2023. Материалы меж-

дународной студенческой научно-практической конференции. Магнитогорск, 2023. С. 750–753.

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е испр и доп.// Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 488 с.

Мед Н.Г. Los dialogismos y wellerismos en las lenguas romances. СПб.: Paremia, 28: 2019. P. 59–66.

Меньшакова Н.Н. Репрезентация образа народа Испании в испанских паремиях // Миграционная лингвистика. 2020. № 2. С. 56–68.

Меньшакова Н.Н. Фразеологические сравнения в испанском, русском и английском языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2020а. № 3. С. 38–44.

Меньшакова Н.Н. “Свой – чужой” в паремийном пространстве романа «Дон Кихот» Сервантеса // Миграционная лингвистика. 2022. № 4. С. 4-14.

Меньшакова Н.Н., Поткин С.В. Категория таксиса в английских пословицах и ее трансляция на русский язык // Евразийский гуманитарный журнал. 2022а. № 2. С. 58–71.

Меньшакова Н.Н., Валева А.Р. Апеллятивная функция паремий: совет и предупреждение // Евразийский гуманитарный журнал. 2022б. № 3. С. 30–35.

Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. 234 с.

Borowska A., Matovac D., Raji-Oyelande A. Introduction to Paremiology: A Comprehensive Guide to Proverb Studies. Published by De Gruyter Open Ltd, Warsaw/Berlin. 2014. 505 p.

Busau F. El nacimiento y la muerte en los wellerismos del tigríña. Paremia, 28: 2019. P. 127–134.

Casares J. Introducción a la lexicografía moderna. Madrid: C.S.I.C, 1992. 329 p.

Dialogismo. URL: <https://www.wordreference.com/definicion/dialogismo> (дата обращения: 23.02.2023).

Dialogismo. URL: <https://cvc.cervantes.es/lengua/refranero/ficha.aspx?Par=58519&Lng=0> (дата обращения: 26.02.2023).

Dialogismo. URL: <https://cvc.cervantes.es/lengua/refranero/ficha.aspx?Par=58983&Lng=0> (дата обращения: 26.02.2023).

Dialogismo. URL: <https://cvc.cervantes.es/lengua/refranero/ficha.aspx?Par=59547&Lng=0> (дата обращения: 26.02.2023).

УДК 378

Анастасия Дмитриевна Мартынова

факультет иностранных языков,

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,

г. Пермь, Россия

ПРИМЕНЕНИЕ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В статье проанализирована актуальность применения мультимедийных технологий, выделены способы использования таких технологий при обучении иностранному языку, рассмотрена специфика работы с мультимедийной платформой Moodle, а также приведены ее ключевые достоинства и недостатки при обучении иностранному языку.

Ключевые слова: мультимедийные технологии, мультимедийные программы, обучение иностранному языку, дистанционное обучение, Moodle.

Введение

Применение мультимедийных технологий на сегодняшний день является одной из ведущих тенденций в информатизации общества и внедрении современных методик обучения в систему образования. Несмотря на то, что мультимедийные программы существуют уже достаточно долго и потребность в них в той или иной мере всегда присутствовала в разных сферах, во время пандемии COVID-19 произошла наибольшая актуализация применения данных технологий непосредственно в образовании [Carey эл. ресурс].

Основная часть

Согласно статистике, представленной на 2022 г., траты россиян на дистанционное образование превысили траты на очное обучение, и более 50 % склонны выбирать дистанционный формат обучения (обучение онлайн) вместо очного (обучение офлайн) [Исследование ...]. На изучение иностранных языков в онлайн формате россияне потрати-

ли 13,9 млрд рублей против 13,4 млрд рублей, потраченных на очное образование. И более 28 % респондентов планируют и дальше обучаться иностранным языкам в онлайн формате [Муллинова О., Муллинова Т. 2019].

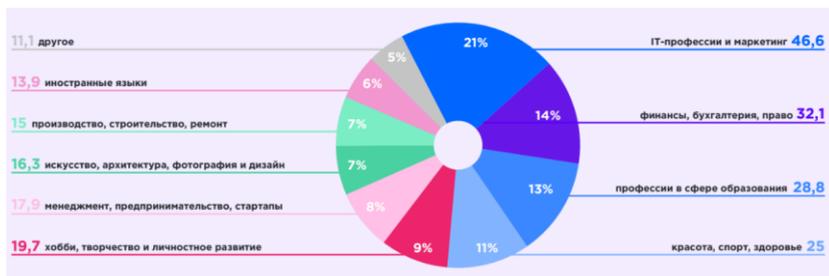

Рис. 1. Траты на онлайн образование по направлениям, млрд руб. (данные Data Insight на 2022 г.)

Рис. 2. Направления, по которым потребители собираются учиться онлайн в будущем (данные Data Insight на 2022 г.)

В последние три года популярность дистанционного обучения продолжает увеличиваться, преподаватели по всему миру начинают все чаще использовать мультимедийные технологии в образовательном

процессе. Во время пандемии многие учебные заведения были не готовы к такой резкой смене традиционного обучения и переходу в онлайн режим [Захарьева 2019] во многом из-за непонимания специфики применения специальных мультимедийных программ и особенности их использования для продолжения непрерывного обучения, в частности, иностранному языку, где необходима постоянная вовлеченность преподавателя и обучающихся, а также их взаимодействие.

Однако современные мультимедийные программы предоставляют возможность технически воссоздать класс или аудиторию, а также могут быть особенно эффективны при обучении языкам благодаря их способности предоставлять визуальную и аудиальную информацию, которая может помочь обучающимся лучше понять и запомнить новую лексику, грамматику и произношение. Таким образом мультимедийные программы можно считать эффективным и доступным инструментом при изучении иностранного языка. На сегодняшний день существует множество разных мультимедийных программ, которые могут быть использованы для достижения различных целей при обучении иностранному языку, например:

1. Программы с доступом к аудио- и видеозаписями: Аудио- и видеозаписи могут использоваться для предоставления обучающимся аутентичного материала на иностранном языке, такого как диалоги или разговорные записи, новостные передачи, песни. Использование таких программ может помочь обучающимся улучшить свои навыки аудирования и понять, как язык используется в контексте;

2. Интерактивные игры и упражнения: Интерактивные игры и упражнения могут быть использованы для того, чтобы помочь обучающимся практиковать и укреплять языковые навыки в веселой и увлекательной форме. Такие программы могут особенно помочь на начальных уровнях изучения иностранного языка за счет повышения мотивации и разнообразия предоставляемых материалов;

3. Приложения для изучения иностранных языков: Такие приложения могут быть использованы для самостоятельного изучения иностранного языка и при этом получения персонализированной обратной связи и инструкций. Например, некоторые программы для изучения языков используют технологию распознавания речи для обеспечения обратной связи по произношению и адаптивные алгоритмы обучения для корректировки уровня сложности упражнений в зависимости от прогресса обучающегося [Обзор ...]. В дополнение к этим примерам преподаватели также могут использовать мультимедийные технологии для создания своих собственных материалов и курсов, видео, подка-

стов и интерактивных презентаций. Согласно списку наиболее часто используемых технологий для онлайн обучения иностранным языкам [Хакимова, Лапасова 2020], одной из наиболее популярных программ является система дистанционного обучения Moodle (<https://moodle.org>). Данная программа представляет собой открытый код, за счет чего может быть свободно использована любыми образовательными организациями и преподавателями. Функционал и дизайн программы изменяется с помощью специальных плагинов, которые скачиваются из интернета или создаются самостоятельно.

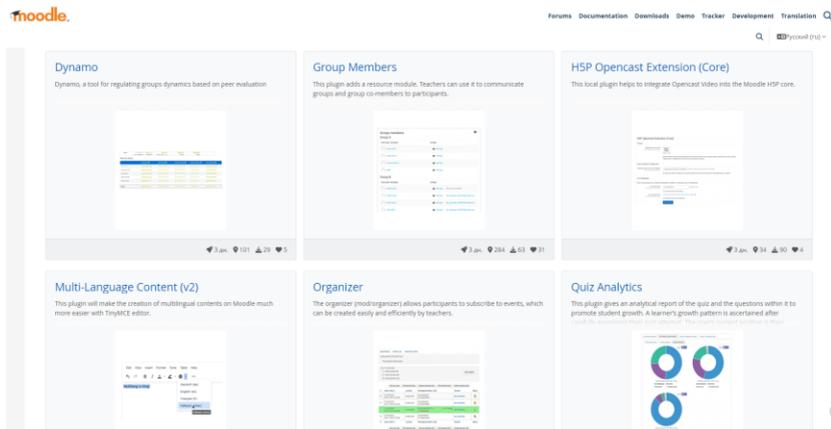

Рис. 3. Фрагмент доступных для установки плагинов на официальном сайте Moodle

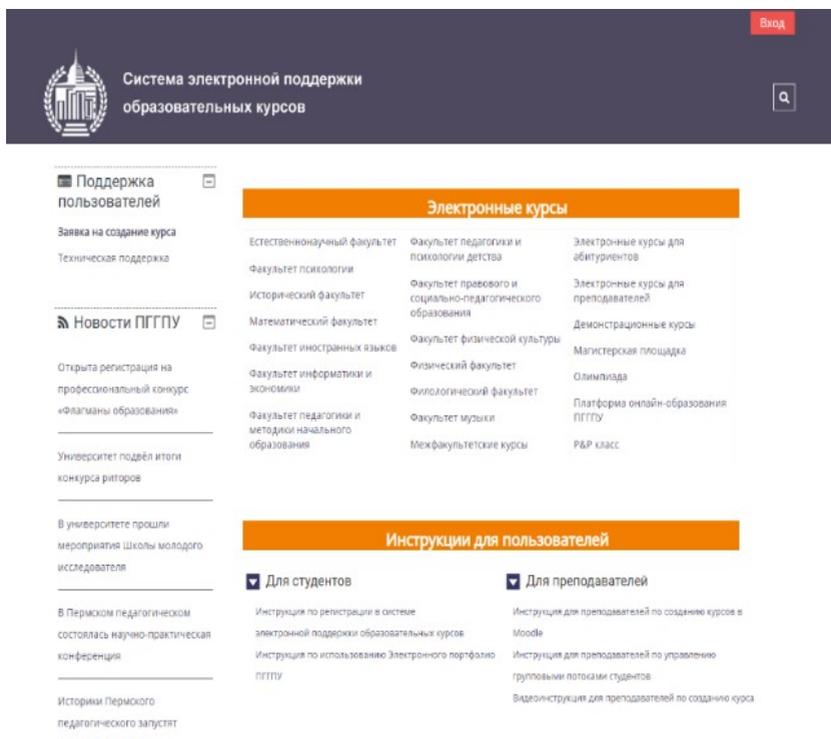

Рис. 4. Пример использования платформы Moodle Пермским государственным гуманитарно-педагогическим университетом

Moodle позволяет создавать аккаунты для преподавателей и обучающихся, создавать информационные курсы или модули, необходимые для организации образовательного процесса. С помощью доступа разного уровня у преподавателей есть возможность непосредственно создавать курс, менять его в зависимости от необходимых потребностей, а также открывать или закрывать доступ для конкретных групп обучающихся.

Система электронной поддержки образовательных курсов

Главная Личный кабинет Мои курсы

Курсы > Электронные курсы для студентов > Факультет иностранных языков

Настройки

Категории: Факультет иностранных языков

Фреймворки компетенций

Категория курсов: Электронные курсы для студентов / Факультет иностранных языков

Поиск курса

1 2 3 >

- ЛИНГВОСТРАНЕВЕДЕНИЕ (английский язык - заочное отд)
- Технология критериального оценивания учебных достижений учащихся
- ФОРМИРУЮЩЕЕ ОЦЕНИВАНИЕ
- Экономика
- Технология критериального оценивания учебных достижений учащихся
- Практика устной и письменной речи - 5 курс
- Теория и практика читательской деятельности
- Педагогика (МОНШ)
- Лингводидактика (Кандр А.Г.)
- Русский язык (группа 717)
- Практика устной и письменной речи - 4 курс

Рис. 5. Фрагмент курсов, доступных студентам с разрешенным доступом, созданных на платформе Moodle преподавателями факультета иностранных языков ПГГПУ

Данная программа направлена на создание комфортных условий для асинхронного обучения: обучающиеся в своем темпе могут осваивать необходимый материал, переходя по заранее созданным ссылкам на страницу курса или модуля, к которому был получен доступ от преподавателя.

Система электронной поддержки образовательных курсов

Деловой иностранный ...

Главная Личный кабинет Мои курсы Этот курс

Курсы > Электронные курсы для студентов > Факультет иностранных языков > Деловой иностранный язык (методический аспект)* >

Записаться на курс > Настройка зачисления на курс

Настройки

- Управление курсом
- Записаться на курс

Настройка зачисления на курс

Деловой иностранный язык (методический аспект)

Преподаватель: Светлана Николаевна Новоселова

Дистанционный курс "Деловой иностранный язык (методический аспект)" предназначен для магистров направления 44.04.01 - Педагогическое образование (различных программ), изучающие английский язык. Дисциплина относится к базовой части ОП, шифр Б1.Б.5.

Самостоятельная запись

Кодовое слово не требуется.

Записаться на курс

Рис. 6. Фрагмент, демонстрирующий возможность самостоятельной записи на курс студентами

Использование Moodle в дистанционном образовательном процессе значительно упрощает тестирование и проведение других видов итоговых работ с целью проверки знаний или получения среза по пройденному материалу за конкретный период времени.

У преподавателей есть возможность заранее добавить тестовые материалы, автоматизировать их проверку, то есть добавить правильные варианты ответов, которые будут автоматически подсчитаны по завершению тестирования, и обучающимся будет представлен результат в виде оценки или процентного содержания правильных ответов, а также преподаватели могут установить временное ограничение на прохождение данного вида работы, что исключит возможность несвоевременного прохождения.

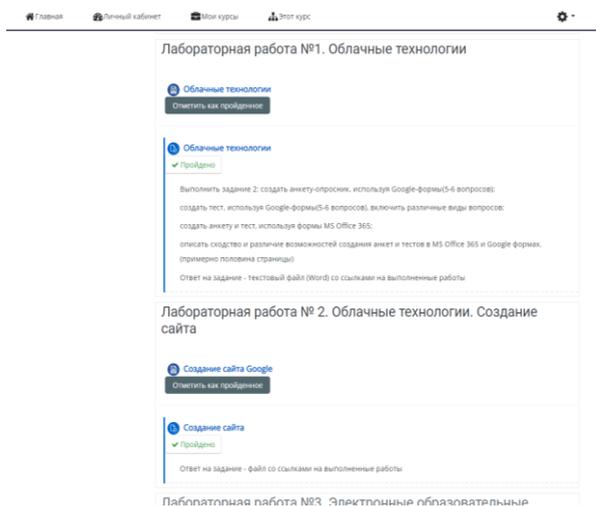

Рис. 7. Фрагмент, демонстрирующий сдачу лабораторной работы на платформе Moodle

Также важно отметить, что данная программа обладает рядом преимуществ и непосредственно для обучающихся. Многие обучающиеся испытывают коммуникативный стресс и внутреннюю зажатость, при необходимости построения диалогов в группах, где остальные обучающиеся будут их слушать. Частыми причинами развития стресса могут выступать языковой барьер, завышенные ожидания, критика [Игнатьев эл. ресурс: 441].

В дистанционном же формате такие работы могут выполняться самостоятельно без необходимости вербально взаимодействовать с другими участниками курса. Без излишнего внимания со стороны обучающиеся будут менее подвержены стрессу от боязни совершить какую-либо ошибку или неправильно понять задание, а обратная связь от преподавателя в форме комментария или ответа в любой другой форме (в том числе не предусмотренной платформой Moodle) поможет им разобраться, тем самым обеспечив эффективное формирование коммуникативной компетенции при изучении иностранного языка и снижение факторов стресса.

Тем не менее данная мультимедийная программа обладает рядом недостатков, которые значительно снижают продуктивность образовательного процесса при изучении иностранного языка.

Moodle не предусматривает непосредственную возможность связи обучающегося и преподавателя в режиме реального времени и больше подходит для асинхронного обучения.

В данной программе отсутствует функция проведения онлайн конференций или связи с преподавателем в реальном времени; несмотря на то, что обучающиеся могут написать комментарий или запрос, получение ответа будет зависеть от ряда факторов, и не будет обеспечено так же быстро, как это могло бы происходить на занятии, проводимом очно.

Возможность внедрения плагинов для установки онлайн связи находится на этапе создания независимыми разработчиками, но на сегодняшний день в свободном доступе весьма сложно найти данное расширение для внедрения в собственный измененный код, и может быть технически затруднительно ввести его в работу.

Такой подход значительно замедляет процесс изучения иностранного языка, так как обучающийся не получает в достаточной форме обратную связь. По большей части данная программа направлена на освоение теоретических знаний, а не на практическое их применение в условиях реальной жизни.

Использование исключительно такого формата при обучении иностранному языку также не может в полной мере обеспечить прохождение конкретного курса полноценно, так как в случае с курсами, не подразумевающими участия преподавателя в них и постоянной поддержки во время обучения, мотивация обучающихся может быть снижена, задания могут не выполняться в необходимый срок, обучение может оказаться бессмысленным и неэффективным без достаточной вовлеченности, заинтересованности и дисциплины обучающегося.

Заключение

Несмотря на большую потребность и спрос на дистанционное образование в области иностранных языков, необходимо и дальше развивать сферу мультимедийных технологий, которые будут оказывать техническую, материальную и коммуникационную поддержку преподавателей и обучающихся во время образовательного процесса.

На сегодняшний день мультимедийные технологии, такие как Moodle, несомненно, важнейший инструмент, помогающий создавать и проводить занятия, упрощающий определенные необходимые образовательные процессы и позволяющий хранить большой объем информации в одном месте. Их использование во многом помогает удержать интерес обучающихся, развить их мышление и креативность,

способствует повышению уровня мотивации и вовлеченности в процесс, создает комфортные условия для обучения иностранному языку для преподавателей, а также для самих обучающихся.

Список литературы

Захарьева Л. Коммуникативный стресс в многосторонней коммуникации студентов при изучении иностранного языка. 2019. С. 439–443. URL: <https://rep.bsatu.by/bitstream/doc/8381/1/zahareva-l-v-kommunikativnyj-stress-v-mnogostoronnej-kommunikacii-studentov-pri-izuchenii-inostrannogo-yazyka.pdf> (дата обращения: 06.03.2023).

Игнатъев Д. Россияне впервые потратили на онлайн-образование больше, чем на офлайн. URL: <https://www.vedomosti.ru/media/articles/2022/06/01/924747-rossiyane-onlain-obrazovanie> (дата обращения: 01.03.2023).

Исследование рынка онлайн-образования 2022. URL: https://netology.ru/edtech_research_2022 (дата обращения: 07.03.2023).

Муллинова О., Муллинова Т. Использование мультимедийных презентаций на занятиях по русскому языку как иностранному // Современная парадигма преподавания и изучения русского языка как иностранного: материалы международной научно-практической конференции. 2019. С. 307–311. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37639273> (дата обращения: 07.03.2023).

Обзор 9 платформ и сервисов для онлайн-обучения: возможности и решаемые бизнес-задачи. URL: <https://www.ispring.ru/elearning-insights/platforma-onlain-obucheniya/amp> (дата обращения: 03.03.2023).

Хакимова Л., Лапасова Ф. Роль дистанционного обучения в системе высшего образования в период карантинных мероприятий в связи с пандемией Covid-19. 2020. С. 193–195. URL: <https://ojs.ukrlogos.in.ua/index.php/interconf/issue/view/6-8.05.2020/297> (дата обращения: 01.03.2023).

Carey K. Everybody Ready for the Big Migration to Online College? URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/13/upshot/coronavirus-online-college-classes-unprepared.html> (дата обращения: 03.03.2023).

УДК 378

Анна Михайловна Большакова

Институт языка и литературы,
Удмуртский государственный университет.
г. Ижевск, Удмуртская республика

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РАБОТЫ
С АНГЛОЯЗЫЧНЫМ АУДИТИВНЫМ МАТЕРИАЛОМ
(НА ПРИМЕРЕ ПОДКАСТА «ИЗУЧАЕМ ЯЗЫК ПО ПЕСНЯМ»)**

В статье изложены результаты разработки серии аудитивных тематических материалов, посвященных языковому анализу песен на английском языке. Практическое использование песен во время обучения иностранным языкам может стать хорошим помощником для педагогов и обучающихся, снизить степень их эмоционального напряжения, повысить мотивацию к изучению языков и улучшить степень их усвоения. Целью исследования является создание подкаста «Изучаем язык по песням» для оптимизации процессов формирования аудитивной компетенции обучающихся. Разработка алгоритма и технологии работы с подкастом стали задачами проекта.

Ключевые слова: подкаст, аудитивный материал, аутентичные песни.

Введение

Сегодня новые информационные технологии при обучении различным дисциплинам применяются все чаще, происходит внедрение новых форм и методов преподавания, подходов к процессу обучения. Для методики преподавания иностранного языка характерен процесс использования в обучении разнообразных технических средств всемирной сети Интернет и ее богатых ресурсов. К ним относятся электронная почта и электронные энциклопедии, веб-сайты, блоги, телекоммуникационные проекты, подкасты, видеоконференции, форумы, чат-сессии и многое другое.

Основная часть

Подкаст – это социальный сервис нового поколения, который обеспечивает пользователей возможностями просмотра, создания и последующего распространения видео- и аудиоконтента. По форме подка-

сты похожи на радио или телепередачи, но представляют собой звуковой или видеофайл, распространяемый бесплатно через Интернет и предназначенный для массового просмотра или прослушивания. Подкаст позволяет выбрать жанр и тему и слушать в любое удобное время. Как правило, подкасты записываются на определенную тематику, имеют периодичность издания.

В образовании технология подкастинга стала применяться относительно недавно, однако она уже показала свой высокий образовательно-воспитательный потенциал. Среди педагогических возможностей подкаста исследователи выделяют: 1) актуализацию слуховых и зрительных анализаторов, которая обеспечивает целостное педагогическое воздействие на личность обучающегося; 2) сочетание различных семиотических систем: звучащий текст может дополняться видео, изображениями, текстом, что позволяет избежать рассеивания внимания, поддерживать интерес обучающихся к содержанию образования; 3) высокое жанровое разнообразие.

При работе с подкастами должны использоваться материалы, с которыми обучающиеся могут встретиться в реальности при посещении страны изучаемого языка:

- 1) новости, прогноз погоды, спортивные репортажи;
- 2) лекции по школьным, вузовским предметам;
- 3) культуроведческая информация, представленная во время проведения экскурсий;
- 4) объявления самого различного характера;
- 5) фильмы, песни, телевизионные программы, театральные постановки;
- 6) интервью, собеседования и т.д. [Сысоев 2014].

Из перечисленных материалов в качестве подкаста для нас особый интерес представляют песни [Murphy 1995; Kramer 2001]. В ходе изучения психолого-педагогических и методических работ появилась идея создания подкаста «Изучаем язык по песням». Целью исследования стало создание подкаста «Изучаем язык по песням» для оптимизации процессов формирования аудитивной компетенции обучающихся. Разработка алгоритма и технологии работы с подкастом явились задачами проекта.

Аутентичные песни помогают:

– *повысить мотивацию*. Использование песен очень мотивирует к изучению иностранных языков, причем людей разных возрастных групп. Народные песни, опера, детские песни, современная популярная музыка – у каждой найдутся свои поклонники, и через симпатию к музыке можно найти интерес к иностранному языку.

– *обогащать лексику*. Музыка запоминается через ее ритм, который можно почувствовать телом, через воздействие на эмоциональные и эстетические чувства человека, через повторения. Все это способствует тому, что песня и музыка «застревают» в голове, и таким образом информация через песни быстро запоминается. Благодаря песням происходит основательное усвоение и расширение лексического запаса, так как подключаются новые лексические единицы и выражения, сложенные в определенной рифме. В текстах песен уже знакомая лексика встречается в новом контексте. Это помогает активизировать ее в похожих речевых ситуациях.

– *развить фонематический слух*. Песни могут помочь улучшить навыки иноязычного произношения, развить музыкальный слух. Развитый музыкальный слух помогает улавливать тончайшие различия в произнесении иностранных звуков.

– *обеспечить культурное развитие*. Учебные тексты страноведческого содержания информируют студента, песни, включающие лингвострановедческий материал, влияют на эмоции человека, на его образно-художественную память. Песня как носитель культурологической информации формирует и духовную культуру обучающихся.

– *обеспечить эстетическое развитие*. Песни содействуют приобретению некоторого уровня знаний в музыкальном искусстве, формированию художественного вкуса.

Однако не каждая песня может способствовать изучению языка. Слишком легкая лексика, отсутствие какого-либо смысла в тексте или простое прослушивание песен не поможет обучающемуся начать общение на иностранном языке. Другими словами, в случае использования песен для обучения иностранным языкам, мы должны проводить среди них строгий отбор для того, чтобы помочь ученику преодолеть разрыв между простым прослушиванием, пением песни и умением работать с лексикой, грамматикой этой песни, использовать ее для дальнейшей коммуникации.

Песня в учебном процессе должна иметь прежде всего образовательную ценность, а не развлекательную. Выделим три основных шага для интегрирования песен в обучении иностранным языкам.

Шаг 1 – утверждение критериев для отбора песен

Строгих правил при выборе песни для занятий не существует. Однако имеется ряд факторов, которые следует учитывать. Преподавателю необходимо принимать во внимание возраст обучающихся. Напри-

мер, группе дошкольников не будут интересны песни, посвященные высоким идеям, таким как любовь, ненависть, страдание и т.д.

Кроме того, в каждой возрастной группе есть свои музыкальные кумиры, на что тоже следует обратить внимание. Не стоит использовать музыку, которая не нравится учителю и ученикам. Выбору песен для обучения может способствовать опрос учеников о том, какие песни на иностранном языке им интересны в качестве обучения иностранному языку. Этот опрос имеет ряд плюсов, а именно: вовлечение обучающихся в процесс изучения языков; актуальность выбранного материала для конкретной группы обучающихся; сокращение времени на поиск подходящего материала.

Таким образом, в выборе песен важно учитывать предпочтения обучающихся и, вместе с тем, расширять их кругозор, воспитывать хороший музыкальный вкус. Определим некоторые критерии выбора песен для студентов: текст песни должен соответствовать уровню студентов (не должен быть слишком трудным или простым); текст должен подчеркивать определенный вопрос или тему грамматики; дикция исполнителя должна быть четкой, чтобы студенты могли легко понять слова; песня должна быть приятной, ритмичной, не слишком длинной, желательно иметь припев.

В качестве примера обратимся к нашему первому выпуску подкаста «Изучаем язык по песням». В нем дается анализ песни «Stressed out» группы «Twenty One Pilots»: главная тема – взросление, тоска по детству. Тема актуальна и интересна для разных возрастов; грамматика в песне представлена конструкцией «I wish», лексика – фразовыми глаголами, устойчивыми выражениями; дикция исполнителя четкая, слова понятны при прослушивании; песня популярная, ритмичная, не слишком длинная, имеет повторы.

Шаг 2 – аннотирование текстов песен

После выбора песни переходим к этапу аннотирования текста. На данном этапе можно добавить информацию о биографии автора или исполнителя песни, событиях в их жизни, которые послужили причиной создания этой песни. Также можно выбрать несколько песен для определенной темы. Например, для темы «Приветствие» мы выберем отрывки из нескольких песен для того, чтобы продемонстрировать разные формы приветствия.

Шаг 3 – работа с текстом

После отбора песни и подготовки аудитории к ее восприятию наступает этап практической работы. Необходимо придать занятиям выраженную коммуникативную направленность, выбрать в тексте возможные лексические и грамматические трудности, которые мешают восприятию и пониманию и, конечно, разработать систему упражнений до и после текста, вопросы и ситуации по содержанию песни. Итак, при работе с текстом песен для подкаста нами был разработан комплекс упражнений. Цель комплекса упражнений к подкасту – формирование лексических, грамматических, синтаксических навыков на основе аутентичного песенного материала.

Комплекс представляет собой разные виды упражнений:

1) *языковые упражнения*, тренировочные, направленные на закрепление у обучающихся знаний о значении отдельных лексических и грамматических единиц, представленных в тексте;

2) *условно-речевые упражнения*, способствующие автоматизации навыков использования отдельных лексем, синтаксических конструкций текста в условной коммуникации, имитирующей естественную;

3) *речевые упражнения*, развивающие умение осознанно использовать речевые средства в соответствии с задачей коммуникации для выражения своих мыслей, чувств и потребностей.

Рассмотрим данные виды упражнений в нашем подкасте.

Языковые упражнения в комплексе предъявляются в целях осмысления и сознательного усвоения языкового материала. Эффективными упражнениями данного этапа могут стать упражнения на реализацию группировки лексем или синтаксических конструкций, определение лишнего и пр. В качестве примеров заданий при работе с песенным материалом можно привести следующие:

1. Грамматические. Пример: Заполните пропуски в строчках из песни.

I wish I _____ (find) some better sounds

No one's ever heard,

I wish I _____ (have) a better voice

That sang some better words,

I wish I _____ (find) some chords

In an order that is new,

I wish I _____ (not have) to rhyme

Every time I sang.

2. Лексические. Пример: Соотнесите выражения.

To take back	Быть на нервах
To play pretend	В двух шагах, рукой подать
To turn back time	Вернуть
To make money	Зарабатывать, делать деньги
Stone's throw	Повернуть время вспять
Stressed Out	Притворяться, играть, представляя себя кем-то
To sing to sleep	Распродать
To sell out	Убаюкивать, петь колыбельную

Условно-речевые упражнения представлены собственными предложениями с изучаемыми лексическими единицами и синтаксическими конструкциями, эквивалентными заменами, составленными комментариями по образцу, что особенно актуально при работе с лексическими единицами. Пример: Заполните пропуски.

1. My father is always angry.	I wish _____ angry.
2. I'm fat.	I wish _____ fat.
3. I am very busy at the moment.	I wish _____ busy at the moment.
4. You never listen to me.	I wish _____ to me.
5. He is usually rude to his brother.	I wish _____ to his brother.
6. I don't speak French.	I wish _____ French.
7. He doesn't love me.	I wish _____ me.
8. You are not here.	I wish _____ here.
9. I can't drive a car.	I wish _____ a car.
10. I am very lazy.	I wish _____ lazy.

Речевые упражнения предназначены для осуществления коммуникативной функции иностранного языка и обучение коммуникативным умениям. Они являются, как правило, творческими и ситуативными. Пример: Составьте рассказ о том, что бы вы хотели изменить сейчас, используя конструкцию *I wish* из раздела Grammar.

Рис. Алгоритм работы с подкастом «Изучаем язык по песням»

На последнем этапе предлагается сам текст песни. С его помощью следует поработать над фонетической стороной прослушанной песни: отработать чтение текста, выписать сложные с точки зрения произношения слова, записать их транскрипцию, а затем спеть.

В целом алгоритм работы с подкастом «Изучаем язык по песням» можно представить схематично следующим образом (см. рис.).

Заключение

Учебный подкаст, посвященный работе с аутентичными песнями, представляет собой уникальное инновационное средство обучения, отвечающее сущности компетентного подхода, обеспечивающее возможности формирования ключевых социальных, академических, профессиональных компетенций, развитие системы представлений о стране изучаемого языка, обеспечивающее общее личностное развитие обучающихся.

Список литературы

Сысоев П.В. Подкасты в обучении иностранному языку // Язык и культура. 2014. № 2. С. 189–201.

Murphey T. Music & song. Oxford: Oxford University Press, 1995. 151 p.

Kramer D. A Blueprint for Teaching Foreign Languages and Cultures through Music in the Classroom and on the Web // ADFL Bulletin. Vol. 33. 2001. P. 29–35.

УДК 81'42

Диана Адельбековна Тулеуова

факультет иностранных языков,

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,

г. Пермь, Россия, г. Астана, Республика Казахстан

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

*В настоящей статье рассматриваются вопросы касающиеся, формировании прагмалингвистической компетенции на материале дискурсивных маркеров. Предлагаемая тема является актуальной не только в кругу вопросов языкознания, но и лингвистической прагматики и прагмалингводидактики. В статье рассматриваются понятия «дискурсивный маркер», «прагмалингвистическая компетенция». Понятие дискурса оказывается весьма продуктивным для решения задач лингводидактики и, в частности, профессиональной лингводидактики, в предмет которой входят все подсистемы, участвующие в организации процесса обучения иностранному языку специалистов. Объектом исследования являются механизмы формирования прагмалингвистической компетенции на материале дискурсивных маркеров. Предметом анализа является роль дискурсивных маркеров в формировании прагмалингвистической компетенции. Дискурсивные маркеры обладают большим функциональным потенциалом. В статье рассмотрен прагматический потенциал грамматических дискурсивных маркеров *well* и *you know*. Материалом исследования послужили корпуса и словари. Согласно результатам анализа данных корпусов и словарей (BNC, COCAE, COID, MD, RC, OLD) определены функции указанных дискурсивных маркеров (сомнение и недоверие, ирония, акцентирования, объяснения и описания, удивление, возражение). Это свидетельствует о том, что дискурсивные маркеры выполняют как основную, так и вспомогательную прагматические функции, включаясь в систему многоступенчатого прагматического варьирования.*

Ключевые слова: дискурсивные маркеры, дискурс, английский язык, прагмалингвистическая компетенция, коммуникативная компетенция, прагмалингводидактика, прагмалингводидактический потенциал, прагмалингвистическая компетентность.

Введение

В настоящей статье дается точное определение понятию дискурс. Термин «дискурс» (англ. Discourse) начал широко использоваться в теории преподавания иностранных языков в 70е годы XX века. Представляет собой достаточно широкое понятие, дискурс определяется различными исследователями по-разному, в настоящее время существует множество его дефиниций [Арутюнова 1990: 136-137]. По мнению Т.А. ван Дейк понятие «дискурс это коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространством и прочем контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие. Это сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации, так и о процессе производства и восприятия сообщения» [Дейк 1988: 113].

Под дискурсивным маркером понимается контекстуально обусловленные, синтаксически независимые единицы речи (коннективы), которые выполняют связующую функцию между частями дискурса. При помощи дискурсивных маркеров говорящий выражает свое отношение к положению дел или к высказыванию собеседника [Арутюнова 1990: 39. Следует отметить мнение А.Вежбицкой которая выделяет, что «дискурсивные слова могут выражать отношение говорящему к слушающему, его установки, отношение к обсуждаемой ситуации, его внутренние предпосылки, его намерения, его эмоции» [Wierzbicka 1986; 519].

Основная часть

Дискурсивные маркеры *well* и *you know*

Для определения прагматических функций грамматических маркеров были использованы корпуса английского языка. В исследовании были использованы данные следующих корпусов и словарей: British National Corpus – Британский национальный корпус; Corpus of Contemporary American English – Корпус современного американского английского, Reverso Dictionary (RD), Collins Online Dictionary (CD), Cambridge Dictionary (CamD), Longman Contemporary Dictionary (LOD), Macmillan Dictionary (MD), Merriam-Webster Dictionary (MWD), Oxford Learner's Dictionaries (OLD). Согласно результатам анализа вышеуказанных корпусов и словарей определены функции указанных дискурсивных маркеров (сомнение и недоверие, ирония, акцентирование,

объяснения и поощрения, удивление, возражение, согласие, аргументация предположение, предложение и приглашение, отрицание и отказ, возражение уточнение и детализация, причина).

Дискурсивный маркер *well* применяется чаще всего для вступления в диалог или связывания частей дискурса, то есть выполняет структурирующую функцию [Кабахидзе 2021: 43-53]. Согласно анализам лексикографических и иных лингвистических источников позволяет причислить *well* к следующим разрядам: наречию, прилагательному, существительному, глаголу, восклицанию, коннектору, междометию, соединителю предложения. Прагматические функции дискурсивного маркера *well* были выделены на основании анализа корпусов и словарей английского языка и было установлено, что дискурсивный маркер *well* актуализирует следующие прагматические функции:

1. Сомнение, недоверие. Адресант демонстрирует воздержание от окончательного определенного суждения в связи с невозможностью сделать однозначный вывод:

– *'But finance is far more serious.'* **Well**, *I don't know really* [CoLD].

– *'Don't laugh moosh!'* *But if I didn't say it, well... I mean... I wasn't doing my act.'* *I was very* [BNC].

2. Ирония. Адресант использует прием «ирония» с целью импликации противоречий, не относящихся к явному смыслу:

Nellie. *'Nobody said anything after that for quite a long time.'* **Well,** *'said Denis at last, 'we're not the children we were* [BNC].

3. Дополнение, добавление информации. Адресант реализует функцию дополнения с целью увеличения объема получаемой информации:

She watched Flora with exasperation and pity. Charlotte and Luke had managed school perfectly well, had made friends, had slipped effortlessly in and out of all the required [BNC].

– *4–6 and studios for 2 or 3 people. All the apartments and studios are well equipped with modern furniture, private bathrooms, kitchen facilities and fridges* [BNC].

4. Акцентирование. Адресант реализует функцию выделения с целью акцентирования внимания адресата на тех или иных свойствах объекта. Адресант создает некий образ, выделяет некую деталь или часть целого и актуализирует доминирующую нагрузку:

– *There are times this season when we have been under pressure and coped well,' he said.* *'We know Boro will come at us, but that won't bother me* [BNC].

– *He stands well over six feet tall* [CoLD].

– *Rostov was well aware of the scandal he was creating* [MD].

5. Согласие, подтверждение. Адресат демонстрирует общность точек зрения, взаимную договоренность

– *Now the Queen Mum, who said how thrilled she was to speak to Francis.*

'Well, really, ' he remembered, ' my flabber was never so ghasted' [BNC].

6. Объяснение, пояснение. Адресант актуализирует акт рассуждения, содержащий информацию, достаточную для выведения из нее необходимой смысловой составляющей: объясняемое подводится под известное общее положение или опирается на утверждение о каузальной связи:

– *On about his daughter, you know. He had a mania for her. Well, he's lost her, but he's got two more now' [BNC].*

7. Стимуляция, поощрения. Адресант осуществляет поощрение, содействуя появлению, проявлению реакции адресата:

– *But it is a task with which John seems to be coping remarkably well. The latest pictures, taken at the pair's Home Counties hideaway, show the former Beirut captive as never seen before [BNC].*

– *I'll be well when I feel well [RC].*

8. Аргументация. Адресант приводит доводы с намерением модификации информационной системы адресата в аспекте изменения убеждения другой стороны:

– *The 56-year-old king's personal doctor also announced that Hussein is' recovering very well.' He is expected to leave hospital to return to Jordan in a few [BNC].*

9. Удивление. Адресант выражает когнитивную эмоцию, возникающую при неожиданной ситуации; при этом актуализируется психическая каузация на эмоциональное состояние адресата с целью его модификации в положительное или отрицательное:

– *' I'm on top of the world. I never expected to do so well, and still can't believe it.' Jobless South Londoner Ray fought huge [BNC].*

– *Well, honestly! They're like an old married couple at times [CoLD].*

10. Обращение. Адресант призывает к общению, реализуя тем самым апеллятивную функцию:

– *The mouth should be an Olympic sport.: – You've got that one well wrong, pal. The Olympic cynics are those who provide the gift horses [BNC].*

11. Предположение. Адресант выражает предварительное суждение, предварительное намерение:

– *Peacock hopes to beat his 22-goal haul last season.' That's my target,' he said.' But, if the team are doing well, I don't mind if the goals are spread around [BNC].*

12. Предложение, приглашение. Адресант реализует речевой акт гортатив, призывая адресата к выполнению действий:

– *The table on page 10 can help you find a club that's just right for you. # And for the Children # Our younger guests are well looked after too* [BNC].

13. Ответ на запрос, зов или обращение, отклик. Адресант демонстрирует ответную реакцию на вопрос, обращение, зов и т. д.

– *And what nicer way to round off the evening than to have a quiet nightcap on the terrace with new-found friends, or take a gentle moonlit stroll along the beach. Tomorrow? Well we've always wanted to have a go at windsurfing; visit Ibiza Town... or perhaps just climb back onto that sunbed!* [BNC]

14. Отрицание, отказ, несогласие. Адресант демонстрирует функционирование механизма психологической защиты, отказываясь признавать существование нежелательного факта или отрицая существование такого факта. Адресант выражает несогласие относительно событий и информации, которые не может или не готов принять.

Juliet can't work, and well – well, money's tight [RC].

15. Удивление.

'Imelda,' said Mrs Kennerly. 'That's my name, Tom. – 'Well,' said Tom. 'Imelda. I never knew' [ColD].

16. Возражение, обсуждение. Адресант актуализирует обоснованные отрицание или отклонение какой-либо мысли, положения дел, утверждения:

You know as well as I do that you're being unreasonable [OLD].

Дискурсивный маркер *you know*

Грамматический дискурсивный маркер *you know* помимо прагматических функций могут выполнять определенную роль в предложениях. Согласно анализам словарей дискурсивный маркер относится к следующим разрядам: наречию, глаголу, идиоме и существительному. Результаты анализа данных корпусов и словарей английского языка показывают, что употребление дискурсивного маркера *you know* предполагает выполнение восьми функций:

1. Уточнение, детализация, конкретизация. Адресант фиксирует некоторое положение дел, обстоятельства, обладающие спецификой, в более детализированной, подробной форме:

GUIL: Do you think so?

ROS: I was just making conversation. (Pause.) We're his friends.

GUIL: How do you know?

ROS: From our young days brought up with him.

GUIL: You've only got their word for it [BNC].

*The conditions in there are awful, **you know** [CoLD].*

2. Объяснение, пояснение. Адресант актуализирует акт рассуждения, содержащий информацию, достаточную для вывода из нее необходимой смысловой составляющей: объясняемое подводится под известное общее положение или опирается на утверждение о каузальной связи.

*Mike said: 'I wasn't told in the nicest of manners. I went into work and was told to see the manager.' He just said 'I guess **you know** what this is about.' He just told me 'You haven't got a job and that's it' [BNC].*

*Wear the white dress, **you know**, the one with all the black embroidery [RC].*

*That flower in the garden – **you know**, the purple one – what is it? [LCD]*

*Several good references are listed in the further reading, but you need not worry about them now. You will find this material easier to read if **you know** the names of some letters of the Greek alphabet [BNC].*

3. Причина. Адресант актуализирует усиление каузальной связи, указывая адресату на явление, обстоятельства, обуславливающие возникновение других явлений или обстоятельств:

*Nearly 1,000 children die each year from accidents in the home which are avoidable and every single child will encounter some kind of accident before the age of fifteen. Would **you know** what to do? If, for example, a child suffered a severe burn, what, if anything, would you put on it? Water? Milk? Butter? A compress? A bag of frozen peas? Or nothing at all? [BNC]*

4. Акцентирование. Адресант реализует функцию выделения с целью акцентирования внимания адресата на тех или иных свойствах объекта. Адресант создает некий образ, выделяет некую деталь или часть целого и актуализирует доминирующую нагрузку:

*I mean you have to be quite sensitive when you do something like that, you know especially if, you know, with the age group, erm, but erm, **you know** you get younger people coming on, twelve year olds to thirteen year old and what not. But I mean they are there to provide advice and we do get an awful lot of case work [BNC].*

***You know**, you really should write a novel [MWD].*

*Things are different now, **you know** [MD].*

*There's no excuse, **you know** [LCD].*

5. Дополнение, добавление информации. Адресант реализует функцию дополнения с целью увеличения объема получаемой информации:

*And we should look also I think perhaps at some quality factors er which might be written into the lease since there are some (pause) some things which I think we're all less than satisfied with er (pause) **you know** customer complaints and the way they're dealt with. The time it takes to be served and a number of things [BNC].*

Have you seen that bowl, you know, the blue one? [MD]

6. Предположение. Адресант выражает предварительное суждение, предварительное намерение:

But maybe you know who did. [RC]

7. Аргументация. Адресант приводит доводы с намерением модификации информационной системы адресата в аспекте изменения убеждения другой стороны.

Look, you know your client did it [RC].

8. Заключение, завершение, вывод, итог. Адресант реализует значение утверждения, сделанного на основе вывода. В процессе мыслительной деятельности выводится новое суждение относительно положения дел, обстоятельств ситуации.

You know the woman next door? Well, she's expecting a baby [MD].

Функции прагматических дискурсивных маркеров

Функции	Дискурсивные маркеры	
	Well	You know
1. Сомнение, недоверие	+	-
2. Ирония	+	-
3. Дополнение, добавление информации	+	+
4. Акцентирование	+	+
5. Согласие, подтверждение	+	-
6. Объяснение, пояснение	+	-
7. Стимуляция, поощрение	+	-
8. Аргументация	+	+
9. Удивление	+	-
10. Обращение	+	-
11. Предположение	+	+
12. Предложение, приглашение	+	-
13. Отрицание, отказ, несогласие	+	-
14. Возражение, обсуждение	+	-
15. Ответ на запрос, зов или обращение, отклик	+	-
16. Заключение, завершение, вывод, итог	-	+
17. Уточнение, детализация, конкретизация	-	+
18. Причина	-	+

Заключение

Изучение различных аспектов диалогического дискурса повседневности является важной, но нелегкой задачей, так как универсальной теории дискурса на сегодняшний день не существует, и дискурсивный анализ является крайне сложной, мозаичной дисциплиной [Кибрик

2009: 18]. Двум дискурсивным маркерам *well* и *you know* в английском языке характерны 30 прагматических функций, а именно: аргументация, акцентирование, возражение, завершение, заключение, запрет, детализация, дополнение, ирония, конкретизация, недоверие, несогласие, обращение, обсуждение объяснение, отказ, отклик, отрицание, подтверждение, поощрения, пояснение, предложение, предположение, приглашение, причина, согласие, сомнение, стимуляция, удивление, уточнение. Это свидетельствует о том, что дискурсивные маркеры выполняют как основную, так и вспомогательную прагматические функции, включаясь в систему многоступенчатого прагматического варьирования. Прагматические дискурсивные маркеры *well* и *you know* обладают высоким коммуникативным и прагматическим потенциалом.

Список литературы

Айзатуллин Р.Т. Дискурсивные слова как средство реализации интенции согласия // *Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. Ч.Б. Далецкого [и др.]. М., 2019. С. 38–42.*

Арутюнова Н.Д. *Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.*

Дейк Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // *Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка: сб. ст. / [сост., ред. и вступ. ст. В.В. Петрова и В.И. Герасимова]. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23. С. 153–211.*

Кабахидзе Е.Л. Дискурсивный маркер *well* в обыденном и политическом дискурсах амбивалентность и бифункциональность // *Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 3 (58). С. 43–53.*

Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // *Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.*

Крупченко А.К., Кузнецов А.Н. *Основы профессиональной лингводидактики. М.: АПКИППРО, 2015. 232 с.*

Wierzbicka A. Particles and linguistic relativity. *Journal of Pragmatics. 1986, No. 10. P. 519–534.*

Корпусы и словари

BNC – Британский Национальный Корпус. URL:
<https://www.englishcorpora.org/bnc/>

COCA – Корпус современного американского английского URL:
<https://www.english-corpora.org/coca/>.

Cambridge Dictionary (CamD).

Macmillan Dictionary (MD).

Merriam-Webster Dictionary (MWD).

Oxford Learner's Dictionaries (OLD).

Reverso Dictionary (RD).

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА	3
Ефимовских А.Д. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА В РАССКАЗЕ Х.Э.ПАЧЕКО «LA FIESTA BRAVA».....	3
Каракулова А.Ю. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ИСПАНИИ.....	9
Загрышева А.А. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ДИСКУРСА В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ВИДЕОРОЛИКОВ YOUTUBE-КАНАЛА BBC NEWS MUNDO)	18
Валеева А.Р. АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «EMOSIÓN» НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ В.СИМОН «APRENDER A PRACTICAR MINDFULNESS»	24
Фомичева Я.А. ПОЛИТКОРРЕКТНЫЕ ЭВФЕМИЗМЫ В СЕМАНТИЧЕСКОМ МОДУЛЕ «ПРИЧИНА МИГРАЦИИ» НА МАТЕРИАЛЕ ОТЧЕТА ЗА 2020 Г. МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПО МИГРАЦИИ.....	30
Коперт А.В. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИСКУРСИВНОГО МАРКЕРА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА <i>RIGHT</i> В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ЕДИНСТВЕ	36
Сёмкин Р.Е. КОНЦЕПТЫ МИР И PAIX В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ МЕДИАТЕКСТЕ: ОПЫТ КОРПУСНОГО АНАЛИЗА	42
Фэй Хаоюй НАИВНОЕ ПОНЯТИЕ «УНИВЕРСИТЕТ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ	48
Оглезнева Д.Я. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ» И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	52
Зимоглядова А.А. ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ УСТНЫХ ТЕКСТОВ «О СЕБЕ»	58
Сушметова Е.Е. СТРАТЕГИИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ «ПРОВОКАЦИЯ-ЗАЩИТА» В ХОДЕ ТЕЛЕДЕБАТОВ Э. МАКРОНА И М. ЛЕ ПЕН В 2022 Г.....	62

Делендик Д.А. ВИДЫ ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ АНАЛИТИЧЕСКОМ ОБЗОРЕ ВАЛЮТНЫХ РЫНКОВ.....	70
Минеева С.И. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОЛОГИИ ДЕТСКОЙ МИГРАЦИИ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ.....	76
Третьякова Д.Д. ИНКОРПОРАЦИЯ В СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛА.....	83
Столярова Т.О. ФУНКЦИЯ ФОРМЫ FUTUR В ТЕКСТАХ РАННЕНОВОВЕРХНЕНЕМЕЦКОГО ПЕРИОДА.....	91
Поткин С.В. КОНСТРУКЦИИ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ТАКСИСА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	97
Вахрушева К.О. ЭМОЦИИ <i>РАДОСТЬ</i> / <i>ГРУСТЬ</i> В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКО-УДМУРТСКОГО БИЛИНГВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА).....	103
Гавшина А.Г., Кузнецова П.А. АССОЦИАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ И РОЛЬ ЦВЕТА В ЗНАЧЕНИИ КОНЦЕПТА ИНФОРМАЦИЯ В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ.....	110
Романова А.И. ЛИНГВИЦИЗМЫ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ГЕНОЦИДА.....	120
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ.....	130
Шишмакова Ю.Ю. ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ЛЕКСИКИ ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....	130
Мохова О.Д. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА.....	137
Тайлекбаева А.А. АНГЛИЦИЗМЫ В ХИМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ.....	143
Касьянова М.Л. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗНОСТИ СБОРНИКА Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ» В ПЕРЕВОДАХ Ю.М. КЕЙДЕНА.....	150

Шавшукова Е.К.	
СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА КНИГИ «THE GUINNESS BOOK OF RECORDS 1492. THE WORLD FIVE HUNDRED YEARS AGO»)	157
Югова Е.А.	
АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНО- ДИСКУРСИВНОГО ПОДХОДА: МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА INDIVIDUACIÓN	164
Искендерова Э.Х.	
ПЕРЕДАЧА РЕГИОНАЛИЗМОВ В ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАВЫ 3 РОМАНА М. ПУИГА «PUBIS ANGELICAL») .	171
Чмыхова А.С.	
ТРАНСЛЯЦИЯ ЛИНГВОТОЛЕРАНТНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ Э. МАКРОНА В ЕВРОПЕЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ	177
Зармаева Х.И.	
ПРАГМАСТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВЫСТУПЛЕНИЙ ФРАНЦУЗСКИХ ПОЛИТИКОВ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА	182
Саидзода Джамиля	
СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ТАДЖИКСКИХ ЛАКУН НА РУССКИЙ ЯЗЫК	188
Урокова З.	
ПЕРЕВОД СЛОВ-РЕАЛИЙ С ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	194
Саидзода Махбуба	
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ МОРАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ	199
Тюрина Е.С.	
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ИСПАНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СТАТЬЕ М.Х. АГИЛАР РУИСА “NEOLOGISMOS FRASEOLÓGICOS” COMO PALABRAS DIACRÍTICAS EN LAS LOCUCIONES EN ESPAÑOL”	203
Сомова М.А.	
ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ И АВТОРСКОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО В РОМАНЕ Ф. ГЕРБЕРТА «ДЮНА» И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ	209
Сайтаева К.С.	
ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА НА ПОЛНОТУ ПЕРЕДАЧИ ИДИОСТИЛИЯ АВТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА С. ЧБОСКИ «ВООБРАЖАЕМЫЙ ДРУГ»)	215

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	222
Байкова А.А. ГОТИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ В КЛАССИЧЕСКОЙ И НЕКЛАССИЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ (М.ЗАГОСКИН VS А.САПКОВСКИЙ)	222
Кучина Е.А. ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ЦИКЛЕ ПОВЕСТЕЙ М.Н. ЗАГОСКИНА «ВЕЧЕР НА ХОПРЕ»	228
Пашова А.Р. КОНЦЕПТ «ПРАЗДНИК» В РОМАНЕ Л. БОДОК “PRESAGIO DE CARNAVAL”	233
Кель Е.Д. ОБРАЗ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В РОМАНЕ Д.МИТЧЕЛЛА «BLACK SWAN GREEN»	239
Стихина Ю.М. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗНОСТИ В РАССКАЗЕ Х.МАНТЕЛ «CURVED IS THE LINE OF BEAUTY».....	249
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ.....	261
Корнильева Е.Р. СТРУКТУРНО-КОМПОЗИЦИОННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФИНСКИХ ЗАГАДОК.....	261
Дроздова С.А. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА GEDÄCHTNIS В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	267
Азанова А.С. ДИАЛОГИЗМЫ И ВЕЛЛЕРИЗМЫ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ.....	274
ЛИНГВОДИДАКТИКА	281
Мартынова А.Д. ПРИМЕНЕНИЕ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	281
Большакова А.М. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РАБОТЫ С АНГЛОЯЗЫЧНЫМ АУДИТИВНЫМ МАТЕРИАЛОМ (НА ПРИМЕРЕ ПОДКАСТА «ИЗУЧАЕМ ЯЗЫК ПО ПЕСНЯМ»)	291
Тулеуова Д.А. ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ	298

Научное издание

**Филологическая наука и образование:
тенденции и инновации**

Сборник
конкурсных научно-исследовательских
работ студентов

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка: *Л.Н. Голубцова*

Объем данных 4,48 Мб
Подписано к использованию 25.05.2023

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Управление издательской деятельности
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15